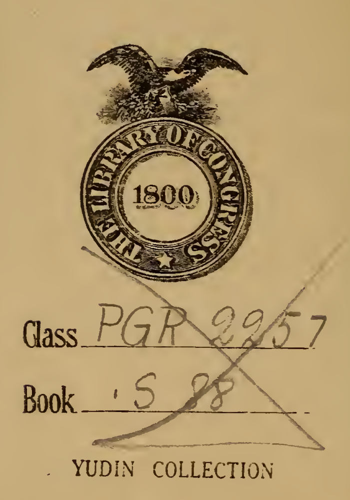

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПОПЕЧИТЕЛЬ

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ПОПЕЧИТЕЛЬ

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С. Смирновой.

Изданіе книгопродавца А. Ѳ. Базунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Островъ, 8 л., № 45.

1874.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ одномъ изъ нашихъ университетскихъ городовъ, разыгралась довольно грустная исторія. Много было въ ней замѣшанныхъ, но всею тяжестью своею она обрушилась на голову двухъ или трехъ лицъ, игравшихъ въ ней видную роль, одни по необходимости, другіе по собственному желанію. Я не намѣренъ разсказывать здѣсь всей этой исторіи, но долженъ буду коснуться нѣсколькихъ сценъ, потому что онѣ тѣсно связаны съ судьбою того человѣка, который вызвалъ меня на мысль написать эти воспоминанія. Ради него пишу я этотъ разсказъ, а не ради этихъ событій, которыя сами по себѣ заслуживаютъ цѣлой отдѣльной поэмы, съ своими героями, съ своими бурями и катастрофами, въ которыхъ было часто больше смѣшнаго, чѣмъ ужаснаго, и больше печальнаго, чѣмъ

смѣшнаго. Среди этого хаоса выдѣляется для меня одна личность! личность, увлеченная противъ воли въ самый омутъ борьбы, попавшая подъ перекрестный огонь разныхъ партій, обвиненная въ жестокости, трусости, въ двоедушіи и нерѣшительности!.. Личность, для меня памятная! Ей-то и посвящаю я свои воспоминанія.»

I.

Однажды я занятъ былъ вычисленіями. Кругомъ все было довольно тихо. Говорю довольно, потому что совершенная, абсолютная тишина — вещь неизвѣстная въ меблированныхъ комнатахъ аптекаря Герца, гдѣ жили мы, холостые профессора N—скаго университета. Признаюсь, что у меня одно время мелькнула даже мысль, живъ ли мой сосѣдъ съ правой стороны, потому что когда онъ былъ живъ, то изъ-за стѣны неслись звуки передвигаемой мебели, кашлянье, сморканье, топанье и, что всего ужаснѣе, звуки скрипки! такой скрипки, какой я ни прежде, ни послѣ не слыхивалъ: тутъ былъ и скрыпъ ножа по стеклу, и шипѣнье шолковой матеріи, которую стали бы рвать по всѣмъ направленіямъ, и свистъ вѣтра въ трубѣ, — словомъ, все, кромѣ собственно скрипки.

Итакъ, у меня мелькнула мысль, что мой сосѣдъ или умеръ, или ушелъ изъ дому. Но какъ это былъ именно тотъ часъ, который онъ посвящалъ музыкѣ и

домашнему очагу, то я скорѣй склонялся къ мысли, что онъ умеръ, и продолжалъ свои вычисленія. Вдругъ дверь моей комнаты сильно потряслась въ основаніяхъ. Опасаясь за ея прочность, я вскочилъ и поспѣшилъ отпереть. Передо мной стоялъ мой сосѣдъ. Слѣдовательно онъ живъ.

— Вы знаете? началъ онъ. — Вы знаете?!

Я скромно отвѣчалъ, что нѣтъ, не знаю; и не знаю даже, что́ я долженъ знать.

— Поздравляю-съ! Къ намъ ѣдетъ новый попечитель! Онъ выговорилъ это такимъ тономъ, какимъ другой сказалъ бы: — Поздравляю! Вы подлецъ! Васъ отдали подъ судъ. Я сразу увидалъ, что человѣкъ бѣснуется, но меня всегда занимало смотрѣть, какъ люди бѣснуются. Сосѣдъ мой между тѣмъ взялъ стулъ и сѣлъ.

— Вы понимаете, что это значитъ? Сообразили, батюшка, зачѣмъ къ намъ новый попечитель ѣдетъ?

Такъ какъ я ровно ничего не понималъ и не соображалъ, то и не считалъ себя въ правѣ отвѣчать.

— Слыхали, что въ Казани-то дѣлается? Камня на камнѣ не оставили! Знаете что, батюшка? Я подамъ въ отставку; право, подамъ. Что тутъ!

Я продолжалъ смотрѣть на моего сосѣда. Онъ ходилъ всегда въ охотничьихъ сапогахъ, которые были немножко поменьше его ростомъ, что было не особенно трудно, потому что онъ едва доставалъ головой до плеча одной моей знакомой дамы. Самой необходимой и красивой вещью у себя на лицѣ считалъ онъ свою рыжую бороду,

которую холилъ, тщательно расчесывалъ и мазалъ разными составами, чтобы гуще пошла. Какъ онъ съумѣлъ отстоять ее, находясь на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (въ то время бóроды строго преслѣдовались во всѣхъ министерствахъ), — это оставалось загадкою. Онъ готовъ былъ перенести всѣ непріятности отъ начальства, но если бы, говорилъ онъ, ему предложили сбрить бороду, онъ тотчасъ подалъ бы въ отставку. Звали его Вагнеромъ, но онъ былъ столько же Вагнеръ, сколько я Германъ. Оба мы носили нѣмецкія фамиліи, но ни онъ, ни я не знали ни слова по-нѣмецки.

Вагнеръ былъ такъ занятъ своей особой, что лучшаго, казалось ему, нельзя доставить удовольствія человѣку, какъ заговорить съ нимъ о немъ. Всякій разъ, какъ онъ мѣнялъ мазь для волосъ или покупалъ новые сапоги, объ этомъ зналъ весь университетъ. Когда же съ нимъ случалась неудача въ сватовствѣ, а онъ сватался каждый мѣсяцъ, то онъ обходилъ всѣ знакомые домá поочередно и отъ обѣда до вечерняго чая разсказывалъ имъ свою исторію.

Мысль о попечителѣ и слѣдовательно о возможности при новомъ начальствѣ остаться безъ бороды — сильно взволновала его.

— Вотъ думалъ жениться, а теперь... Женишься тутъ, какже! добавилъ онъ печально.

— Такъ вы женитесь поскорѣе, пока онъ еще не пріѣхалъ.

— Да нѣтъ! Да что вы говорите! То ли теперь въ

головѣ! я вотъ думаю: не подать ли мнѣ теперь въ отставку, а послѣ, какъ поуляжется все это, какъ обойдутся немного, тогда могу опять баллотироваться.

— Да для чего же это?

— Для чего? А вы не понимаете? спросилъ онъ злобно.

— Рѣшительно не понимаю.

— Нужно будетъ новому попечителю представляться? Какъ? Вѣдь пойдете небось?

— Пойду.

— Вы туда всѣ выскобленные пойдете, а какъ я одинъ съ бородой приду? Ну какъ? Вы, скажетъ, милостивый государь, кто такой? Ну, и брѣй бороду, а вѣдь я не сбрѣю ужь! не сбрѣю. Все равно отставка.

Вагнеръ, печальный, ушелъ къ себѣ разыгрывать на скрипкѣ.

Меня заняла мысль, какое впечатлѣніе произвела въ университетѣ новость о назначеніи другаго попечителя. Если она такимъ разрушающимъ образомъ подѣйствовала на моего сосѣда, то какъ приняли ее другіе? Бѣснуются они или нѣтъ? Это меня такъ заинтересовало, что я надѣлъ пальто и вышелъ со двора. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что тогда дѣлалось на улицѣ, достаточно сказать, что въ университетѣ праздновались такъ называемые *грязные каникулы* — *feriae luti*. Студенты, жившіе на окраинахъ города, были тогда гораздо дальше отъ университета, чѣмъ напр. Петербургъ отъ Кронштадта въ весеннее половодье, потому что двѣ не-

дѣли, по крайней мѣрѣ, никто и думать не смѣлъ о томъ, чтобы попасть отъ заставы въ центръ города. На всѣхъ улицахъ весна замѣсила такое тѣсто, что жители только удивлялись, какъ это ихъ угораздило построить городъ на такомъ мѣстѣ. Страсть къ созерцанію побѣдила во мнѣ чувство самосохраненія. Я храбро ринулся на встрѣчу пятой стихіи.

Первый, къ кому занесла меня судьба, былъ профессоръ военныхъ наукъ, Соломка, знаменитый по женѣ и дочерямъ. Онѣ имѣли странную привычку являться на квартиру къ тѣмъ особамъ, которыя имъ не нравились, и ругать ихъ на трехъ языкахъ, послѣ чего благополучно возвращались домой. Набѣги эти были хорошо знакомы всему университету. Совершались они всегда втроемъ: Анна Марковна, которую студенты звали въ насмѣшку *Анной Матреновной*, и двѣ дочери ея: Серафима и Татьяна. Изъ нихъ послѣдняя одѣвалась иногда въ кучерское платье и ходила на охоту. Университетъ онѣ считали какъ бы продолженіемъ своего собственнаго семейства, и когда Анну Марковну призвали разъ въ совѣтъ для выслушанія публичнаго выговора, она обошлась чисто по семейному: мужа своего назвала дубиной, а всѣмъ прочимъ сказала, что она съ ними разговаривать не намѣрена. Такимъ образомъ, общими усиліями жена и двѣ дочери создали профессору военныхъ наукъ безсмертную репутацію. Всему городу онъ былъ извѣстенъ, какъ мужъ Анны Матреновны.

Явиться къ такой сердитой дамѣ въ такомъ непри-

лично-грязномъ видѣ, въ какомъ я былъ въ эту минуту, показалось бы другому безразсуднымъ. Но я хорошо зналъ русское добродушіе. Я зналъ, что русскому не покажется дико, если гость придетъ къ нему, переплывая моря и океаны и по уши въ грязи. Русскій удивится, если узнаетъ, что вы не были на майскомъ парадѣ или не смотрѣли на торжественный въѣздъ генерала отъ инфантеріи, но не удивится странной фантазіи ходить по гостямъ, когда нѣтъ путей сообщенія.

Твердо расчитывая на это, я предсталъ предъ лицо Анны Марковны какъ есть, въ сапогахъ, залитыхъ грязью выше колѣнъ. (Само собой разумѣется, что они были болотные). Хозяйка ахнула, но не упала духомъ. Она кликнула двухъ дѣвокъ и велѣла имъ отчищать меня. Тогда эти женщины принялись за меня точно такъ, какъ за самоваръ, который онѣ чистили по субботамъ. Онѣ терли и шмурыгали меня, пока сапоги заблестѣли, и я былъ допущенъ въ гостиную.

Самого хозяина не было. Его послали на почту узнать, отчего долго нѣтъ писемъ. Дечери находились на лицо: онѣ стригли чорнаго пуделя.

«Ну, подумалъ я, тутъ ничего не знаютъ.»

— Садись! гость будешь. (Анна Марковна говорила всѣмъ *ты*). — Спасибо, что не забылъ насъ въ одиночествѣ. Третій день лица человѣческаго не вижу!

— Грязно, замѣтилъ я.

— Грязно!! Ишь ты чистые какіе! Давно ли это вы чистоту-то выдумали. Да я дóма, а поди-ка подберу

юбки, не посмотрю, что грязно, куда хочешь пойду! Такъ я дама! А вы что? тьфу!

Я окончательно убѣдился, что тутъ ничего не знаютъ.

Трехдневный карантинъ разъединилъ ихъ съ остальнымъ міромъ и новости оттуда не доходили.

— Знаете, началъ я, принимая на себя роль сплетницы: — знаете, какой случай?

Всѣ три дамы разомъ встрепенулись.

— Къ намъ новый попечитель ѣдетъ.

Анна Марковна махнула рукой.

— О, чтобъ тебя! Я думала Богъ знаетъ что! Ну, ѣдетъ, и пускай ѣдетъ!

«Для чего же это я грязь-то мѣсилъ?» подумалъ я невольно. — «Попробую ихъ напугать.»

— Строгости, говорятъ, пойдутъ.

— Давно пора! Мальчишкамъ такую волю дали! (*Мальчишками* Анна Марковна называла студентовъ). Намедни у овощной лавки вывѣску сняли, да къ нашему дому и привѣсили. Еще я вотъ къ полиціймейстеру жаловаться пойду! Ужо вамъ, дай срокъ.

— Негодяи такіе, замѣтила Серафима. — Ихъ бы всѣхъ въ солдаты отдать.

Анна Марковна поправила пальцемъ мочалку, высунувшуюся изъ дивана, и сердито продолжала:

— Намедни въ слободѣ взяли, да въ набатъ ударили. А то третьяго дня пуделя у Серафимы увели, да вонъ наперекоски домъ, такъ туда на крышу его втащили, да къ трубѣ и привязали. Что, хорошо, скажешь? Пса

поганаго къ трубѣ привязать! Мы въ печкѣ кушанье-то варимъ благословясь, съ крестнымъ знаменіемъ.

— Вагнеръ въ отставку хочетъ подавать, продолжалъ я настаивать.

— А, рыжій чортъ, испугался! А намедни, какимъ бариномъ идетъ; еле кивнулъ.

Нѣтъ, ясно: новый попечитель не произведетъ тутъ никакого эффекта.

— А что, онъ женатъ?

Я остолбенѣлъ. Какъ могъ я упустить изъ виду такой важный вопросъ? Прежде, чѣмъ продолжать свои похожденія, я рѣшилъ узнать, женатъ новый попечитель или нѣтъ. Узнать это я могъ скорѣе всего у Швейковскаго. Это былъ у насъ l'homme le mieux renseigné.

Съ головой, гладко остриженной и сильно напоминавшей щетку, въ огромныхъ синихъ очкахъ, за что и получилъ отъ студентовъ прозвище очковой змѣи, профессоръ логики, метафизики и нравственной философіи, Калликстъ Швейковскій, глядѣлъ свирѣпо, говорилъ умно, но, вообще, по своему бѣшеному характеру, расположеніемъ не пользовался. Даже собственная его жена Юліана раза два располагала бѣжать отъ него, но, по необыкновенной трусливости своей, ни разу этого рѣшенія въ исполненіе не привела. Враговъ у него было пропасть, но онъ всѣхъ ихъ, что-называется, уходилъ; извѣстно было, что если онъ вздумаетъ насолить кому-нибудь, такъ насолитъ круто. Доносовъ онъ написалъ

въ жизни своей безчисленное множество и дошелъ по этой части до замѣчательнаго совершенства. Люди, избѣгавшіе скандаловъ, во всемъ уступали ему, отчего у него и образовалась въ университетѣ цѣлая партія. Въ совѣтѣ онъ постоянно шумѣлъ: однажды поднялся такой гвалтъ, что прохожіе останавливались подъ окнами, а полиція гнала ихъ прочь. Жена у него была полька, лѣтъ 25, высокая, смуглая, румяная, съ свѣтлыми волосами и очень свѣтлыми глазами, иногда сѣрыми, иногда зелеными. Въ каждой жилкѣ ея кипѣла и рвалась наружу молодая удаль, жаждавшая простора. Глаза безпрестанно вспыхивали, придавая ея лицу страстное, южное выраженіе. Съ Юліаной скучно не могло быть. Въ минуты своего разгульнаго веселья, она подняла бы мертваго изъ гроба. Она пѣла разныя пѣсенки, даже и скандальныя, съ большимъ шикомъ. Она танцовала мазурку, какъ истая полька, съ такимъ огнемъ, что зажигала молодость у стариковъ. Въ довершеніе всего, она была богомольна и страшная трусиха.

Я засталъ ее по домашнему: она сидѣла въ розовой ситцевой блузѣ, безъ башмаковъ, нечесаная, и кушала моченую бруснику.

— Ахъ, это вы, какъ я рада! Умираю отъ тоски! Погодите немножко, сейчасъ башмаки надѣну.

Она бросилась за ширмы надѣвать башмаки.

— Ну, что? кричала она мнѣ оттуда. — Къ мужу, что ли, пришли, или ко мнѣ?

— Къ мужу.

— Ахъ вы невѣжа эдакій! Такъ нате же вамъ: хотѣла причесаться для васъ, — не причешусь!

Она, однако, закрыла косу тюлевой косынкой.

— Слышали новость-то? Какой душка къ намъ изъ Петербурга ѣдетъ! — просто прелесть! (Она поцѣловала себѣ 5 пальчиковъ). Богатъ, какъ жидъ! Полъ-Петербурга знакомыхъ! Во дворецъ каждый день ѣздитъ!

— Женатъ?

— Женатъ. Да я очень рада. По крайней мѣрѣ здѣсь не женятъ. А то спихнутъ еще какую-нибудь браковку! (*Браковкой* Юліана называла всякую дѣвицу старѣе 25 лѣтъ).

Разсказывая мнѣ все это, Юліана сіяла. Я спросилъ ее, чему жъ она радуется.

— Какъ чему! Весело будетъ. Обѣды пойдутъ, катанья разныя. Балъ намъ дастъ.

— А можетъ быть и не дастъ.

— А не дастъ, такъ наплевать! И безъ него обойдемся.

Я увидалъ, что Юліана поняла пріѣздъ попечителя по своему. Интересно было теперь посмотрѣть на ея мужа. Я освѣдомился, до́ма ли онъ.

— Вотъ! Эта обезьяна во фракѣ никогда дома не сидитъ. (Юліана боялась мужа, какъ огня, но никогда не упускала случая пожаловаться на него). А мнѣ велитъ до́ма сидѣть. Недавно что выдумалъ: книжки, говоритъ, читай! А! стану я его безумныя книжки читать! Ученая обезьяна! Ничего умнѣе не выдумалъ. «Не смѣй

ходить! Сиди до́ма!» Старые носки ему буду штопать. Какже!

Не успѣла она докончить монолога, какъ въ сосѣдней комнатѣ застучали сапоги. Юліана вдругъ присѣла и сдѣлала мнѣ знакъ молчанія, хотя говорила она, а не я.

— А, здравствуйте! сказалъ Швейковскій отрывисто.

— Юша, ты бы почистился. Посмотри, сколько на тебѣ грязи, нѣжно замѣтила Юліана. (Что женщина изъ Калликста можетъ сдѣлать Юшу, — меня это нисколько не удивляло. Женщины мастерицы на такія штуки).

— Какъ поживаете?

— Да ничего. Вотъ я пришелъ узнать, правда это, что къ намъ новый попечитель ѣдетъ?

Швейковскій подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Правда.

— Можно узнать фамилію?

— Ганской.

Я ждалъ, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь. Нѣтъ, ничего. «Вотъ,» подумалъ я: — «человѣкъ, который много знаетъ такого, чего мы не знаемъ.» Предположеніе это подтверждалось еще тѣмъ, что онъ недавно ѣздилъ въ Петербургъ, слѣдовательно, былъ близокъ къ источнику свѣта, тогда какъ мы находились, такъ сказать, въ его фокусѣ.

— Что же это за человѣкъ? продолжалъ я допытывать.

— Гдѣ намъ объ этихъ людяхъ судить! Онъ тайный совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ, тридцать тысячъ душъ имѣетъ, да вельможное родство.

Отъ Швейковскаго я отправился къ ректору, куда ходилъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Мнѣ не нравилась ректорша, хотя она была самая любезная дама въ городѣ. Медъ на устахъ ея отравляла мысль, что эта женщина — бѣсъ любопытства и злословія. Въ городѣ ее всѣ боялись, потому что не было дома, гдѣ бы она не знала всѣхъ секретовъ, семейныхъ отношеній, денежныхъ обстоятельствъ и пр. «Вотъ, скажетъ, полиціймейстерова свояченица стала намедни увѣрять, что ей 32 года. Ну, и вретъ! Ей всѣ 38. Еще въ тотъ годъ, какъ ея сестра съ гусаромъ убѣжала, ей 20 лѣтъ было, — это всѣ знаютъ; такъ въ этотъ годъ Лизанька почтмейстерова родилась, а ей теперь 17 лѣтъ. Третьяго дня рожденье праздновали. Ну вотъ и считайте!» Страшная сама по себѣ, силою своего неумолимаго любопытства, она была еще ужаснѣе потому, что за ней стояла цѣлая армія тетушекъ, кузинъ, невѣстокъ, воспитанницъ, съѣзжавшихся гостить къ ней со всѣхъ концовъ губерніи. Каждая была въ своемъ родѣ агентъ по тайной полиціи. Можно было еще уйти отъ одного, но ото всѣхъ — никакой физической возможности. Это была сила грозная, карающая, неумолимая!

Когда я шелъ по улицѣ, сила эта облѣпила всѣ окошки и въ 16 глазъ сторожила появленіе какого-нибудь новаго лица. Она жаждала новостей. Но съ меня были взятки гладки. Я самъ ничего не зналъ.

Нигдѣ, конечно, извѣстіе о новомъ попечителѣ не надѣлало столько переполоху, какъ тутъ. Всѣ тетушки

и кузины метались, какъ одержимыя злымъ духомъ. Можно было подумать, что всѣмъ имъ обѣщали милліонъ и обманули. Хозяйка утѣшала ихъ тѣмъ, что она напишетъ письмо въ Петербургъ къ какой-то Полинѣ, которая все знаетъ, вездѣ принята и все ей опишетъ.

— Я это все узнаю, говорила она, обращаясь ко мнѣ съ нѣжностью, даже съ горячностью, хотя видѣла меня едва-ли въ третій разъ. — Тамъ, въ Петербургѣ-то про нихъ все извѣстно. Тамъ, ужь извините!.. А въ особенности Полина-то!.. Ужь она все разузнаетъ; и все мнѣ напишетъ. Вотъ, какъ только первая почта... Кажется, благодаря Бога, Полина вездѣ принята: и у Муравьевыхъ, и у Репниныхъ и у «кнесь» Григорья. Ужь ей не знать про Ганскаго! Да, она навѣрное все знаетъ.

Пришелъ самъ ректоръ.

Славный человѣкъ былъ нашъ ректоръ! Ни кому и ни въ чемъ онъ не мѣшалъ, ни кому не противорѣчилъ, ни съ кѣмъ особенно не соглашался. Попросятъ ли его о чемъ-нибудь, «хорошо, скажетъ: — непремѣнно,» и никогда не исполнитъ того, о чемъ просили. Напомнятъ ли ему: «ахъ, скажетъ: — хорошо, хорошо, непремѣнно!» — И опять ничего не сдѣлаетъ. Придите къ нему 20 разъ за однимъ и тѣмъ же, приставайте къ нему, онъ будетъ повторять: «хорошо, хорошо!» и ни малѣйшей досады не отразится на его лѣнивомъ, добродушномъ лицѣ.

Кляузныхъ дѣлъ онъ не терпѣлъ и всѣ жалобы, поданныя въ университетское правленіе, клалъ подъ

сукно. А когда секретарь очень назойливо лѣзъ къ нему съ докладами, уходилъ отъ него черезъ заднее крыльцо и гулялъ по городу. Въ совѣтѣ онъ дремалъ или дѣлалъ видъ, что дремлетъ; если же шумъ доходилъ до того, что, по выраженію студентовъ, «своя своихъ не познаша и обругаша», онъ кротко замѣчалъ: «что это вы, господа, какъ того...»

Нужно было посмотрѣть, какъ онъ оставался невозмутимъ, когда его армія бунтовала около него. Замѣтно было, впрочемъ, что армія побаивалась его. Разсказываютъ даже, что онъ одну тетушку прогналъ разъ на кухню и цѣлую недѣлю не пускалъ къ себѣ на глаза.

Вскорѣ послѣ меня пришли еще два-три профессора.

— Пожалуйста же, Өедоръ Николаевичъ, просилъ одинъ изъ нихъ ректора: — когда попечитель пріѣдетъ, скажите ему, чтобы онъ намъ анатомическій театръ выстроилъ; вѣдь этотъ ни куда не годится.

— Да, да, непремѣнно. Скажу, скажу.

— Да вонъ въ лабораторіи-то скоро крыша рухнетъ, вмѣшался другой: — вчера архитекторъ смотрѣлъ. Рухнетъ, говоритъ.

— Надо, надо будетъ поправить.

— Хорошъ тоже и музей-то у насъ. Недавно одинъ студентъ смѣялся: «это, говоритъ, кладовая для старья. Какое тутъ уваженіе къ университету, помилуйте!»

— А то вотъ недавно тоже я зашелъ въ зоологическій кабинетъ. Такъ и выскочилъ оттуда. Два квадратныхъ аршина помѣщенія! Да еще тамъ какія-то

крынки съ молокомъ стоятъ. Зачѣмъ туда крынки попали? Какъ не имѣть хорошаго зоологическаго кабинета!

— Денегъ много нужно, господа, вздохнулъ ректоръ.

— Мало ли у правительства денегъ. Правительство не пожалѣетъ. Оно дорожитъ честью университетовъ.

— Да, я скажу, господа. А тамъ, какъ хотятъ. Я, конечно, и самъ бы радъ.

Я сталъ подводить итоги всему видѣнному и слышанному. Все мнѣ представилось тогда въ такомъ видѣ:

Къ намъ ѣдетъ новый попечитель. Профессору съ бородой не безопасно будетъ явиться къ нему. Если онъ человѣкъ строгій, то это хорошо: онъ запретитъ студентамъ отрывать вывѣски отъ овощныхъ лавокъ и привѣшивать ихъ къ дому профессорши Соломки; а, можетъ быть, нѣкоторыхъ отдастъ и въ солдаты. Онъ богатъ, слѣдовательно, будетъ намъ давать балы и обѣды. Онъ женатъ, слѣдовательно, его тутъ не женятъ. Онъ такъ высоко стоитъ, что обсуждать, что̀ онъ за человѣкъ, было бы безполезно. Но, какъ бы то ни было, Полина все разузнаетъ и напишетъ объ этомъ ректоршѣ. Онъ построитъ намъ анатомическій театръ, поправитъ крышу въ лабораторіи, создастъ художественный музей, переведетъ зоологическій кабинетъ въ другое помѣщеніе и велитъ вынести оттуда крынки съ молокомъ. Онъ возьметъ денегъ у правительства, которое ихъ не жалѣетъ, и придастъ блескъ нашему университету.

II.

Первый разъ я остался у ректора пить чай. Остался единственно потому, что не хотѣлъ одинъ аттаковать грязную улицу и рѣшился подождать товарищей.

Чай пили въ уго́льной комнатѣ, находившейся на другомъ концѣ дома, и тутъ только, проходя черезъ длиннѣйшую анфиладу, я убѣдился въ истинѣ словъ, гласившихъ, что ректоръ занялъ половину университета, когда для профессоровъ не хватало аудиторій, а зоологическій кабинетъ тѣснился на двухъ квадратныхъ аршинахъ. Какихъ только комнатъ тутъ не было: чайныя, уго́льныя, диванныя, и за ними еще цѣлый рядъ хлѣвушковъ для тетушекъ, кузинъ и воспитанницъ. Я шелъ и считалъ, считалъ и удивлялся. Мы свернули, наконецъ, куда-то влѣво и нашли себѣ мирное пристанище. Я выпивалъ всѣ чашки чаю, которыя подставляла мнѣ ректорша, и сказалъ ей комплиментъ насчетъ того, что ея квартира очень помѣстительна.

— Да, но у насъ такое большое семейство.

Я оглянулся: головы тетушекъ и кузинъ мелькали по всѣмъ направленіямъ. Когда стали расходиться изъ-за стола, я пробрался въ другую комнату, съ твердымъ намѣреніемъ осмотрѣть еще разъ эту удивительную для меня квартиру. Первое, что̀ обратило мое вниманіе, былъ портретъ, стоявшій въ диванной на подзеркальникѣ.

Я остановился. Никогда еще я не видалъ такого женскаго лица! такого взгляда! Взглядъ этотъ врѣзался въ моей памяти, и теперь уже, много лѣтъ спустя, я могу припомнить до тонкости всѣ ощущенія, которыя онъ вызвалъ во мнѣ въ первый разъ.

Сначала меня поразилъ огонь, горѣвшій въ этихъ темныхъ глазахъ; это были именно тѣ глаза, которые у насъ называютъ жгучими. Если они таковы на портретѣ, то что же въ натурѣ? думалъ я. Но вглядываясь ближе, я перемѣнилъ мнѣніе. Нѣтъ, не страсть горѣла въ этихъ глазахъ, а какой-то мучительный вопросъ и вмѣстѣ безмолвный упрекъ... Кому? За что? Портретъ не давалъ отвѣта. Волосы, цвѣта спѣлыхъ, золотыхъ колосьевъ, были заплетены въ двѣ косы и падали ей на грудь. Кожа молочной бѣлизны и въ лицѣ ни кровинки. Губы блѣдны и слегка полуоткрыты. Всѣ черты лица какъ выточены; даже плечи, на которыя былъ наброшенъ газовый шарфъ, отличались тѣмъ же изяществомъ и законченностью. Портретъ много выигрывалъ оттого, что художникъ не придалъ ему ни одной изъ тѣхъ картинныхъ позъ, которыя были тогда въ большомъ ходу. Тутъ не было ни цвѣтовъ, ни птицъ, ни арфы, а была, напротивъ, большая вольность: косы, распущенныя по домашнему. Работа была знаменитаго въ то время портретиста Тропинина.

Глаза невольно искали опять ея взгляда. Одно можно было прочесть въ немъ: что эта женщина способна и на безумные порывы, и на безграничную преданность

и покорность. Если даже тутъ на полотнѣ лицо ея свѣтилось и страстью, и той бархатной мягкостью, которая можетъ заставить человѣка упасть къ ея ногамъ!.... Да, первый разъ въ жизни я понялъ, что женщина можетъ свести съ ума. Но странно: я не думалъ о любви, глядя на нее; меня охватывало изумленіе, какой-то страхъ за нее. И послѣ, когда я узналъ эту женщину, которая будетъ играть тутъ не послѣднюю роль, которая была потомъ для всѣхъ насъ причиной многихъ непріятностей, и тогда, говорю я, это чувство сохранилось: я не любилъ ее, но я боялся за нее, я изумлялся ей.

Ко мнѣ подошла ректорша и улыбнулась.

— Позвольте узнать, что это за особа? спросилъ я.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Это моя дочь.

Я остолбенѣлъ.

— Позвольте узнать, за кѣмъ она замужемъ? спросилъ я какъ-то растерянно.

Ректорша, повидимому, удивилась еще болѣе.

— Она не замужемъ.

Что же это такое? Дочь — и не замужемъ! Гдѣ же она?

— Вотъ уже скоро два года, какъ она отъ насъ уѣхала. Она теперь въ Петербургѣ у родныхъ. У нея кузина сдѣлала очень хорошую партію. Ея кузина замужемъ за Муравьевымъ Вы вѣрно слышали: это очень извѣстная фамилія. Лѣтомъ она ѣздила съ ними за границу. Но къ нынѣшнему лѣту, я думаю... Она обѣщала, по крайней мѣрѣ, что пріѣдетъ къ намъ.

Такъ вотъ какъ! Она живетъ въ Петербургѣ у богатой кузины. Ея кузина сдѣлала хорошую партію и она ищетъ себѣ такую же.

Я не выдержалъ и опять взглянулъ на портретъ.

Глаза смотрѣли на меня съ упрекомъ. Я готовъ былъ раскаяться въ своей мысли.

Ректорша сняла съ руки кольцо.

— Вотъ, сказала она. — Это она оставила мнѣ на память.

Я взялъ его въ руки. На внутренней сторонѣ было написано: Любовь. Такъ ее зовутъ Любовь!

И съ этимъ открытіемъ я пошелъ домой.

III.

Перебирая у себя на столѣ бумаги, я нашелъ 28-дневный отпускъ, данный профессору Герману, т. е. мнѣ. Отпускъ этотъ я выхлопоталъ себѣ съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ; но зачѣмъ я туда ѣхалъ, — этого я и самъ опредѣлительно не зналъ. Я помнилъ, что Петербургъ — столица, что тамъ у меня есть сестра, слѣдовательно двѣ причины, чтобы туда стремиться. Но едва-ли не толкало меня болѣе всего желаніе посмотрѣть, какъ тамъ люди бѣснуются. Послѣ провинціальнаго бѣснованія, мнѣ хотѣлось взглянуть на бѣснованіе en grand, столичное. И если у насъ въ N. управляли страстями человѣческими присланные изъ преисподней

мелкіе бѣсенята 14-го класса, то тамъ въ Петербургѣ дирижировали бѣсы заслуженные.

Я рѣшился освѣжить себя новымъ зрѣлищемъ. Первый, кому я пошелъ сообщить объ этомъ, былъ Вагнеръ.

Непрерывная возня и сморканье въ его комнатѣ дали мнѣ превратное понятіе о томъ, какъ онъ проводитъ время. Я думалъ, что онъ приколачиваетъ гардины или выбиваетъ пыль изъ дивановъ; ничуть не бывало: онъ сидѣлъ за книгами и готовился къ завтрешней лекціи. Нужно замѣтить, что Вагнеръ, при всѣхъ своихъ странностяхъ, былъ добросовѣстный профессоръ. Читалъ онъ статистику и политическую экономію, т. е. самыя, по тогдашнему, нестоющія науки. Извѣстно, что когда открывалось статистическое бюро, то во всей Россіи едва могли отыскать десять *статистовъ,* какъ насмѣшливо называетъ ихъ Вигель. Общее почти презрѣніе къ лекціямъ Вагнера нимало не смущало его. Все, что онъ ни дѣлалъ, онъ любилъ дѣлать аккуратно. Даже въ его ухаживаньи за женщинами была своя доля трудолюбія: онъ искалъ себѣ жену, если можно такъ выразиться, въ потѣ лица своего.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ порученій? началъ я. — Я на этой недѣлѣ ѣду въ Петербургъ.

— Не можетъ быть!

— Да вѣдь вы же были въ совѣтѣ, когда я подавалъ прошеніе объ отпускѣ.

— Да то совсѣмъ другое.

— Именно вотъ это самое.

— Послушайте, неужели вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете?

— Насколько вообще человѣкъ можетъ отвѣчать за свои дѣйствія, я ѣду. А по стольку, по скольку человѣкъ за свои дѣйствія не отвѣчаетъ, я, можетъ быть, и не ѣду. Можетъ быть, я нынче ночью умру; тогда, само собой разумѣется, я не ѣду.

Строгая логика моя была оставлена Вагнеромъ безъ вниманія. Онъ думалъ совсѣмъ не о томъ.

— А вѣдь вотъ, началъ онъ: — знаете, какая штука? Я возьму тоже отпускъ.

— Да вѣдь вы въ отставку подаете?

— А, да подите вы съ отставкой! Какая тутъ отставка! (Онъ суетливо потиралъ руки и два раза пересѣлъ со стула на стулъ). Это отличная штука: беру отпускъ.

— Это зачѣмъ же?

— А не надо будетъ къ попечителю являться. Пріѣдетъ и уѣдетъ — все безъ меня.

— Невѣрный расчетъ.

— Какъ невѣрный?

— А такъ невѣрный. Ему представятъ списокъ всѣхъ лицъ, находящихся въ отпускѣ. Онъ сейчасъ, конечно, спроситъ: «Германъ, это кто такой?» Это, скажутъ, ваше превосходительство, профессоръ астрономіи, читаетъ по руководству Боде и Гамалея. «А каковъ онъ характеромъ?» Ничего, ваше превосходительство, человѣкъ смирный, непьющій. «А это кто такой?» Вагнеръ-съ, профессоръ политической экономіи и статистики;

читаетъ... «Хорошо, хорошо! Характера какого?» Бороду, ваше превосходительство, носитъ; ненадеженъ. «А, скажетъ, бороду. Напишите-ка ему прошеніе, по болѣзни...» Вотъ вамъ и отпускъ!

Вагнеръ раскипятился.

— Я ему не подчиненный. Что это, въ самомъ дѣлѣ! Это не въ канцеляріи гдѣ-нибудь... Это тамъ чиновниковъ, какъ кучеровъ какихъ-нибудь, въ шею гоняютъ! А я, благодареніе моему Богу, могу быть удаленъ только по суду.

— Бороду только сбрѣйте.

— Вотъ пристанутъ люди съ бородой, ей богу! Ну что вамъ моя борода? Вѣдь она вамъ аппетита не испортила?

— Я для васъ говорю. Я говорю, что если вы сами останетесь, такъ резоны ему тамъ представите. Да наконецъ ему, можетъ быть, ваше лицо понравится... Онъ самъ тамъ увидитъ. Вотъ я что только говорю.

Смутивши такимъ образомъ Вагнера и сбивши его окончательно съ толку, я возвратился къ себѣ укладываться.

На душѣ моей лежала мысль, что я покидаю университетъ въ самую критическую минуту, тогда такъ много предметовъ для созерцанія. Я зналъ, что четыре профессора подадутъ на ректора жалобу, что онъ одинъ пользуется травой изъ ботаническаго сада и что жены университетскихъ сторожей стираютъ даромъ бѣлье на его семейство. Я зналъ, что два профессора будутъ жа-

ловаться, что имъ мало отпускали кормовыхъ денегъ въ командировкахъ. Я зналъ, что на адъюнкта Л. приготовленъ доносъ, гдѣ разсказывается, какъ онъ, за буйство на почтовой станціи, сидѣлъ въ полиціи. Я зналъ, что жители города будутъ покорнѣйше просить попечителя запретить студентамъ пускать на улицахъ ракеты, таскать ради шутки дрова и чужихъ собакъ, и вообще буянить.

Много я зналъ еще, но 28-дневный отпускъ лежалъ на столѣ, а въ головѣ вертѣлась мысль, что упустить случай посмотрѣть на петербургское бѣснованіе — было бы безразсудно. Университетъ не уйдетъ отъ меня: не могутъ же они, въ самомъ дѣлѣ, покончить свои счеты въ 28 дней, когда ихъ и въ шесть мѣсяцевъ не разберешь.

Лишь только узнали о моемъ отъѣздѣ, какъ со всѣхъ сторонъ набѣжало ко мнѣ народу видимо-невидимо. И Кузьма, и Акулина, и Прошки, Мишки, Гришки летѣли ко мнѣ съ записками и съ реэстрами. Каждый начиналъ неизмѣнно съ того, что «барыня приказали кланяться и просятъ имъ вотъ по этой записочкѣ все искупить.» Такъ какъ я человѣкъ отъ природы не вспыльчивый, то я прочитывалъ всѣ эти прейсъ-куранты довольно спокойно. Тутъ были предметы по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній: гро-гро, муслины, мундштуки, шляпки и даже, кажется, сапожная вакса. Я зналъ, что въ Петербургѣ есть дамы, которыя до страсти любятъ ходить по лавкамъ. Поручите такой дамѣ купить сѣдло для

верховой лошади, — она купитъ съ удовольствіемъ; но попросите ее купить аршинъ кружева или лино-батиста, — она купитъ уже не просто съ удовольствіемъ, а съ наслажденіемъ. Почемъ знать, думалъ я, можетъ быть, въ числѣ знакомыхъ моей сестры, я встрѣчу такую даму. Отчего же не сдѣлать ее счастливой на нѣсколько дней? Поэтому, я бралъ прейсъ-куранты и говорилъ посланному: «кланяйся твоей барынѣ и скажи, что все будетъ куплено!» твердо рѣшившись, впрочемъ, ничего не покупать, если не найду вышеупомянутой дамы.

На другой день я ѣхалъ въ Петербургъ.

IV.

Сестра моя была замужемъ за директоромъ департамента, слѣдовательно, особа. Въ домѣ ея дебатировались всѣ вопросы русской бюрократіи. Ни одинъ сановникъ не могъ чихнуть безъ того, чтобы въ гостиной моей сестры объ этомъ крупно не заговорили. Я пользовался этимъ и наблюдалъ. Когда одинъ баринъ спросилъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, я прямо сказалъ:

— Я пріѣхалъ созерцать.

Баринъ улыбнулся и заговорилъ о другомъ. Онъ не повѣрилъ мнѣ. А я, между тѣмъ, созерцалъ. Все неслось передо мною съ непостижимой быстротой. Вчера еще прогремѣла новость, что министръ финансовъ вво-

дитъ въ шнуровыхъ книгахъ цвѣтныя линейки, а ныньче уже шептали о томъ, что Сперанскій готовитъ coup d'état. Сперанскій, этотъ придворный Прометей, скованный по рукамъ и ногамъ, скрывавшій подъ мягкой улыбкой свои обманутыя надежды, какъ прежде скрывалъ подъ ней свою силу, Сперанскій, униженный и отстраненный, былъ все еще страшенъ людямъ, любившимъ гоняться за призраками своего воображенія. Петербургская знать любила создавать воображаемыя опасности тамъ, гдѣ не было дѣйствительныхъ. Ей нуженъ былъ таинственный полушопотъ, нужны страхи, о которыхъ можно бы говорить съ легкимъ замираніемъ сердца.

Неистощимымъ источникомъ всякаго рода новостей былъ для меня мой зять. Послѣ хорошаго обѣда, съ сигарой въ зубахъ, щелкнувши ключомъ въ замкѣ кабинетной двери, онъ дѣлался крайне разговорчивъ. Моя чухонская невозмутимость и мое желаніе созерцать весьма нравились ему. «Людей созерцающихъ, — говорилъ онъ: — въ Петербургѣ весьма мало.»

— Мы много говоримъ, мы еще больше пишемъ, но мы мало размышляемъ.

Я спѣшилъ обойти все, касавшееся собственно до философіи, и просилъ указать мнѣ, кто изъ министровъ въ настоящую минуту играетъ роль.

— Гурьевъ и Голицынъ; и если хочешь — ни тотъ, ни другой. Гурьева я называю потому, что у него въ рукахъ деньги, а деньги — сила. Министръ финансовъ будетъ всегда, что̀ бы тамъ ни говорили, премьеръ-ми-

нистромъ. Но вѣдь этого, какъ ты, можетъ быть, слышалъ, покойный императоръ за недалекость выслалъ изъ столицы, — рекомендація, которая, согласись, стóитъ сама по себѣ всякой другой.

Я позволилъ себѣ замѣтить, что если бы нынѣшній императоръ поступалъ такимъ образомъ, то Петербургъ замѣтно бы опустѣлъ.

— Да, но дѣло не въ томъ. Пожалуй, вонъ и Петръ-Великій говорилъ, что если бы ему перевѣшать всѣхъ воровъ, то онъ остался бы безъ подданныхъ. Это — парадоксъ, конечно, но онъ характеристиченъ. Mais revenons à nos moutons. Нашъ Дмитрій Александрычъ [1]) кормитъ насъ хорошими обѣдами...

— А ты развѣ у него обѣдалъ?

— Собственно я у него не обѣдалъ, но это все равно... Я говорю вообще. Онъ кормитъ насъ хорошими обѣдами, но... я боюсь, что потомство сохранитъ о немъ только два воспоминанія: онъ принялъ министерство финансовъ въ печальномъ состояніи; онъ оставилъ министерство финансовъ въ плачевномъ состояніи. Voilà! C'est le résumé de son administration. Эти двѣ фразы должны занять мѣсто въ исторіи.

Зять оглянулся, увѣрился, что въ комнатѣ, кромѣ насъ, никого нѣтъ и не можетъ быть, и продолжалъ:

— Но у него есть враги: Мордвиновъ, съ одной стороны, и Аракчеевъ — съ другой. Первый не опасенъ,

---

[1]) Гурьевъ.

но послѣдній его раздавитъ. L'un s'amuse à faire des discours dans le Conseil d'Etat. Ce n'est pas là un arme bien redoutable, comme tu peux imaginer, mais l'autre, oh! Съ этимъ шутить нельзя. Бѣднаго Козодавлева [1]) онъ совсѣмъ не пускалъ къ себѣ въ домъ! Представь себѣ, не велѣлъ швейцару пускать. (Тутъ зять очень весело засмѣялся, какъ-бы радуясь тому, что Аракчеевъ поступилъ такъ съ Козодавлевымъ, а не съ нимъ). Тотъ напрашивался къ нему въ Грузино — отказалъ! И дерзко отказалъ.

Меня поразилъ изумленіемъ этотъ городъ, гдѣ можно не пускать къ себѣ даже министра. Я обратился опять къ зятю.

— Ты называлъ еще, кажется, Голицына? [2])

— Да; ну, это другая пѣсня. (Зять значительно сжалъ губы). Этотъ силенъ расположеніемъ къ нему государя. Другъ дѣтства, какъ ты хочешь. Онъ свой человѣкъ во дворцѣ. Но самъ по себѣ онъ безсиленъ. У насъ нѣтъ министра Голицына! У насъ есть министръ Руничъ, министръ Магницкій, министръ Поповъ, — словомъ, у насъ тьма министровъ. Все это молится, вздыхаетъ, юродствуетъ, и если между ними есть одинъ искренній человѣкъ, такъ это, конечно, самъ Александръ Николаичъ [3]) Notre petit Galitzin est bon garçon, mais le reste... le reste est canaille.

---

[1]) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Министръ народнаго просвѣщенія.

[3]) Голицынъ.

Слушая, какъ мой зять трактуетъ министровъ, я вспомнилъ, что мнѣ разсказывали, будто, входя съ докладомъ къ одному изъ нихъ, онъ блѣднѣетъ и мѣняется въ лицѣ каждыя пять минутъ.

— Кстати, спросилъ я: — вы тутъ такъ за всѣмъ слѣдите, — что̀ за человѣкъ Ганской? Его назначили къ намъ попечителемъ учебнаго округа.

Зять сдѣлалъ гримасу.

— Ганской — это такъ себѣ, ничтожество. Онъ богатъ, имѣетъ связи при дворѣ, но самъ по себѣ онъ — нуль. Во всякомъ случаѣ, вы не въ проигрышѣ. Онъ лучше, чѣмъ Магницкій, чѣмъ Руничъ, чѣмъ вся эта сволочь. Онъ хорошъ ужь тѣмъ, что ни во что̀ не вмѣшивается. Согласись, что въ наши времена и это уже достоинство.

— Для чего же въ такомъ случаѣ перемѣна? Чѣмъ же прежній попечитель былъ хуже?

— О, mon cher, это уступка духу времени. Прежній былъ неугоденъ новой партіи. Онъ былъ диссонансъ въ общемъ аккордѣ. Теперь всѣ вакансіи замѣщаютъ своими.

— Но если ты говоришь, онъ такъ ничтоженъ...

— Тѣмъ лучше... C'est de la haute politique! Какъ ты этого не понимаешь. Онъ ничтоженъ — тѣмъ лучше! Это пустой сосудъ, въ который вольютъ все, что́ угодно. Нынче тамъ была мадера, завтра будетъ деревянное масло! Voilà. Это — идеалъ, къ которому мы всѣ теперь должны стремиться. Надо... какъ-бы это сказать... il faut

s'adapter... чтобы все воспринять, всякую идею, идущую отъ начальства. Начальство любитъ, чтобы ты молился — молись! Чтобы ты плясалъ — пляши! Voilà. Теперь мы молимся.

Отзывъ зятя о попечителѣ удивилъ меня. Я рѣшилъ собирать о немъ всѣ свѣдѣнія, какія только можно. Съ этой цѣлью я отдалъ себя въ полное распоряженіе сестры. Въ этомъ случаѣ никто лучше женщины не съумѣетъ услужить вамъ: она окружитъ васъ такимъ базаромъ, что вы поневолѣ услышите всѣ городскіе толки, узнаете не только все, что́ есть и что́ было, но даже и много такого, чего никогда не было.

Выраженіе зятя: «теперь мы молимся!» оказалось въ высшей степени справедливо. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ я Петербургъ въ такомъ возбужденномъ, восторженно-религіозномъ настроеніи. Одинъ ѣхалъ въ засѣданіе библейскаго общества; другой въ лавру, гдѣ будетъ служить Фотій вмѣстѣ съ митрополитомъ; третій шелъ послушать протестантскаго проповѣдника; четвертый въ какую-нибудь трущобу (трущобу въ томъ смыслѣ, что она окружена таинственностью), гдѣ будетъ вмѣстѣ съ квакерами ожидать сошествія на него Св. Духа. Въ одну изъ такихъ трущобъ, только не квакерскую, попалъ и я.

Сестра моя, какъ и многія женщины, чувствовала нѣкоторую склонность къ мистицизму. У нея былъ духовникъ, строгій монахъ, передъ которымъ она трепетала; она добивалась, какъ счастія, благословенія Фотія,

и часто, путемъ униженія, пробиралась въ тѣ аристократическіе дома, гдѣ Фотій былъ на расхватъ, гдѣ, послѣ «яствія и питія во славу Божію», онъ ложился на диванъ, а барыни цѣловали у него руки. Но при всемъ томъ, какъ я уже сказалъ, она имѣла слабость къ мистицизму, который представлялъ для многихъ еще ту прелесть, что необыкновенно сближалъ съ высшими міра сего: въ залѣ, гдѣ собирались братья духовнаго союза, бездна, вырытая между сословіями, не существовала: министръ и фрейлина императорскаго двора и какой-нибудь чиновникъ средней руки тутъ же рядомъ униженно замаливали свои грѣхи, или въ духовномъ экстазѣ уносились въ другой, высшій міръ. Нашлись грѣшники, ѣздившіе на эти собранія больше для того, чтобы стать рядомъ съ графиней Z. Сестра моя, какъ я подозрѣваю, была изъ ихъ числа.

Разъ она съ особенной торжественностью объявила мнѣ, что везетъ меня въ одинъ домъ, гдѣ я могу встрѣтить представителей лучшаго петербургскаго общества.

— Мы поѣдемъ chez la princesse Catherine. Я представлю тебя ей какъ новаго избранника. Она будетъ очень рада. На первый разъ тебя не сдѣлаютъ членомъ. Пройдетъ нѣсколько сеансовъ (*сеансовъ*, дѣло шло точно о портретѣ или о представленіяхъ какого-нибудь магика); ты будешь на нихъ присутствовать; потомъ... Во всякомъ случаѣ, ты ничего не потеряешь. Тамъ будетъ много хорошенькихъ..... За общество я тебѣ отвѣчаю.

— Скажи, пожалуйста, что же тамъ дѣлаютъ?

— Да ничего особеннаго. Кто хочетъ, запирается въ отдѣльную комнату и молится одинъ.

— Но это вѣдь можно и дома сдѣлать, замѣтилъ я.

— Да, конечно. Отъ этого я никогда не ухожу въ отдѣльную комнату. Мы поемъ, читаемъ откровеніе...

— Что?

— Да я право не умѣю тебѣ объяснить. Это довольно трудно. Это надо увидѣть самому.

Сестра торопливо шарила въ рабочемъ ящикѣ. Она вынула оттуда брошюрку и поспѣшно подала мнѣ.

— Вотъ это... ты тутъ все прочтешь. Тутъ и уставъ нашъ. Прочти. Ты тогда узнаешь.

Ночью, на сонъ грядущій, я развернулъ брошюрку: она была на французскомъ языкѣ. Въ концѣ, на отдѣльномъ листкѣ былъ отлитографированъ цѣлый статутъ и приколотъ къ книжкѣ булавкой. Я началъ читать. Боже мой! Что за бездны разверзлись передо мной! Дѣйствіе этого чтенія на мою голову можно опредѣлить такимъ образомъ: сначала фразы разсыпались передо мною какъ горохъ, не оставляя никакого слѣда. Съ третьей страницы я началъ понимать, въ чемъ суть; на четвертой я опять потерялъ нить; на пятой мнѣ показалось, что я ее нашелъ; на шестой я ее потерялъ и на этотъ разъ уже безвозвратно. Я читалъ дальше, читалъ съ азартомъ, со всѣмъ вниманіемъ, на какое только былъ способенъ, — нѣтъ, всѣ мысли бѣжали изъ головы моей. Я выпилъ для освѣженія стаканъ смородинной воды — еще хуже! Свѣжая голова еще менѣе понимала содержаніе этой книги. Я

догадался теперь, отчего сестра не могла отвѣтить на мои вопросы, и сдѣлалъ самое лучшее, что только человѣкъ могъ сдѣлать въ моемъ положеніи: я потушилъ свѣчку и заснулъ.

На другой день мы мчались съ сестрой chez la princesse Catherine. Уже подъѣзжая къ дому, сестра вдругъ торопливо обернулась ко мнѣ.

— Я должна предупредить тебя, — ты пожалуйста не удивляйся, княгиня иногда ходитъ въ мужскомъ платьѣ.

— Въ чемъ же? во фракѣ?

— Нѣтъ. Да ты пожалуйста не смѣйся. Это женщина всѣми уважаемая. У нея есть и другія странности, но никто и виду не показываетъ, что замѣчаетъ ихъ.

Настроенные самымъ торжественнымъ образомъ, мы поднимались по лѣстницѣ. По количеству бурнусовъ и плащей, висѣвшихъ въ передней, я догадался, что дѣло должно быть нешуточное.

Мертвая тишина царствовала во всѣхъ комнатахъ, черезъ которыя мы проходили. Я начиналъ опасаться, что меня приведутъ въ какое нибудь царство тѣней, откуда не будетъ выхода; только стукъ каретъ по мостовой нѣсколько успокоивалъ меня. «Не можетъ быть,» думалъ я: — «чтобы въ самомъ центрѣ Петербурга, рядомъ почти съ присутственными мѣстами, могли люди безъ вѣсти пропадать. Полиція не допустила бы до этого.»

Мы шли молча, пока насъ не остановили, наконецъ, огромныя двери, плотно затворенныя. На каждой изъ

хрустальныхъ ручекъ висѣлъ лоскутъ чорнаго крепа. Сестра тронула одну изъ этихъ ручекъ, и я слышалъ, какъ за стѣной зазвенѣлъ колокольчикъ. Мнѣ такъ и хотѣлось сказать ей: что ты дѣлаешь, несчастная! Я былъ увѣренъ, что теперь двери отворятся, и все царство тѣней бросится оттуда на насъ. Но случилось нѣчто еще болѣе странное. Я услыхалъ шелестъ, обернулся, и увидалъ особу, выходившую оттуда, откуда я никакъ не думалъ, чтобы могли выходить люди: изъ стѣны! Но не только эта особа вышла изъ стѣны, я самъ пошелъ въ стѣну! Я и моя сестра проскочили въ какое-то отверстіе и остались цѣлы и невредимы.

— Мнѣ кажется, началъ я шопотомъ: — тамъ были такія большія двери, что въ нихъ славно бы можно пройти. Отчего же насъ туда не пустили?

Сестра отвѣтила мнѣ жестомъ досады и едва бросила нѣсколько словъ.

— Ихъ отворяютъ два раза въ годъ и потомъ еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Конечно, для насъ съ тобой ихъ не отворятъ.

Я вспомнилъ тутъ, что въ брошюрѣ, прочитанной наканунѣ, было что-то объ отворяніи и затворяніи дверей и о томъ, что въ годъ бываютъ два выхода: *выходъ великой радости* и *выходъ великой скорби.*

Въ головѣ моей вертѣлись грустныя мысли о томъ, что могла бы явиться полиція и арестовать насъ. Незадолго до этого, вышелъ законъ, строго запрещавшій всякаго рода тайныя общества, и всякая секта, недавно

еще считавшаяся вѣстницей новой зари, была теперь контрабандой. Одно только могло служить утѣшеніемъ: это то, что правительство было снисходительно. Государь не любилъ крутыхъ мѣръ. Несмотря на всю свою подозрительность, онъ и въ послѣдніе годы своего царствованія умѣлъ сохранить часть своей прежней безграничной снисходительности къ людямъ. Преслѣдуя оффиціально Попова [1]) за нарушеніе законовъ о печати, онъ въ частномъ разговорѣ благодарилъ Мордвинова за то, что тотъ защищалъ его въ государственномъ совѣтѣ. Издавая законъ, запрещавшій тайныя общества, онъ никогда строго не настаивалъ на примѣненіи его, и тайныя общества стали процвѣтать болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Насъ ввели въ небольшой кабинетъ, сверху до низу обитый чорнымъ сукномъ; на верху, вмѣсто бордюра, шла полоса серебрянаго галуна. Никакой мебели, ничего, кромѣ налоя и висѣвшаго надъ нимъ распятія изъ бѣлаго мрамора.

Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ вышла маленькая женщина въ чорномъ коленкоровомъ балахонѣ, въ родѣ тѣхъ блузъ, что носятъ французскіе рабочіе, только съ капюшономъ. На шеѣ у нея висѣла цѣпь съ распятіемъ. Я догадался, что это должна быть княгиня. Она огля-

---

[1]) Директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, напечатавшій книгу Геснера, надѣлавшую скандала и послужившую къ паденію Голицына.

дѣла меня съ ногъ до головы и, ни слова не говоря, сдѣлала знакъ, чтобъ я слѣдовалъ за ней. Въ потьмахъ, молча, стали мы подниматься по какой-то лѣстницѣ. Верхнимъ концомъ своимъ она выходила въ мрачную комнату, казавшуюся еще мрачнѣе оттого, что въ противуположномъ углу, въ нишѣ, сверкали десятки огней. Нѣсколько восковыхъ свѣчей и лампадокъ горѣли передъ такимъ же точно распятіемъ, какое я видѣлъ въ первой комнатѣ. Распятіе было перевито внизу красной лентой, опущенной для чего-то въ стаканъ съ водой. Въ потьмахъ я замѣтилъ нѣсколько женщинъ и мужчинъ, молившихся или разговаривавшихъ, — я не могъ разобрать. До меня долеталъ только неясный шопотъ. Но въ нишѣ я явственно увидалъ женскую фигуру. Облитая свѣтомъ нѣсколькихъ лампадокъ, она стояла на колѣняхъ, лицомъ къ распятію. Она не замѣтила нашего прихода и продолжала молиться. Крѣпко стиснувши руки, она спрятала въ нихъ лицо свое и нѣсколько минутъ не поднимала его. Мнѣ показалась, что она плачетъ.

Спутница моя дотронулась до ея плеча.

— Сестра Серафима, вотъ человѣкъ, который ищетъ благодати.

Она обернулась. Я вздрогнулъ отъ изумленія. Это была дочь ректорши. Я узналъ ее по портрету. Я узналъ эти удивительные глаза, этотъ золотой, замѣчательный цвѣтъ волосъ. Но взглядъ былъ мутный, затуманенный слезами: въ немъ не горѣло того огня, который поразилъ меня на портретѣ. Ни мало не раздѣляя моего изумле-

нія, она стояла передо мной почти спокойная, почти оправившаяся отъ волненія, съ которымъ она недавно молилась. Мы остались вдвоемъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спросила она.

— Ей-богу не знаю, сказалъ я откровенно: — я не пришелъ, меня привели сюда.

Она отшатнулась отъ меня. Молча, удивленно смотрѣли ея глаза.

— Такъ идите теперь! Идите! Вы придете къ намъ послѣ, когда узнаете, что на землѣ есть одно только утѣшеніе...

Она не докончила, но я слѣдилъ за ея глазами и видѣлъ, какъ они остановились на распятіи.

— Что же? продолжала она обернувшись, и видя, что я не ухожу. — Что вамъ здѣсь дѣлать? Молитесь! Вы не умѣете молиться? Я великая грѣшница. Я не могу помочь вамъ. Ахъ, если бы я могла!.. я сказала бы вамъ, въ какую пропасть мы идемъ! Но я сама иду туда же.

Она отвернулась и видимо ждала, что я уйду. Но я не уходилъ. Да я и не зналъ, куда мнѣ уйти; я не былъ увѣренъ, что меня не заарестуютъ гдѣ-нибудь на лѣстницѣ.

— Пойдемте, сказала она вдругъ рѣшительно: — я вижу, что это была ошибка.

Я ожидалъ, что она попробуетъ обратить меня въ свою вѣру, но она сдѣлала больше: она помогла мнѣ выдти изъ этого лабиринта! Не знаю, что она объяснила

потомъ обо мнѣ княгинѣ, но тутъ она передала меня съ рукъ на руки высокому мужчинѣ, которому и приказала отвести меня внизъ.

— Скажи, пожалуйста, спрашивалъ я потомъ сестру: — не знаешь ли ты сестру Серафиму?

— О, еще бы! Кто же ее не знаетъ. Послѣ княгиня, это у насъ первое лицо.

— У васъ въ Петербургѣ?

— О, какой вздоръ тебѣ приходитъ въ голову. Конечно, не въ Петербургѣ! Что она такое въ Петербургѣ? Дочь какого-то профессора! Я говору про нашу общину. У насъ она играетъ роль. Княгиня боготворитъ ее. Я не вѣрю, впрочемъ, въ ея святость. Она преисправно посѣщаетъ балы; кокетка, какихъ свѣтъ не видывалъ! На нее набожность находитъ какъ лихорадка, по два раза въ недѣлю.

Я люблю смотрѣть, какъ женщины одушевляются, когда заговорятъ о другой женщинѣ. У нихъ глаза даже какъ-то мѣняютъ цвѣтъ: изъ сѣрыхъ дѣлаются зелеными, изъ темныхъ свѣтлыми. Но когда женщины говорятъ о кокеткахъ, у нихъ все существо пропитывается электричествомъ: при каждомъ словѣ изъ глазъ вылетаютъ искры.

По тому, что я услыхалъ отъ сестры, дочь ректорши оказалась ужаснѣйшей кокеткой! кокеткой по профессіи.

— Она выѣзжаетъ безъ конца! Нельзя пріѣхать ни на одинъ балъ, чтобы не встрѣтить ее тамъ. Она раз-

считываетъ, конечно, на свою красоту, но и красота приглядится. Если дѣвушка пляшетъ двѣ зимы и не выходитъ замужъ...

— То что же? спросилъ я.

— То на третью ей ужь нечего разсчитывать. Она замѣчена.

— Слѣдовательно, каждая должна спѣшить выдти замужъ, пока ее не замѣтили?

— Конечно! Нельзя же всѣмъ намозолить глаза и потомъ разсчитывать на хорошую партію. Не сходить съ паркета двѣ зимы — и безъ всякаго успѣха! Mais c'est un échec! Это непремѣнно кладетъ тѣнь на репутацію.

— Помилуйте, да вѣдь это, значитъ, безъ вины виноватъ!

— Повѣрь мнѣ, что свѣтъ не станетъ произносить своихъ приговоровъ зря. Онъ никогда не ошибается.

Странный городъ Петербургъ! Городъ, гдѣ не уважаютъ министровъ, гдѣ молятся украдкой отъ полиціи и гдѣ, что всего удивительнѣе, *свѣтъ никогда не ошибается!*

V.

Вѣрный своему обѣщанію, я сталъ собирать мнѣнія о Ганскомъ.

Въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывали часто гвардейцы, мнѣнія были самыя рѣшительныя. Ганской — это под-

лецъ, котораго разъ вызывали на дуэль и который, «вы можете себѣ представить — отказался!» Всѣ гвардейскіе приговоры блистали своею краткостію. Самый длинный, я помню, представился мнѣ въ такомъ видѣ:

— Ганской — c'est un homme nul! Недавно онъ насмѣшилъ весь Петербургъ своею наивностью. Какъ предсѣдатель какого-то комитета, — je ne sais plus au juste какого именно, — онъ долженъ былъ подать въ государственный совѣтъ свое мнѣніе. Онъ и подалъ его. Но черезъ нѣсколько времени присылаетъ другое — своего секретаря, кажется, или кого-то изъ своихъ подчиненныхъ, съ прибавленіемъ, что его собственное никуда не годится, а что вотъ это, по его глубокому убѣжденію, несравненно лучше. Надъ этой выходкой много хохотали. Voilà un homme, qui a du moins le courage de son opinion. «Ну, подумалъ я, это еще не такъ худо. Коли еще только это, такъ Богъ съ нимъ!» И отправился за свѣдѣніями въ дамское общество. Я ужасно люблю сидѣть въ гостиной, гдѣ собралось пять-шесть дамъ и между ними два любезника. Именно въ такой гостиной я подслушалъ одинъ разговоръ о Ганскомъ.

— C'est un homme nul, говорила хозяйка.

— Madame, vous avez dit le mot, подхватывалъ любезникъ: — c'est un homme nul.

— Comment lui confier un poste pareil! испугалась одна дама.

— Я знаю, продолжала хозяйка: — онъ получилъ

мѣсто черезъ жену. Elise est une femme de beaucoup d'esprit! Vous savez.

— И, кажется, c'est la seule femme, которая вѣритъ въ его великія способности. Она насильно, противъ его воли, хочетъ сдѣлать ему карьеру.

— Et vous verrez qu'elle réussira. Она всегда выбираетъ ему умныхъ секретарей. De sorte qu'il devient médecin malgré lui. Il a de l'esprit, beaucoup d'esprit....

— Mais c'est celui des autres, подсказалъ любезникъ, повторяя чужую остроту.

— И эта несчастная мысль служить по дипломатической части! Конечно, все это дѣлалось для того, чтобы сказать послѣ, что онъ былъ на конгрессѣ. Онъ былъ на вѣнскомъ конгрессѣ! Mais le rôle qu'il y jouait!

— Онъ не могъ никогда редактировать ни одной статьи. Ему давали только переписывать депеши и снимать копіи съ трактатовъ.

— Никто не скажетъ, что въ этомъ виновато воспитаніе. Родные дѣлали, что могли. Его еще мальчикомъ, quand il n'était qu'un bambin, посылали на выучку въ штутгардскую миссію.

— Одно время онъ былъ однако близокъ къ Государю, замѣтилъ какъ-бы вскользь сидѣвшій тутъ генералъ съ независимымъ образомъ мыслей.

— Что же изъ этого? Государь, по своей безконечной снисходительности, часто терпѣлъ около себя посредственности.

— Да, если бы это было въ настоящую минуту, — не спорю! Но это было въ тѣ прежніе, лучшіе дни, когда Императоръ былъ гораздо строже въ своемъ выборѣ.

— On dirait que vous prenez son parti!

— Je ne le connais pas, mesdames, холодно отвѣтилъ генералъ.

«Нѣтъ,» подумалъ я: — «дамскіе приговоры отличаются такою же силою, какъ и гвардейскіе, но на нихъ полагаться нельзя. Надо навести справки въ мірѣ бюрократическомъ.»

Домъ моего зятя послужилъ мнѣ въ этомъ случаѣ отличнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ. Я выбралъ себѣ уголокъ и сталъ созерцать.

Первое, что я замѣтилъ, — это то, что въ Петербургѣ люди не живутъ, а всѣ куда-то ѣдутъ. Утромъ они ѣдутъ въ департаментъ, оттуда въ засѣданіе какого-нибудь комитета, оттуда съ визитами, оттуда на званый обѣдъ, оттуда въ клубъ и ужь оттуда домой. Одинъ очень порядочный молодой человѣкъ заѣхалъ на 5 минутъ къ моей сестрѣ сказать, что онъ нынче завтракаетъ на именинахъ, обѣдаетъ у новорожденной, вечеръ проводитъ въ театрѣ, ужинаетъ на свадьбѣ и танцуетъ до 4-хъ часовъ утра.

Однажды вечеромъ, когда Петербургъ пріѣхалъ къ моему зятю, я занялъ свою позицію въ гостиной. Я зналъ, что будетъ разговоръ о Ганскомъ, какъ о послѣдней новости. Лысый предсѣдатель комитета о пере-

стройкѣ одного казеннаго завода громко настаивалъ на томъ, что какому-то Краснову не дали сенаторства и что Красновъ обиженъ. На это ему разомъ отвѣчали съ нѣсколькихъ сторонъ, что:

— Былъ запросъ изъ штаба въ министерство о неимѣніи препятствій, но...

Я пропустилъ это мимо ушей. Какъ сквозь сонъ мелькали передо мной фразы:

— Уволенъ отъ должности съ причисленіемъ къ герольдіи...

— Командированъ въ уѣздъ для принятія мѣръ противъ саранчи...

— Получено отношеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ...

Вдругъ кто-то въ углу упомянулъ имя Ганского. Я сталъ прислушиваться.

— Прислалъ бумагу ненадлежащаго формата; департаментъ возвратилъ. Прислалъ другую; опять возвратили. Да потомъ, чтó-жь вы думаете: — вы, говоритъ, стѣсняете меня этими формальностями. Я, говоритъ, не могу. Я, говоритъ, буду министру жаловаться.

— Совсѣмъ дѣла не знаетъ! совсѣмъ не знаетъ! подтвердилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, да мало того не знаетъ, ошибки-то какія дѣлаетъ! Вѣдь это, я вамъ скажу, ошибки капитальныя! Недавно, что выдумалъ: зачѣмъ, говоритъ, доклады; посылайте министру прямо исполнительныя бумаги безъ докладовъ, а дѣло, говоритъ, можно и на словахъ объяснить!

Пошлите, говоритъ, начальниковъ отдѣленій, они объяснятъ. Мы такъ всѣ и переглянулись. Я послѣ Николай Степанычу говорю:—Вотъ, говорю, Николай Степанычъ, какіе умники есть.—Да, говоритъ. Да что! говоритъ. Такъ даже рукой махнулъ.

— По ученой части ему и служить, замѣтилъ кто-то съ насмѣшкой.

— Ну, чтó-жь, и будетъ креатурой Магницкаго. Это — вещь извѣстная, что онъ своего мнѣнія не имѣетъ и никогда не имѣлъ. Руководить имъ будетъ министерство, оно дастъ ему направленіе, а дѣлá вести будетъ какой-нибудь ловкій канцеляристъ, который хорошо знаетъ формалистику. Такимъ образомъ... les deux soutiens не допустятъ его до паденія. Это въ нѣкоторомъ родѣ теорія политическаго равновѣсія. On vous pousse en avant — vous avancez! on vous tire par la queue — vous reculez! Les bons administrateurs se font ainsi!

Я посмотрѣлъ на говорившаго. Это былъ юный чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который съ пелёнокъ усвоилъ себѣ теорію политическаго равновѣсія.

Лысый предсѣдатель комитета вмѣшался въ разговоръ и настаивалъ на томъ, что Ганской пойдетъ впередъ, потому что его толкаетъ тесть и жена.

— Хорошая родня — это много значитъ! Дайте Краснову хорошую родню — онъ завтра же сенаторъ!

Знаменитая родня Ганского заинтересовала меня.

Надо, подумалъ я, найти такую барыню, которая знала бы все петербургское родство и объяснила бы мнѣ, въ чемъ дѣло. Такая дама была въ Петербургѣ, но какъ до нея добраться?

Занятый этимъ вопросомъ, я проходилъ разъ мимо знаменитаго дома на Фонтанкѣ. гдѣ жилъ министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ. Въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщался извѣстный всему Петербургу Александръ Иванычъ Тургеневъ, другъ Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго и всего ученаго, свѣтскаго и чиновнаго Петербурга. Въ числѣ его пріятелей были нѣкоторые и изъ насъ, скромныхъ профессоровъ университета. Никто лучше его не могъ знать обо всемъ, чтó дѣлается въ нашемъ министерствѣ.

На правахъ стараго знакомаго, я рѣшился зайти къ нему. Застать его дома было очень трудно, потому что изо всего ѣдущаго Петербурга никто не ѣздилъ и не ходилъ больше его. На этотъ разъ я поймалъ его, возвращающагося съ какимъ-то старичкомъ.

— Представь, объявилъ онъ: — какая лѣнивая тварь мой камердинеръ: отказался наотрѣзъ отнести книги въ публичную библіотеку! Ходилъ самъ.

— Очень жаль, замѣтилъ я.

— Ну, ты чтó? Какая у тебя дѣловая физіономія! Ужь не за дѣломъ ли?

— Почти. Объясни ты мнѣ, пожалуйста, чтó такая за блистательная родня у нашего попечителя?

— А, это, душа моя, романъ. У него родня-то,

дѣйствительно, блистательная, но дѣло въ томъ, что онъ послѣднее время съ ней не ладитъ. Говорятъ, что онъ съ женой хочетъ развестись.

— Не можетъ быть!

— Да, и сильно говорятъ. Недавно ужь одинъ господинъ у насъ справлялся, не подано ли въ синодъ прошеніе о разводѣ. (Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, и дѣла̀ о разводѣ были у него на виду).

— Какъ же это, началъ я съ смущеніемъ: — а я слышалъ, что онъ и мѣстомъ своимъ обязанъ, главнымъ образомъ, роднѣ.

— Да такъ-то такъ. Дѣло-то это, видишь ли, началось недавно. Говорятъ, что онъ тутъ въ какую-то особу влюбился, что она ему вскружила голову, что для нея онъ будто-бы и жену хочетъ бросить... Только все это что-то похоже пока на сплетню, а, помнишь, въ заповѣдяхъ сказано: не сплетничай!

— Нѣтъ, сказалъ я увѣренно: — если это говоритъ свѣтъ, то *свѣтъ у васъ въ Петербургѣ никогда не ошибается!*

— Это ты откуда узналъ?

— Это я слышалъ отъ одной дамы.

— А!

— Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что̀ за человѣкъ самъ Ганской?

— А Богъ его знаетъ.

— Ты его видалъ?

— Сколько разъ.

— Ну, что́ же?

— Да ничего. Простоватъ немного.

— Позвольте мнѣ, сударь мой, вамъ замѣтить, вмѣшался тутъ старичокъ: — что у насъ добраго человѣка отъ дурака никогда не умѣютъ отличить.

Я обернулся.

— Да-съ. Сергѣй Леонтьичъ добрый человѣкъ, — вотъ какъ по нашему, по старинному, а по нынѣшнему — дуракъ. Вотъ-съ. Ныньче ежели кто взаймы денегъ далъ, да назадъ не требуетъ, то сейчасъ и скажутъ: дуракъ! обижать себя даетъ. И самъ, кто взялъ, тотъ первый и скажетъ. Ежели обиды человѣкъ не помнитъ — опять дуракъ!

Тургеневъ махнулъ рукой.

— Ну, ты все по евангелію. Ныньче, душа моя, по евангелію никто не живетъ.

Старичокъ сталъ громко сморкаться и ничего не отвѣчалъ.

— Хочешь, обратился ко мнѣ Тургеневъ: — я тебѣ доставлю случай видѣть жену Ганского?

— Сдѣлай одолженіе.

— Онъ просилъ меня переслать ему черезъ нее нѣкоторыя бумаги. Вотъ онѣ тутъ теперь готовы. Если хочешь, можешь отвезти ей. Кстати предложи, не пожелаетъ ли она съ тобой переслать. Ты вѣдь скоро ѣдешь назадъ?

— На дняхъ.

— Ну, вотъ. Только она важная барыня; ты приготовься къ этому. Если она на тебя эдакъ не обратитъ вниманія, ты ужь не взыщи.

На прощаньи Тургеневъ шепнулъ мнѣ:

— А ты знаешь, что на васъ доносъ присланъ?

— Понятія не имѣю.

— Какъ же! На вашъ университетъ: что у васъ тамъ самое вредное направленіе, что вы тамъ молодежь развращаете!

— Вотъ какъ!

— Ганскому-то вѣдь дана инструкція это дѣло разслѣдовать.

— Это, пожалуй, и у насъ такой же погромъ будетъ, какъ и въ Казани?

— Не знаю, душа моя. Только будь остороженъ. Я для того тебѣ и сказалъ.

— Отъ кого же присланъ доносъ? — неизвѣстно?

— Отъ профессора Швейковскаго. Есть у васъ такой?

— Я почти догадывался. Половина доносовъ въ Россіи написана имъ.

— Ну, вотъ. Будь же остороженъ.

На другой день я поѣхалъ съ бумагами къ Ганской. Человѣкъ сначала не хотѣлъ принимать меня, потомъ пошелъ докладывать; вернулся, переспросилъ мою фамилію и опять ушелъ. Долго длились переговоры, такъ что я началъ уже сомнѣваться, не ходилъ ли онъ просто

въ сосѣднюю комнату расчесывать себѣ бакенбарды, какъ, я знаю, дѣлалъ камердинеръ у одного моего знакомаго: тотъ никогда не докладывалъ сразу, а сначала приглаживалъ себѣ въ гостиной виски и потомъ уже приходилъ сказать, что баринъ почиваютъ. Наконецъ, меня повели. Не останавливаясь, промчались мы по нѣсколькимъ комнатамъ. Въ послѣдней лакей приподнялъ портьеру и сказалъ:

— Пожалуйте-съ!

Задомъ къ двери, около письменнаго стола, сидѣла какая-то дама. Зеленая бархатная шубка на горностаевомъ мѣху соскользнула съ плечъ и повисла на спинкѣ стула. Около нея стояла дѣвочка лѣтъ десяти и, запинаясь, вся пунцовая, отвѣчала ей какіе-то французскіе стихи. Увидавши меня, дѣвочка окончательно спуталась.

— Continuez, строго сказала дама.

— Il y a quelqu'un, maman.

Дама обернулась и посмотрѣла на меня такъ сурово, что я какъ будто тоже не зналъ ея французскихъ стиховъ.

— Вы желали меня видѣть?

Я сталъ объяснять ей, въ чемъ состояло мое порученіе, и въ то же время внимательно разсматривалъ ее. Ей было лѣтъ 30 съ небольшимъ. Темные волосы были пышно взбиты подъ чепчикомъ. Кожа замѣтно отдавала желтизной, черты лица правильны, красивы и непріятны. Какая-то сухая, гордая строгость лежала на нихъ. Тон-

кія губы, тонкія ноздри, плавный взмахъ рѣсницъ, — во всемъ такъ и просвѣчивала кровная порода.

Она не обратила вниманія на поданныя ей бумаги, едва дотронулась до нихъ кончиками пальцевъ и на предложеніе мое отвезти ихъ ея мужу, отвѣчала, что не имѣетъ удовольствія меня знать. Затѣмъ, уже не обращая на меня особеннаго вниманія, обратилась къ француженкѣ, показавшейся въ эту минуту въ дверяхъ.

— Mademoiselle, avez-vous dit à maman que je ne veux plus garder monsieur Reimann?

Француженка присѣла.

— Oui, madame.

— Faites, je vous prie, servir le déjeuner.

— Oui, madame.

Я всталъ.

Ея превосходительство сухо поклонилась мнѣ и взялась опять за французскій учебникъ. Я увидалъ, что декламація будетъ продолжаться.

«Еслибы,» подумалъ я, «она была моей женой, я бы непремѣнно развелся съ нею.»

VI.

Первый, о комъ я освѣдомился, возвратившись изъ Петербурга, былъ Вагнеръ.

— Цѣла ли его борода?

— Ничего, говорятъ, цѣла. Только вотъ, говорятъ, и при этомъ вздыхаютъ: — порядки-то какіе пошли...

— А что́?

— Да такъ какъ-то все. . Швейковскій роль играетъ.

— А попечитель каковъ?

— А Богъ его знаетъ. Не разберешь, что́ онъ за человѣкъ.

Вскорѣ мнѣ стало извѣстно, что попечитель произвелъ на университетъ самое странное впечатлѣніе: по поводу его возникли тысячи сомнѣній и недоумѣній. Отношенія его къ профессорамъ и студентамъ всѣхъ изумили. Это не были тѣ холодно-вѣжливыя, оффиціальныя отношенія, въ которыя облекался его предшественникъ. Это не были пріемы лица высокопоставленнаго. Нѣтъ, это было что-то очень странное, что можно было объяснить такъ: господа, я васъ не трогаю, и вы, пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ!

Являясь въ аудиторію, онъ садился гдѣ-нибудь между студентами и скромно прослушивалъ лекцію до конца, изрѣдка вступая въ разговоръ съ сосѣдомъ. Принимая у себя профессоровъ, онъ объявлялъ свою квартиру нейтральною и просилъ господъ посѣтителей не стѣсняться, шумѣть, спорить, — словомъ, быть какъ дома. Самъ же никогда въ эти споры не вмѣшивался. Всѣмъ бросилось въ глаза его желаніе стушеваться, остаться незамѣченнымъ. Дѣлалось ли это съ цѣлью, или было просто слѣдствіемъ природной неразговорчивости? Одни считали его застѣнчивымъ, другіе, напротивъ, видѣли въ немъ цѣлую бездну коварства.

Какъ на чорное пятно, указывали на близость къ

нему Швейковскаго. Этотъ человѣкъ замѣтно входилъ въ силу. Теперь эта «очковая змѣя» еще ненавистнѣе сдѣлалась студентамъ. Пренебрегать имъ стало не безопасно. Не только прямаго, но даже пассивнаго протеста онъ не допускалъ. Онъ, не стѣсняясь, объявилъ, что кто къ нему на лекціи не будетъ ходить, того онъ къ экзамену не допуститъ. Аудиторія его была, поэтому, полна, и когда съ каѳедры раздавался его громовый голосъ, отвѣтомъ была мертвая тишина. Тогда какъ въ той же залѣ на лекціяхъ Вагнера стояли лишь однѣ пустыя скамейки, а на лекціяхъ Захара Иваныча (мужа Анны Марковны) пѣли пѣсни, декламировали, влѣзали на каѳедру и говорили рѣчи, которыми самъ Захаръ Иванычъ, какъ человѣкъ незлобивый, восторгался вмѣстѣ съ прочими. Когда ему говорили: «пустите-ка, Захаръ Иванычъ, вы это не такъ читаете!» онъ безпрекословно уступалъ свое мѣсто.

Университетъ былъ крайне распущенъ. Ректора никто не уважалъ. Изъ декановъ двое устроивали со студентами попойки; третій занятъ былъ въ комитетѣ экзаменами гражданскихъ чиновниковъ, приносившими ему хорошій доходъ; четвертому, наконецъ, было 90 лѣтъ.

Главная особенность тогдашнихъ университетовъ — это разноплеменность. Кого только не было въ числѣ нашей братіи профессоровъ: и французъ, и венгерецъ, и грекъ, недавно содержавшій въ Одессѣ кандитерскую; о нѣмцахъ и говорить нѣчего. Лекціи читали, не стѣсняясь языкомъ, кто на чемъ сможетъ: одинъ по-латыни,

другой на нѣмецкомъ нарѣчіи, третій на жидовско-польскомъ. Были тутъ, по мѣткому выраженію Воейкова, и такіе иностранцы, что, объѣхавши Россію на козлахъ, сочиняютъ россійскую географію и статистику.

Многіе изъ преподавателей числились только для того, чтобы можно было показать въ аттестатѣ, что NN слушалъ ихъ предметъ. Предметовъ было много: читались и военныя науки, и законы благочинія, и даже сельское хозяйство. За все получалось положенное по штату жалованье и благодарность отъ студентовъ, за то, что не обременяли занятіями. Философію читали по руководству, изданному отъ главнаго правленія училищъ. Тамъ попадались опредѣленія въ родѣ слѣдующаго: «Красота дѣлается граціей, когда важнѣйшая прелесть пріятной значительности выраженія теряется въ прелести наипріятнѣйшей формы.» Мѣсто это часто цитировалось студентами, какъ образчикъ безсмыслицы.

Итакъ, упадокъ былъ полный. Но подходили крутыя времена. Чувствовалась уже близость ихъ. Швейковскій распускалъ подъ рукою слухъ, что теперь все пойдетъ иначе, что теперь положатъ конецъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ и придадутъ университету подобающій ему блескъ. Намекалъ ли онъ этимъ на себя, или на новаго попечителя, или, наконецъ, на духъ времени — не извѣстно, но гроза была близко. Какъ и всегда почти передъ грозою наступило затишье.

Всѣ чего-то ждали, всѣ оставались въ нерѣшительности. Откуда грянетъ громъ? Тучи, казалось, собира-

лись въ канцеляріи попечителя. Масса бумаги исписывалась тамъ.

Проекты, донесенія, прошенія сыпались градомъ. Швейковскій ночи не спалъ, все писалъ. Въ кабинетѣ Ганского далеко за полночь видѣли свѣтъ.

VII.

Первый разъ, какъ я увидалъ Ганского, онъ произвелъ на меня какое-то неопредѣленное впечатлѣніе.

Возвратившись изъ Петербурга, я пришелъ представляться ему. Онъ принялъ меня у себя въ кабинетѣ и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ только-что всталъ со сна и не совсѣмъ понималъ, чтó ему говорятъ. Сначала мнѣ просто показалось, что онъ дремалъ, но послѣ я замѣтилъ въ немъ эту привычку молчать, нахмуривъ брови и не поднимая глазъ.

Я мысленно сравнивалъ его съ женой. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ нею. Но какая разница! Въ ней все дышало гордостью и достоинствомъ, тѣмъ достоинствомъ, которое, сознавая себя выше всякихъ даже посягательствъ со стороны плебейства, принимаетъ спокойствіе божества. Чтобы дойти до этого спокойствія, надо было чувствовать себя аристократомъ par la grâce de Dieu, надо было видѣть за собою цѣлую стѣну того, что называется, les ancêtres les plus authentiques. Въ немъ не было и тѣни этого кровнаго аристократизма.

При взглядѣ на него, я понялъ, почему сложилась

фраза: c'est un homme nul! Это былъ именно человѣкъ, который долженъ остаться незамѣченнымъ, пока на него не покажутъ пальцемъ. Взглядъ его показался мнѣ сначала мрачнымъ, но, всматриваясь пристальнѣе, можно было замѣтить въ глазахъ его мягкую, ласкающую грусть. Онъ говорилъ мало и неохотно и, не смотря на то, располагалъ къ разговору. Всего привлекательнѣе была въ немъ его простота, та простота въ обращеніи, которую я давно уже отвыкъ встрѣчать между людьми. Ни оффиціальности, ни холодной вѣжливости, ни даже любезной снисходительности, этой квинтъ-эссенціи аристократизма, въ немъ не было. Онъ говорилъ съ мной такъ, какъ я сталъ бы говорить съ Вагнеромъ или Вагнеръ со мной, — словомъ, какъ люди, которые видѣлись и вчера, и третьяго дня, которые никакими оффиціальными отношеніями не связаны.

— Меня осаждаютъ жалобами, сказалъ онъ между прочимъ: — я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать. Если разбирать ихъ, то нужно цѣлую палату, которая цѣлый день только бы и дѣлала, что судила. Скажите, что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?

Я признался, что вопросъ для меня слишкомъ неожиданный и указалъ на нашего ректора, который всѣ жалобы кладетъ подъ сукно.

— Да, это очень хорошо. Я самъ сдѣлалъ бы то же самое, если бы...

Онъ не докончилъ и занялся разсматриваніемъ какихъ-то таблицъ.

— Изъ этихъ жалобъ, замѣтилъ я: — половину можно бросить въ печку и никто отъ этого ничего не проиграетъ.

— Я самъ бы это съ удовольствіемъ сдѣлалъ, но дѣло въ томъ, что... Не поможете ли вы мнѣ разобрать ихъ? Вы укажете мнѣ на тѣ, которыя заслуживаютъ вниманія.

— Ваше превосходительство, не лучше ли вамъ обратиться за этимъ къ профессору Швейковскому. Онъ лучше всѣхъ знаетъ внутреннюю жизнь университета. Къ тому же я слышалъ, что онъ на столько пользуется вашимъ довѣріемъ...

Ганской вскинулъ на меня глазами и потупился.

— Да, сказалъ онъ: — профессоръ Швейковскій дѣйствительно мнѣ нуженъ, но... Развѣ это васъ стѣсняетъ?

Мнѣ показалось, что онъ слегка покраснѣлъ.

— Ваше превосх-во, если вамъ угодно, я отдаю себя вполнѣ въ ваше распоряженіе.

Онъ молча пожалъ мнѣ руку.

— Я разсчитываю на васъ, повторилъ онъ, когда я всталъ, чтобы откланяться.

Вечеромъ я пошелъ къ ректору. Ректорша не внушала мнѣ уже прежней антипатіи. Она осталась такая же сплетница и такая же непріятная дама; но теперь въ домѣ ея можно было меньше обращать на нее вниманія. Изъ Петербурга возвратилась Любовь Федоровна. Вѣсть эта молніей пронеслась по всѣмъ уголкамъ, жаждавшимъ новостей. Я предложилъ Вагнеру посмотрѣть на новое свѣтило, и мы отправились вмѣстѣ.

У ректора было такое собраніе, какъ никогда. Даже

Анна Матреновна, два года бывшая съ ректоршей въ ссорѣ, теперь помирилась и пришла съ обѣими дочерьми. Тетушки и кузины ликовали: теперь капитальная новость была въ ихъ домѣ и не имъ нужно было бѣгать по городу, а весь городъ прибѣжалъ къ нимъ.

Сама виновница торжества долго не показывалась, и мнѣ пришла грѣшная мысль, что она дѣлаетъ это съ цѣлью, чтобы произвести больше эффекта. Когда она вышла, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Это была элегантная, свѣтская дѣвушка. Выраженіе ея мало походило на портретъ, еще менѣе на ту женщину, которую я видѣлъ на колѣняхъ передъ распятіемъ. Но это была она! Я не видалъ другихъ такихъ чудныхъ, золотыхъ волосъ, другого такого пронизывающаго и ласкающаго взгляда! Въ улыбкѣ ея блестѣлъ привѣтъ и насмѣшка, въ голосѣ слышалась раздражающая, бархатная мягкость. Увидавши меня, она изумилась, но ни слова не сказала и встрѣтила какъ незнакомаго. Ухаживаньямъ тетушекъ и кузинъ не было конца.

— Любочка, ловко ли вамъ тамъ? Любочка, не пересѣсть ли вамъ на это кресло? Любочка, не мѣшаетъ ли вамъ свѣчка?

На все она отвѣчала той привѣтливой улыбкой, которую въ совершенствѣ усвоили себѣ петербургскія барыни. За все она казалась безконечно благодарной, но на лицѣ свѣтилась мысль: вы мнѣ надоѣли. Она видимо усиливалась быть снисходительной къ этимъ кузинамъ, которыя не отучились еще ахать отъ удовольствія, хо-

дили въ стоптанныхъ башмакахъ и въ перчаткахъ съ зукрученными пальцами на концахъ.

Прибѣжала Юліана и подняла страшную болтовню.

— Господа! Вотъ есть счастливые люди, что ѣздятъ въ Петербургъ! право. Тутъ десять разъ со скуки лопнешь. Ну что, душка, весело тамъ было? (По старому знакомству, она говорила Любовь Федоровнѣ *ты*). Баловъ-то, я думаю, сколько было, баловъ-то! Каждый день балъ? а? — А знаешь, наша губернаторша съ утра, съ 7 часовъ, ходитъ въ бриллiантахъ! Надѣнетъ бриллiанты, да съ груднымъ дитей и ходитъ по саду. Вотъ мерзавка-то!

Швейковскiй морщился, слушая вранье жены.

— Ахъ, знаешь, продолжала Юліана: — недавно у насъ студенты въ саду сторожеву жену высѣкли. Право. Вотъ скандалъ-то! Ахъ, вотъ, чуть было не забыла: помнишь ты, къ вамъ такой чорненькiй ходилъ, еще онъ въ драгунахъ служитъ; ну, да какже: еще у него братъ такой дуракъ! такъ вотъ онъ въ Польшѣ былъ, а теперь недавно вернулся. Стихи сталъ сочинять, ей-богу! Недавно мнѣ какiе написалъ! Какъ это? Да!

Зачѣмъ покинутъ я тобою,
Виновница всѣхъ бѣдъ?
Всего лишила ты покою
Меня отъ юныхъ лѣтъ.

— Я ему говорю: провалитесь вы совсѣмъ! Недавно пришелъ, цѣлый вечеръ сидитъ. Я его прогнала; очень ужь надоѣлъ.

Швейковскiй стиснулъ зубы. Жена, видимо, бѣсила

его. Бѣдная Юліана! Я предвидѣлъ, что ей будетъ потомъ жестокій нагоняй. Но въ этотъ вечеръ былъ рѣшительно ея бенефисъ. Гдѣ бы и о чемъ бы ни заговаривали, она во все вмѣшивалась.

— Что это, Федоръ Николаичъ, спрашивала она хозяина: — я слышала у васъ въ университетѣ крышей кого-то задавило?

— Нѣтъ, никого, отвѣтилъ тотъ невозмутимо.

— Ну вотъ! что-жъ это мнѣ врали. Ахъ, милая моя! (она обратилась опять къ Любовь Федоровнѣ) какой у насъ профессоръ душка есть! Брюнетъ, съ чорными глазами! Ты съ нимъ познакомься.

— Кто такой?

— Давыдовъ. Познакомишься непремѣнно. Будешь довольна! Ужь повѣрь моей чести. Въ него здѣсь всѣ барыни влюбились! Просто такъ и умираютъ отъ любви; то одна, то другая.

Швейковскій, между тѣмъ, подсѣлъ къ ректору.

— А что, Федоръ Николаичъ, началъ онъ: — вѣдь дѣло-то плохо! Намъ Давыдовъ сильно подгадилъ.

— Ну, что такое?

— А то, что студенты-то на стѣну лѣзутъ. Вы примите свои мѣры.

— Хорошо, хорошо; приму.

— Да что хорошо! Вы это давно говорите. Дѣйствовать надо, Федоръ Николаичъ, дѣйствовать! На насъ правительство смотритъ. Что оно объ насъ подумаетъ? Вѣдь нашъ университетъ изъ рукъ вонъ плохъ.

— Чѣмъ плохъ?

— Всѣмъ-съ. Направленіемъ плохъ — вотъ чѣмъ! Направленіе самое вредное.

— Богъ съ вами, какое тамъ еще направленіе!

— Вы увѣрены, что между студентами нѣтъ тайныхъ обществъ?

Ректоръ завозился на мѣстѣ.

— Чего вы только не скажете, замѣтилъ онъ недовольнымъ тономъ. — Тайныя общества! Вотъ дойдетъ еще до его превосходительства — всѣмъ непріятности будутъ.

— Его превосх-во это раньше васъ узнаетъ, если вы не примете мѣръ, отвѣтилъ рѣзко Швейковскій.

— Ну вотъ, обратился ректоръ ко мнѣ, послушайте, что̀ онъ говоритъ.

Доносъ, подумалъ я, доносъ! И вспомнилъ слова Тургенева: будь остороженъ.

— Господинъ Германъ, продолжалъ Швейковскій: — можетъ согласиться со мной или не соглашаться, — это какъ ему будетъ угодно, но я говорю, что между студентами есть тайныя общества!

— Откуда это вамъ извѣстно? спросилъ я.

— Откуда? (Онъ язвительно улыбнулся). Изъ собственныхъ моихъ наблюденій, профессоръ. Каждому человѣку дано право быть наблюдательнымъ. Такъ-съ? (Онъ щелкнулъ суставомъ указательнаго пальца по рукѣ). Вы студентовъ не знаете, а я ихъ знаю. Въ нихъ развивается духъ зловредный, духъ противодѣйствія всякой

власти, какъ земной, такъ и небесной. Недавно одинъ изъ нихъ осмѣливался утверждать, въ кругу своихъ товарищей, что Богъ есть по преимуществу теплородъ. Какъ вы это находите? Разумъ же человѣческій есть, говоритъ, *ослабленный* теплородъ, солнце — теплородъ *устраивающій*, растеніе — теплородъ *устроенный* и т. д. — все теплородъ! И это богохульство не то, что наединѣ, и громко произносятъ. Въ компаніи-съ! Могутъ при такихъ ухищреніяхъ устоять алтари и престолы? Да мы всѣ, смѣю сказать, на волосъ отъ гибели стоимъ. Дайте только ходъ этимъ ученіямъ.

Я знавалъ прежде Швейковскаго человѣкомъ крайне либеральнымъ и даже весьма, можетъ быть, недалекимъ отъ тѣхъ мыслей, которыя подрываютъ алтари и престолы. Его оскорбленное благочестіе показалось мнѣ подозрительнымъ.

— Если даже и говорилось что-нибудь подобное, замѣтилъ я: — то заблужденіе студентовъ, конечно, очень печально, но я не думаю, чтобы оно подрывало алтари и престолы. Заблужденіе — теперь общій удѣлъ. Было же въ Инвалидѣ напечатано, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга Philosophie Divine. Это убѣжденіе раздѣляютъ теперь многіе и изъ высшаго сословія.

— По вашему, значитъ, надо дать полную свободу проповѣдывать атеизмъ и революцію? Допустить, чтобы развращающія сѣмена принесли хорошій плодъ? Чтобы университетъ воспитывалъ для государства якобинцевъ?

— Нѣтъ, по моему, этого не нужно.

— Что же, по вашему, нужно?

— Да вотъ не нужно отыскивать тайныхъ обществъ, когда ихъ нѣтъ.

— Нѣтъ? (Швейковскій щелкнулъ пальцами). А если я докажу, что есть!

— Нельзя этого доказать, потому что ихъ нѣтъ.

Швейковскій вскочилъ со стула.

— Милостивый государь, въ слѣдующемъ же засѣданіе совѣта я поднимаю этотъ вопросъ! Поднимаю его оффиціально.

— Очень жаль, замѣтилъ я. — Это будетъ доносъ.

— Какъ доносъ? Что вы понимаете подъ этимъ словомъ?

— То, что вы обратите на насъ вниманіе правительства, возбудите въ немъ опасенія, которыя ничѣмъ не оправдаются. Навлечете всѣмъ бездну непріятностей.

Ректоръ кивнулъ головой.

— Вотъ, сказалъ онъ: — и я то же говорю.

Швейковскій метнулъ на насъ изъ-подъ очковъ гнѣвный взглядъ.

— Непріятности будутъ, началъ онъ съ разстановкой: — но пусть всякій пеняетъ на себя. Я давно говорилъ: удалите Давыдова! Меня не послушали, тѣмъ хуже! Я и теперь говорю: удалите г. Давыдова! Если господа профессора согласятся между собой выразить ему свое нежеланіе служить съ нимъ — я беру назадъ свои слова о тайныхъ обществахъ; я не буду упоминать о

нихъ, — хотя они есть. Но если г. Давыдовъ останется — пусть меня извинятъ! Я не потерплю такого развращающаго вліянія въ средѣ молодежи. Справедливость не позволяетъ мнѣ умолчать объ этомъ. Да, я буду взывать къ правительству. Я обращу вниманіе его превосх-ва, я прибѣгну къ его сіятельству, г. министру, и буду умолять его удалить отсюда этого вреднаго человѣка.

«Ну, подумалъ я, репетиція того, чтó будетъ потомъ говориться въ совѣтѣ.»

— Вы, Федоръ Николаичъ, продолжалъ Швейковскій раздражительно: — вы, надѣюсь, будете настаивать на томъ, чтобы адъюнкта Давыдова удалили? Это ваша прямая обязанность. Вы можете отвѣтить за то, что не донесли о немъ начальству!

— Да, я посмотрю... Я какъ-нибудь... Егоръ, набей-ка трубку.

Егоръ, мальчишка лѣтъ 14, состоявшій при баринѣ для набиванія трубки и чиненія перьевъ, почтительно взялъ чубукъ и удалился, щелкая па ходу пятками.

— Вы все какъ-нибудь! Ужъ наживете себѣ когда-нибудь непріятность. Помните, я васъ предупреждалъ! Я не имѣю привычки бить изъ-за угла. Я говорю прямо!...

Въ эту минуту вошелъ престарѣлый Никита, главный мажордомъ въ домѣ ректора, считавшій себя въ нѣкоторомъ родѣ столпомъ, опорою всего семейства. По крайней мѣрѣ, онъ не разъ говаривалъ, что господа

только имъ и держатся. Главнымъ же образомъ должность его состояла въ томъ, что онъ грѣлъ барину передъ печкой газеты, дрессировалъ дворовую собаку и трясъ Егорку за вихоръ, когда онъ въ чемъ нибудь провинился. Теперь онъ несъ въ рукахъ фаянсовую тарелку и на ней письмо. Подноса онъ должно быть не нашелъ, а искать показалось долго.

Ректоръ распечаталъ записку, прочелъ — и вдругъ просіялъ: морщины разгладились, и весь онъ сталъ похожъ на именинника. Не смотря на довольно грузное сложеніе, онъ бодро всталъ и пошелъ къ женѣ, чего онъ никогда не дѣлалъ: онъ обыкновенно подзывалъ ее къ себѣ.

— Ганской тутъ пишетъ... проситъ позволенія пріѣхать къ намъ сейчасъ... Какъ ему тутъ отвѣтить?

Онъ сказалъ это какъ-будто и тихо, но на столько, однакожъ, громко, что всѣ могли слышать.

— Ну, что-жъ, закричала ректорша, — проси! Скажи, что мы будемъ очень счастливы, если его превосх-во...

Не знаю почему, я взглянулъ на Любовь Федоровну.

Краска сбѣжала на одно мгновеніе у нея съ лица, но она не шевельнулась и продолжала говорить съ Юліаной.

— Любочка! воскликнула ректорша: — вѣдь ты говорила, что вы знакомы съ monsieur Ганскимъ, такъ, пожалуйста, ужъ выручи же насъ!

— Хорошо, мама, отвѣтила она сухо: — но я думаю, что дѣло обошлось бы и безъ меня.

— Ну нѣтъ, какъ же можно! Все-таки знакомые.

— Что я надѣлала! крикнула Юліана. — *Онъ* будетъ, а я не въ туалетѣ. Ну, знай я только, что онъ будетъ, надѣла бы розовое платье съ оборками и декольте! Для него я и шила. Ахъ, что я, несчастная, надѣлала! Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь цвѣтокъ! Нѣтъ ли у кого цвѣтка? Я въ голову воткну!

Среди общей суматохи дверь отворилась и вошелъ Ганской.

Сдѣлалось какое-то мгновенное и неловкое молчаніе.

Ганской бѣглымъ взглядомъ окинулъ комнату. Въ движеніяхъ его была какая-то неувѣренность, онъ точно спрашивалъ себя: зачѣмъ я сюда пришелъ? Но это только на нѣсколько секундъ. Онъ спокойно поздоровался съ хозяйкой и занялъ мѣсто около общаго стола.

— Я позволилъ себѣ явиться безъ приглашенія, началъ онъ.

Но ректорша не дала ему продолжать: она отворила шлюзы и выпустила цѣлое море любезностей, восторговъ, восклицаній. Она такъ счастлива! Она никакъ не ожидала! Конечно, она постарается заслужить расположеніе его превосх-ва...

Ганской молчалъ и смотрѣлъ подъ столъ.

Неизвѣстно, гдѣ остановилась бы зарапортовавшаяся хозяйка, если-бъ ее не выручилъ Швейковскій.

— Ваше превосх-во, вѣроятно, нашли, что нашъ городъ не отличается чистотой?

— Да, грязно, отвѣтилъ Ганской, но продолжалъ глядѣть подъ столъ.

— Смѣю увѣрить васъ, что если-бъ вы видѣли его мѣсяцъ тому назадъ, то вы сказали бы, что это самый грязный городъ во всей Россіи.

— Да, ужасная бываетъ грязь, подтвердилъ ректоръ.

— Такая грязь, вставила отъ себя Анна Марковна: — что дамы... просто, по улицѣ хоть не ходи.

— Но осенью бываетъ еще грязнѣе, замѣтилъ кто-то изъ гостей.

— Ахъ, тогда ужасная грязь! подхватила одна дѣвица.

Любовь Федоровна съ сожалѣніемъ окинула глазами все общество, точно желая сказать: я вижу, что безъ меня вамъ не выбраться изъ этой грязи.

— Можно передать вамъ нѣсколько поклоновъ? спросила она, обращаясь къ Ганскому.

Тотъ посмотрѣлъ на нее исподлобья.

— Отъ кого?

Она, улыбаясь, назвала нѣсколько фамилій.

— Я жалѣю о Петербургѣ, докончила она: — хоть этого и не слѣдовало бы говорить здѣсь.

— Отчего же? Надо быть откровенной.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ думаете?

Онъ промолчалъ, но обмѣнялся съ ней взглядомъ.

Стѣсненіе между всѣми присутствующими не пропадало, хотя Ганской и держалъ себя просто. Онъ говорилъ мало, и это всѣхъ смущало. Никто, кромѣ Швей-

ковскаго, не рѣшался овладѣть разговоромъ. Швейковскій разсуждалъ много своимъ громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ, задавалъ вопросы, самъ отвѣчалъ на нихъ, сверкалъ глазами изъ-подъ очковъ, но живости не доставало въ обществѣ. Юліана притихла: она боялась мужа, боялась немного и Ганского. Подъ конецъ вечера она, впрочемъ, разошлась: сѣла за клавикорды и спѣла пѣсню, въ которой было все, кромѣ здраваго смысла. Ганской подошелъ, послушалъ и сказалъ, что онъ любитъ такія пѣсни.

— Слышали вы, объявилъ мнѣ вдругъ Вагнеръ: — Давыдовъ, говорятъ, изъ командировки вернулся.

VIII.

Изо всѣхъ университетскихъ преподавателей никто не заставлялъ столько говорить о себѣ въ городѣ, какъ адъюнктъ Давыдовъ. Его лекціи привлекали массу слушателей, для которыхъ тѣсна становилась аудиторія. Его красивая наружность привлекала сердца́ женщинъ. Женщины и студенты были его пламенными обожателями. Было вообще принято видѣть въ немъ задатки будущаго генія, талантъ, который много обѣщаетъ впереди. Друзья и поклонники употребили все отъ нихъ зависящее, чтобы вскружить эту очень еще юную голову.

Давыдовъ, отъ природы горячій, неуступчивый и требовательный, сталъ еще требовательнѣе. Онъ смо-

трѣлъ на жизнь, какъ на борьбу, мелочную, унизительную, но отчаянную и упорную. Онъ поклялся не уступать пяди изъ того, что̀ ему принадлежало. Свѣтъ представлялъ для него море подлости и океанъ глупости. Порядочныхъ людей, въ глазахъ его, было очень мало, умныхъ — еще меньше. Самымъ умнымъ человѣкомъ онъ считалъ себя, потомъ еще двоихъ или троихъ изъ своихъ друзей. Онъ искренно презиралъ все общество, не показывая, однакожь, вида, что презираетъ его. Въ немъ не было нахальства, свойственнаго людямъ, которые считаютъ себя выше другихъ. Напротивъ, онъ всегда отличался какой-то изысканной сдержанностью. Давыдовъ былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ держалъ себя такъ, что никто не допустилъ бы даже мысли о фамиліарности съ нимъ. Никто, даже изъ самыхъ близкихъ пріятелей, не говорилъ ему *ты*. Позволить человѣку сказать себѣ *ты*, значило, по его мнѣнію, дать ему право сказать: ты, душа моя, свинья!

На другой день послѣ своего возвращенія изъ командировки, Давыдовъ зашелъ ко мнѣ. Красивый, нѣсколько южный типъ его плохо ладился съ мундиромъ министерства народнаго просвѣщенія. Глаза его, чорные, злые, насмѣшливые, тонкія ноздри, особенный складъ улыбки — все это никакъ не мирилось съ форменнымъ фракомъ и золотыми пуговицами на обшлагахъ. Взглядъ былъ самоувѣренный; въ разговорѣ онъ никогда не опускалъ глазъ, но любилъ пронизывать ими собесѣдника. На губахъ показывалась та улыбка, подъ которой

самолюбивый человѣкъ умѣетъ скрывать свои чувства; улыбка, которая спасаетъ отъ униженія, отъ оскорбленія и оскорбляетъ другихъ.

— Ну что? спросилъ онъ:—у васъ тутъ безъ меня, я слышалъ, политическіе перевороты произошли?

— Да, вотъ новый попечитель.

— Я сейчасъ отъ него.

— Какъ вы его нашли?

Давыдовъ пожалъ плечами.

— Ничего.

— Любезно принялъ васъ?

— Какъ эти господа принимаютъ своихъ подчиненныхъ: говоритъ полусловами, въ глаза не смотритъ. Впрочемъ, ничего. По тѣмъ двумъ, тремъ фразамъ, которыя я слышалъ отъ его превосх-ва, я вижу, что онъ въ дѣлѣ смыслитъ немного.

— Ну, это Богъ знаетъ.

— А вотъ увидите. Да оно такъ и должно быть. Когда имъ, этимъ вельможамъ, заниматься учебнымъ дѣломъ! У него, я думаю, 40 лошадей на конюшнѣ, да обѣдъ надо заказать, то-другое, а тамъ при дворѣ надо похлопотать. Станетъ онъ вамъ университетскими дѣлами заниматься! Да онъ объ нихъ если что и знаетъ, такъ только по наслышкѣ.

— Онъ за границей воспитывался.

— Не въ страсбургскомъ ли университетѣ? Оттуда намъ многихъ недоучившихся меценатовъ прислали. Ну, да Богъ съ нимъ! Чѣмъ меньше знаетъ, тѣмъ для насъ

лучше! А то съ этими учеными бѣда! Его какой-нибудь антикварій собьетъ съ толку; или вдругъ прочтетъ полтома комментаріевъ на одинъ стихъ Гомера и пойдетъ проводить новый взглядъ на преподаваніе словесности. Бывали такіе примѣры!

Давыдовъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— А что вашъ Швейковскій? По прежнему надѣется уничтожить меня?

Я ожидалъ этого вопроса. Послѣ долгой разлуки враги спѣшатъ разузнать одинъ о другомъ.

— Въ первомъ же засѣданіи совѣта, сказалъ я: — онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы васъ удалили.

Давыдовъ вскочилъ со стула. Дерзость эта такъ поразила его, что онъ даже измѣнилъ своему всегдашнему правилу быть джентльменомъ. Онъ однако сдержалъ себя и молча сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Посмотримъ! сказалъ онъ мрачно.

— Я передаю вамъ это потому, что онъ этого нисколько не скрываетъ; напротивъ, онъ даже желаетъ, чтобы это дошло до васъ.

— Ага, я понимаю! Ему хочется, чтобы я вышелъ изъ университета. Но знаете ли, что я вамъ скажу? что если бы не только г. Швейковскій, но цѣлая корпорація профессоровъ предложила мнѣ сію же минуту выдти въ отставку, — я бы не вышелъ. Даже если бы, говорю вамъ, этого потребовали всѣ, единогласно! Профессоръ существуетъ для студентовъ, а никакъ не для своихъ товарищей по службѣ, и если студенты имъ

недовольны — его должно удалить; но если имъ недовольны господа профессора, то это, конечно, очень грустно; но до этого ему лично никакого дѣла нѣтъ!

— Мнѣ кажется, сказалъ я: — что если-бъ ваши товарищи по службѣ единогласно заявили, что не желаютъ служить съ вами, — чего на самомъ дѣлѣ не будетъ, — такъ вамъ бы слѣдовало оставить университетъ.

— Почему?

— Да потому, во-первыхъ, что если рѣшать вопросъ, должны ли подать въ отставку 40 человѣкъ для одного, или одинъ для сорока...

— Я не требую, чтобы они подавали въ отставку!

— Ну, такъ, во-вторыхъ, потому, что вы нажили бы себѣ тьму безпокойствъ. Вы сами отравили бы себѣ жизнь.

— Да; но я былъ бы правъ. Величайшая ошибка людей въ томъ, что они слишкомъ уступчивы. Если имъ говорятъ: сверни съ дороги, тутъ грязно! — они свертываютъ. Нѣтъ-съ, я пойду въ эту грязь. Я докажу, что она замараетъ не меня, а того, кто хотѣлъ меня замарать. И теперь я желаю даже, чтобы на совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о моемъ удаленіи. Я очень желаю этого.

Странный человѣкъ, подумалъ я. Онъ желаетъ, чтобы ему сдѣлали непріятность. Не лучше ли было бы желать, чтобы его оставили въ покоѣ?

— Вы не понимаете меня? продолжалъ онъ. — Вы не находите, что я правъ?

— Не понимаю и не нахожу.

— Стало быть, вы на моемъ мѣстѣ поступили бы не такъ? Какой-нибудь Швейковскій сказалъ бы вамъ, что ему не нравится ваша физіономія, и вы сейчасъ же подали бы въ отставку?

— Если бы онъ одинъ это сказалъ, то я отвѣтилъ бы ему, что у него можетъ быть вкусъ испорченъ; но если бы это всѣ сказали, — подалъ бы.

— Это я называю сворачивать съ прямой дороги. Если люди пойдутъ такими путями, то они никуда не придутъ, или, вѣрнѣе, придутъ въ болото.

— Почемъ вы знаете, гдѣ прямая дорога? Можетъ быть, болото-то именно тамъ, откуда вы не хотите свернуть, — въ этихъ дрязгахъ, непріятностяхъ...

— Уступить — значитъ сознаться передо всѣми, что я неправъ, а я этого не сознаю. Да и вы этого не сознаете. Вы отлично знаете, что я не сдѣлалъ ничего такого, за что бы требовать моего удаленія.

— Ничего, согласенъ съ вами; но ради спокойствія душевнаго...

— А, не говорите мнѣ о спокойствіи! Когда человѣкъ спокоенъ — онъ не живетъ.

— Когда вы получите нервную горячку, вы будете говорить, что, напротивъ, когда человѣкъ спокоенъ, онъ тогда только и живетъ.

— Можетъ быть! Но для этого нужно именно, какъ вы изволили сейчасъ совершенно вѣрно выразиться, чтобы человѣкъ лежалъ въ нервной горячкѣ. До тѣхъ поръ

я всегда буду говорить, что надо глядѣть прямо въ лицо жизни. Не надо уступать ей вотъ чего! (онъ отмѣрилъ полвершка на своемъ мизинцѣ). Нужно бороться, а борьба спокойствія не допускаетъ!

— Что-жъ, боритесь, замѣтилъ я. — Мы придемъ на совѣтъ и послушаемъ.

— И подадите голосъ за удаленіе адъюнкта Давыдова?

— Съ какой стати! Во-первыхъ, вы мой хорошій знакомый; во-вторыхъ, вы хорошій профессоръ.

Давыдовъ усмѣхнулся.

— Смотрите, вы рискуете, принимая мою сторону. Противная партія теперь сильна.

— Это будетъ зависѣть отъ того, чью сторону приметъ Ганской.

— А вы сомнѣваетесь въ этомъ? Мнѣ кажется, это ясно. А, впрочемъ, чортъ съ ними со всѣми! Я своего не уступлю, а тамъ что будетъ, то и будетъ! Да ничего особеннаго и быть-то не можетъ.

— Можетъ быть то, что васъ обвинятъ... какъ бы это сказать... въ проведеніи вредныхъ идей.

Давыдовъ откинулся на спинку кресла и заложилъ ногу на ногу.

— Если поднимутъ этотъ вопросъ, сказалъ онъ, улыбаясь, то мы отложимъ дѣло въ долгій ящикъ.

— Вспомните исторію Германа, Раупаха, Галича, началъ я, намекая на знаменитое крушеніе профессоровъ въ Петербургѣ. .

— Знаю, знаю, перебилъ Давыдовъ; — но теперь эта исторія повториться не можетъ.

— А помните вы донесеніе Магницкаго? «Хотя, говоритъ онъ: — въ тетрадкахъ профессора Раупаха и не найдено ничего предосудительнаго, но это самое, говоритъ, и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, потому-что могъ прибавить все, что ему вздумается.»

— Теперь эта исторія повториться не можетъ. Она надѣлала столько скандала, что само правительство, я увѣренъ, жалѣетъ теперь, что поднимало ее.

— Правительство подозрительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Направленіе университетовъ безпокоитъ его. Увѣрены ли вы, что ваши студенты не способны ни на какую глупость?

Давыдовъ помолчалъ.

— Это зависитъ отъ того, сказалъ онъ: — что́ мы называемъ глупостью.

— Напримѣръ, нѣтъ ли между ними какихъ нибудь недозволенныхъ обществъ?

— Это вамъ должно быть столько же извѣстно, сколько и мнѣ.

— Мнѣ это не извѣстно. Я спрашиваю васъ потому, что вы ближе къ студентамъ, и что всякая отвѣтственность за безпорядки между ними прежде всего падетъ на васъ.

— Я не боюсь никакой отвѣтственности.

Онъ такъ гордо высказалъ это, что продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ было бы лишнее. Я перевелъ его на другую тему.

— Въ городъ пріѣхала новая красавица, замѣтилъ я. Имѣйте это въ виду.

— Кто такая?

— Дочь нашего ректора.

Впродолженіи всего нашего разговора, Вагнеръ за стѣной обѣдалъ. Мы слышали это по стуку ложекъ, ножа, по звону тарелокъ и громкому чмоканью; по тому, наконецъ, что Вагнеръ любилъ дѣлать все такъ, чтобы объ этомъ знали у сосѣдей. Я увѣренъ, что на улицѣ было слышно, какъ онъ обѣдалъ. Покончивши съ послѣднимъ блюдомъ, онъ задвигалъ стульями, уронилъ со стола нѣсколько вещей, подобралъ ихъ и на мгновеніе успокоился. Но это было спокойствіе обманчивое. Я зналъ, что оно предшествуетъ игрѣ на скрипкѣ. За стѣной что-то стукнуло. Я догадался, что онъ открываетъ футляръ и вынимаетъ скрипку. Раздался одинъ раздирающій душу звукъ и замолкъ. Это онъ пробуетъ смычокъ. Опять стукнула крышка и что-то зашипѣло. Это онъ натираетъ смычокъ канифолью. Наконецъ струны дрогнули, и звуки непрерывно, неумолкая, понеслись къ намъ прямо въ душу. Моя душа на столько уже привыкла къ нимъ, что оставалась спокойна; но Давыдовъ началъ морщиться.

— Какъ вы можете это выносить? спросилъ онъ раздражительно.

Наконецъ, когда одинъ звукъ особенно настойчиво искалъ доступа въ его сердце, онъ не выдержалъ.

— Послушайте, да велите же ему перестать!

— Велѣть ему перестать я не могу, но если хотите, я позову его сюда.

Я постучалъ въ стѣну и сказалъ Вагнеру, что у меня есть гость, который желаетъ его видѣть.

— Вотъ Давыдовъ слышалъ, что вы женитесь, началъ я, обращаясь къ нему, когда онъ пришелъ, выглаженный, вычищенный и аккуратный, какъ всегда.

— Не можетъ быть! Кто вамъ сказалъ?

— Да не помню кто, отвѣчалъ Давыдовъ лѣниво.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! дѣло разошлось. О! это романическая исторія. Если вамъ разсказать, такъ вы ночь спать не будете. Вотъ какая исторія! Да нѣтъ ужъ, послушаю васъ, не разскажу. Пусть лучше вы ко мнѣ сами какъ-нибудь зайдете; тогда, такъ и быть ужъ, разскажу. Или ужъ теперь разсказать? а?

Вагнеръ прищурился и засмѣялся. Онъ глубоко вѣрилъ въ то, что сильно заинтересовалъ насъ.

— Нѣтъ, чтó, это дѣло прошлое, сказалъ я. — Мы лучше о будущемъ поговоримъ. Надо вамъ невѣсту искать.

Вагнеръ вздохнулъ.

— Вотъ, у ректора, говорятъ, дочь хороша, замѣтилъ Давыдовъ. — Женитесь на ней.

Я засмѣялся.

— Эта женщина не для насъ. Она слишкомъ хорошо знаетъ свою красоту, чтобы подарить ее какому нибудь профессору.

— Полноте, пожалуйста! Не только профессору, — не понимаю, почему вы прибавили *какому-нибудь,* — она

подаритъ ее своему крѣпостному лакею. Все зависитъ отъ умѣнья взять.

— Вотъ попробуйте: представляется отличный случай. Впрочемъ, я васъ предупреждаю, что еще въ Петербургѣ мнѣ говорили, что ея любовь покупается цѣною золота. Она ищетъ себѣ богатой партіи. Вы ни въ какомъ случаѣ ее удовлетворить не можете.

Давыдовъ улыбнулся.

— Что вы смѣетесь?

— Ничего. Вы меня заинтересовали. Покажите мнѣ вашу красавицу. Она не рыжая ли? Я рыжихъ терпѣть не могу.

— А вѣдь почти что такъ: у нея волосы отливаютъ золотомъ.

— Ну, это еще ничего. А то въ Петербургѣ была одна рыжая красавица. Я ее видѣть не могъ! Княгиня... Какъ ее?... Забылъ.

— Хороша, угрюмо замѣтилъ Вагнеръ: — только... легкомысленна.

— Вы почемъ знаете?

— Видѣлъ. Это ужь сейчасъ видно! И глаза, и взгляды, и манеры разныя...

— Въ Петербургѣ онѣ всѣ такія.

Вагнеръ съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на меня.

— Съ чего имъ всѣмъ такими быть?

— Да, вотъ подите.

— Покажите, покажите мнѣ вашу красавицу, повторилъ Давыдовъ. — Если только она не рыжая, я готовъ ухаживать за ней.

IX.

Однажды я получилъ отъ Ганского записку, въ которой онъ настойчиво просилъ меня зайти къ нему. Я отправился тотчасъ же послѣ лекціи.

Онъ занималъ квартиру въ домѣ губернатора, гдѣ самъ хозяинъ не жилъ, а помѣстилъ только свою канцелярію и пріемную для просителей. Точно такая же пріемная была и у Ганского. Полагая, что онъ пригласилъ меня по дѣлу, я не пошелъ во внутреннія комнаты, а остался тутъ вмѣстѣ съ другими. Всѣхъ насъ было человѣкъ восемь.

Былъ тутъ пріятель мой, профессоръ ботаники и фармакологіи, ходившій всегда въ тафтяномъ кафтанѣ, масляномъ отъ блиновъ, въ штанахъ съ заплатами и башмакахъ съ мѣдными пряжками. Былъ учитель латинскаго языка, приходившій въ классъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ плащѣ въ накидку. Былъ тутъ еще предсѣдатель уголовной палаты, величайшій чудакъ. Объ его странностяхъ много говорили въ городѣ. Со многими другими причудами въ немъ уживались двѣ совершенно несовмѣстимыя страсти: страсть къ церковному пѣнію и къ военнымъ манёврамъ. Для манёвровъ онъ держалъ у себя на дворѣ армію изъ 24 человѣкъ. Въ свободное время онъ пѣлъ кондаки, ирмосы, антифоны, читалъ славословіе или писалъ на своихъ враговъ ругательный кантъ и клалъ его на ноты. Законъ объ

экзаменахъ для гражданскихъ чиновниковъ сразилъ его. Онъ оставилъ на время ирмосы, распустилъ армію и ѣздилъ по всѣмъ вліятельнымъ лицамъ узнать: сколько нужно дать и кому?

Учитель латинскаго языка объявилъ мнѣ, что пришелъ просить у попечителя разрѣшенія открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Я указалъ ему глазами на француза, сидѣвшаго у окна съ видомъ человѣка, который намѣревается запѣть шансонетку. Это былъ Верже, лекторъ французскаго языка, который давно уже, чуть ли не съ того времени, какъ стали его знать въ университетѣ, собирался открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ давалось бы «une éducation vraiment libérale».

Мой собесѣдникъ презрительно посмотрѣлъ въ указанную сторону.

— Такъ неужто мнѣ передъ французомъ предпочтенія не отдадутъ? Русскому заслуженному маіору (онъ называлъ себя всегда маіоромъ, чего ему никто отнюдь не запрещалъ), русскому маіору отказать, а французу позволить? Нѣтъ-съ! Пускай онъ къ своему Лудовику поѣдетъ. Мы къ его Лудовику не ѣдемъ — и онъ у русскихъ хлѣбъ не отбивай. Я скажу его превосходительству! я скажу: ваше превосходительство, пускай его ѣдетъ къ Лудовику! Разсудите, скажу, ваше превосходительство, мы къ его Лудовику не ѣдемъ; мы отъ своего русскаго государя жалованье получаемъ. За что-жъ теперь эти французы будутъ насъ оттѣснять?

Верже думалъ иначе. Я видѣлъ, какъ онъ подсѣлъ

къ председателю уголовной палаты и съ жаромъ началъ объяснять ему устройство своего будущаго пансіона, причемъ несколько разъ слышались слова: une éducation vraiment libérale! Председатель смотрелъ на него, вытараща глаза, потому-что по-французски зналъ твердо только две фразы: *мосье Бонапартъ* и *ке вуле ву?* Все остальное было для него довольно темно.

Надо было выручить француза. Я взялъ на себя роль переводчика.

— Dites donc à ce monsieur, кричалъ Верже: — que ce sera une éducation vraiment libérale!

Приноравливаясь къ понятіямъ председателя, который либераловъ, карбонаріевъ и якобинцевъ, не различая между собою, всехъ называлъ ракаліями, я перевелъ это такъ, что мосье Верже хочетъ воспитывать девицъ въ страхе Божіемъ.

— Что-жъ, хорошо. Будетъ добру учить, мы денегъ не пожалеемъ.

— Je tiens à combattre l'ignorance! кричалъ Верже.— Les demoiselles embrasseront chez moi les sciences, les lettres et les beaux-arts dans toute leur étendue.

— Всемъ наукамъ будутъ обучать, переводилъ я председателю.

— Это враки. Зачемъ девице все науки знать. Выучилъ географіи, ариѳметике — довольно. Ну, отечественную исторію должна знать; это надо. Ну, манеры, тамъ, танцы... благородной девице больше не нужно.

— Ce sera quelque chose de sublime qu'une femme

qui suivra les progrès des sciences, qui chantera comme un ange.

— Пѣть будутъ, какъ ангелы, переводилъ я.

— Это хорошо. Вотъ что хорошо, то хорошо! Пусть бы только духовное больше пѣли.

— Mais oui, mais oui, monsieur! le chant d'église... tout ce que vous voudrez.

— Да чтобы помѣщеніе было приличное! Чтобы дочери особую комнату... я безъ этого не отдамъ. Дѣвка при ней будетъ... ну, и дѣвкѣ уголокъ.

— Oh! les servantes,—c'est impossible! Nous ne recevrons pas de servantes!

— Онъ говоритъ, что съ прислугой нельзя.

— Что? (Предсѣдатель даже покраснѣлъ). Какъ нельзя? Да неужто онъ думаетъ, что я къ нему дочь безъ дѣвки отдамъ! Да кто-жъ за ней ходить будетъ?

Французъ тоже вспылилъ.

— Pardieu! On ne met pas de servantes dans les pensionnats. Il y aura des filles qui soigneront les demoiselles.

— Ишь ты! Отдай ему дочь безъ дѣвки. Это у васъ тамъ ваши Матильды сами себѣ юбки моютъ. Моя дочь, слава Богу, имѣетъ средства. Ей каждый крючокъ дѣвка застегнетъ.

Французъ разгорячился и началъ говорить такія вещи, что я отъ роли переводчика отказался.

Мой пріятель, профессоръ ботаники, вынулъ изъ засаленнаго кафтана табакерку, потчивалъ меня, уди-

вился, что я не нюхаю (онъ удивлялся этому всякій разъ, какъ видалъ меня, а видались мы нерѣдко), и понюхалъ самъ.

— Вы зачѣмъ? спросилъ я его.

— Да вотъ аптечку мы тутъ устраиваемъ. И лабораторію туда на время переведемъ.

— Вы давно тутъ ждете?

— Нѣтъ, не такъ давно. Ихъ превосходительство гуляетъ, доложилъ онъ почтительно. — Камердинеръ давеча сказа́лъ. Онъ, говоритъ, каждый день гуляетъ; для здоровья.

— Я его неоднократно встрѣчаю, крикнулъ предсѣдатель. Около собора и дальше туда, къ заставѣ. Все пѣшкомъ ходитъ.

У насъ въ городѣ считалось неприличнымъ ходить пѣшкомъ иначе, какъ по бульвару. Человѣкъ, имѣвшій свой экипажъ, никогда не ходилъ по улицѣ. Губернаторъ иначе не выѣзжалъ, какъ въ каретѣ цугомъ, съ форрейторомъ, верховыми и двумя лакеями на запяткахъ.

Ганской скоро вернулся. Съ обычнымъ своимъ разсѣяннымъ видомъ, онъ вышелъ къ намъ въ пріемную. Предсѣдатель потребовалъ аудіенціи и ушелъ съ нимъ въ кабинетъ. Долго слышался тамъ шумный говоръ гостя и краткія, спокойныя замѣчанія хозяина. Дѣло шло очевидно объ экзаменахъ для полученія слѣдующаго чина. Черезъ четверть часа, предсѣдатель вышелъ красный, съ взъерошенными волосами, началъ харкать, плевать и сердито пошелъ къ дверямъ. Ганской пригласилъ къ себѣ

француза; меня же отвелъ въ сторону и сказалъ, что проситъ остаться у него обѣдать. Я поклонился и хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, не уходите. Подождите меня тамъ (онъ указалъ на слѣдующую комнату), я сейчасъ покончу съ этими господами, и мы съ вами займемся.

Я прошелъ въ указанную мнѣ комнату. Это была его спальная. Обстановка была роскошная. Мебель, какъ я слышалъ, вся прислана отъ губернатора, который любилъ щегольнуть великолѣпіемъ и не пожалѣлъ зеркалъ, лампъ, мраморныхъ умывальниковъ и пр. На туалетномъ столѣ красивые подсвѣчники, кисточки, щеточки, куколки, — все было сдвинуто въ одинъ уголъ, уступая мѣсто книгамъ и бумагамъ, наваленнымъ въ безпорядкѣ.

Вниманіе мое привлекла стоявшая на ночномъ столикѣ башня или маякъ, въ которой помѣщалось нѣсколько восковыхъ свѣчекъ. Занятый разсматриваніемъ этого маяка, я поднялъ его и увидалъ подъ нимъ что-то такое, завернутое въ бѣлую бумагу. Взялъ въ руки — тоненькая дощечка. Полагая, что это принадлежитъ башнѣ, я снялъ бумагу — и остолбенѣлъ. Это былъ портретъ Любови Федоровны. Точно такой, какой я видѣлъ у ректорши. Если тотъ оригиналъ, то это копія. Я завернулъ его опять въ бумагу, положилъ на мѣсто, поставилъ на него башню и сталъ ходить по комнатѣ.

Такъ вотъ, кто была красавица, вскружившая Ганскому голову! Сама судьба давала мнѣ въ руки отличный

случай для созерцанія. Изо всѣхъ бѣснующихся людей самые интересные — это, конечно, влюбленные.

Покончивши съ своими просителями, Ганской вышелъ ко мнѣ.

— Пять человѣкъ, сказалъ онъ: — и всѣ говорили вздоръ. Это удивительно. Вы видѣли предсѣдателя? Настаиваетъ на томъ, чтобы ему выдали дипломъ безъ экзамена, потому-что «я, говоритъ, всѣ науки и безъ того хорошо знаю.» А вѣрите ли вы, что у него разъ была въ рукахъ бумага, гдѣ онъ слово *оптика* вездѣ зачеркнулъ и поправилъ: *аптека.* Вотъ! Ну, что́-жь я могу для него сдѣлать?

Ганской развелъ руками и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Или вотъ тоже пришелъ этотъ французъ просить, чтобы я ему позволилъ открыть пансіонъ. Я, съ своей стороны, противъ этого ничего не имѣю, да, во-первыхъ, правительство не желаетъ, чтобы профессора содержали частные пансіоны; а во-вторыхъ, ка́къ я ему дамъ разрѣшеніе, когда у меня на него вонъ десять доносовъ лежитъ! Въ одномъ сказано, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Изволите видѣть! Вѣдь я вижу, что это галиматья, а долженъ имъ дать ходъ. Скажите, пожалуйста, продолжалъ онъ съ усмѣшкой: — что́, у васъ всегда такъ бываетъ? Жалобы, доносы, доносы! Вонъ у меня ихъ цѣлый архивъ теперь. Предложите имъ, пожалуйста, отъ моего имени, чтобы

они назначили какой-нибудь третейскій судъ, да сами и разбирались.

Я замѣтилъ, что это было бы хорошо.

— Да чего же лучше! помилуйте! Вотъ сейчасъ тутъ французъ жалуется на одного учителя, что онъ ходитъ въ классъ въ одномъ бѣльѣ и только сверху плащъ въ накидку. Правда это, что онъ въ одномъ бѣльѣ ходитъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, вотъ видите. Это еще не ужасное преступленіе; однако оно, можетъ быть, тамъ, дѣйствительно, чувство приличія оскорбляетъ. У него, можетъ, мундира нѣтъ? Можно это какъ-нибудь устроить.

Ганской молча, насупившись, ходилъ по комнатѣ.

— Что, скажите пожалуйста, спросилъ онъ вдругъ: — у васъ этотъ адъюнктъ Давыдовъ... Какъ вы находите, опасный онъ человѣкъ?

— Опасный? Въ какомъ смыслѣ?

Ганской остановился и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Впрочемъ, это не важно, сказалъ онъ, какъ-бы раздумывая. — Если я замѣчу что-нибудь — я его удалю. Вы можете такъ ему и передать, что если съ его стороны будутъ какія-нибудь выходки — ихъ безъ послѣдствій не оставятъ.

Въ голосѣ его звучала жесткая нота. Я первый разъ замѣтилъ въ немъ это.

За обѣдомъ онъ опять упомянулъ, что разсчитываетъ на мою помощь, и проситъ меня разсмотрѣть съ нимъ нѣкоторыя бумаги. Еще мы не встали изъ-за стола, какъ

ему принесли съ почты нѣсколько конвертовъ. Онъ попросилъ извиненія и распечаталъ. Онъ читалъ ихъ, сдвинувъ брови, и все мрачнѣе становилось его лицо. Пробѣжавши послѣднія строчки, онъ заперъ бумаги въ столъ и, ни слова не говоря, сталъ закуривать сигару. Нѣсколько прядей его темныхъ волосъ набѣжали ему на лобъ; онъ не обратилъ на это вниманія. Пепелъ сигары сыпался ему на колѣни, — онъ и этого не замѣчалъ. Хотя, продолжая разговоръ со мной, онъ не упоминалъ о полученныхъ бумагахъ, но я видѣлъ, что онъ разстроенъ. Выраженіе его темносинихъ глазъ, — выраженіе, которое я любилъ за его мягкость, теперь было почти непріятно.

— Я, кажется, не говорилъ вамъ? Я на-дняхъ ѣду въ Петербургъ.

Да, онъ этого не говорилъ мнѣ, и я увѣренъ, что эта поѣздка была неожиданностью для него самого. Странно, однакожь, думалъ я, въ полученныхъ имъ пакетахъ не было ни одного частнаго письма: все это были, повидимому, бумаги, присланныя изъ министерства. Стало быть, его вызывали въ Петербургъ не семейныя дѣла.

X.

Внезапный отъѣздъ попечителя поразилъ всѣхъ изумленіемъ. Многіе бросились за объясненіемъ къ Швейковскому, но онъ двусмысленно улыбался, принималъ значительный видъ и отмалчивался. Вслѣдствіе этого,

одни стали говорить, что онъ «все знаетъ», другіе, что онъ «ничего не знаетъ». Кромѣ этихъ двухъ партій, составилась третья, утверждавшая, что «все знаетъ» только одинъ Германъ, потому, во-первыхъ, что онъ недавно обѣдалъ у попечителя, а во-вторыхъ, потому, что онъ все посмѣивается и ничего не говоритъ. Партія эта убѣдила ректора послать за мной и выпытать у меня все, что́ можно.

Я явился на приглашеніе и былъ принятъ хозяйкой, потому-что хозяинъ ушелъ въ это время на кухню варить кашку. Въ свободное время нашъ ректоръ занятъ былъ обыкновенно приготовленіемъ разныхъ кашекъ, винигретовъ и соусовъ, игралъ въ бостонъ съ богатыми старушками, или игралъ на гусляхъ съ задумчивымъ видомъ, причемъ всегда поднималъ глаза кверху и смотрѣлъ на карнизъ.

На лекціи онъ не ходилъ потому, говорилъ онъ, что у него пропасть дѣлъ въ правленіи и въ комитетахъ (цензурномъ и училищномъ); въ комитеты же и въ правленіе не ходилъ потому, что некогда: на лекціи спѣшитъ. Если же и случалось заглядывать иногда въ аудиторію, то всегда торопился на службу: почитаетъ 10 минутъ, и ужь глядитъ на часы. «Эхъ, скажетъ, опоздалъ я ныньче! Въ казначействѣ меня ждутъ. Ужь какъ-нибудь того... до другого раза...» И уйдетъ. А когда къ нему приходили съ бумагами изъ казначейства, онъ принималъ суровый видъ и говорилъ: «Нашли время! Мнѣ на лекцію надо, а они съ бумагами!»

Итакъ, извѣстіе, что ректоръ варитъ кашку, меня нисколько не удивило и не опечалило. Я подождалъ, пока онъ вернулся къ себѣ, снялъ поварской колпакъ, фартукъ, пока Егорка подавалъ барину туфли, а престарѣлый Никита надѣвалъ на него широкую венгерку.

— Ну, чтó? Кáкъ дѣла? началъ онъ, отдуваясь и весь еще красный отъ кухоннаго жара. — А я, батюшка, того... потрудился немножко. Пошелъ, скажи (онъ обратился къ Егоркѣ), скажи, чтобы соусъ въ фаянсовую миску выложили! (Егорка защелкалъ пятками и юркнулъ въ дверь). Я слышалъ, вы у его превосходительства обѣдали недавно? Ну, чтó? Каковъ столъ? Вѣдь губернаторскій поваръ готовитъ! Каналья только: воруетъ, говорятъ, ужасно.

Ректоръ высморкался, поправилъ на столѣ какую-то книгу и посмотрѣлъ на меня. Онъ думалъ, можетъ быть, что эти движенія обладаютъ свойствомъ, вызывающимъ на разговоръ. Но я молчалъ.

Тогда онъ, сдѣлавши усиліе надъ собой, заговорилъ о томъ, что вотъ, кто его знаетъ, доволенъ ли попечитель университетомъ, и какъ онъ такъ уѣхалъ, ничего никому не сказавши? Пожалуй, еще чего-бы-нибудь не вышло?

— Вотъ тутъ еще Швейковскій... Требуетъ, чтобы я совѣтъ созвалъ. Я ему отказать не могу, а какой тутъ... до совѣтовъ ли! А вѣдь это все до начальства доходитъ.

— На какомъ же основанiи г. Швейковскiй требуетъ собранiя?

— А вотъ смотрите.

Ректоръ подалъ мнѣ листъ, исписанный четкимъ почеркомъ. Это было высокопарное разсужденiе о томъ, что гибельное направленiе модныхъ идей подтачиваетъ у корня тѣ основы, на которыхъ зиждется благоустроенное общество, и что направленiе это проникаетъ въ университетъ черезъ адъюнкта Давыдова. Авторъ записки берется доказать это на совѣтѣ. Обвиненiе это, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было на столько серьёзно, что оставить его безъ вниманiя нельзя. Нужно было разослать записку для разсмотрѣнiя членамъ совѣта и затѣмъ ожидать, чтó изъ этого выйдетъ.

— Вотъ, чтобы вамъ, господа (ректоръ понизилъ голосъ), плюнуть на это, да и не собираться? Право. Ну, чтó, не собрались, да и кончено. Такъ дѣло и оставили бы безъ вниманiя.

— Не думаю, чтобы это было возможно. Многiе боятся Швейковскаго. Законное большинство онъ всегда наберетъ.

— Ну, какъ хотите. Я такъ только сказалъ. Я для васъ же...

Объясненiе мое съ ректоромъ кончилось, и все пошло своимъ чередомъ. Записка Швейковскаго была разослана на разсмотрѣнiе всѣмъ членамъ совѣта.

«Ну, думалъ я,. теперь начнется бѣснованье!» И не ошибся... На другой же день забѣжали ко мнѣ двое или трое изъ моихъ коллеговъ. Пошло шептанье.

— Каково!... Слышали?... Вотъ исторія-то!

— Мое мнѣніе, господа, что не ходить никому на этотъ совѣтъ — и баста!

— Чтò-жь это, помилуйте! Послѣ этого никто изъ насъ не огражденъ! Нынче Давыдова ошельмуютъ, завтра за насъ примутся.

— Въ особенности въ нынѣшнія-то времена! Да тутъ, батюшка, какъ разъ... Тутъ не разговариваютъ!

— Велятъ выѣхать изъ Россіи въ 24 часа, да и вся недолга.

— Какъ вы думаете, какія онъ доказательства представитъ? Какія у него могутъ быть доказательства, — вотъ чтò интересно.

— Э, это пустяки. Захотятъ, такъ и доказательства найдутъ. Помните исторію съ Куницынымъ? Вѣдь онъ за книгу свою пострадалъ, а книга-то какая? Вѣдь ее сначала въ главномъ правленіи не только одобрили — ее находили достойной поднести государю. А тутъ какъ Руничъ подалъ свой отзывъ, такъ куда и достоинства полетѣли. Постановили: изъять книгу изъ продажи и отобрать у частныхъ лицъ. Да вѣдь какъ постановили-то! большинствомъ голосовъ!

Слова эти навели на всѣхъ уныніе. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, гарантія, что каждаго изъ насъ не ожидаетъ судьба Куницына? Давыдова цѣлый день не было дома. Вечеромъ только я видѣлъ, какъ онъ прошелъ мимо окошка съ двумя студентами. Онъ возвращался домой. Такъ-какъ онъ жилъ въ тѣхъ же меблированныхъ ком-

натахъ, то мнѣ стоило только пройти по корридору и спуститься въ нижній этажъ, чтобы быть у него.

Когда я вошелъ къ нему, два студента съ жаромъ разсуждали о чемъ-то. Онъ слушалъ ихъ, невозмутимо разрѣзая лежавшую у него на колѣняхъ книгу. Но при внимательномъ разсмотрѣніи можно бы замѣтить, что около губъ у него обрисовались складочки, непредвѣщавшія ничего хорошаго. Студенты при моемъ появленіи какъ-будто нѣсколько смутились. Одинъ свернулъ въ трубку и спряталъ въ боковой карманъ тетрадь, бывшую у него передъ этимъ въ рукахъ.

— Я не помѣшалъ ли? спросилъ я.

Но Давыдовъ молча подвинулъ мнѣ стулъ.

— Догадываюсь, о чемъ идетъ совѣщаніе. Продолжайте, пожалуйста. Во мнѣ все умретъ, какъ въ могилѣ.

— Совѣщаніе наше кончено. Да и поздно ужъ. Вамъ, господа, пожалуй, домой пора, сказалъ Давыдовъ студентамъ, обмѣнявшись съ ними многозначительнымъ взглядомъ.

Студенты скоро ушли, и мы остались одни. Давыдовъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ продолжалъ разрѣзать книгу.

— Карамзина опять бранятъ въ «Вѣстникѣ Европы». Вы читали?

Когда я вижу, что человѣкъ нарочно заговариваетъ о постороннихъ предметахъ, чтобы не говорить о томъ, что̀ само просится на языкъ, я всегда поддерживаю разговоръ.

— Карамзина бранятъ? Нѣтъ, не читалъ.

— Какъ же! Это теперь самая животрепещущая новость въ литературѣ. Да и чего вы хотите! Какая тутъ можетъ быть литература, когда цензоръ не пропускаетъ выраженія: «чуждая земля» и «чуждое небо», ибо, говоритъ, небо одно и земля одна. Вотъ вамъ наша цензура! О чемъ тутъ писать? О событіяхъ? Кромѣ военныхъ реляцій, ничего не пропустятъ. О лицахъ? Это выйдетъ акаѳистъ всѣмъ святымъ. Не угодно ли посмотрѣть въ «Отечественныя Записки»? Тамъ каждая біографія государственнаго дѣятеля есть сама по себѣ уже прекраснѣйшій акаѳистъ. Да-съ, въ хорошія времена мы живемъ, когда можно профессора обвинить и предать суду за то, что онъ разгласилъ государственную тайну: осмѣлился въ своихъ лекціяхъ упомянуть о бюджетѣ! — о бюджетѣ, который былъ министерствомъ напечатанъ для общаго свѣдѣнія въ вѣдомостяхъ. Это называется разглашеніе государственной тайны! (Онъ усмѣхнулся и бросилъ книгу на столъ). Я васъ спрашиваю: чего же тутъ ожидать отъ литературы? Она задавлена. Она не можетъ говорить о томъ, о чемъ слѣдовало бы говорить. Она не смѣетъ сказать, что подъ самыми почти окнами государя, который запретилъ продавать людей безъ земли, продаютъ съ аукціона старуху за 2 руб. сер. Но она печатаетъ мнѣніе статскаго совѣтника, который утверждаетъ, что не худо бы раздать всѣхъ казенныхъ крестьянъ помѣщикамъ, ибо лучшаго управленія и желать нельзя. Вотъ вамъ наша литература!

— Боюсь, замѣтилъ я: — чтобы въ ваши лекціи не попало отрывковъ изъ сегодняшней рѣчи. Тогда Швейковскій разгромитъ васъ на совѣтѣ.

Давыдовъ самоувѣренно посмотрѣлъ на меня.

— Неужели вы думаете, что я не принялъ своихъ мѣръ?

Въ этой фразѣ звучало столько гордаго презрѣнія, столько самонадѣянности, что нельзя было не позавидовать человѣку, выступавшему на борьбу съ такимъ запасомъ свѣжихъ силъ.

— Неужели вы думаете, продолжалъ онъ: — что какой-нибудь Швейковскій съ своей партіей могутъ дѣйствительно испугать меня? Я знаю, что меня ожидаетъ много пошлости, много мелкихъ, подъяческихъ придирокъ; но чего же вы хотите? Никакъ не слѣдуетъ, по-моему, останавливаться передъ такими пустяками!

По нервно-сжимавшимся губамъ я видѣлъ, однакожъ, что эти пустяки его волнуютъ. Люди, которые болѣе всего толкуютъ о своемъ презрѣніи къ врагамъ и ихъ интригамъ, часто далеко бываютъ отъ этого презрѣнія. Презрѣніе и спокойствіе неразлучны. Давыдовъ говорилъ тихо, но всѣ мускулы на лицѣ у него вздрагивали.

— И не удивляюсь тому, что какой-нибудь Швейковскій могъ вообразить, что ему дано право привлекать меня къ отвѣтственности. Эти люди, по недостатку такта и по незнанію простыхъ законовъ общежитія, дѣлаютъ и не такіе промахи. Но меня удивляетъ, какъ могъ

допустить это университетъ? — Впрочемъ, прибавилъ онъ, помолчавъ: — и это объясняется довольно просто. За Швейковскимъ стоитъ другое лицо, и передъ этимъ лицомъ университетъ, конечно, своего мнѣнія не посмѣетъ имѣть.

Я посмотрѣлъ на Давыдова.

— Кто же это лицо, — Платонъ Николаичъ? спросилъ я. Если не ошибаюсь, это долженъ быть Ганской?

Давыдовъ всталъ.

— Намъ давно слѣдовало назвать его. Зачѣмъ прикрывать все именами Швейковскаго, его партіи и проч.? Это маска! За маской я ищу лица.

— Съ какой стати Ганской станетъ васъ преслѣдовать? Что вы ему сдѣлали?

— Послушайте! Неужели вы не понимаете, въ чемъ дѣло? Неужели вы не знаете, что его превосх-во отыскиваетъ тутъ во что бы то ни стало заговора! Что онъ присланъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы отыскать тутъ заговоръ; что отъ этого зависитъ, можетъ быть, его повышеніе по службѣ, его карьера!

Мнѣ вспомнились слова Тургенева о тайныхъ инструкціяхъ, данныхъ Ганскому; но самая личность его была мнѣ на столько симпатична, что у меня какъ-то не вязалось съ понятіемъ о немъ понятіе о такихъ злыхъ умыслахъ. Я высказалъ это Давыдову. Я упомянулъ о томъ, какъ Ганской жаловался мнѣ, что его осаждаютъ доносами и жалобами.

Давыдовъ расхохотался.

— И вы вѣрите этимъ наивностямъ. Да неужели

же вы не поняли, что имѣете дѣло съ самымъ тонкимъ іезуитомъ! Онъ прикидывается добродушнымъ, ни во что не вмѣшивающимся человѣкомъ, а между тѣмъ... Нѣтъ, не говорите мнѣ про него! Если я кого ненавижу, такъ это его!

— Давно ли вы говорили, что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ.

— Да, я говорилъ это, когда не зналъ его. Я самъ поймался на это. Я и теперь, впрочемъ, стою на томъ, что онъ недалекъ. Геніальный умъ и хитрость, и житейская ловкость вмѣстѣ не уживаются! Напротивъ! это именно удѣлъ людей съ ограниченнымъ умомъ. Въ учебныхъ дѣлахъ онъ понимаетъ немного; но въ дѣлѣ шпіонства, въ дѣлѣ интригъ — онъ художникъ! Эти люди по службѣ идутъ далеко! Лучшаго слуги правительство не могло себѣ выбрать!

Этотъ взрывъ негодованія былъ для меня совершенно неожиданнымъ. Какія данныя имѣлъ Давыдовъ, чтобы обрушить весь свой гнѣвъ на попечителя? Многіе, напротивъ, отзывались о немъ съ хорошей стороны. Онъ былъ мягокъ въ обращеніи и никогда не позволилъ себѣ никого оскорбить. Въ немъ не было того, едва замѣтнаго пренебреженія, которое сквозитъ у лучшихъ изъ нашихъ аристократовъ.

Я указалъ на это Давыдову и высказалъ мнѣніе, что, по-моему, Ганской вовсе не способенъ на ту адскую хитрость, которую онъ ему приписываетъ.

— Я имѣю основанія думать иначе, холодно замѣ-

тилъ Давыдовъ. — Вы находите, что его превосх-во идеалъ простоты и доброты. Я смотрю на эту простоту съ другой точки зрѣнія. Его превосх-во любитъ, напримѣръ, ходить пѣшкомъ, даже въ самыя отдаленныя части города, черта, сама по себѣ прекрасная. Его превосх-во любитъ заходить подъ разными предлогами въ тѣ дома, гдѣ разсчитываетъ встрѣтить студентовъ. Чего же лучше! Онъ съ любовью слѣдитъ за учащейся молодежью. Онъ даже на бульварѣ вступаетъ въ разговоръ со студентами. А болѣе всего онъ любитъ говорить съ ними инкогнито: онъ разспрашиваетъ ихъ подъ рукой, что́ они читаютъ, чему сочувствуютъ, и кто ихъ любимые профессора, чему ихъ эти профессора учатъ; проситъ ихъ довѣрія, проситъ быть съ нимъ откровенными. Затѣмъ поднимается вопросъ о томъ, нельзя ли ему получить отъ нихъ тетрадки съ лекціями, но только «пожалуйста, такъ, какъ онѣ есть, безъ поправокъ, безъ помарокъ.» Нѣкоторыя наивныя души даютъ ему эти тетрадки. Потомъ нельзя ли показать ему тѣ сочиненія, тѣ письменныя упражненія, которыя приготовлены не для университета, а такъ, для себя, въ минуты досуга. Можетъ быть, въ кругу товарищей издается рукописный журналъ, — его превосх-во желалъ бы видѣть этотъ журналъ, опять-таки на условіяхъ полнѣйшаго довѣрія къ нему. Онъ обѣщаетъ студентамъ хранить ихъ тайну. — Какъ вы это находите, господинъ профессоръ?

Давыдовъ скрестилъ руки и посмотрѣлъ на меня блестящими, расширившимися зрачками.

Чтó я могъ ему на это сказать, кромѣ того, что это дѣйствительно можетъ быть сочувствіе къ интересамъ студентовъ, что можетъ быть участіе его и искреннее.

XI.

Друзья Давыдова заранѣе условились не ходить на совѣтъ и тѣмъ заявить свой протестъ.

Они послали ректору бумагу, въ которой объясняли, что не находятъ заявленіе проф. Швейковскаго заслуживающимъ уваженія. Самъ Давыдовъ, съ свойственною ему гордостью, отказался послѣдовать ихъ примѣру и сказалъ, что «если нужно, онъ пойдетъ одинъ противъ всѣхъ, но не позволитъ себѣ, изъ какой-то мелочной щекотливости, уклоняться отъ объясненій.»

Такимъ образомъ, на совѣтѣ явились по большой части люди противной ему партіи или индифферентные къ нему. Можно было предвидѣть, что засѣданіе будетъ бурное. Швейковскій пришелъ вооруженный портфелемъ, который, судя по его толщинѣ, долженъ былъ заключать въ себѣ цѣлый архивъ уликъ и обвиненій. Подозрительная толщина этого портфеля вызвала у ректора безпокойный взглядъ, у иныхъ даже вздохъ. Университетъ сталъ похожъ на присутственное мѣсто, приступающее къ разбирательству тяжебнаго дѣла, въ которомъ 20 человѣкъ истцовъ и столько же отвѣтчиковъ.

Швейковскій съ торжествующимъ видомъ ходилъ между *своими*, объяснялъ имъ, какъ подавать голоса, и даже диктовалъ вопросные пункты. Давыдова еще не было. Ректоръ не спѣшилъ открывать засѣданія. Онъ откровенно сознался, что ждетъ, не раздумаютъ ли господа профессора, и что не стоило бы изъ такихъ пустяковъ исторію поднимать, а вотъ если толковать, «такъ лучше потолкуемъ о томъ, что надо бы Ивану Иванычу Дмитріеву (бывшему министру юстиціи и баснописцу) поднести званіе почетнаго члена.» На это Швейковскій отвѣтилъ, что ему до Ивана Иваныча Дмитріева никакого нѣтъ дѣла, а что вотъ не угодно ли будетъ совѣту подать коллективное заявленіе о нежеланіи имѣть Давыдова въ своей средѣ.

— Этимъ дѣло и кончится. Никакихъ дальнѣйшихъ вопросовъ я тогда поднимать не буду. Если же это заявленіе не пройдетъ, то я объявляю заранѣе: я подниму вопросъ, который можетъ бросить тѣнь на весь университетъ!

Вагнеръ, слышавшій эту фразу наравнѣ съ другими, вдругъ покраснѣлъ какъ ракъ. Онъ былъ очень щекотливъ. Онъ не терпѣлъ, чтобы при немъ отзывались дурно объ университетѣ, какъ иная прислуга не любитъ, чтобы говорили дурно о ея господахъ. Потрясая своей рыжей бородой, онъ выступилъ впередъ и объявилъ, что въ лицѣ университета оскорблены всѣ профессора, и что если г. Швейковскій не возьметъ своего заявленія назадъ, то не Давыдова, а его могутъ попро-

сить выдти въ отставку. Швейковскій метнулъ на него изъ-подъ очковъ свирѣпый взглядъ.

— Если это не ваше только личное мнѣніе, если вы наберете достаточное число голосовъ, то я съ удовольствіемъ подамъ въ отставку. Я не желаю быть нахальнымъ и, конечно, не позволю себѣ сѣсть на шею людямъ, которые прямо заявятъ, что не желаютъ имѣть со мною никакого дѣла. На такое нахальство способны только немногіе (Онъ взглянулъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться Давыдовъ).

Кто-то изъ его партіи крикнулъ, что это благородно. И затѣмъ вся партія шумно поддерживала вопросъ о его благородствѣ.

Я посмотрѣлъ въ тотъ уголъ, гдѣ собрались нѣмцы.

Къ вопросу объ удаленіи Давыдова они относились совершенно индифферентно. Но зато у нихъ были свои дни бенефисовъ, когда, напримѣръ, открывалась вакантная каѳедра и нужно было посадить *своего*, или выбирался деканъ, т.-е. счастливецъ, получающій 300 р. прибавки къ 2 тысячамъ профессорскаго жалованья. Тутъ среди нѣмцевъ начиналась страшнѣйшая агитація и университетъ получалъ тогда видъ уже не присутственнаго мѣста, а кровопролитнѣйшаго поля сраженія. Нѣмцы стройными колоннами наступали на русскихъ; русскіе отбивались, какъ умѣли, пока наконецъ все это смѣшивалось въ страшномъ безпорядкѣ. Когда же раздоры возникали въ средѣ самихъ русскихъ — нѣмцы оставались нейтральными. Адъюнктъ Давыдовъ казался имъ

совершеннѣйшими пустяками, нестоившими ихъ просвѣщеннаго вниманія. Но фраза Швейковскаго о тѣни, которую онъ собирался бросить *на весь университетъ*, разсердила ихъ. Если бы онъ еще прибавилъ: *кромѣ лицъ германскаго происхожденія!* но онъ этой оговорки не сдѣлалъ.

Одинъ изъ нѣмцевъ всталъ, откашлялся и громко произнесъ:

— Тэнь? На унивэрситэтъ? Н-ни жилаю!

Товарищи поддержали его и заговорили по-нѣмецки громко, проворно, въ разсыпную, какъ умѣютъ говорить только разсерженные нѣмцы. Ректоръ поспѣшилъ открыть засѣданіе, въ надеждѣ, что тогда будетъ поспокойнѣе, потому-что тогда каждое слово записывается въ журналъ.

Едва успѣли всѣ усѣсться по мѣстамъ и Швейковскій сталъ читать свое предложеніе объ удаленіи Давыдова, какъ самъ онъ показался въ дверяхъ. Одинъ изъ профессоровъ немедленно обратился къ ректору и просилъ его обратить вниманіе на то, что адъюнктъ Давыдовъ уже неоднократно опаздываетъ на засѣданія совѣта и тѣмъ оказываетъ пренебреженіе всему университету.

Давыдовъ былъ блѣденъ и тщетно старался скрыть внутреннее волненіе подъ ледяной оболочкой. Видно было, что онъ входилъ въ залу какъ въ разбойничій вертепъ, съ трепетомъ, но съ твердой рѣшимостью защищаться до послѣдней возможности.

Онъ занялъ свое мѣсто и, ни къ кому въ особен-

ности не обращаясь, сказалъ, что желающіе могутъ записать въ журналъ о томъ, что онъ опоздалъ. Убійственно-холодный тонъ его, его осанка, полная достоинства, показывали, что онъ желаетъ приступить прямо къ дѣлу и оставляетъ мелочныя придирки безъ вниманія. Это многимъ не понравилось. Давыдова вообще не любили въ университетѣ за его самоувѣренность, за его часто нестерпимую гордость и презрѣніе ко всему, что̀ стоитъ ниже его. Расположеніе студентовъ и публики, съѣзжавшейся на его лекціи какъ на спектакль, наконецъ какое-то врожденное самообожаніе заставили его дѣйствительно много думать о себѣ. Только природному уму своему онъ обязанъ былъ тѣмъ, что не переступалъ границы, за которою человѣкъ дѣлается фатомъ. Но и умъ не спасалъ его отъ какой-то непріятной заносчивости, которая сквозила въ его джентльменскихъ манерахъ. Друзьями его были люди, знакомые съ нимъ только по его лекціямъ; всѣ же, знавшіе его ближе, всѣ, кто имѣлъ съ нимъ частыя столкновенія, если и не были его врагами, то признавались, что онъ тяжелый человѣкъ.

Можетъ быть, таковъ удѣлъ талантливыхъ людей, которымъ слишкомъ много поклоняются въ обществѣ и которые невыносимы въ домашней жизни.

Все время, когда Швейковскій читалъ свое заявленіе, Давыдовъ сидѣлъ, не поднимая глазъ, какъ-бы слушая вещь интересную, но до него не касающуюся.

— Не угодно ли будетъ господамъ присутствующимъ рѣшить по большинству голосовъ вопросъ о томъ, жела-

ютъ или не желаютъ они служить съ адъюнктомъ Давыдовымъ?

На это предложеніе Швейковскаго всѣ молчали.

— Многіе заявляли при мнѣ, продолжалъ онъ: — что не хотятъ терпѣть въ своей средѣ г. Давыдова, что онъ невыносимъ для нихъ своимъ дерзкимъ характеромъ, и что онъ причиною многихъ непріятностей въ университетѣ. Заявленія эти повторялись такъ часто, что мнѣ кажется, дабы положить конецъ недоразумѣніямъ, было бы всего благоразумнѣе съ нашей стороны предложить г. Давыдову, по-товарищески, избавить и себя, и насъ отъ непріятностей, и оставить университетъ.

Всѣ молчали. Давыдовъ всталъ.

— Не угодно ли вамъ формулировать ваше предложеніе яснѣе! Не угодно ли вамъ изложить тѣ причины, на которыхъ будетъ основано мое удаленіе!

— Замѣтьте, господа, горячился Швейковскій: — что я предлагаю это пока частнымъ образомъ. Я сказалъ: *предложить по-товарищески!* Я прошу даже не вносить моихъ словъ въ журналъ...

Давыдовъ перебилъ его.

— На оффиціальномъ собраніи частныхъ разговоровъ не можетъ быть. Мы пришли сюда не бесѣдовать. Не угодно ли вамъ формулировать ваше предложеніе яснѣе!

— А, въ такомъ случаѣ... Господа, я прошу вниманія! Я хотѣлъ кончить дѣло мирно, безъ скандала; я хотѣлъ кончить его семейнымъ образомъ. Мы не поладили съ г. Давыдовымъ, г. Давыдовъ не поладилъ съ

нами — вещь очень обыкновенная въ служебномъ мірѣ! Мы должны разойтись. Но мои побужденія истолкованы иначе. Отъ меня требуютъ, чтобы я говорилъ оффиціально, но... будетъ ли этимъ доволенъ г. Давыдовъ? Увѣренъ ли онъ, что исторія не кончится для него хуже, чѣмъ она кончилась бы теперь?!

Швейковскій сдѣлалъ торжественную паузу и окинулъ взглядомъ все собраніе. Давыдовъ сохранялъ свой спокойный, нѣсколько даже равнодушный видъ.

— Я нахожу это предисловіе совершенно лишнимъ, замѣтилъ онъ: — и жалѣю, что пришелъ слишкомъ рано.

— Итакъ, господа, крикнулъ Швейковскій: — вы всѣ требуете оффиціальности?

Поднялся шумъ. Каждый предлагалъ свое. Въ заднемъ ряду кто-то даже совѣтовалъ выдать Давыдову аттестатъ съ прописаніемъ о безпокойномъ нравѣ и грубости.

При этомъ общемъ гвалтѣ мнѣ, исправлявшему должность секретаря, приходилось трудно. Я готовъ былъ повторить слова, сказанныя когда-то въ засѣданіи французской академіи: «Messieurs, si nous ne parlions que quatre à la fois?»

Не измѣняя своему ровному тону, Давыдовъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы обвиненіе было поддержано оффиціально. Тогда Швейковскій снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ опять, и съ таинственнымъ видомъ сталъ вытаскивать изъ портфѣля одну за другой объемистыя тетради.

— Милостивые государи, началъ онъ: — вы видите передъ собой лекціи адъюнкта Давыдова.

Въ собраніи пробѣжалъ трепетъ. Неужели онъ будетъ ихъ читать. Но нѣтъ, онъ выбралъ то, что̀ было у него отмѣчено карандашомъ, и остановился на этихъ мѣстахъ, указывая на заключавшійся въ нихъ ядъ.

> «При Ахавѣ было введено изъ Финикіи слу-служеніе Ваалу,» читалъ онъ выдержку изъ лекціи Давыдова: — «и обѣ религіозныя партіи, обожатели Іеговы и Ваала, начали другъ друга преслѣдовать.»

Швейковскій остановился, положилъ тетрадь на столъ и обратился къ слушателямъ.

— Милостивые государи, вотъ какъ говоритъ профессоръ, исповѣдующій православную вѣру! Вотъ какъ пропитываетъ онъ юныя сердца своихъ слушателей уваженіемъ къ религіи! Іегова и Ваалъ! Іегова и Ваалъ поставлены рядомъ и обожатели ихъ названы *религіозными партіями*. Вотъ какое богохульство допускается въ публичныхъ лекціяхъ нашего университета! Гдѣ мы? Въ православной ли мы странѣ, которая подъ скипетромъ своего царя уважаетъ вѣрованія своихъ предковъ; или же мы въ скопищѣ якобинцевъ, которое, посадивши на колесницу публичную женщину, оказываетъ ей божескія почести и называетъ ее богиней разума.

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, съ сверкающими глазами.

— Г. профессоръ забылъ, вѣроятно, началъ онъ на этотъ разъ уже слегка дрожащимъ голосомъ: — что я

преподаю не богословіе, а исторію. Дѣло богослова — разъяснять своимъ слушателямъ разницу между ученіями религіозныхъ сектъ и догматами православной вѣры, дѣло историка — излагать факты. Всякому, изучившему исторію, вѣроятно, извѣстно, что тамъ приняты извѣстные термины, освященные наукой. Таковъ, между прочимъ, и терминъ *религіозныя партіи*, смутившій такъ сильно моего уважаемаго собрата. Выраженіе это такъ просто, что я не считаю даже нужнымъ изъяснять его. Я никакъ не смѣю предполагать, чтобы присутствующіе здѣсь знали меньше меня, и не позволю себѣ толковать имъ такое простое выраженіе. Что же касается до того, что исторію надо преподавать съ богословской точки зрѣнія, то я позволю себѣ съ этимъ не согласиться.

— Милостивые государи, вы слышали заявленіе г. Давыдова? Заявленіе, равносильное тому, какъ если бы онъ сказалъ: «я не согласенъ со взглядомъ г. министра народнаго просвѣщенія, я не согласенъ съ правительствомъ, и буду преподавать по-своему.» Въ инструкціяхъ казанскому университету, инструкціяхъ не только одобренныхъ правительствомъ, но даже поставленныхъ въ образецъ, сказано, что начала политическихъ наукъ должно извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона и пророковъ, что исторія, не одушевленная духомъ христіанской любви, есть ничто...

Давыдовъ вспыхнулъ.

— Въ этихъ инструкціяхъ сказано, что и медицина безъ духа христіанской любви есть ничто, однакожь, вы,

когда у васъ сдѣлается лихорадка, обращаетесь къ доктору, а не къ священнику. Слѣдовательно, и вы также поступаете противъ правительства! Правительство желаетъ, чтобы вы лечились молитвой и покаяніемъ.

Швейковскій обратился ко мнѣ.

— Прошу васъ записать это въ журналъ.

По лицу Давыдова скользнула презрительная улыбка.

— Сдѣлайте одолженіе. Я не отказываюсь отъ своихъ словъ. Если бы тутъ былъ самъ министръ, я сказалъ бы то же самое. Религію оскорбляемъ не мы, а тотъ, кто употребляетъ ее для прикрытія своихъ двусмысленныхъ цѣлей. Я не буду уважать историка, который взялся читать политическія науки по Соломону, потому-что онъ сдѣлалъ это не по убѣжденію, а чтобы выслужиться передъ начальствомъ, чтобы получить повышеніе и подставить ногу кому-нибудь изъ своихъ сослуживцевъ, хоть, напримѣръ, тому, кто не читаетъ политическія науки по Соломону.

— Прошу все это занести въ журналъ, повторилъ Швейковскій.

— Жалѣю, продолжалъ Давыдовъ: — что никто до сихъ поръ не осмѣлился объяснить этого прямо министру. Я увѣренъ, что онъ, какъ и всякій изъ насъ, могъ быть введенъ въ заблужденіе, и безчестно поступаетъ тотъ, кто, имѣя возможность объясниться, молчитъ! Если бы правительство знало, что именемъ религіи прикрываютъ свои происки разные святоши и ханжи, разныя бездарности, которыхъ въ другое время не пустили бы на по-

рогъ университета, оно, конечно, взглянуло бы на дѣло иначе. Что примѣръ казанскаго университета не есть примѣръ, достойный подражанія, доказывается тѣмъ, что оттуда удалились всѣ порядочные профессора. То же будетъ скоро и въ Петербургѣ. То же будетъ и вездѣ, гдѣ будутъ распоряжаться ханжи и святоши!

Швейковскій торжествовалъ и приказывалъ занести эти слова въ журналъ. Его противникъ начиналъ горячиться и терялъ самообладаніе. Ректоръ пригласилъ было спорившихъ оставить это до другого раза, но на его слова никто не обратилъ вниманія.

Швейковскій схватилъ другую тетрать и опять прочелъ выписку:

> «Римскіе патриціи вмѣняли себѣ въ особенную честь платить государству тѣмъ болѣе, чѣмъ выше они стояли предъ прочими классами гражданъ. У новѣйшихъ народовъ, напротивъ, высшія сословія считаютъ себѣ честію вовсе не платить.»

— Милостивые государи! началъ опять Швейковскій, и опять его рѣчь полилась рѣкой..... Тутъ было много о крушеніи алтарей и престоловъ и о томъ, что Россіи угрожаетъ гибель, если такое ученіе будетъ открыто проповѣдываться съ каѳедры. Нѣкоторые стали шептаться какъ-бы съ ужасомъ. Иные изобразили на лицѣ своемъ такой страхъ, какъ-бы гидра революціи и атеизма была тутъ же, въ самой залѣ совѣта.

Давыдовъ увидалъ, что ему трудно будетъ защищаться при такой обстановкѣ. Онъ былъ такъ блѣденъ, что я

боялся за него. Я зналъ его какъ человѣка отъ природы нервнаго и даже подверженнаго болѣзненнымъ припадкамъ. Малѣйшій уколъ былъ чувствителенъ его самолюбивой душѣ. Публичное шельмованіе, которому его подвергали теперь, должно было дѣйствовать на него невыносимымъ образомъ. Но онъ на столько еще сохранилъ присутствіе духа, чтобы не позволить себѣ возвысить голосъ или употребить какое-нибудь вульгарное выраженіе. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ онъ бывалъ рѣзокъ, но въ обществѣ онъ слѣдилъ за собой.

— Я прошу передать мои лекціи на усмотрѣніе высшаго начальства, или же нарядить надо мной формальный судъ. *Дружескихъ* же предложеній я не принимаю. Я ихъ оставляю безъ вниманія. Что меня желаютъ удалить изъ университета — это очень понятно. Я знаю много такихъ фактовъ, которые желательно было бы скрыть. Я могъ бы спросить, напримѣръ, какимъ образомъ титулярный совѣтникъ Кокоревъ, не знавшій правописанія, получилъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія, алгебры, политической экономіи, и чинъ восьмого класса? (Швейковскій занялся укладываніемъ бумагъ въ портфёль. Камень полетѣлъ въ его огородъ: онъ былъ членомъ комитета объ экзаменахъ гражданскихъ чиновниковъ). Я могъ бы спросить, какимъ образомъ для ревизіи училищъ отправили визитатора, который не знаетъ русскаго языка, и по какому праву къ нему прикомандировали еще переводчика, когда въ университетѣ были люди, отлично знающіе русскій языкъ? Я могъ бы спросить, по какому

праву профессоръ Рейтъ преподаетъ разомъ пять предметовъ и за всѣ получаетъ жалованье? Я все это и спрошу, но въ свое время. А теперь, господа, не кончить ли намъ состязанье? Что касается до меня, то у меня отъ этого шума разболѣлась голова, и я рѣшительно не могу долѣе оставаться здѣсь. Можете записать это въ журналъ.

Онъ поклонился и, не слушая поднявшихся со всѣхъ сторонъ возраженій, вышелъ изъ залы.

Засѣданіе кончилось среди страшнаго гвалта.

XII.

Послѣднее время я часто бывалъ у ректора и, слѣдовательно, имѣлъ случай не разъ видать Любовь Федоровну. Однажды она попросила меня давать ей уроки физики. Я согласился, хотя меня и удивилъ нѣсколько этотъ капризъ. Въ числѣ наукъ, преподававшихся тогда женщинамъ, видное мѣсто занимала миѳологія, но объ физикѣ никто никогда дѣвицамъ не упоминалъ.

Уроки наши начались самымъ торжественнымъ образомъ: въ герметически затворенной комнатѣ, къ которой запрещено было домашнимъ подходить на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ. Ректорша клала въ сторону свое вязанье и въ своемъ шолковомъ платьѣ и стоптанныхъ башмакахъ (туалетъ, который она предпочитала всѣмъ прочимъ) шла сама наблюдать за тѣмъ, чтобы тишина не была нигдѣ нарушена.

Но со втораго же или съ третьяго раза, ученица моя откровенно призналась, что уроки ее не занимаютъ, что она даже мало понимаетъ ихъ.

— Оставимъ это до другого раза, сказала она, положивши руку на книгу и закрывая ее шитьемъ своего рукава. — Теперь такъ хорошо въ саду!

Она отворила окно и наклонилась надъ нимъ, пытаясь достать кончиками пальцевъ вѣтку сирени.

Я смотрѣлъ на ея золотыя косы, на тонкій батистъ, одѣвавшій ее и весь покрытый шитьемъ, тѣмъ шитьемъ, за которымъ слѣпнутъ цѣлыя поколѣнія крѣпостныхъ дѣвокъ. Я смотрѣлъ на яркую, широкую ленту, обхватившую ея талію, на жемчужную нитку, обвивавшую ея шею и спускавшуюся на грудь. Мнѣ невольно пришло въ голову, что это дорогой оранжерейный цвѣтокъ, на который убито много чужихъ трудовъ, можетъ быть, безсонныхъ ночей; цвѣтокъ, который черезъ-чуръ много холили и лелѣяли; цвѣтокъ безполезный!

Но отчего же мы такъ любимъ эти цвѣтки? Отчего краса ихъ имѣетъ надъ нами безграничную власть? Неужели мы выростили ихъ для того, чтобы любоваться ими, чтобы пасть къ ихъ ногамъ и потомъ отдать имъ свою душу? Я любилъ въ женщинахъ женственность, грацію, но я любилъ въ нихъ и то, чего нѣтъ въ этихъ цвѣткахъ: ту силу души, которая помогаетъ выносить безропотно всѣ бури жизни, которая самую слабость доводитъ до героизма, которая смѣло протягиваетъ руку семьѣ и часто одна выноситъ ее на своихъ плечахъ. Я

зналъ такихъ женщинъ. Ихъ много, ихъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ, но ихъ губитъ будничная обстановка; ихъ героизмъ невидимъ для простого глаза. Была ли Любовь Федоровна изъ ихъ числа? Таилась ли подъ ея мягкими, тоскующими взглядами та могучая сила, о которой я говорилъ сейчасъ, или просто горѣло въ нихъ желаніе носить батистовое шитье и видѣть у ногъ своихъ обожателей? Кто могъ сказать это теперь? Испытанія ждали ее впереди. Еще не настала та минута, которая должна была рѣшить, выйдетъ ли изъ нея свѣтская красавица, или вспыхнетъ въ ней тотъ огонь любви и преданности, который освѣтитъ яркимъ лучомъ жизнь, часто полную горя и борьбы.

Теперь въ ней было много задатковъ, чтобы сдѣлаться со временемъ великолѣпной, свѣтской львицей; но она была еще такъ молода, а въ эти года свѣтъ имѣетъ такъ много заманчиваго! Къ тому же она успѣла уже отвѣдать его прелестей: два сезона, проведенные въ Петербургѣ, не могли скользнуть по ней безслѣдно. Но я замѣтилъ въ ней проблески мистицизма и даже суевѣрія; это еще болѣе усложняло вопросъ. Женщины съ такимъ направленіемъ часто оканчиваютъ жизнь въ монастыряхъ.

Не знаю почему, но я боялся за нее; я лучше желалъ бы видѣть ее героиней на паркетѣ, чѣмъ жертвой религіознаго фанатизма. Въ ней не было простой, глубокой вѣры. Нѣтъ! Въ ней именно горѣлъ огонь какого-то изступленнаго мистицизма. Она вѣрила въ при-

видѣнія, вѣрила въ сны, въ предсказанія, въ тысячи суевѣрныхъ примѣтъ, въ то, что при извѣстныхъ условіяхъ открывается человѣку его будущее, что нами управляютъ невидимыя, таинственныя силы, что каждый шагъ нашъ записанъ въ книгѣ судебъ, и что, если несчастіе должно случиться, безуміемъ было бы пытаться устранить его. Мысли эти часто мучили ее и противъ ея воли прорывались даже въ обыденныхъ разговорахъ. Но, по счастію, эти припадки суевѣрнаго мистицизма были непостоянны: когда они оставляли ее, она дѣлалась опять весела и спокойна; она дѣлалась опять свѣтской женщиной. Въ ту минуту, какъ нашъ прерванный урокъ физики кончился обрываніемъ сиреневыхъ вѣтокъ, она была съ головы до ногъ кокетка. Она даже смотрѣла на меня тѣмъ глубокимъ, сверкающимъ изъ-подъ рѣсницъ взглядомъ, который очень шелъ къ ней, но значеніе котораго я слишкомъ хорошо понималъ, чтобы поддаваться его обаянію.

— Садитесь сюда, сказала она, указывая мнѣ мѣсто возлѣ себя. — Смотрите, какъ хорошо теперь въ саду. Какая досада, что мы не можемъ жить за городомъ! Въ Петербургѣ всѣ имѣютъ свою дачу. Вообще я ненавижу провинцію.

Я молчалъ, потому что отвѣчать на это было нечего.

— Вы знаете законы? спросила она вдругъ.

Я отвѣчалъ, что не силенъ.

— Ну, все равно, вы вѣрно знаете ихъ лучше, чѣмъ я. Меня очень интересуетъ одна исторія. Въ Петер-

бургѣ я познакомилась съ одной особой; кто она — я вамъ не назову, да это и не нужно, потому что вы ее не знаете.—Особа эта католичка и замужемъ за русскимъ. Теперь дѣло вотъ въ чемъ... Ахъ, смотрите, счастье! семь лепестковъ! (Она вырвала одинъ цвѣтокъ сирени и положила его себѣ на ладонь). Такъ дѣло вотъ въ чемъ: мужъ этой особы хочетъ съ ней развестись. Онъ требуетъ развода, потому что при вѣнчаніи не были соблюдены какія-то формальности... Кажется, что ихъ вѣнчали только по католическому обряду, или что-то такое... не знаю. Она не хочетъ этого развода, но онъ настаиваетъ. Какъ вы думаете, получитъ онъ этотъ разводъ?

— Это будетъ зависѣть отъ того, какія именно формальности не соблюдены.

— Ну, а если ихъ вѣнчали, напримѣръ, только по католическому обряду?

— Тогда бракъ будетъ признанъ недѣйствительнымъ.

— И она можетъ опять выдти замужъ, а онъ жениться?

— Вѣроятно.

— Вы не можете сказать этого навѣрное?

— Я не знаю подробностей. Но по нашимъ законамъ браки, когда ихъ расторгаютъ такимъ образомъ, возвращаютъ полную свободу и мужу, и женѣ.

Она задумалась.

— Стало быть, если она даже не будетъ соглашаться, онъ все-таки получитъ разводъ?

— Если онъ будетъ настаивать, — вѣроятно.

— Она не можетъ помѣшать этому?

— Не можетъ, если законъ признáетъ бракъ недѣйствительнымъ. Онъ будетъ непремѣнно расторгнутъ. Вашей знакомой остается тогда одно только средство.

— Какое?

— Законъ дастъ право возобновить такой бракъ, совершивъ его по обрядамъ православной церкви. Вашей знакомой нужно будетъ употребить все свое вліяніе, если она еще сохранила его, чтобы склонить къ этому мужа.

Любовь Федоровна поблѣднѣла.

— Но если онъ не поддастся этому? спросила она.

— Тогда вашей знакомой остается только покориться судьбѣ.

— Она сама виновата, сказала она, блеснувъ глазами. — Польская гордость! Какъ можно вѣнчаться у какого-то русскаго попа! Она думала, что будетъ права, если обвѣнчается по римско-католическимъ обрядамъ. Можетъ быть, для своего папы, для своего ксендза она и законная жена... Но для насъ, русскихъ, она ему не жена.

Послѣднее мое мнѣніе рушилось послѣ этихъ словъ. Я еще въ Петербургѣ зналъ, что жена Ганского была полька. Эти распросы о нашихъ законахъ касательно разводовъ, эта гнѣвная рѣчь о польской гордости, все выдавало ее... Она говорила смѣло, потому что была увѣрена, что я ничего не знаю.

— Что же за причина этого развода? спросилъ я равнодушно.

— Причина мнѣ неизвѣстна, сказала она рѣзко: — но я вамъ опишу этихъ двухъ лицъ, и его, и ее, и вы мнѣ скажете потомъ, что́ вы объ этомъ думаете. Она дочь польскаго магната, имѣетъ большія связи, большую родню и характеръ... стальной! Это чистая сталь! Она не уступитъ и не погнется на полвершка. Она такъ много о себѣ думаетъ, она такъ высоко себя ставитъ, что я не могу себѣ представить, чтобы она когда-нибудь подчинилась такому униженію. Если мужъ броситъ ее, вѣдь вы понимаете, что это для нея позоръ!.. для нея, которая всегда думала, что она выше всего. Она скорѣе погубитъ и его, и себя, чѣмъ допуститъ до этого. А въ рукахъ у нея такъ много средствъ! Я не знаю, на что она не рѣшилась бы, когда ужь на то пойдетъ... Если не она, такъ ея мать, ея братья! Ну, а онъ... (Любовь Федоровна опустила глаза). Онъ человѣкъ безо всякаго характера... Изъ него дѣлаютъ все, что хотятъ. Онъ никому ни въ чемъ не умѣетъ отказать. Оскорбляйте его, дѣлайте все, что другого могло бы взбѣсить, — ему все равно! Въ немъ даже и гордости нѣтъ; въ немъ нѣтъ самолюбія! — онъ ровенъ вотъ какъ эта доска! (Она указала на садовую скамейку).

— Мнѣ кажется, сказалъ я: — чѣмъ ровнѣе человѣкъ, тѣмъ лучше.

Она вспыхнула.

— Какъ! Эти люди, которые позволяютъ себя оскорб-

лять, которые позволяютъ другимъ играть собою... Вамъ нравятся эти люди?! Не имѣть характера, чтобы настоять на своемъ? Не знаю, можетъ быть это и достоинство, но я не терплю слабости въ мужчинѣ. Я никогда не могла бы полюбить такого человѣка; я не могла бы чувствовать къ нему той преданности.

Встрѣтивши мой внимательный взглядъ, она остановилась.

— Это, впрочемъ, не интересно, что́ я думаю объ этихъ людяхъ. Скажите мнѣ только, какъ вы думаете, можетъ такой человѣкъ развестись когда-нибудь съ женой, если она будетъ противъ этого?

— Это зависитъ отъ того, что́ его побуждаетъ къ разводу.

— Ну, положимъ, что онъ до безумія влюбленъ въ одну особу.

— Такъ, какъ вы мнѣ его сейчасъ описали, онъ не долженъ безумно влюбляться. Онъ не можетъ быть къ этому способенъ.

— Ну, все равно. Положимъ, что на него нашло затмѣніе! Вѣдь и такіе люди могутъ увлекаться!

— Да, но это увлеченіе должно потухнуть при первомъ же препятствіи.

— Вы думаете?

Она остановила на мнѣ огненный взглядъ; лицо ея горѣло.

— Но, можетъ быть, вы ошибаетесь, прибавилъ я. — Есть люди, податливые только съ виду. Уступ-

чивость ихъ обманчивая. Эти люди страшно настойчивы.

— Нѣтъ, перебила она: — я хотя и не близко, но знаю, однакожъ, на столько этого человѣка, чтобы не ошибаться въ немъ.

— Есть дѣти отъ этого брака? спросилъ я.

— Одна дочь.

— Воспитанная въ вѣрѣ отца, или матери?

— Матери. Она католичка. Для чего вы спросили объ этомъ?

— Эта дѣвочка должна будетъ лишиться всѣхъ правъ. Не остановитъ ли это ея отца? само собой разумѣется, если онъ ее любитъ.

Любовь Федоровна помолчала.

— Но. вѣроятно, онъ любитъ и ту особу, для которой онъ хочетъ развестись съ женой, сказала она.

— Вѣроятно, если онъ рѣшается пожертвовать для нея своей дочерью.

Любовь Федоровна опять молчала и, облокотившись на подоконникъ, смотрѣла въ глубину сада.

— Васъ удивляетъ, спросила она спустя нѣсколько времени: — что я принимаю такое участіе въ этихъ двухъ особахъ?

— Нѣтъ.

Она обернулась. У нея была, вѣроятно, готова на языкѣ какая-нибудь оправдательная фраза. Мой отвѣтъ удивилъ ее.

— Чѣмъ вы объясняете себѣ это участіе?

— Если хотите, я скажу вамъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Тѣмъ, что вамъ близокъ тотъ человѣкъ, о которомъ мы сейчасъ говорили съ вами.

Рѣсницы ея дрогнули и она медленно подняла на меня свои темные глаза. Видно было, что въ эти двѣ или три секунды она старалась заглянуть ко мнѣ въ душу, угадать, на сколько я увѣренъ въ томъ, что̀ сказалъ, и въ то же время сдѣлать это такъ, чтобы я не замѣтилъ ея тревоги, чтобы я принялъ ее за простое изумленіе.

— Если хотите, продолжалъ я: — я назову вамъ даже имя этого человѣка. (Она не сводила съ меня своего пронизывающаго и вмѣстѣ испуганнаго взгляда) Ганской!

Едва произнесъ я это слово, какъ самъ испугался того дѣйствія, которое произвело оно на мою собесѣдницу. Въ глазахъ ея блеснулъ ужасъ, мгновенно пропалъ недавній румянецъ на щекахъ. Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на меня не какъ на живаго человѣка, но какъ на привидѣніе.

— Такъ это правда! сказала она наконецъ, какъ-бы сама съ недовѣріемъ прислушиваясь къ звуку своихъ словъ. Я не ошиблась. Предсказанія были вѣрны. Боже, какое безуміе! Я не вѣрила имъ сначала.

Настала моя очередь изумляться. О какихъ предсказаніяхъ говорила она?

— Вы помните, начала она, и въ глазахъ ея сталъ

загораться прежній огонь: — вы помните нашу первую встрѣчу?

— Помню. Это была случайность, хотя дѣйствительно странная случайность.

— Вы ошибаетесь! Это не была случайность. Нѣтъ! Вы не поняли ея, но я поняла. И въ вашей судьбѣ, и въ моей это было неизбѣжно. Первый разъ, какъ я увидала васъ, я поняла, что мы должны встрѣтиться опять. Были такіе признаки, по которымъ я узнала это. И вотъ мы встрѣтились! Вы видите, я не ошиблась. Я боялась васъ. У меня было предчувствіе, что эта встрѣча не пройдетъ даромъ. Я знала это давно. Отчего? какъ? не спрашивайте меня. Я не могу сказать этого. Вы не поймете меня. Не смѣйтесь! Я, къ несчастію, могу иногда угадывать будущее. Это большое несчастіе! повѣрьте мнѣ. (Она машинально бросила сирень за окно и машинально слѣдила за ея паденіемъ). Ахъ, если бы кто-нибудь могъ закрыть отъ меня это ужасное будущее! Зачѣмъ стоитъ оно всегда тутъ, передо мною!

Въ голосѣ ея звучало отчаяніе. Я взялъ ее за руку: она была влажная и холодная.

— Что же вы видите въ этомъ ужасномъ будущемъ? спросилъ я.

— Все! Все, кромѣ счастія! Я никогда не буду счастлива. Я не могу быть счастлива. Даже желать этого — безуміе! Я вижу передъ собой всю свою жизнь. Ахъ, какая страшная, мучительная жизнь! И какой конецъ! И знать, что это неизбѣжно!

Она вздрогнула и замолчала. Сколько разъ послѣ этого признанія меня охватывало чувство жалости къ ней. Она была такъ увѣрена, что двери счастія навсегда закрыты для нея. Кому обязана она была этимъ болѣзненнымъ мистицизмомъ? Было ли это настроеніе природное въ ней или его постарались развить впослѣдствіи? Во всякомъ случаѣ, два года, проведенные ею въ Петербургѣ среди мистиковъ, въ родѣ la princesse Catherine, можетъ быть, даже пресловутой баронессы Крюденеръ, не могли не оставить своего слѣда. Послѣ, когда я сталъ узнавать ближе эту дѣвушку, я понялъ, что ничего не было легче, какъ вдунуть искру фанатизма въ эту впечатлительную, гибкую и мягкую до болѣзненности душу, въ которой, однакожь, вспыхивалъ по временамъ такой огонь самоотверженія, такая закаленная сила воли, что я только изумлялся ей.

То, что въ минуту суевѣрнаго страха она открыла мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ Ганскому, поразило меня ужасомъ за нее. Она разстраивала семейную жизнь этого человѣка, чтобы заставить его жениться на себѣ, — и никакой любви къ нему не чувствовала. Она дѣлала это потому, что къ этому поощряла ее la princesse Catherine, указывая на это, какъ на подвигъ благочестія. Ей указывали на этотъ бракъ, какъ на возможность принести въ жертву общинѣ и слѣдовательно Богу свое состояніе и свое вліяніе въ обществѣ. Ее манили тѣмъ, что при новомъ положеніи своемъ она увлечетъ своимъ примѣромъ многихъ избранниковъ, что теперь, въ трудныя

времена гоненія противъ всѣхъ тайныхъ сектъ, ихъ секта не должна останавливаться ни передъ какой жертвой и что великая благодать будетъ ей наградою за ея самоотверженіе. Бракъ этотъ представляли ей дѣломъ чисто духовнымъ. Она не должна была думать о томъ, чтó за человѣкъ Ганской, и о томъ, что, разрушая его жизнь, она разрушаетъ, можетъ быть, и свою. Не смотря на свою глубокую вѣру въ то, что бракъ этотъ есть указаніе свыше и что она должна слѣпо повиноваться ему, мысль эта, какъ мнѣ послѣ стало замѣтно, не разъ потрясала ее, не на столько однакоже, чтобы стряхнуть оковы, наложенныя на нее духовною братіею.

Люди, употреблявшіе ее своимъ орудіемъ, дѣлали это не столько изъ алчности, сколько изъ фанатизма. Если и были между ними ханжи, то къ числу ихъ едва ли принадлежала сама княгиня, стоявшая во главѣ союза. Въ ней горѣлъ тотъ же огонь, какъ и въ несчастной Любови Федоровнѣ, огонь, поддержанный еще всѣмъ упрямствомъ старости. Эта уже разрушающаяся женщина видѣла въ молодой дѣвушкѣ воплощеніе своей идеи, она любила въ ней свою послѣдовательницу и писала ей жаркія письма, полныя восторженныхъ воззваній и заклинаній не измѣнять святому дѣлу.

Я имѣлъ случай видѣть впослѣдствіи эти письма. Любовь Федоровна познакомилась съ Ганскимъ на одномъ изъ тайныхъ собраній у княгини. Ганской былъ склоненъ къ мистицизму и, какъ можно догадаться, былъ пораженъ этой дѣвушкой, которую всегда спѣшили вы-

ставлять впередъ, и которая дѣйствительно поражала своею искренностью: едва ли кто умѣлъ такъ жарко молиться и такими горькими слезами оплакивать бѣдствія здѣшней жизни. Дальнѣйшее легко угадать. Когда впечатлѣніе, произведенное на Ганского, было замѣчено, на него не замедлили указать Любови Федоровнѣ и потомъ, заботливо стараясь воспитать въ ней мысль, что ея красота нужна ей, какъ орудіе для святыхъ цѣлей, что она не должна пренебрегать ею, заботливо поддерживая ея самолюбіе, ея успѣхи на балахъ, не давая заглохнуть въ ней свѣтской женщинѣ, въ то же время незамѣтно, неизбѣжно приводили ее къ тому заключенію, что провидѣніе ждетъ отъ нея жертвы.

Когда разводъ Ганского грозилъ надѣлать въ Петербургѣ скандала, Любовь Федоровну поспѣшили удалить. Но чтобы усердіе ея не остыло, каждую почти почту изъ Петербурга летѣли къ ней письма, написанныя мистическимъ языкомъ, понятнымъ ей одной и потому не возбуждавшимъ подозрѣнія въ родныхъ, которые знали только то, что дочь ихъ крайне религіозна и находится въ перепискѣ съ одной святой женщиной.

Разсказывая это здѣсь, я забѣгаю нѣсколько впередъ, потому что все это открылось мнѣ не сразу, а постепенно, со временемъ. Но главная, руководящая мысль блеснула мнѣ тотчасъ же послѣ перваго объясненія съ Любовь Федоровной.

Сознаюсь, я воспользовался ея суевѣріемъ для того, чтобы заглянуть въ ея душу. Я не сталъ разрушать ея

увѣренности въ томъ, что мнѣ суждено играть роковую роль въ ея жизни, что встрѣча наша полна разныхъ предзнаменованій, что даже тайна ея, угаданная мною, была подсказана мнѣ свыше... Къ чему? Развѣ я могъ разрушить цѣлый міръ, созданный ея воображеніемъ. Я рѣшилъ воспользоваться ея довѣрчивостью ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы слѣдить за нею, чтобы наблюдать за развитіемъ этой новой для меня болѣзни духа и можетъ быть помочь ей, если только нужна была какая-нибудь помощь въ ея положеніи...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На другой день послѣ засѣданія университетскаго совѣта, когда я въ качествѣ секретаря занятъ былъ составленіемъ журнала, Давыдовъ зашелъ ко мнѣ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ тревожно: — не наговорилъ ли я вчера чего-нибудь лишняго? Я вѣдь рѣшительно не помню, что я тамъ говорилъ.

— Смотрите сами, сказалъ я, показывая ему журналъ. (Онъ торопливо пробѣжалъ глазами).

— Ну нѣтъ, это еще гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Однако все-таки я навязалъ себѣ исторію на шею. Какъ вы находите?

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ это приметъ высшее начальство.

— А, да чортъ съ ними! и то сказать. Я бы и думать объ этомъ не сталъ, если бы только... если бы здоровье у меня было покрѣпче. А то, повѣрите ли, цѣлую ночь ныньче голова трещала.

— Вотъ и согласитесь со мною, что человѣкъ когда спокойнѣе, то живетъ въ тысячу разъ пріятнѣе.

Онъ угрюмо молчалъ. У него бывали иногда припадки унынія, послѣ которыхъ его безпокойный нравъ дѣлался еще безпокойнѣе.

— Могу вамъ сказать новость, предложилъ я. — Хозяинъ всѣхъ насъ гонитъ съ квартиры.

— По какому случаю?

— Ганской пишетъ ему изъ Петербурга, чтобы онъ весь верхній этажъ оставилъ за нимъ; предлагаетъ ему, разумѣется, хорошую цѣну.

— Слѣдовательно насъ всѣхъ вонъ?

— Вы не безпокойтесь. Вы живете внизу, а низъ не тронутъ.

— Пріятное сосѣдство! желчно замѣтилъ Давыдовъ. — Каждый день сталкиваться на лѣстницѣ съ его превосх-вомъ.

— Вамъ-то что жъ до этого! Поклòнитесь, да и пойдете своей дорогой.

— Я избѣгаю по возможности кланяться людямъ, которыхъ не уважаю.

Онъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Однакожъ, если онъ требуетъ себѣ квартиру, слѣдовательно, онъ будетъ тутъ жить?

— Вѣроятно.

— Ужъ не думаетъ ли онъ всю свою аристократическую родню сюда привезти?

— Его аристократическая родня едва ли поѣдетъ въ провинцію.

— Однако, вѣдь у него тамъ жена есть, кажется? Впрочемъ мнѣ это, собственно говоря, все равно. Я, если только найду себѣ удобное помѣщеніе, непремѣнно переѣду. Ни съ Ганскимъ, ни съ его лакеями я дѣла имѣть не желаю. У этихъ господъ даже и прислуга отличается непозволительной дерзостью; а если есть на свѣтѣ что-нибудь невыносимо скверное, такъ это дерзкая прислуга!

— Вотъ, замѣтилъ я: — васъ прислуга Ганского безпокоитъ, а я совсѣмъ безъ квартиры остался. Мое положеніе болѣе критическое.

— Обратитесь къ ректору. Черезъ покровительство его дочери, — вы кажется съ ней въ очень хорошихъ отношеніяхъ, — вы легко получите квартиру въ университетѣ.

— Платонъ Николаичъ, мнѣ помнится, вы когда-то проповѣдывали: черезъ женщинъ никогда ничего не искать!

— Позвольте! Это собственно мое правило. Я своихъ правилъ никому не навязываю. Зачѣмъ вамъ отказываться отъ случая, когда случай представляется. Эта особа, кажется, къ вамъ такъ расположена, что она вѣроятно съ удовольствіемъ все сдѣлаетъ...

Я видѣлъ, что Давыдова занимаютъ мои отношенія къ Любови Федоровнѣ.

— Нравится она вамъ? спросилъ я его.

— Какъ вамъ сказать? Она очень красива! я говорю это, даже не смотря на ея желтые волосы... У нея великолѣпные глаза, у нея талія, которой позавидовала бы любая изъ нашихъ женщинъ; но я боюсь, что кромѣ этой таліи и этихъ глазъ она мало можетъ дать человѣку. Она черезъ-чуръ столичная барышня.

— Вы ее мало знаете, замѣтилъ я.

— Согласенъ. Достаточно, однакожъ, чтобы видѣть ее насквозь. Холодъ, пустота и фальшь! фальшь и пустота! — вотъ что я встрѣчалъ всегда въ подобныхъ женщинахъ.

— Если вы цѣните пылкость, такъ вотъ вамъ Юліана: отъ нея пышетъ жаромъ.

— Я очень мало цѣню этотъ жаръ. Это мелкая монета, на которую можно размѣнять первую же страсть къ гусарскому поручику.

— Что же вы цѣните въ женщинахъ?

Давыдовъ помолчалъ.

— Преданность, отвѣтилъ онъ рѣзко.

— Какъ прикажете понимать это?

— Очень просто! Кокетства я не терплю, потому что это самое позорное самообожаніе. Барыня воображаетъ, что цѣлая половина рода человѣческаго создана для того, чтобы любоваться на нее. Это смѣшно и нелѣпо. Женщины-гусары — это моя самая сильная анти-

патія; я ихъ представляю себѣ не иначе, какъ въ видѣ дочерей Анны Марковны. Вы ни въ какую минуту не отвѣтите, что она не сшибетъ у васъ съ головы фуражку, или не сядетъ къ вамъ на колѣни. Женщины съ такъ называемымъ сильнымъ характеромъ, по-моему, такъ же намъ нужны, какъ женщины-полководцы. Помилуйте! жизнь моя есть борьба; я прихожу домой разбитый, я ищу дома отдыха, и вдругъ жена или тамъ сестра добиваетъ меня силой своего характера. Да это не семья, а адъ! Къ чорту тогда эту семью! Сильныя ощущенія я найду у себя на службѣ; вонъ вчера въ совѣтѣ мнѣ отличнѣйшимъ образомъ намылили голову. Представьте себѣ, что меня ждала бы еще дома пылкая, гордая жена... что бы это такое было? Теперь я, по крайней мѣрѣ, какъ пришелъ, такъ легъ на постель и лежалъ до тѣхъ поръ, пока изъ головы вылетѣлъ весь тотъ вздоръ, которымъ его наполнили въ совѣтѣ.—Нѣтъ, ради Бога не говорите мнѣ объ этихъ красивыхъ, блестящихъ женщинахъ, которыя любятъ повелѣвать; кромѣ досады, онѣ во мнѣ ничего не возбуждаютъ.

— А если бы вы полюбили такую женщину?

— Полюбить ее я не могъ бы. Я, можетъ быть, увлекся бы ею на нѣкоторое время. У насъ были бы можетъ быть и свиданія, и нѣжныя объясненія... Не знаю, на сколько искренно это было бы съ ея стороны, но я смотрѣлъ бы на это, какъ на горькую насмѣшку, не больше! Я сломилъ бы ее или бросилъ.

Я зналъ, что подобный романъ былъ у Давыдова съ

одной изъ самыхъ блестящихъ и богатыхъ женщинъ нашего города. Ея красота и его гордая, самолюбивая страсть столкнулись и не выдержали толчка: пламя, обѣщавшее разгорѣться очень сильно, освѣтило на мгновеніе бездну, раздѣлявшую два существа, требовавшія поклоненія, и потухло.

— Знаете ли что, предложилъ я Давыдову: — мнѣ хочется, чтобы вы узнали дочь ректора ближе. Пойдемте къ нимъ сегодня.

— Къ чему? Развѣ вы хотите сдѣлать опытъ? Посмотрѣть, какое вліяніе оказываетъ на меня красота?

— Я просто хочу познакомить васъ съ дѣвушкой, которая васъ заинтересуетъ.

Давыдовъ молча взялъ фуражку, и мы пошли къ ректору. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— А, вѣдь, согласитесь, что онъ большая свинья!

— Кто?

— Нашъ ректоръ. Вчера онъ велъ себя непозволительно. Человѣкъ отличается отъ скотины тѣмъ, что ему данъ даръ слова. Онъ именно этого-то отличія и лишенъ.

— Немудрено, потому что этимъ отличіемъ съ избыткомъ награждена его жена. Она говоритъ и за мужа, и за себя, и за многихъ другихъ. Мнѣ кажется, что если бы человѣку было опредѣлено умереть, сказавши въ жизни извѣстное число словъ, то она давно бы умерла.

Около университетскихъ воротъ мы встрѣтили Егорку,

который спустилъ въ рукавъ бывшіе у него въ горсти подсолнухи, принялъ озабоченное выраженіе, несомнѣнно доказывавшее, что онъ пришелъ сюда не такъ себѣ, не болтаться, а за дѣломъ, и объявилъ, что ректоръ съ ректоршей уѣхали въ гости, на именины.

— А барышня?

— Онѣ дома-съ.

Мы пошли къ крыльцу. Егорка опередилъ насъ и побѣжалъ докладывать. Только-что мы поднялись на лѣстницу, какъ узнали, что барышня въ саду. Давыдовъ хотѣлъ вернуться, но я удержалъ его. Дорога въ садъ была мнѣ хороша знакома. Мы прошли длинныя сѣни, миновали кухню, откуда пахнуло на насъ чадомъ и мокрымъ паромъ, и по узенькому каменному крылечку спустились прямо къ тому окну, около котораго Любовь Федоровна взяла у меня три урока физики. Тутъ же знакомый кустъ сирени и знакомая скамейка подъ нимъ! Но она была пуста.

Приминая высокую траву, которая шуршала и разступалась передъ нами, и оставляя за собой длинный слѣдъ стеблей, припавшихъ къ землѣ, мы пошли вдоль забора, нагибаясь, когда вѣтка грозила хлеснуть намъ въ лицо, и гордо выпрямляясь, когда старыя деревья протягивали свои суки высоко надъ нашей головой. Вдругъ между зеленью мелькнуло что-то яркое. Какая-то пунцовая полоса взвилась и исчезла. Взмахъ этотъ повторился на нашихъ глазахъ два или три раза. Наконецъ дѣло объяснилось. Къ двумъ березамъ привязана была на

канатѣ доска и на этихъ импровизированныхъ качеляхъ летали двѣ очень еще юныя кузины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, на примятой травѣ виднѣлись еще двѣ женскія фигуры. Одна лежала, закинувши руки подъ голову и покрывши лицо носовымъ платкомъ. Другая, тоже накрывшись отъ солнца платочкомъ, который надвинула себѣ глубоко на глаза, прислонилась къ стволу дерева и дремала. Около нея лежала опрокинутая корзинка съ работой.

Шелестъ травы подъ нашими ногами разбудилъ эту особу. Она приподнялась и заглянула на насъ изъ-подъ платочка.

— Любовь Федоровна, сказалъ я: — простите двухъ безпорядочныхъ молодыхъ людей, которые помѣшали вамъ выспаться.

— Неправда, я не спала, но здѣсь невыносимо жарко. Садитесь! (Она подвинулась и стала собирать свою работу).

— Я не позволилъ бы себѣ, началъ Давыдовъ: — придти такимъ образомъ, не зная, пожелаете ли вы принять меня, но въ этомъ вините г. Германа.

Любовь Федоровна улыбнулась и посмотрѣла снизу на Давыдова, который все еще стоялъ.

— Ничего, я очень рада. — Юліана! (Она толкнула особу, лежавшую на травѣ. Та открыла сонные глаза).

— Чего еще? — Ну, господа, какой я сонъ сейчасъ видѣла! Просто даже и не скажу.

Давыдовъ не любилъ Юліану во-первыхъ за то, что

она была жена его злѣйшаго врага, во-вторыхъ за то, что́ онъ называлъ въ ней гусарствомъ. Онъ поддерживалъ знакомство только съ тѣми женщинами, которыя держали себя въ обществѣ безукоризненно. Самъ онъ, въ кругу губернскихъ дамъ и даже ихъ мужей, никогда почти не оставлялъ той изысканной, сухой вѣжливости, которая считается въ провинціи признакомъ черстваго сердца.

Любовь Федоровна сняла платокъ, и на спину ей упали двѣ косы: толстыя, золотыя косы, которыя, не во гнѣвъ Давыдову, отпускавшему сарказмы насчетъ желтизны ея волосъ, придавали ей много красы.

Она стала расправшивать, что у насъ случилось вчера въ университетѣ. Давыдовъ разсказалъ, пересыпая слова свои ядомъ, но не выходя изъ границъ, въ какихъ джентльменъ долженъ говорить съ дамами о своихъ служебныхъ столкновеніяхъ.

— Вотъ, замѣтилъ я: — человѣкъ, который увѣренъ, что міръ полонъ подлости и глупости и что умный человѣкъ, какимъ онъ себя несомнѣнно считаетъ, не долженъ ни кому ни въ чемъ уступать. Благоразумно ли это?

Въ минуту своего религіознаго экстаза, Любовь Федоровна, конечно, отвѣтила бы, что это безуміе, что все надо переносить съ кротостью; но, какъ свѣтская женщина, она держалась другаго мнѣнія. На сколько я замѣтилъ, ей нравились люди съ упрямой, сильной волей. Въ этомъ тонѣ отвѣтила она и теперь. Давыдовъ горячо сталъ поддерживать ее.

— Скажите, говорилъ онъ: — что подумали бы вы о человѣкѣ, который, испугавшись гнѣва своихъ враговъ, струсилъ бы и уступилъ имъ; уступилъ бы самымъ позорнымъ образомъ, сознавая, что право на него сторонѣ?

— То-есть въ переводѣ на обыкновенный языкъ, поспѣшилъ я объяснить: — что подумали бы вы о человѣкѣ, который вчера въ совѣтѣ, въ отвѣтъ на самыя пошлѣйшія обвиненія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ разстроить себѣ нервы до головной боли, до безсонницы! который, встрѣчая пошлость и сознавая, что это пошлость, считаетъ однако долгомъ принять ее близко къ сердцу.

— Послушайте, не всѣ же вѣдь созданы изъ дерева! Я очень жалѣю, что, изъ уваженія къ присутствующимъ здѣсь, я не могу говорить откровенно.

Давыдовъ бросилъ взглядъ на Юліану. Его очевидно стѣсняло то, что онъ не могъ говорить о ея мужѣ такъ, какъ бы ему хотѣлось. Но Юліана имѣла одно крупное достоинство: когда начинался разговоръ, котораго она не могла поддержать, она тотчасъ же умолкала, откровенно признаваясь, что ученыхъ разговоровъ не любитъ. Теперь она пресерьозно плела вѣнокъ изъ желтаго цикорія.

— Впрочемъ, продолжалъ Давыдовъ: — можно говорить, не называя именъ. Положимъ, что нѣкто N. N., личность совершенно ничтожная, не заслуживающая никакого уваженія, дѣлаетъ васъ предметомъ своихъ преслѣ-

дованій. Какъ должны вы отнестись къ этому? Съ презрѣніемъ, скажете вы! Но если васъ ставятъ въ такое положеніе, что вы должны отвѣчать ей. Если наконецъ за этой личностью кроется кто-нибудь другой.

— Но кто же? спросила Любовь Федоровна съ недоумѣніемъ.

— Къ сожалѣнію, я не считаю себя въ правѣ называть лица. Въ числѣ ихъ есть, можетъ быть, ваши хорошіе знакомые. Вы еще такъ мало знаете меня, что, конечно, вамъ было бы странно слышать мое откровенное мнѣніе объ этихъ лицахъ. Меня возмущаетъ только одно, что правительство наше никогда не ищетъ людей. Нѣтъ! Оно раздаетъ мѣста кому попало. Попался порядочный человѣкъ — хорошо! Попалась дрянь — отлично!

— Но гдѣ же хорошіе люди?

— Гдѣ? Въ томъ-то и дѣло, что наши лучшіе люди всю жизнь свою обречены тянуть лямку. Лучшихъ людей нашихъ не ищите на верху: ищите ихъ въ грязи, въ тинѣ, въ нищетѣ... Подняться имъ не дадутъ, потому что тамъ они лишніе, они рѣзали бы только глаза, а здѣсь они нужны!

Любовь Федоровна слушала Давыдова съ напряженнымъ вниманіемъ, не спуская съ него своихъ темныхъ глазъ. Въ его словахъ была извѣстная доля искренности и огня. Это-то можетъ быть и привлекало къ нему людей, которые не испытали на себѣ его безпокойнаго, раздражительнаго характера. Особенно легко увлекались

этимъ женщины. Блескъ его рѣчей, въ соединеніи съ той репутаціей, которую онъ составилъ себѣ своей неуступчивой, гордой смѣлостью, часто дѣйствовалъ обаятельно.

Есть люди, которымъ огонь и естественность даются очень легко; онъ былъ изъ ихъ числа. Въ немъ не было того рѣжущаго глаза желанія порисоваться, которое проститъ не всякая женщина. Давыдовъ, казалось, пренебрегалъ своей наружностью: онъ никогда не принималъ черезъ-чуръ красивыхъ позъ; какъ и всѣ даровитые люди, онъ разсчитывалъ больше на свой умъ, чѣмъ на свою наружность. На нѣкоторыхъ женщинъ это дѣйствовало неотразимо.

Поддастся ли и Любовь Федоровна этому обаянію? Не знаю почему, но мнѣ хотѣлось бы отвѣтить отрицательно; мнѣ хотѣлось бы, чтобы она угадала всю бездну мелочнаго самолюбія, которое таилось подъ этимъ блескомъ.

II.

Изгнанный изъ меблированныхъ комнатъ аптекаря Герца, я пріютился на время у одного учителя гимназіи. Избавившись отъ играющаго и стучащаго Вагнера, я однако полюбопытствовалъ узнать, какъ онъ устроился. Оказалось, что онъ нашелъ себѣ квартиру только черезъ дворъ отъ меня и въ первый же день моего новоселья пришелъ разсказывать, гдѣ онъ поставилъ коммодъ.

Коммодъ его, который онъ купилъ гдѣ-то на аукціонѣ, былъ всегда предметомъ его нѣжнѣйшихъ заботъ. Нанимая квартиру, онъ примѣнялъ ее не къ своимъ удобствамъ, а къ удобствамъ своего коммода; если для него было видное помѣщеніе, то квартира хороша. Между тѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ, что изъ Петербурга прислана уже мебель Ганского, и пригласилъ пойти посмотрѣть на нее.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ и самъ Ганской. На другой же день прислана была отъ него къ ректору офиціальная бумага, въ которой предписывалась крайняя бдительность и строжайшій надзоръ какъ за студентами, такъ и за преподаваніемъ въ университетѣ, подъ страхомъ отвѣтственности за малѣйшій безпорядокъ.

Бумага эта сразила всѣхъ, какъ громомъ. Никто не ожидалъ такого оборота дѣлъ; ректоръ менѣе всѣхъ. Самое слово *надзоръ* повергло его въ недоумѣніе. Не значило ли это принять на себя полицейскія обязанности, слѣдовательно нажить себѣ тьму враговъ, не говоря уже о безпокойствахъ. Университетъ ожидалъ погрома, но громы были еще впереди, и грозная бумага оставалась пока одинокою среди общаго затишья. Ганской ничѣмъ не заявлялъ болѣе о желаніи сокрушить ученый міръ, и скоро явилась сладкая надежда, что тучу пронесетъ мимо.

Какъ-то разъ послѣ лекціи, Ганской пригласилъ меня къ себѣ. Я отправился въ тотъ же день. Дорога была мнѣ знакомая, потому во-первыхъ, что его пре-

восходительство занялъ мою бывшую квартиру, а во-вторыхъ потому, что общій подъѣздъ велъ теперь къ нему и къ Давыдову, только къ первому нужно было подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, а къ послѣднему повернуть въ корридоръ на-право. Съ того времени, какъ его превосходительство занялъ бель-этажъ, обстановка измѣнилась: у дверей поставили швейцара и лѣстницу устлали ковромъ. Около подъѣзда я увидалъ карету одного изъ нашихъ городскихъ сановниковъ. Стѣны въ сѣняхъ нѣсколько подкрасили и обновленіе захватило даже уголокъ того корридира, по которому ходили къ Давыдову.

Ганской принялъ меня очень привѣтливо, и безъ всякихъ почти оговорокъ сразу, даже какъ-то некстати, предложилъ мнѣ быть у него домашнимъ секретаремъ.

— На время, объяснилъ онъ, какъ-бы испугавшись, что я могу обидѣться его предложеніемъ.

Но у меня было правиломъ никогда ничѣмъ не обижаться. Я согласился.

Университетъ, слѣдившій за всѣми движеніями Ганского съ безпокойствомъ влюбленной женщины, узналъ о моемъ новомъ званіи двумя часами раньше меня и рѣшительно потерялъ голову, не зная, чему это приписать: интригамъ ли моимъ или просто судьбѣ, на томъ основаніи, что она индѣйка и часто не вѣдаетъ, что̀ творитъ.

Въ первую недѣлю, которую я прожилъ у попечителя, дѣлъ накопилось столько, что мы вдвоемъ едва

успѣвали покончить съ ними. Просиживая далеко за полночь, Ганской отпускалъ меня во второмъ часу, но самъ, случалось, работалъ до утра. Въ почтовые дни, когда нужно было отправить массу корреспонденціи, онъ не ложился .иначе, какъ при полномъ солнечномъ сіяніи.

Тутъ только, сталкиваясь съ нимъ ежедневно, я узналъ его домашнюю жизнь. У него было много странностей. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это то, что хозяиномъ въ домѣ былъ не Ганской, а его камердиперъ, хитрый, но флегматическій хохолъ. Онъ составлялъ барину menu его обѣда и ни за что бы не согласился перемѣнить или прибавить хоть одно блюдо. Если баринъ заявлялъ напр. желаніе имѣть къ этому спаржу, то хохолъ невозмутимо отвѣчалъ, что спаржи не будетъ: дорогà. И барину, имѣвшему до 500 тысячъ годоваго дохода, приходилось молча соглашаться, что спаржа дѣйствительно дорогà и что надо отъ нея отказаться. Хохолъ назначалъ, гдѣ какая мебель должна стоять, и если бы баринъ вздумалъ передвинуть ее, то былъ увѣренъ, что въ домѣ вспыхнула бы революція.

Единственная комната, гдѣ Ганской былъ немножко хозяиномъ — это кабинетъ. Къ этой комнатѣ хохолъ относился съ презрѣніемъ, и если видѣлъ тамъ мебель, стоявшую не на мѣстѣ, или бумагу, валявшуюся на полу, то никогда не поднималъ и не поправлялъ ее, потому ли, что это ему было запрещено, или же потому, что «пускай, дескать, смотритъ и казнится.» Когда Ганской шелъ гулять, невозмутимый камердинеръ подавалъ ему

ту шинель или то пальто, которое ему заблагоразсудится и которое, по его мнѣнію, соотвѣтствовало сезону. Ганской поэтому никогда не спрашивалъ, тепло или холодно на дворѣ, а молча надѣвалъ то, что ему подавали.

Въ первое же утро моего пребыванія у попечителя, когда я работалъ въ его кабинетѣ, я имѣлъ случай видѣть, какъ онъ принимаетъ разныхъ докучныхъ посѣтителей. Ихъ перебывало при мнѣ человѣкъ шесть: изъ нихъ пятеро пришли за вздоромъ и говорили только вздоръ. Каждаго онъ терпѣливо выслушивалъ, большею частію молча. Потомъ, когда посѣтитель уходилъ, онъ также сосредоточенно и угрюмо провожалъ его до дверей и принимался опять за прерванное занятіе, какъ будто исполнялъ вещь, необходимую въ программѣ этого дня.

Пришелъ какой-то молодой человѣкъ и просилъ позволенія посвятить его превосходительству свои сочиненія. Ганской исподлобья посмотрѣлъ на него.

— Ваше превосходительство, здѣсь всѣ столько наслышаны... Я хотя не имѣю счастія быть съ вами знакомымъ, но, конечно... Я думаю...

— Вы думаете, что я хорошій человѣкъ, а я, можетъ быть, подлецъ?

Молодой человѣкъ заметался на стулѣ.

— Помилуйте, ваше превосходительство... Высокій постъ, вами занимаемый, вашъ высокій умъ...

— Мнѣ, какъ хотите; пожалуй, посвящайте.

Молодой человѣкъ разсыпался въ благодарностяхъ; потомъ началъ просить мѣста.

— Какое же вамъ нужно мѣсто?

— По учебной части, ваше превосходительство. Я бы не отказался ни отъ какого. Крайнее положеніе... Незамужняя сестра...

— Какое же я вамъ могу дать мѣсто, когда я васъ совсѣмъ не знаю. Если хотите, я напишу женѣ. Ей, кажется, нуженъ учитель... географіи или русскаго языка — не помню. Вы знаете географію?

— Многократно занимался ею.

— Хорошо-съ. Я напишу. Черезъ мѣсяцъ зайдите.

Послѣ я узналъ, что Ганской такимъ образомъ поставлялъ много учителей для своей дочери, но какъ всѣ они послѣ оказывались негодными, то и прогонялись ея превосходительствомъ, причемъ изъ конторы его превосходительства имъ выдавали денежное пособіе, а часто даже и пенсію. Бывало и такъ, что присланные кандидаты на учителя проживали въ домѣ ея превосходительства безъ всякой должности, исполняя разныя мелкія порученія и пользуясь даровой квартирой и столомъ. Ея превосходительство неоднократно жаловалась, что мужъ ея не умѣетъ никому отказать, но не желая имѣть всякую дрянь у себя на службѣ, присылаетъ всю эту дрянь къ ней. Какъ я подозрѣваю, это не мало содѣйствовало тому, чтобы утвердить за Ганскимъ въ Петербургѣ репутацію простоватаго, недалекаго вельможи.

Когда было свободное время, онъ безцѣльно ходилъ по городу, заходилъ въ самые дальніе кварталы, и вдругъ, встрѣтивши какого-нибудь гимназиста или студента,

приводилъ его къ себѣ обѣдать. Молва объ этомъ разносилась по городу и сдѣлала его чудакомъ.

Скоро я приглядѣлся къ его странностямъ и они уже не такъ занимали меня, какъ его не то чтобы хладнокровіе, — я самъ хладнокровенъ, — а какая-то необыкновенная ровность: онъ не былъ флегматикъ, но я ни разу не видалъ, чтобы кто-нибудь взбѣсилъ или привелъ его въ восторгъ. Ничего похожаго на гнѣвъ никогда не отражалось на его лицѣ. Никогда не сказалъ онъ ни про кого, что этотъ человѣкъ ему невыносимъ, что онъ достоинъ висѣлицы и кáры небесной, — словомъ, всего того, что почти всѣмъ намъ приходится говорить въ минуту гнѣва. Я никогда не видалъ, чтобы его кто-нибудь разсердилъ. Было ли это слѣдствіемъ его добродушія? Едва ли. Я зналъ, что онъ объ людяхъ былъ невысокаго мнѣнія.

Разъ пришелъ къ нему одинъ профессоръ просить, чтобы онъ приказалъ университетскимъ цензорамъ снять запрещеніе съ его книги.

— Какже это, сказалъ Ганской. — Вѣдь цензора-то они, а не я.

— Помилуйте, горячился профессоръ, показывая рукопись: — не угодно ли вамъ взглянуть? Въ моемъ сочиненіи я разбираю стихотворенія графа Хвостова. Положимъ, онъ графъ, но мнѣ-то что-жъ до этого? Я и знать не хочу, что онъ графъ. Я, ваше превосходительство, даю свой отвѣтъ передъ лицомъ всей поэзіи. Я имѣю дѣло съ музами, а не съ графомъ. А вмѣсто

того, что же я вижу? Гдѣ я написалъ: «въ этомъ стихѣ нѣтъ смысла», тамъ, извольте взглянуть, — г. цензоръ отмѣтилъ: «невѣжливо». Потомъ вотъ тутъ я говорю, что этотъ стихъ дуренъ, а цензоръ опять: «оскорбительно». Помилуйте, ваше превосходительство!

Ганской съ серьознымъ видомъ взялъ у него тетрадь и сталъ ее разсматривать.

— Да, сказалъ онъ. — Цензоръ этотъ должно быть очень вѣжливый человѣкъ. Кто онъ такой?

Профессоръ назвалъ фамилію.

Хорошо-съ. Я съ нимъ поговорю.

Когда посѣтитель ушелъ, Ганской разсмѣялся.

— Вотъ, замѣтилъ онъ: — какая у насъ вѣжливая цензура. Странно мнѣ только одно: и цензоровъ, и ректора, и декановъ университетъ выбираетъ самъ, а между тѣмъ посмотрите: и цензорами, и ректоромъ, и деканами университетъ недоволенъ. Мнѣ то и дѣло жалуются то на одного, то на другого. И говорятъ послѣ этого, что начальство не нужно! Помилуйте, да кому-жъ мы тогда жаловаться-то будемъ?

Слово за слово, завязался разговоръ, сначала о начальствѣ, потомъ о петербургскомъ обществѣ, о томъ самомъ обществѣ, которое произносило Ганскому свой неумолимый приговоръ. И человѣкъ этотъ, заклейменный названіемъ ничтожества, отплатилъ теперь этому обществу безпощадной ироніей. Первый разъ онъ высказался передо мною на столько, что я сталъ понимать, какъ ошибались тѣ, кто не видѣлъ ничего за этимъ добро-

душіемъ и молчаливой угрюмостью. Онъ не любилъ говорить о своихъ мнѣніяхъ, онъ молчалъ, но это молчаніе было истолковано ошибочно. Въ словахъ его не было того сарказма, который слышался у Давыдова. Давыдовъ говорилъ о людяхъ, какъ о своихъ величайшихъ врагахъ; Ганской — подсмѣивался надъ ними. Нельзя было замѣтить въ немъ чувства гнѣва или досады: онъ вполнѣ владѣлъ своими мыслями.

— Не знаю, говорилъ онъ: — подъ какой счастливой звѣздой я родился, но только мнѣ, знаете, превесело жить тамъ, въ Петербургѣ. Въ государственномъ совѣтѣ напр. Куракинъ духъ законовъ толкуетъ! Вышло разъ, не помню, въ чемъ-то разногласіе. Одинъ говоритъ такъ, другой эдакъ... Полѣзли смотрѣть въ законахъ. Законъ объ этомъ ни полслова. Всталъ Куракинъ. А, говоритъ, ну, теперь это, говоритъ, очень ясно. Въ законѣ, говоритъ, объ этомъ ничего не сказано, слѣдовательно это запрещено! На это ему секретарь очень благоразумно замѣтилъ, что «у насъ, говоритъ, ваше сіятел-во, принято это такъ понимать, что́ закономъ не воспрещено, то дозволено!» Такъ Куракинъ даже поблѣднѣлъ. «Я, говоритъ, милостивый государь, такихъ вольнодумныхъ толкованій не потерплю. Что закономъ не дозволено, то, милостивый государь, воспрещено!» Да, этотъ Куракинъ насъ много восхищаетъ. Судили разъ цыганъ, фальшивыхъ монетчиковъ, — и засудили. Дѣло однако было вопіющее и дошло до сената; подсудимые рѣшительно оказывались невинными. Ни одной

улики! Стали подавать голоса. Куракинъ стоитъ на своемъ: виновны, заслуживаютъ кнута и Сибири! Почему? А потому, говоритъ, что они цыгане, а цыгане всѣ мошенники. Скажите послѣ этого, что намъ не весело!

Ганской говорилъ совершенно серьозно, но глаза у него смѣялись. Онъ предложилъ мнѣ сигару и продолжалъ:

— Да, въ Петербургѣ у насъ много любопытнаго. Вотъ напр. нашъ бѣдный Голицынъ [1]), — вы знаете, конечно, что онъ тоже министръ духовныхъ дѣлъ, — буквально осажденъ теперь жалобами лифляндскаго дворянства, и не знаетъ, что ему теперь дѣлать. Дворянство, видите ли, жалуется на то, что русскіе попы *совращаютъ* ихъ католическихъ крестьянъ *въ православіе.* У насъ въ высшемъ кругу многіе этими жалобами весьма растроганы. А Голицыну, собственно говоря, все равно... Онъ по другой вѣрѣ, по своей...

Долго еще говорилъ онъ, и все съ той спокойной усмѣшкой, которая ни на минуту не покидала его. Въ словахъ его слышалась не горечь обманутаго и разочарованнаго человѣка, а равнодушіе человѣка, который никогда лучшаго и не ожидалъ. Отъ государственныхъ вопросовъ онъ перешелъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ.

— У меня есть одна родственница, разсказывалъ онъ: — княгиня, положимъ, NN. которая меня терпѣть

---

[1]) Министръ народнаго просвѣщенія.

не можетъ и называетъ глупцомъ, потому что она разъ поручила мнѣ привезти ей кавалеровъ для бала, а я не привезъ. Княгиня эта, какъ къ ней кто ни пріѣдетъ, всѣмъ говоритъ: а, знаете, Serge ужасно глупъ. Pauvre enfant! И распустила слухъ, что я тѣмъ только и спасаюсь, что у меня жена очень умна. Vous savez, говоритъ, Elise est une femme de beaucoup d'esprit. Есть у меня еще родственникъ, князь тоже, положимъ, NN. Тотъ меня считаетъ карбонаромъ. У него, видите ли, прислуги въ домѣ 70 съ чѣмъ-то человѣкъ, 72 кажется... Вотъ онъ и пошилъ имъ ливреи съ разными воротниками: бѣлыми, красными и голубыми; каждый цвѣтъ обозначаетъ особенную степень. Вотъ и пошло производство изъ одного цвѣта въ другой. Какъ отличился кто нибудь — сейчасъ бѣлый воротникъ снимутъ, нашьютъ голубой, провинился — голубой спорютъ, опять бѣлый. Занимался этимъ все самъ князь. Каждый день, какъ вечеръ, такъ отдавалъ вечерній приказъ по дому: кому выговоръ, кого подъ арестъ. Кучеру, положимъ, выговоръ, выѣзднаго лакея подъ арестъ, или выѣздному лакею выговоръ, — кучера подъ арестъ. Придумано-то оно, видите ли, прекрасно, да я какъ-то не въ добрый часъ хозяину сказалъ: чтó, говорю, князь, у васъ какіе ужасные цвѣтá: красный, бѣлый и голубой. Вѣдь это, говорю, знамя революціи. Ну если, говорю, у васъ прислуга-то взбунтуется? Вѣдь вы за это Богу отвѣтъ дадите! — Много ли человѣку нужно? Съ тѣхъ поръ терпѣть меня не можетъ!

Все это Ганской разсказывалъ съ невозмутимымъ добродушіемъ. Ни княгиня, прославившая его дуракомъ, ни князь, въ которомъ онъ нажилъ себя врага, не уязвили его душу. Я подумалъ, что любопытно было бы узнать, какъ онъ относится къ людямъ, болѣе ему близкимъ?

Будъ онъ человѣкъ апатичный, я не задалъ бы себѣ этого вопроса. Но онъ не былъ апатиченъ. Въ жилахъ его текла горячая кровь: я угадывалъ это иногда по выраженію его лица, по блеску его взгляда, по мимолетной вспышкѣ... Въ немъ горѣлъ огонь, но онъ былъ глубоко запрятанъ подъ внѣшними пріемами равнодушія и сосредоточенности.

III.

Я сталъ замѣчать, что Давыдовъ бываетъ у ректора гораздо чаще прежняго. Это навело меня на размышленія. По привычкѣ людей созерцающихъ, я сталъ слѣдить за моимъ товарищемъ, и если видѣлъ, что онъ смотритъ на часы и начинаетъ куда-то торопиться, то я точно также смотрѣлъ на мои часы и выходилъ вмѣстѣ съ нимъ, ссылаясь на то, что намъ, можетъ быть, по дорогѣ. Дорога эта вела чаще всего къ университету, оттуда сворачивала налѣво и, поднимаясь по лѣстницѣ, приводила въ квартиру ректора.

Въ гостиной мы заставали неизмѣнно двухъ тетушекъ, игравшихъ въ марьяжъ, и одну въ очкахъ, — то

были исполинскія очки въ мѣдной оправѣ, съ одного боку сломанныя и перевязанныя ниточкой, — читавшую библію. Тутъ же обыкновенно сиживала ректорша съ чулкомъ, наглухо заткнувши уши ватой изъ раки св. Варвары, а за пяльцами Любовь Федоровна и около нея всегда почти неразлучныя съ ней книжки о таинствахъ креста или Philosophie Divine, или Imitation de Jésus Christ.

Въ жаркое время дня гостиная затворялась изнутри ставнями съ отверстіями въ видѣ сердечекъ, и къ этимъ отверстіямъ, какъ-бы повинуясь притяженію солнечныхъ лучей, поднимались снопы золотистой пыли.

О томъ, что̀ говорилось въ таинственномъ полумракѣ этой гостиной, сколько тутъ было смѣху вѣчно веселыхъ кузинъ и сколько вздоховъ скучающей старости — было бы долго разсказывать. Но я полюбилъ эту гостиную, я полюбилъ стоявшія тутъ пяльцы и даже красивый пунцовый переплетъ книжки Philosophie Divine. Я любилъ смотрѣть, съ какой неловкостью и неумѣніемъ нашъ талантливый профессоръ помогалъ иногда распутывать шерсть своей темноглазой сосѣдкѣ. Занятіе это казалось ему такъ трудно и такъ утомительно, что онъ однажды наотрѣзъ отказался отъ него, и съ тѣхъ поръ сохранялъ всегда свое гордое, независимое положеніе передъ женщиной, за которой онъ начиналъ замѣтно ухаживать. Давыдовъ никогда не былъ способенъ на тѣ тысячи мелкихъ угожденій, которыя неразлучны почти съ ухаживаньемъ.

Онъ всегда готовъ былъ предложить дамѣ руку или подсадить ее въ экипажъ, но носить за ней ея тальмы и платки, бѣжать сломя голову отыскивать ей карету или достать ей какой-нибудь необыкновенный букетъ— это онъ называлъ лакействомъ. Онъ разъ съ досадой сказалъ, что любить женщину не значитъ еще быть у нея на посылкахъ, и что онъ не понимаетъ людей, которые способны на лакейство.

Любовь Федоровна молча посмотрѣла на него и съ тѣхъ поръ ни разу уже не просила поднять ей клубокъ или принести ножницы. Какъ женщина, она любила, чтобы за ней ухаживали, и любила, чтобы ей угождали; не смотря на это, ей нравилась независимость Давыдова.

Меня занималъ вопросъ: увлечена она имъ или нѣтъ? Неужели же она оставалась къ нему равнодушна? Или это была только сила ея самообладанія, ея болѣзненной восторженности, которая запрещала ей увлекаться земными предметами и всѣ ея мысли направляла къ будущей жизни? Княгиня осаждала ее по прежнему письмами, которыя дышали самымъ горячимъ фанатизмомъ и взывали къ самопожертвованію.

Письма эти всякій разъ производили на нее потрясающее впечатлѣніе. Она смотрѣла на нихъ какъ на святыню.

Тотъ день, когда ей приносили съ почты пакетъ, былъ для нея днемъ покаянія и молитвы. Она запиралась у себя въ комнатѣ, не выходила къ обѣду, и только вече-

ромъ, блѣдная, молчаливая, со слѣдами слезъ на глазахъ, а иногда съ горѣвшими, воспаленными взглядами, показывалась какъ тѣнь, чтобы просидѣть полчаса въ гостиной.

Былъ одинъ вечеръ, когда я особенно пристально слѣдилъ за нею. Вечеръ этотъ мы провели на дачѣ у молодыхъ, которые недавно только переселились въ нашъ городъ. Съ Любовью Федоровной хозяйка была впрочемъ знакома уже раньше: онѣ видались гдѣ-то за границей и сошлись, насколько могутъ сходиться двѣ хорошенькія женщины, которыя вздумали поиграть въ дружбу и повѣрять другъ другу маленькія тайны. И теперь онѣ нѣжно улыбались одна другой и говорили *ты*, но я готовъ былъ прозакладывать свою голову, — вещь, которою я очень дорожу, — что онѣ совершенно были другъ другу ненужны. M-me Сухотина была хорошенькая особа съ каштановыми волосами, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, всегда безукоризненно одѣтая, со всѣми любезная, ласковая, предупредительная. Въ ней все было бархатъ, начиная отъ кроткаго блеска ея глазъ до ласкающаго шелеста ея платья. Она точно хотѣла сказать всѣмъ: господа, я счастлива, и, смотрите, какъ я добра! Но въ кроткихъ глазахъ ея блистала хитрость; смѣхъ ея рѣзко звенѣлъ въ ушахъ. Она была изъ тѣхъ особъ, которыя, не смотря на свою красивую наружность, долго не находятъ себѣ мужа, и разъ пристроившись, стремительно принимаютъ всѣ манеры замужней дамы. Она держала себя съ дѣвушками покровительственно, съ мужчинами довольно свободно; часто говорила о *своемъ* мужѣ, о *своемъ* экипажѣ, о *своемъ*

хозяйствѣ. Она была очень занята собой и своимъ счастіемъ и считала себя, повидимому, женщиной, которой всѣ другія женщины втайнѣ завидуютъ.

Мужъ ея, бѣлокурый, недурной собою мужчина, былъ изъ числа тѣхъ людей, которые до 30 лѣтъ смотрятъ разочарованными и скептиками, не вѣрятъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ преданность, чѣмъ не мало плѣняютъ женщинъ, — потомъ послѣ 30 лѣтъ женятся и начинаютъ по немногу вѣрить во все, но по прежнему любятъ поговорить въ обществѣ и поразить слушателей парадоксальностью своихъ воззрѣній. Сухотинъ, какъ я подозрѣваю, былъ человѣкъ, неспособный убить мухи, но на словахъ онъ низвергалъ цѣлыя системы, порицалъ правительство, порицалъ всѣ существующія учрежденія, какъ наши, такъ и заграничныя, и всему произносилъ свой неумолимый приговоръ. Мнѣ разсказывали, что за границей онъ поразилъ всѣхъ своими отзывами о Россіи. Администрація, говорилъ онъ, вся состоитъ изъ глупцовъ; законы татарскіе; исполненіе ихъ варварское; духовенство развращенное; народъ невѣжественный. Такъ какъ это было сказано человѣкомъ солиднымъ, какимъ глядѣлъ всегда Сухотинъ, сказано серьозно, спокойно, тѣмъ тономъ безпощаднаго, но безпристраснаго анализа, который невольно внушаетъ къ себѣ довѣріе, то за границей Сухотину стали вѣрить. Его туманная рѣчь была принята нѣмцами за глубину, и скоро онъ самъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, сталъ считать себя человѣкомъ по преимуществу глубокимъ.

Іюньскій вечеръ на балконѣ, недалеко отъ воды, гдѣ бѣлѣлась обтянутая парусиной, новенькая купальня, былъ великолѣпенъ.

На всѣхъ нашло какое-то мирное, сладкое настроеніе.

За чайнымъ столомъ, противъ томпаковаго самовара, формой своей напоминавшаго вазу для цвѣтовъ, сидѣла хозяйка въ прозрачномъ голубомъ платьѣ, двѣ старушки въ исполинскихъ чепцахъ, съ ридикюлями и табакерками, изображавшими кровопролитное сраженіе, и Любовь Федоровна, также какъ и пріятельница, вся въ голубомъ. По лѣвую руку отъ хозяйки сидѣли двѣ очень еще молоденькія барышни, которыхъ не терпитъ одинъ мой пріятель, называя ихъ семерками. Я зналъ, что вести съ ними разговоръ бываетъ чертовски трудно, и занялъ поэтому мѣсто между мужчинами, сидѣвшими на другомъ концѣ балкона. Ихъ было трое: хозяинъ, Давыдовъ и еще одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, который стóитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Фамилія его была Вороновъ, но когда-то, въ бытность свою въ Римѣ, онъ влюбился въ какую-то пѣвицу Маріанини, и съ тѣхъ поръ принялъ эту фамилію. Грязные скандалы, вспышки великодушія и самый азіатскій деспотизмъ, сантиментальность и жестокость — все уживалось въ такихъ лицахъ, какъ нашъ Вороновъ. Пустоты въ своей жизни онъ не выносилъ и наполнялъ ее, какъ умѣлъ. То онъ писалъ себѣ надгробное слово, то составлялъ духовное завѣщаніе, то сочинялъ проповѣдь для соборнаго священника. Вдругъ ему казалось необходимымъ

выстроить у себя въ имѣньи институтъ: собирались со всѣхъ концовъ каменьщики, землекопы — и дѣло закипало такое спѣшное, что работали даже ночью, при свѣтѣ факеловъ. Еще фундаментъ не былъ выведенъ, какъ уже приглашены были два учителя. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, институтъ стоялъ безъ стеколъ, учителямъ не платили жалованья — и все было забыто. Разъ вообразилось ему, что крестьяне не оказываютъ ему должнаго повиновенія, и онъ сталъ приводить ихъ къ присягѣ. Дѣло вышло уголовное, но въ губерніи всѣ ему были друзья и пріятели — и кончилось ничѣмъ.

Люди этого закала считаютъ своей обязанностью оказывать покровительство страждущимъ и угнетеннымъ. Таковъ былъ и Вороновъ. Онъ являлся защитникомъ чужихъ крѣпостныхъ, чужихъ женъ и дѣтей, и хотя самъ у себя въ имѣніи и въ семьѣ велъ себя небезукоризненно, но другихъ за несправедливость безпощадно преслѣдовалъ, и явившись къ мало знакомому ему человѣку, который, по его мнѣнію, поступилъ невеликодушно, прямо въ лицо говорилъ ему подлеца. Такая роль непризваннаго судьи, само собой разумѣется, никому не могла нравиться, и дѣло не обходилось безъ скандаловъ. Многіе изъ нихъ благородно омывались кровью, другіе оканчивались примиреніемъ. Но всѣ его бывшіе враги дѣлались подъ конецъ его пріятелями. Отъ этого не было въ городѣ человѣка, которому бы онъ не насолилъ, и въ то же время не было человѣка, который бы не сказалъ про него, что онъ добрѣйшій малый.

Онъ жестоко проигрывалъ въ карты, кутилъ такъ, что, по его мнѣнію, пить *съ воздержаніемъ* значило пить такъ, чтобы держаться на ногахъ, отчаянно ухаживалъ за всѣми хорошенькими женщинами, увозилъ даже женъ отъ мужей, и въ то же время безумно обожалъ свою собственную жену. Когда у него родился первый ребенокъ, онъ, не извѣстно для чего, напечаталъ объ этомъ въ газетахъ.

Человѣкъ онъ былъ богатый, хотя и сильно уже попромотавшійся; знакомство поддерживалъ со всей нашей аристократіей, но не брезговалъ ни однимъ домомъ, гдѣ могъ встрѣтить хорошенькую женщину или буйнаго товарища для своихъ оргій. Часто можно было видѣть его съ людьми подозрительной нравственности, передъ которыми онъ разсыпалъ перлы своего ума, съ которыми отшибалъ артистически горлышки у бутылокъ и въѣзжалъ верхомъ въ гостиную къ своей женѣ. По какому-то несчастному случаю, такимъ людямъ попадаются женщины кроткія, которыя съ покорностью несутъ свой крестъ, проводятъ безсонныя ночи, проливаютъ море слезъ и угасаютъ незамѣтно, иногда отъ побоевъ пьянаго мужа, который въ трезвомъ видѣ готовъ былъ цѣловать у нихъ ноги.

Въ началѣ вечера говорилъ больше Вороновъ. Сухотинъ, по обязанности хозяина, внимательно слушалъ его и изрѣдка поддакивалъ. Дамы болтали между собою. Давыдовъ, поставивши недопитую чашку на балюстраду, кажется, ничего не слышалъ и разсѣянно смотрѣлъ въ

даль. Его красивый профиль отчетливо обрисовывался въ потухающемъ вечернемъ свѣтѣ. Ни онъ, ни Любовь Федоровна не смотрѣли другъ на друга; они даже какъ-будто избѣгали встрѣчаться взглядами; но ея лихорадочная оживленность, горячность, съ которою она вмѣшивалась въ мало интересные для нея разговоры дѣвицъ и даже двухъ старушекъ, изъ которыхъ одна оказалась ея теткой, и его молчаливая, сосредоточенная задумчивость говорили сами за себя. Давыдовъ не любилъ молчать въ обществѣ; онъ искалъ всегда случая овладѣть разговоромъ или затѣять споръ, за которымъ всѣ слѣдили обыкновенно съ интересомъ; теперь онъ молчалъ.

Поподчивавши всѣхъ фруктами, какъ громко величали здѣсь землянику и нѣсколько тощихъ апельсиновъ, сервированныхъ впрочемъ такъ изящно, какъ сервируютъ только у молодыхъ, гдѣ въ домѣ все ново, съ иголочки, m-me Сухотина приказала убирать чай и предложила гостямъ оставить террасу, чтобы пройтись къ рѣкѣ. Всѣ согласились, кромѣ двухъ старушекъ: у одной былъ завалъ въ печени, другая сказала, что ни за что не пойдетъ къ водѣ. Хозяйка должна была остаться съ ними и увела ихъ въ комнаты, гдѣ тотчасъ же приказала плотно закрыть всѣ окошки.

Каждый кавалеръ долженъ былъ вести свою даму. Давыдовъ подошелъ къ Любовь Федоровнѣ и предложилъ ей руку; она какъ-то нерѣшительно взмахнула на него глазами, потомъ быстро опустила ихъ, и черезъ минуту уже спускалась съ нимъ съ террасы, улыбаясь и

поправляя на ходу свою прическу съ видомъ женщины, которая знаетъ, что она хороша и что ею въ эту минуту любуются. Она дѣйствительно была хороша; ея темные глаза искрились, вспыхивая попремѣнно то радостью, то какой-то притворной серьозностью, и такъ часто тревожно-весело поднимались на ея собесѣдника, что я въ эту минуту не могъ бы отвѣчать за его душевное спокойствіе. Онъ былъ замѣтно въ возбужденномъ состояніи и, вернувшись на террасу за перелиной, которая должна была предохранить его спутницу отъ простуды, показался мнѣ совсѣмъ человѣкомъ погибшимъ. Вмѣсто перелины, онъ едва было не схватилъ меня, и только мое нѣжное напоминовеніе о томъ, что я — Германъ, профессоръ N — скаго университета, заставило его нѣсколько придти въ себя и искать требуемаго предмета въ другомъ мѣстѣ.

Вороновъ взялъ одну изъ молоденькихъ дѣвицъ, хозяинъ взялъ другую, и такимъ образомъ я, оставшись безъ дамы, пошелъ къ старушкамъ. М-me Сухотина, долго учившаяся въ Петербургѣ и за границей искусству дѣлать жизнь пріятною, скоро отдѣлалась отъ старушекъ, усадивши ихъ играть въ трикетъ и обставивши ихъ леденцами и шоколадними пастилками. Старухи сосали леденецъ, разбирали своими дрожащими руками карты по мастямъ и такъ растрогались, что сами просили хозяйку идти къ рѣкѣ или въ рѣку, куда ей угодно.

— Молодой человѣкъ! приговаривали онѣ. — Что тебѣ съ нами!

M-me Сухотина приказала мнѣ обернуть ее въ шаль и, нѣжно опираясь на мою руку, повела къ рѣкѣ. Спускаясь по косогору узенькой дорожкой, гдѣ отъ сырости скользили ноги, она два раза вскрикнула и еще нѣжнѣе прижалась ко мнѣ. Она была очень мила, и въ другое время я готовъ былъ бы сводить ее хоть съ альпійскихъ ледниковъ, не только что съ косогора, но теперь меня занимала не она. Впереди, на разстояніи ста шаговъ отъ насъ, я увидалъ Любовь Федоровну съ Давыдовымъ. Они шли тихо и отстали отъ гуляющихъ, не на столько однакоже, чтобы потерять ихъ изъ виду. Онъ срывалъ попадавшійся по дорогѣ жасминъ и дѣлалъ букетъ, вѣроятно ей, потому что она сама нѣсколько разъ поправляла ему цвѣты и смѣялась.

— Не правда ли, сказала моя дама: — какая интересная парочка. Онъ — красавецъ, и она тоже. Они созданы другъ для друга! Вы не повѣрите, какъ я рада, когда вижу ихъ вмѣстѣ. Я по́мню то время, когда сама была въ дѣвушкахъ... Вы знаете, какъ пріятно встрѣтить гдѣ-нибудь человѣка, который намъ нравится. Я тогда же дала себѣ слово, что когда буду замужемъ, всячески буду помогать влюбленнымъ. Это наша обязанность. C'est notre devoir, à nous autres, femmes mariées...

Она зажмурилась и засмѣялась; потомъ вдругъ, жалуясь на сырость, стала кокетливо завертываться въ свою шаль.

— Я всегда была увѣрена, что Любочка не сдѣлаетъ дурного выбора. Она всегда была такъ взыска-

тельна къ людямъ. Я помню въ Баденѣ, когда мы веселились отъ души, она жаловалась на скуку. Правда, она много танцовала, но всегда говорила, что дѣлаетъ это неохотно. Мы всѣ имѣли тамъ обожателей, — не улыбайтесь такъ коварно, это вещь совершенно неизбѣжная, — она, конечно, имѣла ихъ не менѣе другихъ, но, представьте, увѣряла, что ни одного изъ нихъ не взяла бы къ себѣ въ лакеи. N'est ce pas que c'en est trop! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ подумать, что всѣ были такъ глупы. Il y avait des jeunes gens très comme il faut. Но я не знаю, ей хотѣлось чего-то такого... генія, можетъ быть, но геніевъ нѣтъ! Vous savez. Мой мужъ... конечно, я не слыхала, чтобы кто-нибудь сказалъ про него, что онъ не уменъ и не думаю, чтобы онъ былъ глупѣе другихъ... (M-me Сухотина была очень высокаго мнѣнія объ умѣ своего мужа). Но все-таки же я скажу прямо: онъ не геній. Нѣтъ, онъ не геній! (Я былъ почти благодаренъ ей за это скромное сознаніе). А между тѣмъ, я нисколько не раскаяваюсь, что вышла не за генія. Я люблю моего мужа и уважаю его. Но Любочка... oh, c'est autre chose. Какое счастіе, что она встрѣтила Давыдова! Entre nous, я не думаю, чтобъ онъ былъ ужь такъ страшно уменъ; его умъ скорѣе блестящій, чѣмъ глубокій. (О глубинѣ ума она много слышала отъ своего мужа; и я даже подозрѣваю, что мнѣніе о Давыдовѣ цѣликомъ принадлежало ему). Не правда ли? Вы согласны со мной? Онъ можетъ блестѣть въ обществѣ, но... Впрочемъ, я все-таки очень уважаю monsieur

Давыдова, и я, право, отъ души, отъ души буду радоваться за Любочку, если она сдѣлаетъ эту партію. Онъ не богатъ, конечно... я даже думаю, что теперь его содержаніе не позволяетъ ему жениться, — но со временемъ онъ можетъ сдѣлать себѣ карьеру; не правда ли?

Что, если эта болтовня, подумалъ я: — дойдетъ когда-нибудь до Ганского? Въ губернскомъ городѣ это очень легко. Тамъ не надо искать новостей. Новости сами васъ ищутъ.

Въ жару разговора, мы однакожъ стали нагонять гуляющихъ. Между нами и Любовью Федоровной съ Давыдовымъ оставалось не болѣе 20 шаговъ. Они шли теперь по мосту, перекинутому черезъ оврагъ, на днѣ котораго протекалъ ручей, въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда впадающій въ рѣку. Вдругъ они стали неимовѣрно ускорять шаги, и наконецъ Любовь Федоровна, оставивши руку своего спутника, бросилась бѣжать и, пробѣжавши мостъ, остановилась въ какомъ-то оцѣпѣненіи, прислонившись къ дереву и схватившись одной рукой за грудь, гдѣ, какъ видно, сильно билось ея сердце. Давыдовъ поспѣшилъ къ ней и что-то съ жаромъ говорилъ ей; вскорѣ подошли и мы.

— Представьте, сказалъ Давыдовъ, быстро оборачиваясь: — Любовь Федоровна боялась идти черезъ этотъ мостъ. Я насилу уговорилъ ее, и вотъ вы видѣли... Она наконецъ бросила меня и убѣжала одна.

Я взглянулъ на Любовь Федоровну. Она стояла мертвенно-блѣдная, съ посинѣвшими губами и съ видомъ

такого утомленія на лицѣ, какъ будто сдѣлала, не отдыхая, верстъ пятьдесятъ.

M-me Сухотина улыбнулась. Она видимо принимала это за мистификацію, можетъ быть за кокетство своей пріятельницы. Но испугъ молодой дѣвушки былъ непритворный; недоумѣніе Давыдова тоже непритворное. Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло. Недѣли за три до этого, я слышалъ отъ ректорши разсказъ объ одной исторіи точно такого же рода. Дочь ея, говорила она, была подвержена необъяснимымъ припадкамъ страха: она вдругъ воображала, что мостъ на Невѣ сломится подъ ея тяжестью и рухнетъ въ воду; мосты были для нея предметомъ какого-то неизъяснимаго ужаса. Ей представлялись иногда страшные призраки. Мышей она боялась не менѣе мостовъ; одинъ видъ мыши доводилъ ее до обморока. Она боялась еще скрипучихъ дверей, и ни за что не осталась бы одна въ комнатѣ, гдѣ скрипѣла дверь. И эта же дѣвушка, пугавшаяся скрипа, готовая упасть въ обморокъ при одной мысли о томъ, что гдѣ-нибудь по близости есть мышь, показывала въ другихъ случаяхъ почти не женскую, безумную смѣлость. Въ ней вѣчно боролся духъ какого-то восторженнаго презрѣнія къ опасностямъ и безотчетной, но непобѣдимой боязни къ сверхъестественнымъ силамъ.

Изъ вѣжливости, дамы стали предполагать, что у нея закружилась голова и ей сдѣлалось дурно. Мужчины рѣшили единогласно, что идти теперь къ водѣ было бы опасно. Давыдовъ былъ замѣтно сконфуженъ. Я угады-

валъ, какая мысль вертѣлась у него въ головѣ: онъ боялся, чтобы его не сочли причиной странной выходки его дамы. Какъ и почти всѣ самолюбивые люди, онъ страшно боялся показаться смѣшнымъ. Всѣ двусмысленные взгляды дамъ онъ принималъ теперь на свой счетъ. Онъ досадовалъ на Любовь Федоровну и не скрывалъ этого. Холодныя, нѣсколько насмѣшливыя фразы, въ которыхъ онъ выражалъ ей свое участіе, никому не оставляли сомнѣнія насчетъ того, какъ онъ недоволенъ ею. Каждымъ словомъ своимъ онъ давалъ понять, что онъ врагъ всякихъ нелѣпыхъ выходокъ, а тѣмъ болѣе въ обществѣ. Любовь Федоровна поняла его и поспѣшила подать мнѣ руку, чтобы не возвращаться съ нимъ назадъ. Меня удивило то, что она даже не оправдывалась и не пыталась объяснить чѣмъ-нибудь свой странный поступокъ. Она молча, серьозно шла со мной, все еще блѣдная, и тихо попросила меня не возвращаться на мостъ, а спуститься ниже и перейти черезъ оврагъ тамъ, гдѣ ручей былъ узокъ и позволялъ перескочить черезъ него.

Изъ вѣжливости, все общество пошло за нами. Давыдовъ громко и весело разговаривалъ съ m-me Сухотиной и заставлялъ ее часто смѣяться.

Въ домѣ мы застали старушекъ, все еще играющихъ въ трикетъ и скушавшихъ уже болѣе половины леденца. Разсказъ о приключеніи на мосту ужасно занялъ ихъ. Онѣ отчаянно нюхали, потрясали чепцами и повторяли, что никогда не слѣдуетъ ходить вечеромъ къ водѣ.

День окончился очень весело. Вороновъ сѣлъ за клавикорды и пѣлъ итальянскіе романсы, безъ голоса, но съ чувствомъ. Молоденькія барышни сѣли со мной и съ своей бабушкой играть въ карты, а Давыдовъ и хозяинъ завели жаркій споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ прокурорскій надзоръ для губернатора. Давно уже замѣчено мною, что если начали за чаемъ споръ, положимъ, хоть о народномъ просвѣщеніи, то этотъ споръ будетъ продолжаться и за ужиномъ, но уже не о народномъ просвѣщеніи, а о солдатскихъ сухáряхъ.

Такъ было и теперь.

M-me Сухотина внимательно слѣдила за разговоромъ: когда говорилъ ея мужъ, она слушала съ какимъ-то упоеніемъ. Онъ такъ пропиталъ ее убѣжденіемъ въ глубинѣ его мыслей, что эта глубина казалась ей недосягаемой. Свѣтская женщина, воспитанная плохо, какъ и всѣ наши женщины, она мало понимала изъ того, что говорилось, но упивалась словами, потому что это были *его* слова.

Любовь Федоровна казалась утомленной, но я замѣтилъ, что глаза ея горѣли: едва ли она проронила хоть одно слово изъ того, чтó говорилось. Давыдовъ ни разу не обратился къ ней; онъ даже, казалось, не замѣчалъ ея.

Весь вечеръ онъ какъ-будто мстилъ ей, нарочно поддерживая разговоръ, въ который женщины не могли вмѣшаться; а когда по необходимости обращался къ дамамъ, то ко всѣмъ одинаково холодно, не дѣлая исключенія и для нея.

Только уже при прощаньи, когда онъ вышелъ провожать ее, въ глазахъ его мелькнуло какъ-будто раскаяніе. Помогая ей сѣсть въ экипажъ, онъ что-то тихо сказалъ ей; она ласково, но съ упрекомъ взглянула на него.

— Не нужно! сказала она, но съ такой грустью, что я понялъ бы его желаніе броситься къ ея ногамъ и просить забыть его смѣшную досаду.

Лошади уѣхали; онъ долго провожалъ ихъ глазами. Потомъ мрачно вернулся въ комнаты и тотчасъ же сталъ прощаться. Мы сошли съ лѣстницы вмѣстѣ съ барышнями, за которыми двѣ дѣвки сводили подъ руку бабушку.

IV.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дней, когда Ганской, имѣвшій большую переписку съ иностранными профессорами и съ русскими студентами, посланными за границу, засидѣлся по обыкновенію поздно ночью, я только-что вышелъ отъ него и хотѣлъ уже потушить свѣчку, какъ вдругъ услышалъ подъ окошками стукъ многихъ экипажей и шумъ голосовъ. Я отворилъ дверь на лѣстницу, чтобы узнать, не жена ли это Ганского пріѣхала.

Но бѣготня и свѣтъ продолжались въ нижнихъ коридорахъ, не поднимаясь ни на одну ступеньку выше. Я рѣшилъ поэтому, что дѣло до меня не касается, и вернулся къ себѣ.

На другое утро, часовъ около 12, когда я садился за завтракъ, а Ганской выпивалъ свой обычный стаканъ молока съ зельтерской водой, его угрюмый камердинеръ подалъ ему записку.

— Отъ кого?

— Унизу барыня остановилась. Оны прислали.

Ганской прочелъ и опустилъ записку въ карманъ.

— Хорошо. Ступай!

Но хохолъ не ушелъ. Онъ увидалъ на двери пятно, поплевалъ на него и вытеръ обшлагомъ своего рукава.

— Можешь идти, повторилъ Ганской.

— Оны отвѣта дожидаются.

— Скажи, что я приду.

Хохолъ ушелъ. Я посмотрѣлъ на Ганского. Онъ не торопясь допилъ свой стаканъ и сѣлъ опять за письменный столъ. Мы провѣряли съ нимъ приходо-расходныя книги, присланныя изъ правленія. Онъ былъ вообще несообщителенъ, и не смотря на то, что я жилъ съ нимъ теперь бокъ-о-бокъ, узнать отъ него, что́ онъ намѣренъ дѣлать, можно было развѣ чудомъ. Я уже привыкъ къ тому, что онъ распечатывалъ при мнѣ письма десятками, ни слова не упоминая, отъ кого они; что онъ уходилъ и приходилъ, ни слова не говоря о томъ, гдѣ былъ. Это была совершенная противоположность Вагнеру, который не любилъ, чтобы въ жизни его былъ хоть одинъ шагъ, оставшійся неизвѣстнымъ для общества.

Передъ обѣдомъ Ганской ушелъ и черезъ часъ вер-

нулся. Не прошло и 5 минутъ, какъ онъ уже предложилъ мнѣ покончить разсмотрѣніе приходо-расходныхъ книгъ, чтобы отослать ихъ обратно въ правленіе. Никакихъ другихъ свѣдѣній объ его свиданіи съ интересной незнакомкой я не получилъ. Единственный признакъ, по которому я узнавалъ, что онъ чѣмъ-нибудь озабоченъ — это разсѣянность. Я повторялъ по нѣскольку разъ одну и ту же фразу — и онъ не понималъ ее, или, вѣрнѣе, не слыхалъ.

Въ этотъ вечеръ онъ упорно стоялъ на томъ, что 7 и 13 будетъ 25, и когда я ему разъяснилъ ошибку, то засмѣялся и попросилъ извиненія. Потомъ онъ долго отказывался понять, что 36, помноженное на 10, дастъ въ произведеніи 360, и опять, убѣдившись, что я правъ, просилъ извиненія, ссылаясь на то, что у него не совсѣмъ свѣжа голова. Отчетъ былъ однако нами блистательно провѣренъ и утвержденъ. Тогда я позволилъ себѣ нѣкоторый отдыхъ и рѣшилъ пройтись по улицѣ.

Только-что я спустился съ лѣстницы, какъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Любовью Федоровной, выходившей изъ корридора на-право. Вуаль на шляпкѣ была спущена, но и черезъ эту вуаль я могъ замѣтить, что глаза у нея были заплаканы. Она никого и ничего не видала, и хотѣла пройти мимо, но я остановилъ ее. Она какъ-будто обрадовалась мнѣ.

— Вы удивлены, не правда ли? обратилась она ко мнѣ по-французски. — Пойдемте со мной.

Съ ней была дѣвушка, которой она сдѣлала знакъ,

чтобы слѣдовала за нами, и продолжала разговоръ по-французски.

— Вы знаете, кто эта дама, которая пріѣхала вчера вечеромъ? Это одна изъ нашихъ. (Она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ). Я имѣла съ ней сейчасъ длинное объясненіе. Скажите мнѣ, ради Бога, Сергѣй Леонтьичъ былъ у нея сегодня?

— Онъ былъ у какой-то дамы, которая присылала ему записку.

— Ну да, я знаю. Она мнѣ говорила. Впрочемъ, что же я спрашиваю.... Онъ, конечно, по обыкновенію, спокоенъ... Ему все равно! Онъ, я думаю, даже не далъ себѣ труда подумать о томъ, что̀ со мною! Онъ послѣднее время, кажется, не особенно заботится и о томъ, чтобы видѣть меня. Я не говорила съ нимъ наединѣ двухъ минутъ.

— Я думаю потому, что ему нельзя было этого устроить.

— Перестаньте! Онъ такъ увѣренъ въ моей любви къ нему, въ моей преданности, что даже и не думаетъ объ этомъ. Онъ будетъ говорить со мной тогда, когда сдѣлаетъ мнѣ честь назвать меня своей женой. А до тѣхъ поръ что за дѣло?... Онъ знаетъ, что я не уйду отъ него. Или, наконецъ, это трусость съ его стороны! Онъ боится сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, онъ боится огласки!

— Если онъ и боится этого, то вѣроятно за васъ.

— Такъ ли? Я думаю, скорѣе, что онъ просто боится

развода. Эта дама сейчасъ сказала мнѣ, что и въ Петербургѣ еще ничего неизвѣстно, что и тамъ еще объ этомъ молчатъ. Стало быть, это дѣло не двигается впередъ. И въ этомъ винятъ меня! Но не лучше ли будетъ сказать, что въ этомъ виноватъ *онъ!* Только онъ! Что я могу сдѣлать! Научите меня, ради Бога. Развѣ я не желаю всею душою, чтобы это кончилось скорѣе. Для меня мучительна, для меня невыносима эта неизвѣстность!

Я замѣтилъ одну черту: какъ она ни была взволнована, она ни разу однакожъ не возвысила голосъ, ни минуты не забывая, что мы идемъ по улицѣ, и что за нами слѣдуетъ горничная. Черта, достойная свѣтской женщины!

— Если онъ думаетъ, что мнѣ пріятно тянуть этотъ романъ, то онъ очень ошибается! Я дѣлаю это потому, что я должна это дѣлать. Я дала клятву, что сдѣлаю все, чтó могу. И я ее сдержу. Видитъ Богъ, что я ее сдержу! Но зачѣмъ же онъ такъ мучаетъ меня? Развѣ не я должна отвѣчать за его нерѣшительность? Во всемъ винятъ меня! Вы видѣли сами, развѣ я могла говорить съ нимъ откровенно? Могла ли я настаивать, когда я даже не вижу его!

Мнѣ стало ясно одно, что особа, пріѣхавшая изъ Петербурга, сдѣлала Любови Федоровнѣ сцену за то, что ея дѣло плохо подвигается впередъ, и что бѣдная дѣвушка считала себя виновной передъ цѣлой общиной и можетъ быть даже передъ самимъ Богомъ.

— Но вѣдь особа эта, сказалъ я: — видѣлась съ Ганскимъ. Отчего же она не объяснилась съ нимъ?

— Да, она говорила съ нимъ. Но знаете ли, чтó онъ сказалъ ей? — что его дѣлá идутъ хорошо и чтобы она напрасно не безпокоилась. И только! Ей, конечно, неловко было настаивать. Это вышло бы похоже на то, какъ-будто меня навязываютъ ему. Но онъ долженъ былъ объясниться съ ней какъ слѣдуетъ! Оставляя ее въ неизвѣстности, онъ оставляетъ и меня въ неизвѣстности. Развѣ это было деликатно съ его стороны?

Это было такъ похоже на Ганского! Онъ любилъ дѣлать все молча. Я посовѣтовалъ Любови Федоровнѣ объясниться съ нимъ самой. Можетъ быть, съ ней онъ будетъ откровеннѣе. Она отвѣтила мнѣ на это, что уже рѣшено, что завтра она увидится съ нимъ у этой дамы.

— Знаете ли, продолжала она: — что у меня есть еще до васъ большая просьба. (Она подняла на меня свои все еще заплаканные и блестѣвшіе отъ волненія глаза. Въ нихъ блеснула и мольба, и приказаніе, и какъ-бы увѣренность въ томъ, что я не откажу ей). Я говорила этой дамѣ о васъ. Я разсказала ей все, что касалось до нашего знакомства. Я разсказала ей и о томъ, о чемъ вамъ я не говорила, потому что вы мнѣ не повѣрили бы и не поняли бы меня. Но она поняла меня. Она знаетъ теперь, что я довѣрилась вамъ, и очень желала бы васъ видѣть. Вы не откажетесь? Нѣтъ?

Я почувствовалъ легкое прикосновеніе ея перчатки къ моей рукѣ. Зачѣмъ сталъ бы я отказываться? Мнѣ

представлялся отличный случай посмотрѣть поближе на людей, къ которымъ я, по милости моей сестрицы, чуть было не попался въ руки. Представительница петербургской общины, сектантка, можетъ быть одна изъ наперстницъ de la princesse Catherine, была для меня особой очень интересной. Я обѣщалъ Любови Федоровнѣ на слѣдующее же утро, въ 10 часовъ, быть у пріѣзжей. Какъ-разъ въ этотъ часъ у меня была лекція, — и я рѣшилъ проманкировать. Когда я наканунѣ сообщилъ объ этомъ Вагнеру, онъ ужаснулся.

— Какъ! вы на лекцію не придете?

— Не приду.

— Да что-жъ такое случилось?

— Да ничего не случилось. Дѣло есть.

Вагнеръ покачалъ головой. Въ жизни своей онъ не позволилъ бы себѣ пропустить лекцію.

Въ назначенное время я явился къ петербургской пріѣзжей. Глазамъ моимъ представилась комната, сверху до низу заваленная баулами, сундучками, саками и кардонками. Среди этого хлама разбирались какія-то существа въ капотахъ и чепчикахъ, по виду все бѣдныя дворянки, которыя добывали себѣ пропитаніе тѣмъ, что укладывали и разбирали поклажу своей принципалки. Всѣ онѣ гордо посмотрѣли на меня, такъ, какъ умѣли только смотрѣть бѣдныя дворянки въ 20-хъ годахъ, и одна даже нарочно загородила мнѣ дорогу чемоданомъ, чтобы поглядѣть, не осмѣлюсь ли я какъ-нибудь дерзко перешагнуть черезъ него. Но я въ такихъ случаяхъ

предпочитаю всегда сдѣлать крюкъ, — и дворянская гордость не потерпѣла никакого оскорбленія.

Въ слѣдующей комнатѣ, въ большихъ креслахъ сидѣла маленькая женщина лѣтъ 50, очень бодрая, живая и все еще красавица, не смотря на свои года: такъ правильны и мелки были ея черты. Это была, конечно, красота старости безъ свѣжести и привлекательности, безъ блеска молодости; но всякій разъ, какъ она поднимала глаза, такъ и хотѣлось сказать: «а много ты, матушка, должно быть погубила сердецъ на своемъ вѣку!» Одѣта она была изысканно, даже черезъ-чуръ роскошно для женщины, которая остановилась проѣздомъ въ гостинницѣ. На ней былъ какой-то шалевый капотъ съ опушкой изъ собольихъ хвостовъ. На головѣ пышный чепчикъ, изъ-подъ котораго рельефно выдавались ея чорные какъ смоль волосы: красила ли она ихъ или нѣтъ, но только сѣдого не было ни одного.

Когда я вошелъ, она съ аппетитомъ кушала бисквиты, запивая ихъ виномъ. Противъ нея стоялъ вытянувшись гайдукъ съ подносомъ. Я отрекомендовался. Она очень любезно приняла меня и приказала лакею подвинуть мнѣ кресло. Какъ-бы въ извиненіе, что я засталъ ее такъ рано за крѣпкими напитками, она объяснила мнѣ, что встаетъ въ 5 часовъ и что теперь время ея завтрака.

Ожидая встрѣтить въ ней какую-нибудь пророчицу, что-нибудь подобное княгинѣ, ходившей въ мужскомъ платьѣ, я очень удивился, увидавши въ ней свѣтскую

женщину, съ большимъ тактомъ, съ большимъ умѣньемъ говорить о чемъ угодно, ни разу не впадая ни въ мистицизмъ, ни въ изступленную восторженность. Поняла ли она, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, на котораго мистическія бредни не подѣйствуютъ, но только пророчицы въ ней не было видно.

Послѣ многихъ, ничего незначущихъ разговоровъ, она упомянула наконецъ о моихъ отношеніяхъ къ Любови Федоровнѣ. Какой-то пронзительный, безпокойный взглядъ сопровождалъ эту фразу и повторился нѣсколько разъ. Она точно пыталась оцѣнить и взвѣсить меня. По ея первымъ словамъ я понялъ, что она боялась сказать что-нибудь лишнее и въ то же время желала сказать многое.

— Вы съумѣли внушить этой дѣвушкѣ такое полное довѣріе къ себѣ, что, я увѣрена, вы не откажетесь принять участіе въ ея судьбѣ. Вы уже знаете о блистательномъ замужествѣ, которое ее ожидаетъ... Я не хочу обманывать васъ и говорить, что она дѣлаетъ это для себя. (Любовь Федоровна призналась ей во всемъ, и она знала, что обманывать меня было бы безполезно). Нѣтъ, конечно, она не влюблена въ того, кому отдаетъ теперь свою руку, но ее заставляетъ сдѣлать это ея глубокая вѣра. (Барыня опять бросила на меня проницательный взглядъ, какъ-бы спрашивая: продолжать ей въ этомъ тонѣ или остановиться). Вы не можете понять этого, потому что вы не отдались какъ она, душой и тѣломъ, тому истинному свѣту, который одинъ озаряетъ

нашу безотрадную жизнь. Но я не для того пригласила васъ, чтобы посвящать васъ въ великія тайны нашего братства. Моего слабаго ума не хватило бы для этого. Не мое призваніе отыскивать новыхъ избранниковъ. Это дѣло другихъ, болѣе меня достойныхъ! Но обязанность каждаго изъ насъ блюсти за тѣмъ, чтобы люди, которые разъ удостоились быть принятыми, не измѣнили бы своей клятвѣ. Злой духъ силенъ. Онъ иногда въ самыхъ обольстительныхъ видахъ является намъ... Борьба съ нимъ ужасна, и не всякій можетъ выдти побѣдителемъ. Тому, кто падетъ, обязаны мы подать руку помощи и, если можно, не допустить его до паденія.

Послѣ этого напыщеннаго вступленія, она вдругъ вся обратилась въ простодушіе и откровенность, и съ видомъ нѣжнаго довѣрія ко мнѣ передавала подробности о Ганскомъ и его нареченной невѣстѣ. Такъ какъ она слышала, что я теперь близокъ къ Ганскому, то она просила и меня поддержать его въ трудныя минуты.

— Если бы вы знали, какъ всѣ мы много ожидаемъ отъ этого духовнаго союза двухъ сердецъ! Она избранница Божія. Она соберетъ намъ многихъ овецъ для нашей паствы.

И затѣмъ, какъ-бы испугавшись этой нечаянной духовной фразы, собесѣдница моя самымъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ предложила мнѣ выдать меня Ганскому за одного изъ членовъ ихъ союза, для того, чтобы онъ допустилъ мое посредничество и чтобы че-

резъ меня Любовь Федоровна могла въ случаѣ надобности относиться къ нему.

Я понялъ, чтó ей было нужно. Она боялась, что вліяніе Любови Федоровны не будетъ достаточно сильно, если она не будетъ часто видѣться съ Ганскимъ или по крайней мѣрѣ переписываться съ нимъ. Я могъ этому помочь, являясь посредникомъ. Кромѣ того, принимая Ганского за человѣка безхарактернаго, ничтожнаго, она считала и мое вліяніе на него не совсѣмъ безполезнымъ. Не могъ ли я какъ-нибудь увѣдомить ее въ случаѣ, если рѣшимости его угрожала какая-нибудь опасность? Посвященный теперь въ ихъ тайны, я былъ имъ опасенъ: я могъ быть только или врагомъ, или другомъ ихъ. Она всѣми силами старалась сдѣлать изъ меня друга, но дѣйствовала осторожно, потому что не знала еще, какія средства будутъ для меня хороши. Не можетъ ли она извлечь что-нибудь изъ опрометчивой откровенности Любови Федоровны или хотя бы только сдѣлать меня безвреднымъ?

Я выслушалъ все съ большимъ любопытствомъ и на предложеніе выдать меня за члена ихъ союза отвѣчалъ согласіемъ. Отъ этого мнѣ не угрожало никакой опасности, а между тѣмъ представлялся случай узнать поближе Ганского. Я твердо рѣшилъ впрочемъ не оказывать ни какихъ услугъ почтенной дамѣ и ни о чемъ ровно ее не увѣдомлять.

— Я скажу Ганскому, что вамъ извѣстна его тайна, тѣмъ болѣе, что она уже и не тайна: ее знаетъ поло-

вина Петербурга. Любовь Федоровна положительно требовала этого вчера. Она говоритъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ, знать, къ кому обратиться. Я вамъ скажу по секрету, что она меня безпокоитъ. Я не могу понять, что́ съ ней! Она вчера такъ горько плакала.... Когда я ей стала говорить, что мы всѣ ждемъ отъ нея этой жертвы, что намъ грустно, что она такъ мало сдѣлала до сихъ поръ, — она стала рыдать и упрашивать, чтобы мы ей вѣрили, что она сдѣлаетъ все, чего бы ей это ни стоило. Потомъ она призналась мнѣ, что на нее находятъ страшныя минуты, когда она начинаетъ сомнѣваться въ себѣ, что прежде съ ней этого не было, но что... Тутъ она мнѣ сказала что-то такое странное. Я боюсь, не замѣшана ли тутъ какая-нибудь новая любовь. (Она испытующимъ взоромъ посмотрѣла на меня, какъ-бы вызывая меня на откровенность, но я промолчалъ). Если такъ, то... это будетъ страшное испытаніе для нея.

Она остановилась, но я молчалъ по прежнему.

— Если даже этого и нѣтъ, то это легко можетъ случиться. Она въ такихъ годахъ, когда увлеченіе такъ возможно. Вотъ почему мы должны поспѣшить этой свадьбой. Изъ-за какой-нибудь минутной вспышки она можетъ навѣки погубить себя. А она такъ много обѣщала, что, вы не повѣрите, мы всѣ любимъ ее какъ родную. Мы слѣдимъ за нею изъ Петербурга. Мы желали бы спасти ее... не для себя, но для Бога.

Тутъ собесѣдница моя грустно и строго опустила

глаза, какъ-бы жалѣя о томъ, что должна была высказать мнѣ такъ много.

Когда я раскланялся, она встала и проводила меня до дверей.

Едва показалась она на порогѣ, какъ всѣ бѣдныя дворянки, возившіяся съ кардонками и чемоданами, приняли сладостное выраженіе лица. Двѣ изъ нихъ поклонились ей въ ноги. «За добродѣтель», какъ говорили онѣ, поднимаясь и вытирая себѣ платкомъ глаза.

Свиданіе Любовь Федоровны съ Ганскимъ наконецъ состоялось, и въ тотъ же день вечеромъ петербургская пріѣзжая уѣхала въ свое имѣніе. Я ожидалъ, что́ мнѣ скажетъ Ганской, когда узнаетъ все то, что̀ предполагали сказать ему, но онъ вернулся и молчалъ, а когда заговорилъ, то о томъ только, что желалъ бы устроить обсерваторію и пригласить одного нѣмецкаго профессора для геодезическихъ съемокъ и для составленія тригонометрической карты N — ской губерніи.

Спустя нѣсколько дней, онъ далъ мнѣ письмо и просилъ передать его Любовь Федоровнѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ просто, какъ будто просилъ меня очинить ему карандашъ. Я взялъ письмо, — и тѣмъ наши конфиденціальныя отношенія и кончились. Поступкомъ этимъ онъ оказывалъ мнѣ довѣріе, но въ то же время показалъ, что ни въ какія объясненія входить не желаетъ.

V.

Какъ-то въ первыхъ числахъ іюля, въ домъ Ганского нахлынули толпы петербургской челяди: повара́, дворецкіе, мамки, учителя, англичанки, француженки,—все это съ страшнымъ шумомъ ворвалось въ наше тихое убѣжище. Мы увидали себя вдругъ какъ-бы въ осадномъ положеніи: постепенно ретируясь, мы уступали мѣсто врагу, и наконецъ изъ просторнаго помѣщенія увидали себя заключенными въ три комнаты и отрѣзанными отъ парадной лѣстницы: единственное сообщеніе, которое оставалось намъ съ остальнымъ міромъ, происходило черезъ дверь моей комнаты, выходившую въ задній уголъ корридора. Все остальное было нами безвозвратно потеряно. Мистриссъ Браунъ, m-lle Ernestine и какой-то декораторъ Щиковскій захватили пять комнатъ, чтобы устроить въ нихъ приличное помѣщеніе для ея превосх-ва. Главный maître d'hôtel заявилъ, что наша пріемная нужна ему для столовой, а изъ бывшей столовой сдѣлалъ буфетъ. Комната, которая до тѣхъ поръ находилась въ полномъ распоряженіи хохла камердинера, наполнилась скучающими лакеями.

Со всѣмъ этимъ можно бы еще было примириться, если бы, оставляя намъ нашъ маленькій уголокъ, намъ оставили съ нимъ и спокойствіе. Но нѣтъ! Это драгоцѣннѣйшее благо человѣческое было у насъ похищено. Ни я, ни Ганской не принадлежали болѣе самимъ себѣ.

Мое званіе домашняго секретаря едва было не погубило меня. Въ первый же день дворецкій пришелъ спросить меня, какая комната будетъ отведена для ванны. Я сказалъ, что это до меня не касается. Немного погодя, поваръ прислалъ мнѣ сказать, что ему нужны цыплята и грибы, чтобы я распорядился купить ихъ. Я ему послалъ отвѣтить, что цыплята и грибы продаются на базарѣ. Онъ опять прислалъ мнѣ сказать, что не знаетъ, гдѣ достать хорошей телятины, и что ея превосх-во будетъ очень недовольна, если ей подадутъ несвѣжую провизію. Не прошло и десяти минутъ, какъ ко мнѣ прибѣжала m-elle Ernestine требовать вишневаго клею, а еще черезъ десять минутъ пришла нянюшка жаловаться, что камердинеръ Ганского назвалъ ее шлюхою.

Я отворилъ было дверь въ корридоръ, но тамъ рыскали борзыя и лягавыя, которыя, какъ любезно объяснилъ мнѣ одинъ изъ лакеевъ, пріѣхали съ братцемъ ея превосх-ва. Слѣдовательно ея превосх-во будетъ тутъ не одна, а съ братцемъ! Не успѣлъ я затворить двери, какъ меня аттаковала одна изъ горничныхъ, объявляя съ ужасомъ, что пропалъ барынинъ рабочій ящикъ и чтобы я распорядился отыскать его.

— Объявите, милая, полиціи, посовѣтовалъ я ей, и подъ-носомъ у ней захлопнулъ дверь.

Но враги не отступали. Съ другого конца прибѣжала ко мнѣ мистриссъ Браунъ и пронзительно стала кричать о пропажѣ, возмущенная тѣмъ, что вмѣстѣ съ ящикомъ исчезли ея очки въ золотой оправѣ. Я отвѣ-

чалъ ей на это, что если бы ея очки были облиты бриллiантами, то и тогда я ихъ искать не пошелъ бы, и что, слѣдовательно, она теперь еще въ выигрышѣ: лучше потерять золотыя очки, чѣмъ бриллiантовыя. Мистриссъ долго шумѣла, пока я наконецъ предложилъ ей на выборъ:

— Или вы уйдите, или я уйду. Но тогда я васъ запру на ключъ.

Она ушла.

Ганской тоже не былъ свободенъ отъ нападенiй. При мнѣ къ нему пришла нянюшка и, обливаясь слезами, всхлипывая, требовала, чтобы ее отправили въ Петербургъ, потому что ей тутъ отъ «камардина» житья нѣтъ.

Ганской хладнокровно выслушалъ ее.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Какъ только будутъ лошади, я васъ отправлю въ Петербургъ.

Нянюшка перестала всхлипывать и ушла, твердо впрочемъ рѣшившись ни куда не уѣзжать.

Какой-то джентльменъ въ бумазейной охотничьей жакеткѣ и въ картузѣ съ пуговочкой, недавно сидѣвшiй въ корридорѣ верхомъ на перилахъ и толковавшiй о совершенствахъ петербургской жизни, пришелъ заявить, что для собакъ нѣтъ помѣщенiя.

Ганской посмотрѣлъ на него.

— Какъ прикажите распорядиться, ваше превосх-во? его сiятельство приказали мнѣ, чтобы я насчетъ собакъ... чтобы я т. е. ихъ соблюдалъ, и, въ случаѣ чего, приказали мнѣ просить ваше превосх-во...

— Ну-съ?

Джентльменъ замялся, сохраняя однакоже наглый видъ.

— Вамъ лучше будетъ подождать его сіятельства, а я насчетъ собакъ ни какихъ распоряженій отдавать не буду.

Джентльменъ вышелъ и въ корридорѣ громко сказалъ, что онъ будетъ жаловаться своему барину.

Я заявилъ Ганскому желаніе оставить его домъ на то время, пока тутъ будутъ жить его родные.

Онъ вспыхнулъ.

— Вы думаете, что они вамъ будутъ мѣшать?

— Я думаю, что я ихъ стѣсню. Ваше помѣщеніе и безъ того будетъ тѣсно.

— Перестаньте! Одна комната! Можетъ ли одна комната составить разницу!

Я молчалъ.

— Послушайте. Вамъ просто непріятно оставаться здѣсь. Но я... Я васъ прошу остаться. (Онъ выговорилъ это съ усиліемъ).

Онъ не прибавилъ болѣе ничего, но лицо его пылало. Я понялъ его — и остался.

Наступилъ торжественный день, когда должна была пріѣхать *сама*. По корридорамъ заранѣе поднялась бѣготня: одинъ мчался съ чашкой бульона для ея превосх-ва, другая летѣла грѣть бѣлье ея превосх-ва, третья выходила изъ себя, чтобы была теплая вода для ванны.

Въ столовой дымился уже завтракъ; изъ спальной

въ лиловомъ полусвѣтѣ выглядывала m-lle Ernestine и томнымъ шопотомъ отдавала приказанія суетившейся прислугѣ. Ганской молча ходилъ изъ угла въ уголъ. Одинъ разъ показался было въ корридорѣ, но, встрѣтивши толпу подобострастно разступившихся лакеевъ, быстро скрылся.

Наконецъ прибытіе совершилось. Я не пошелъ въ суматоху и предпочиталъ сидѣть у себя въ комнатѣ. Первый мой выходъ былъ къ обѣду. Какая разница съ тѣми обѣдами, которые мы съѣдали вдвоемъ съ Ганскимъ, иногда не промолвивши до конца двухъ словъ, иногда вступая въ длинную бесѣду по поводу какого-нибудь университетскаго событія. Длиннѣйшій парадный столъ былъ накрытъ, сверкая серебромъ и хрусталемъ. За каждымъ стуломъ стоялъ джентльменъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Къ ѣдѣ приступали какъ къ таинству, съ серьозными, торжественными минами, мужчины въ бѣлыхъ галстухахъ, дамы въ свѣжихъ, только-что отъ прачки принесенныхъ кисейныхъ платьяхъ, дѣти (ихъ было тутъ трое) въ туго накрахмаленныхъ юбочкахъ, въ штиблетахъ, съ важными жестами, обращенными къ лакеямъ, которые пододвигали имъ стулья. Изъ этихъ дѣтей одна дочь Ганского, черноволосая Элиза, походила еще на ребенка, другія двое смотрѣли взрослыми, хотя были моложе ея. Элиза смѣялась, показывая всѣ свои зубы, безпрестанно вертѣла головой, причемъ ея чорныя, коротенькія косички, связанныя пунцовой лентой, уморительно болтались по спинѣ, говорила весь обѣдъ

неумолкая, отчего часто забывала доѣдать свое кушанье и отставала отъ другихъ, двигала безъ всякой надобности тарелкой и поправляла клеенчатую салфетку, лежавшую подъ дѣтскими приборами. Въ каждомъ ея движеніи былъ огонь, все у нея дѣлалось быстро, неизвѣстно зачѣмъ и почему; ни глаза, ни ротъ, ни даже носъ, не оставались въ покоѣ двухъ минутъ. Только взгляды матери могли остановить эту вѣчно-кипучую кровь. Теперь она сидѣла около отца и ничего ужъ не видала, ни матери, ни мистриссъ Браунъ, ни сидѣвшаго напротивъ пасмурнаго доктора: она говорила-говорила, неумолкая, безпрестанно заливаясь смѣхомъ и взмахивая глазами на присутствующихъ. Каждый ея жестъ говорилъ: не правда ли, какъ весело? Мнѣ очень весело!

Ганской слушалъ ее, улыбаясь, изрѣдка дѣлая ей вопросъ и съ такимъ выраженіемъ, что я понялъ, что отецъ и дочь были большіе друзья. На сколько холодны и пусты были фразы, которыми онъ обмѣнивался съ женой, на столько же горячо было каждое его обращеніе къ дочери. По тому, какъ онъ накладывалъ ей жаркóе, видно было, что онъ дѣлалъ это для нѣжно-любимаго существа.

Тутъ же увидалъ я брата ея превосходительства, молодаго, надменнаго князя, съ нахально-лѣнивымъ выраженіемъ лица, съ красивыми чертами, но съ нѣсколько лошадиными зубами, черезъ которые онъ пропускалъ отдѣльныя фразы, — фразы, цѣнившіяся въ Петербургѣ на вѣсъ золота. Я слышалъ, что его сіятельство былъ

человѣкъ вліятельный по своимъ связямъ, но сильно уже попромотавшійся.

Послѣ обѣда подали чорный кофе; его кушали всѣ рѣшительно, даже и тѣ, кто его не терпѣлъ, потому что ея превосходительство не любила, чтобы кто-нибудь уклонялся отъ ея обычаевъ. Ганской посидѣлъ — больше, какъ видно, для приличія — 10 минутъ и ушелъ къ себѣ.

Вечеромъ въ корридорѣ я столкнулся съ княземъ, который инспектировалъ тутъ своихъ собакъ.

— Канальи! говорилъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ и заглядывая ей въ ротъ. — Никакого ухода! Всѣхъ, мерзавцы, перепортили! (Увидавши меня, князь, не выпуская собаки, любезно кивнулъ мнѣ). А, это вы! Очень радъ. Э-э-э, я къ вамъ съ просьбой. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы моимъ собакамъ было помѣщеніе.

Я замѣтилъ на это его сіятельству, что здѣсь не только собаки, но даже и люди жалуются на тѣсноту.

— Въ самомъ дѣлѣ! Жаль. (Онъ сухо посмотрѣлъ на меня и, не теряя больше словъ, посвистывая, пошелъ къ себѣ внизъ. Онъ остановился внизу).

Изъ любопытства я заглянулъ въ парадныя комнаты. Тамъ мистриссъ Браунъ, съ спокойно-величавымъ выраженіемъ, вышивала гладью оборочку, натянутую на клеенку. M-elle Ernestine бесѣдовала съ молодымъ человѣкомъ, учителемъ рисованія, который показывалъ ей, какъ снимать узоръ, причемъ безъ всякой надобности

дотрогивался нѣсколько разъ до ея тонкихъ пальчиковъ, заставляя ее всякій разъ улыбаться. Мрачный докторъ читалъ «Times», закрывшись листомъ, какъ простынею, и изрѣдка показывая оттуда свои бурые бакенбарды. Ганская сидѣла на диванѣ съ ногами, которыя ей закутали пледомъ, и дремала подъ разговоръ двоихъ бесѣдовавшихъ около нея мужчинъ: одинъ былъ товарищъ ея брата, другой какой-то художникъ, котораго она везла съ собою за границу. Двѣ дѣвочки, дочери мистриссъ Браунъ, за столомъ, раскладывали паркетъ.

Гнетущая скука положила свой отпечатокъ на всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, счастливой француженки и ея собесѣдника. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ держали себя съ такимъ торжественно-гордымъ спокойствіемъ, какъ-будто исполняли что-то предписанное самимъ провидѣніемъ, какъ-будто такъ и должно быть, и всякое другое препровожденіе времени было бы оскорбленіемъ для этого общества.

Дочери Ганского не было тутъ. Я предположилъ, что она у него въ кабинетѣ, и не ошибся. Когда я вернулся къ себѣ, то услыхалъ за стѣной ея звонкій, быстрый говоръ и смѣхъ.

— Мама уѣдетъ за границу, а мы останемся? вѣдь да? вѣдь мы останемся? И мистриссъ уѣдетъ? Ты, пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобъ и она уѣхала! Пожалуйста! А какой дядя противный, если бы ты зналъ! Ужасный! Я разъ не знала таблицы умноженія, — что-жь такое! я думаю, мало ли кто ее не знаетъ; развѣ ее

можно всю выучить,—онъ сказалъ, что я дура, и что если бы у него была такая дочь, то онъ бы отдалъ ее за пастуха. Ну, что-жь такое! Я лучше пойду за пастуха. Что-жь такое, за пастуха! Только я лучше бы желала жениться на тебѣ!

— Замужъ выдти, поправилъ Ганской.

— Ну да! Только за тебя! Ты такой хорошенькій! Дядя говоритъ, что ты не красивъ, а по-моему, ты гораздо лучше дяди. Вонъ у тебя какія славныя щоки! Славныя, славныя! приговаривала она, и при этомъ такъ громко стала цѣловать его, что поцѣлуи всѣ до одного были у меня слышны.

— Знаешь, бабушка ужасно на тебя сердита! Одинъ разъ она пріѣхала къ намъ съ какимъ-то старикомъ...

— Не сплетничай, не сплетничай! перебилъ онъ ее шутливо.

— Ну, да, я знаю только, что бабушка тебя очень бранила, а мама̀ плакала; а когда позвали дядю, то дядя кричалъ... Это было ужасно! Я такъ боялась!.. А что у тебя въ той комнатѣ? Можно посмотрѣть? (И не дожидаясь отвѣта, она толкнула дверь, но, увидавши меня, поспѣшно опять захлопнула ее).

Ганской засмѣялся. Она вто́рила ему, заливаясь, захлебываясь и едва переводя духъ. Мнѣ слышно было, какъ она вскочила на стулъ, оттуда на полъ и оттуда на отца. Ровно въ 10 часовъ мистриссъ Браунъ пришла за Элизой и сказала ей что-то по-англійски.

— Да я не хочу спать! Позвольте мнѣ остаться.

Англичанка настаивала.

— Еще немного! еще крошечку: чуть-чуть!

Элиза быстро заговорила по-англійски, но мистриссъ была неумолима.

— Оставьте ее! замѣтилъ спокойно Ганской.

Англичанка удалилась. И долго еще слышалась мнѣ болтовня черноволосой Элизы.

VI.

На другой день я возвращался съ лекціи вмѣстѣ съ Давыдовымъ. Всю дорогу мы проболтали о разныхъ пустякахъ и въ самомъ свѣтломъ настроеніи отворяли дверь въ парадныя сѣни нашего жилища. Я хотѣлъ подняться къ себѣ на верхъ, но мой товарищъ пригласилъ меня зайти къ нему.

Нѣсколько масляныхъ лампъ освѣщало лѣстницу, которая вела на верхъ, къ Ганскому. Корридоръ на-лѣво, гдѣ были нумера, занятые теперь его сіятельствомъ, былъ тоже довольно ярко освѣщенъ, но корридоръ на-право, занятый постояльцами низшаго разбора или пріѣзжими изъ уѣзда, нетребовательными на-счетъ комфорта, оставался почти во мракѣ. Одинъ жалкій фонарь съ мерцавшимъ въ немъ сальнымъ огаркомъ освѣщалъ этотъ опасный фарватеръ, опасный потому, что тамъ рыскали теперь гончія и борзыя его сіятельства и между ними одна очень злая мордашка, которая успѣла уже перекусать нѣсколько человѣкъ изъ прислуги.

Давыдовъ нахмурился, когда увидалъ мрачное ущелье, черезъ которое намъ предстояло переходить.

— Не могутъ, свиньи, освѣтить корридоръ! сказалъ онъ раздражительно.

— Да вѣдь они-жь его и прежде никогда не освѣщали, попробовалъ я его утѣшить.

— А это что? (Онъ указалъ на блескъ парадной лѣстницы). Это что за царскіе чертоги! Я за свое помѣщеніе и за право не разбивать себѣ лобъ въ потьмахъ плачу деньги точно также, какъ и прочіе жильцы. Не могутъ лампы, ослы, повѣсить! продолжалъ онъ сердито, вступая корридоръ.

Но не успѣли мы сдѣлать тутъ пяти шаговъ, какъ увидали себя баррикадированными. Три рослыхъ лакея, съ ними какой-то мальчишка и двѣ великолѣпнѣйшія лягавыя (у его сіятельства всѣ лягавыя были великолѣпныя) выбрали себѣ тутъ мѣсто: люди для бесѣды, собаки, вѣроятно, для отдохновенія. Такимъ образомъ путь былъ намъ загражденъ. Упорство и твердость, съ которою охранялся этотъ постъ, навели меня на мысль, что онъ занятъ тутъ не безъ цѣли. Вѣроятно, это была невинная забава съ цѣлью отрѣзать жильцовъ отъ ихъ квартиры. Моему спутнику это не понравилось. Онъ рѣзко приказалъ пропустить его. Никто не тронулся съ мѣста.

— Намъ и тутъ хорошо, замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ. — А коли тебѣ очень нужно, такъ ты зайди съ другой лѣстницы.

— Пошелъ прочь, негодяй! крикнулъ Давыдовъ уже измѣнявшимъ ему и дрогнувшимъ голосомъ.

— Ступай съ другой лѣстницы, невозмутимо повторялъ лакей. — Тамъ просторно.

Я во̀-время успѣлъ схватить Давыдова за руку и, чтобы положить конецъ недоразумѣнію, толкнулъ ногою одну изъ собакъ. Та съ визгомъ вскочила и побѣжала прочь. Путь былъ очищенъ, и мы прошли. За нами раздался громкій хохотъ.

— Ишь ты, кричали намъ въ догонку: — по господской лѣстницѣ шляются! Эта лѣстница-то для нашихъ господъ, а для вашей братіи есть другія двери. Не хочешь ли со двора?

Мы вошли, между тѣмъ, въ комнату. Когда я взглянулъ на Давыдова при свѣтѣ, то увидалъ, что лицо его побѣлѣло, какъ полотно. Онъ что-то сказалъ мнѣ, пригласилъ, кажется, садиться, но слова его были безсвязны. Замѣтно было, что онъ находился въ высшемъ градусѣ бѣшенства.

— Да! выговорилъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ: — надо положить этому конецъ!

— Чему? спросилъ я. — Полноте! Неужели можно сердиться на какую-нибудь лакейскую грубость!

— Позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ самому знать, что̀ можно и чего нельзя!

Я увидалъ, что человѣкъ лѣзетъ на стѣну, и промолчалъ.

— Грубость, продолжалъ Давыдовъ, послѣ нѣкото-

рой паузы: — грубость я преслѣдую во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я допускаю на свѣтѣ все: подлость, жадность! все это въ людяхъ есть, но все это маскируется! Нахальство же... Это такая вещь, которую я никогда никому не прощу.

Онъ сѣлъ къ столу, выдернулъ изъ пучка гусиныхъ перьевъ двѣ штуки, одно бросилъ, другое сталъ чинить. Я, молча, слѣдилъ за нимъ. На лицо его вернулась краска, но рука все еще дрожала, такъ что написавши одну строчку, онъ долженъ былъ бросить листъ и взять другой. Ни что такъ быстро не вдохновляетъ человѣка, какъ гнѣвъ: въ 5 минутъ письмо было готово. Онъ сталъ искать конверта и сказалъ мнѣ съ усмѣшкой:

— Вы не согласны со мною, что всякой грубости надо положить конецъ?

— Я не согласенъ съ вами только въ тѣхъ способахъ, какими это достигается.

— Ну, да, я знаю ваши способы: полнѣйшее равнодушіе и пр., т. е. какъ-разъ все то, что вызываетъ на вторую дерзость, на третью и т. д. Русскіе до сихъ поръ оттого и остаются татарами, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ чувство собственнаго достоинства. У нихъ въ высшей степени развито амикошонство, фамильярность и полнѣйшее непониманіе того, что если человѣкъ говоритъ вамъ: «а вѣдь ты, душа моя, большая каналья, признайся!» то онъ уже этимъ самымъ жестоко оскорбляетъ васъ. Русскій найдетъ, что это ничего, хорошо, что это сказано любя. Отъ этого у

насъ, любя, говорятъ другъ другу подлеца и бьютъ другъ друга по мордѣ. И за то, что я желаю гарантировать себя отъ этого, меня называютъ человѣкомъ безпокойнаго характера.

— Мнѣ интересно, замѣтилъ я: — какъ вы думаете себя гарантировать въ настоящемъ случаѣ.

— Я могу удовлетворить вашему любопытству. Не желаете ли взглянуть?

Онъ подалъ мнѣ только-что оконченное письмо. Оно состояло изъ весьма немногихъ строчекъ.

«Милостивый Государь!

«Пріѣхавшая съ Вами изъ Петербурга прислуга и псарня оказалась такого безпокойнаго нрава, что Вашъ покорнѣйшій слуга, занимающій помѣщеніе въ одномъ этажѣ съ Вами, принужденъ обратиться къ Вамъ съ просьбой, чтобы Вы во-первыхъ запретили Вашимъ лакеямъ держать себя нахально съ посторонними, а во-вторыхъ, убрали бы Вашихъ собакъ, которыя не даютъ мнѣ покоя по ночамъ. Въ противномъ случаѣ принужденъ буду принять свои мѣры.

Такой-то».

— Хорошо, замѣтилъ я. — И вѣжливо, и литературно! Только вотъ что... Думаете ли вы привести свои угрозы въ исполненіе?

— Если угрозы не исполняются, то онѣ не имѣютъ смысла, холодно отвѣтилъ Давыдовъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ позвалъ своего камердинера и приказалъ ему отнести письмо къ его сіятельству.

— А, вѣдь, знаете, сказалъ я: — вы поступаете несправедливо.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Изъ трехъ лакеевъ, которые загородили вамъ дорогу, одинъ только былъ князевъ. А тѣ оба лакея Ганского.

Давыдовъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдовало писать къ одному, а если писать, то къ обоимъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы правы. Но эту ошибку можно поправить.

Онъ вторично взялъ въ руки перо, и на этотъ разъ уже не торопясь, ровнымъ почеркомъ написалъ нѣсколько строчекъ.

— Я знаю, продолжалъ онъ: — вы сказали это для того, чтобы посмотрѣть, хватитъ ли у меня храбрости написать къ Ганскому.

Мнѣ всегда казалось страннымъ, чтобы умный человѣкъ могъ быть въ то же время такъ страшно мелоченъ. Послѣ я не разъ имѣлъ въ жизни случай убѣдиться, что умъ и мелочность уживаются, и даже очень легко.

Я насилу успокоилъ Давыдова, увѣривши его, что никогда не сомнѣвался въ его храбрости. Письмо къ Ганскому было, однакожъ, написано и запечатано.

Человѣкъ долго не возвращался. Наконецъ, въ передней послышалась его возня, но самъ онъ не показывался.

Давыдовъ кликнулъ его.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Ихъ дома не было. Я дожидался.

— Ну, отдалъ?

— Отдалъ. Тутъ же въ сѣняхъ и отдалъ.

— Потомъ что?

— Они изволили прочитать и изволили сказать... (Человѣкъ переминался). — Скажи, говоритъ, твоему барину, что онъ съума сошелъ.

— А! Хорошо. (Давыдовъ закусилъ губы и взялъ со стола письмо). Ступай теперь на верхъ, отнеси это къ Ганскому.

— Отвѣта прикажете дожидаться?

Давыдовъ подумалъ.

— Не нужно!

Мы остались одни, и опять Давыдовъ, разстроенный и видимо занятый какой-то мыслью, не находилъ предметовъ для разговора. Онъ ходилъ по комнатѣ, отвѣчалъ невпопадъ и, наконецъ, запѣлъ въ полголоса. Онъ пѣлъ фальшиво и только въ минуты сильнѣйшаго душевнаго возбужденія. Я заговорилъ съ нимъ о женщинахъ. Онъ снялъ со стѣны пистолетъ и сталъ его чистить. Я продолжалъ говорить о женщинахъ.

— Кстати, спросилъ онъ, постукивая дуломъ по столу и не оборачиваясь ко мнѣ: — вы часто видаете Любовь Федоровну?

— Довольно часто.

— Вы не замѣтили въ ней ничего особеннаго?

— Чего же именно?

— Да такъ вообще... Она меня послѣднее время удивляетъ. Вы знаете, что она отъ меня бѣгаетъ?

— Бѣгаетъ?! удивился я.

— Да. Ея матушка меня не терпитъ; но я не думаю, чтобы она тутъ много значила. Ужь не сказали ли ей про меня, что я какой-нибудь злой духъ, обольститель... Помилуйте! Я не имѣю никакихъ адскихъ намѣреній. Я просто такъ-себѣ, человѣкъ какъ и всѣ... Вы когда-нибудь ей это скажите, при случаѣ.

Давыдовъ замолчалъ и продолжалъ чистить свое смертоносное оружіе; потомъ крикнулъ своего камердинера и приказалъ ему сыскать порохъ.

— Вы не стрѣляться ли хотите? спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ отрывисто.

Я успокоился и заговорилъ о женщинахъ.

— Отчего бы вамъ не жениться, Платонъ Николаичъ? Вліяніе женщины подѣйствуетъ на васъ благотворно. Вы менѣе будете тогда подвержены нервнымъ припадкамъ и менѣе будетъ шансовъ умереть отъ нервнаго удара. Вамъ непремѣнно надо жениться! заключилъ я торжественно.

Давыдовъ вдругъ оставилъ свое занятіе.

— Мнѣ жениться?! воскликнулъ онъ. — Да это будетъ безуміе! Это значило бы добровольно вогнать жену въ гробъ. Какая же женщина могла бы прожить со мною болѣе двухъ мѣсяцевъ, не проклиная той минуты,

когда родилась. Какъ вы хотите, чтобы я рѣшился сознательно приготовить такую участь любимой дѣвушкѣ. Я убилъ бы въ ней всякую волю, я сдѣлалъ бы изъ нея самую жалкую рабу, я измучилъ бы ее своею ревностью, своими капризами! Я иногда по нѣскольку дней не способенъ бываю говорить о чемъ-нибудь хладнокровно... Я оскорблялъ бы ее каждую минуту... Не знаю, какая любовь могла бы выдержать долго такую жизнь.

Къ несчастію, все, что́ мнѣ говорилъ Давыдовъ, была правда. Жизнь съ нимъ была бы пыткою для самой кроткой женщины. Мысль о томъ, что Любовь Федоровна увлеклась этимъ человѣкомъ, наводила меня на размышленія о грустной будущности, которая ее ожидала. Что́ ей предстояло? или выходить за Ганского, котораго она не любила, или быть женой человѣка, который отравилъ бы ей каждый часъ ея жизни. Но она не была изъ тѣхъ покорныхъ созданій, которыя угасаютъ молча. Рано или поздно, она поняла бы всю бездну эгоизма въ томъ, кому она отдалась.

Мысли эти вызваны были словами Давыдова, который съ горечью и вмѣстѣ съ какимъ-то наслажденіемъ разсказалъ мнѣ о томъ, какъ мучилъ когда-то страстно любившую его сестру; какъ онъ ее, посвящавшую ему всю свою жизнь, всѣ свои мысли устремившую на то, чтобы угодить ему, оскорблялъ и преслѣдовалъ своими капризами. Разсказъ его о сестрѣ былъ похожъ на исповѣдь. Въ эту минуту онъ былъ искрененъ. Но въ то же время его самолюбіе торжествовало. Ему пріятно было

говорить о существѣ, надъ которымъ онъ имѣлъ такую безграничную власть. Онъ не щадилъ себя, но въ словахъ его сквозило сознаніе, что въ немъ есть что-то такое, возбуждающее въ другихъ слѣпое поклоненіе ему. И онъ не ошибался.

Между тѣмъ, пришелъ камердинеръ и прекратилъ нашъ разговоръ, начинавшій принимать интересный оборотъ.

— Письмо вамъ отъ его превосходительства прислали.

— Кто принесъ?

— Ихній человѣкъ.

Давыдовъ развернулъ и сталъ читать. На лицѣ его блеснула усмѣшка.

— Прочтите! подалъ онъ мнѣ.

«Вы жалуетесь на дерзость моей прислуги,» писалъ Ганской. «Согласенъ съ вами. Но чтó же мнѣ дѣлать? Они и мнѣ часто говорятъ дерзости. Оставьте это, если можно, безъ вниманія. Впрочемъ я сдѣлаю съ своей стороны, чтó могу. Попрошу васъ только указать мнѣ, кто именно сдѣлалъ вамъ непріятность.»

— Это, по крайней мѣрѣ, вѣжливо, сказалъ Давыдовъ, замѣтно довольный этимъ отвѣтомъ.

Долго еще сидѣли мы, продолжая нашу бесѣду. Со двора кто-то стукнулъ къ намъ въ окно; я отворилъ его, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Тогда на дворѣ раздался громкій хохотъ и шмыганье въ кусты. Это, очевидно, забавлялась прислуга. Давыдовъ началъ опять волноваться,

а когда подъ окнами запѣли пѣсни, то онъ вскочилъ и крикнулъ, что пуститъ въ пѣвцовъ чѣмъ попало, если они не уберутся въ ту же минуту. Отвѣтомъ былъ опять хохотъ, но аттака продолжалась ужь съ другаго конца. Стали шмыгать по корридору мимо нашихъ дверей и стучать намъ въ стѣну. Глаза моего хозяина заблестѣли. Продолжая разговоръ со мною, онъ однимъ ухомъ замѣтно прислушивался къ тому, чтó дѣлалось въ корридорѣ. Наконецъ, передъ самыми дверями нашими кто-то сталъ дразнить собаку. Собака сначала рычала, потомъ залаяла и, наконецъ, отчаянно завыла. Чтó они съ ней дѣлали — я не знаю, но она выла раздирающимъ душу образомъ. Давыдовъ вскочилъ.

— Что вы! сказалъ я. — Не обращайте вниманія. Или пустите, лучше я выйду къ нимъ.

Но онъ, не слушая меня, кинулся къ двери.

— Скажите подите его сіятельству, сказалъ онъ: — что если онъ не уберетъ сейчасъ же отсюда свою собаку, то я положу ее на мѣстѣ!

Послѣ этого грознаго заявленія, въ корридорѣ на нѣсколько времени все стихло. Но не прошло и десяти минутъ, какъ неутомимый пёсъ началъ опять свой концертъ. Давыдовъ улыбнулся, но эта улыбка показалась мнѣ подозрительна. Концертъ продолжался. Давыдовъ продолжалъ свой разговоръ со мною, изрѣдка взглядывая на дверь. Наконецъ, онъ всталъ и не спѣша снялъ со стѣны только-что заряженный пистолетъ.

— Давно не стрѣлялъ, сказалъ онъ спокойно. — Какъ бы не промахнуться!

— Вы въ человѣка не попадите! крикнулъ я ему въ догонку, — но онъ уже отворялъ дверь.

Я не успѣлъ встать съ мѣста, какъ въ корридорѣ раздался выстрѣлъ. Нѣсколько мгновеній длилась мертвая тишина. Потомъ вдругъ какъ-то моментально поднялась суматоха. Выстрѣлъ въ домѣ всегда отдаетъ чѣмъ-то зловѣщимъ. Слышно было, что къ нашей двери сбѣгался народъ. Я отворилъ ее и вышелъ въ корридоръ.

У самыхъ ногъ моихъ лежала мертвая собака. Лежала такъ неподвижно-покорно, какъ-будто и пришла сюда только за тѣмъ, чтобы умереть.

— Эхъ, баринъ, вѣдь не эта выла-то! замѣтилъ съ укоромъ одинъ изъ лакеевъ, очевидно, участвовавшій въ потѣхѣ. — Ужь не знали, кого бить-то. Спросили бы насъ, мы бы вамъ указали.

— Батюшки мои! взвизгнулъ кто-то. — Да никакъ это мордашка! Батюшки мои, она и есть!

Но грозная мордашка лежала теперь, навѣки укрощенная, смирнѣе ягненка. Началось аханье, взвизгиванье; прибѣжали женщины и стали выглядывать изъ-за плеча, зажмуривая глаза и толкая другъ друга подъ локоть. Прислуга замѣтно перетрусила. Недавно тѣшившіеся лакеи стали шопотомъ перекоряться.

Давыдовъ, какъ выстрѣлилъ, такъ и стоялъ съ опущеннымъ пистолетомъ, не двигаясь, не спуская глазъ съ

убитаго животнаго, блѣдный отъ гнѣва или отъ угрызеній совѣсти — не знаю.

— Князь идетъ! шепнули въ толпѣ, и она почтительно раздвинулась.

— Что тутъ такое? спросилъ князь, подходя къ нашей двери. Но вдругъ трупъ мордашки приковалъ къ себѣ его глаза. Сначала промелькнуло въ нихъ что-то похожее на печаль, потомъ вдругъ вспыхнула ярость. Виновникъ преступленія былъ тутъ на лицо; нельзя было сомнѣваться болѣе въ томъ, чье это дѣло. Но князь притворился непонимающимъ.

— Какой это мерзавецъ осмѣлился стрѣлять въ мою собаку? крикнулъ онъ грозно.

Тутъ только Давыдовъ очнулся.

— А вамъ не передавали, сказалъ онъ: — моихъ предупрежденій? Очень жаль. Душевно жалѣю, что лишилъ васъ, можетъ быть, любимой собаки.

— А, такъ это вы, произнесъ князь презрительно. — Ну, вы мнѣ за это отвѣтите!

— Я васъ предупреждалъ, возразилъ холодно Давыдовъ, и съ этими словами пошелъ къ себѣ.

— Кто это такой? спросилъ князь, указывая на него своей прислугѣ.

— Университетскій, ваше сіятельство.

— А, университетскій! Тѣмъ лучше! Я попрошу брата, чтобы онъ выгналъ изъ университета этого каналью.

Ганской въ эту самую минуту сходилъ съ лѣстницы. Выстрѣлъ слышали и во второмъ этажѣ.

— Что тутъ такое? Въ кого тутъ стрѣляли? спросилъ онъ тревожно.

Князь указалъ ему на собаку и въ гнѣвныхъ, запальчивыхъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы немедленно наказали виновнаго.

— Жаль собаку, замѣтилъ Ганской: — а хорошо сдѣлали, что ее убили, пока она еще никого не загрызла.

Князь вспылилъ и въ холодно-вѣжливыхъ, но язвительныхъ фразахъ выразилъ Ганскому мнѣніе, что онъ потворствуетъ негодямъ.

Тотъ улыбнулся.

— Не могу же я, однако, потворствовать бѣшенымъ собакамъ. Эта мордашка перекусала нѣсколько человѣкъ, и всѣ они приходили ко мнѣ жаловаться. Одна женщина, говорятъ, вонъ лежитъ въ постели. Кончилось бы тѣмъ, что я самъ велѣлъ бы застрѣлить ее.

— Я этого дѣла не оставлю! крикнулъ князь. — Вы можете потворствовать, но я поведу это дѣло законнымъ порядкомъ...

— Что вамъ за охота! Законнымъ порядкомъ вы отвѣтите.

— Хоть бы изъ уваженія къ тому, что я родной братъ вашей жены, началъ князь: — вы должны были принять мою сторону...

— Не могу же я, потому что вы родной братъ моей жены, позволить всѣхъ перекусать въ моемъ домѣ!...

Князь сказалъ, что онъ этотъ разговоръ оставляетъ до завтра, и ушелъ къ себѣ.

VII.

Торжественно и скучно потянулась жизнь въ нашемъ домѣ, пока ея превосходительство и его сіятельство основали тутъ свою резиденцію. По заранѣе составленному росписанію, они должны были провести у насъ пять дней, ни минуты больше. Сообразно съ этимъ, закупалась провизія для кухни и распаковывались дорожные чемоданы. Отъ насъ весь транспортъ отправлялся по пути въ Варшаву, гдѣ m-me Ганская должна была съѣхаться со своей матерью, которая выѣзжала изъ Петербурга недѣлею позже ея. Оттуда всѣ вмѣстѣ отправлялись за границу. Мечты черноглазой Элизы о возможности остаться съ отцомъ оказались пустыми мечтами. Она съ ужасомъ прибѣжала разсказать отцу, что всѣ ея любимыя вещи уложены и что на дорогу ей оставляютъ только одну куклу, бѣлокурую Julie, въ тарлатановомъ платьѣ.

— Я знаю, прибавила она сквозь слезы: — что за границу никто не ѣздитъ въ тарлатановыхъ платьяхъ. И потомъ, я вовсе не хочу за границу! Я хочу остаться съ тобой.

Ганской скоро утѣшилъ свою дочь. Но утѣшился ли онъ самъ? У него по обыкновенію ничего нельзя было узнать. Отпустивши свою Элизу, онъ излагалъ мнѣ содержаніе бумаги, которую просилъ редактировать къ слѣдующему дню, или просто разговаривалъ о чемъ-ни-

будь, и никогда нельзя было сказать, глядя на этого человѣка, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ или огорченъ. Я зналъ, однакожъ, какъ непріятно было для него присутствіе жены и ея брата, какъ тяжела близкая разлука съ дочерью и ожидавшее его впереди одиночество. Но по привычкѣ ли, по тому ли, что онъ считалъ безполезнымъ давать знать другимъ о своихъ чувствахъ, — онъ молчалъ. Это не была какая-нибудь систематическая скрытность: когда его спрашивали о чемъ-нибудь, онъ отвѣчалъ; но самъ собою онъ не сказалъ бы ничего. Мнѣ кажется, что съ нимъ можно было прожить 10 лѣтъ, не спросивши, какъ его зовутъ, и называя вмѣсто Сергѣя Иваномъ, — и онъ никогда не поправилъ бы.

Отношенія его къ женѣ были именно таковы, какъ я и ожидалъ, холодно-вѣжливыя и нѣсколько враждебныя, болѣе впрочемъ съ ея стороны, чѣмъ съ его. Тутъ, какъ и всегда, онъ не умѣлъ или не хотѣлъ выходить изъ своего обычнаго, ровнаго настроенія. Образъ жизни m-me Ганской и его образъ жизни были, какъ-бы въ пику обоимъ, совершенно противуположные. Она любила пышность, онъ ее не терпѣлъ. Она ѣздила въ колясскѣ лежа, утопая въ кружевахъ и дорогихъ шаляхъ; онъ ходилъ пѣшкомъ, а когда сѣлъ съ дочерью въ коляску, чтобы показать ей городъ, то удивилъ этимъ прохожихъ и заставилъ двѣ недѣли говорить о томъ, что Ганского видѣли на парѣ вороныхъ, въ экипажѣ съ гербами. Она любила этикетъ и строгій порядокъ во всемъ, что ка-

сается обѣда, распредѣленія занятій и пр. Онъ въ дѣлѣ обѣда руководствовался больше указаніями своего камердинера, а занимался и отдыхалъ когда попало, опредѣливши только часы для дѣловыхъ пріемовъ по утрамъ. Она имѣла въ лицѣ мистриссъ Браунъ строгаго церемонимейстера, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобы не былъ какъ-нибудь нарушенъ порядокъ или приличіе, чтобы ни одинъ учитель не смѣлъ ходить въ слишкомъ яркихъ галстухахъ, чтобы дѣти не разговаривали съ прислугой; чтобы не вошелъ кто, Боже сохрани, безъ докладу, чтобы экипажъ для гулянья подавался минута въ минуту... Ганской одинъ нарушалъ въ своемъ домѣ всѣ эти законы. Мистриссъ Браунъ смотрѣла на него какъ на вандала, какъ на цивилизованнаго татарина, котораго она терпѣла въ домѣ только потому, что, къ несчастію, этотъ домъ принадлежалъ ему. Француженка смотрѣла на него съ любопытствомъ.

Dieu! quand on pense qu'on a 500 mille roubles de rente!.. восклицала она съ жаромъ.

Зачѣмъ пріѣхала жена Ганского — я не могъ понять. Были однакожъ догадки, что она дѣлала послѣднюю попытку, чтобы удержать его отъ развода. Однажды онъ имѣлъ съ ней долгое объясненіе наединѣ. О чемъ они говорили — я не знаю, но видѣлъ только, что m-me Ганская отворила дверь и торжественнымъ голосомъ позвала Элизу. Француженка бросилась немедленно искать дѣвочку, но въ то же почти мгновеніе въ дверяхъ показался Ганской.

— Не нужно, сказалъ онъ сухо, и, отстранивши жену, вышелъ въ залу.

— Элиза не нужна́, повторилъ онъ француженкѣ, проходя къ себѣ въ кабинетъ.

Меня удивило лицо его жены: всегда величественное и красивое, оно было теперь все въ пятнахъ и совершенно искажено слезами, гнѣвомъ или отчаяніемъ — не знаю. Но еще болѣе удивила меня та фраза, которая вылетѣла вдругъ изъ ея устъ.

— Misérable! повторила она вслѣдъ своему мужу, какимъ-то хриплымъ, надорваннымъ шопотомъ. — Un lâche qui a peur de son enfant!

И сообразивши, можетъ быть, что она сказала уже слишкомъ много при постороннихъ (тутъ былъ я и француженка), она быстро захлопнула дверь и скрылась у себя въ спальнѣ.

M-elle Ernestine улыбнулась такъ, какъ умѣютъ улыбаться только парижанки.

— Madame est en colère, сказала она мнѣ фамильярно. Une attaque de nerfs. On part d'un côté, le mari de l'autre... C'est bientôt fait. Il paraît qu'on épouse une beauté?.. Eh? (Она повела глазами на кабинетъ Ганского). Отсюда я заключилъ, что ничего нѣтъ тайнаго, что́ не сдѣлалось бы явнымъ! Какъ ни была недосягаемо-величественна m-me Ганская, а семейныя непріятности ея уже вызывала обидную улыбку на устахъ парижанки. Еще немного — и о семейныхъ непріятностяхъ заговорятъ въ лакейской... Есть обиды, которыя удвоиваются,

удесятеряются оттого, что о нихъ узнаютъ другіе. Есть люди, которые согласились бы быть несчастными, пусть бы лишь другіе думали, что они утопаютъ въ блаженствѣ...

Вскорѣ неожиданно для меня разыгралась сцена, освѣтившая мнѣ отношенія, о которыхъ я до тѣхъ поръ судилъ только по догадкамъ.

Я сидѣлъ съ Ганскимъ въ его кабинетѣ, когда туда вошелъ его сіятел-во.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить! обратился онъ къ хозяину тѣмъ натянутымъ, холодно-ледянымъ тономъ, который заранѣе даетъ знать, въ какомъ духѣ будетъ объясненіе.

— Что вамъ угодно? спросилъ невозмутимо Ганской.

— Я желалъ бы остаться съ вами наединѣ.

Я всталъ и ушелъ къ себѣ. Но такъ какъ стѣна, отдѣлявшая меня отъ Ганского, была въ акустическомъ отношеніи только миѳомъ, то я и могъ слѣдить за всѣмъ разговоромъ такъ же свободно, какъ и сидя вмѣстѣ съ ними въ кабинетѣ.

— Я пришолъ покончить вчерашній разговоръ, началъ князь.

— Мы ужъ его давно кончили, замѣтилъ равнодушно Ганской.

— Это вамъ угодно такъ думать. Я думаю иначе. Я попрошу васъ выслушать меня еще разъ.

— Если вамъ ужъ очень хочется, — извольте.

— Не принимайте, пожалуйста, такого равнодушнаго

вида! Вы не заставите меня замолчать, хотя бы смотрѣли въ тысячу разъ равнодушнѣе.

— Я буду ужъ смотрѣть, какъ мнѣ вздумается.

— Великолѣпно! Мнѣ это впрочемъ все равно. Вы объявили мнѣ вчера, что разговаривать со мной больше не намѣрены...

— Я сказалъ только, что объясненій вамъ больше давать не буду; это дѣйствительно.

— Превосходно! Но прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до чего-нибудь рѣшительнаго, я еще разъ попробую сдѣлать воззваніе къ вашему благоразумію. Оно у васъ есть, я въ этомъ не сомнѣваюсь. И хотя вы теперь аффектируете пренебреженіе, я увѣренъ, однакоже, что втайнѣ вы думаете не то. Вы уже и теперь взвѣшиваете тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть для васъ ваша... скажемъ, неблагоразумная поспѣшность. Вы не скроете отъ меня, что вы жалѣете о ней, но ваша... вашъ point d'honneur не позволяетъ вамъ уступить. Такъ? (И не дожидаясь отвѣта, князь продолжалъ внушительно). Но мы... nous autres, gens du monde, мы не должны уступать минутному чувству. Взвѣшивайте, балансируйте... Calculez! Surtout calculez! Мы простимъ вамъ ваше увлеченіе. Pardieu! Кто изъ насъ не увлекался? Вашъ покорнѣйшій слуга первый. Была можетъ быть не одна пара глазокъ, для которой я раззорялся и дѣлалъ тысячу глупостей, но... Voyons un peu! Мы увлекаемся, мы теряемъ голову, но мы не теряемъ разсудка. Каждый изъ насъ прошелъ черезъ эти опасности, и

совѣты друзей тутъ необходимы. Они благодѣтельны! И если вы думаете, что, затыкая уши, вы поступаете благоразумно, то, passez moi la comparaison, вы поступаете какъ та глупая птица, которая, зарывая голову въ песокъ, думаетъ, что она приняла всѣ предосторожности. Le danger est là. Il est imminent!

Князь расположился со всѣмъ комфортомъ, и наставительный тонъ его показывалъ, что онъ не теряетъ надежды убѣдить своего родственника.

— Посмотримъ, что вы выигрываете. Вы женитесь на какой-то тамъ барышнѣ. Положимъ, что она хороша, какъ ангелъ... Но вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ жениться на всѣхъ ангелахъ. Если она васъ любитъ, такъ она могла бы любить васъ и такъ. Дайте ей хорошее приданое и жените на ней вашего управляющаго. У васъ ихъ много. Одинъ, я видѣлъ, глядитъ очень порядочнымъ человѣкомъ.

— Знаете ли что, сказалъ ему тихо Ганской: — если вы не хотите, чтобы я выгналъ васъ изъ моего дома, вы мнѣ больше объ этой особѣ не говорите!

Я не видалъ его выраженія, но въ голосѣ его было что-то до того убѣдительное, что князь съ минуту помолчалъ, какъ-бы собираясь съ мыслями.

— Хорошо, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно: — я буду говорить только прямо о томъ, чтó касается до меня, какъ до брата вашей жены. Я скажу вамъ, милостивый государь, что я, какъ братъ вашей жены, не позволю позорить наше имя. Вашъ разводъ будетъ

не для сестры только, но для всего нашего семейства кровавымъ оскорбленіемъ! И потому каждый членъ нашего семейства, замѣтьте, *каждый*, сочтетъ своимъ долгомъ за это оскорбленіе вамъ отплатить! Съ тѣхъ поръ, какъ наша фамилія извѣстна въ Россіи, а она извѣстна давно, никто безнаказанно не смѣлъ оскорблять нашихъ жонъ и сестеръ. Элиза вчера на колѣняхъ молила меня, чтобы я не допускалъ ея позора — и я его не допущу! Прежде, чѣмъ вы получите разводъ, одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ!

— Едва ли, замѣтилъ Ганской.

Князь захохоталъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что вы отказываетесь дать мнѣ удовлетвореніе?

— То, что я съ вами стрѣляться не буду.

— Не угодно ли повторить вашъ отвѣтъ. Я боюсь, что не такъ разслышалъ его.

— Съ какой стати сталъ бы я убивать васъ. И вамъ непріятно, и мнѣ тоже. А вы меня убьете, такъ это будетъ мнѣ еще непріятнѣе.

— Но если васъ, милостивый государь, назовутъ въ глаза подлецомъ?

Ганской усмѣхнулся.

— Если я дѣйствительно подлецъ, такъ мнѣ и обижаться нечего. А если я не подлецъ, такъ и подавно: чѣмъ же тутъ обижаться, что человѣкъ сказалъ вздоръ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь?

— Я-жъ вамъ говорю, что если я васъ убью, такъ вы мнѣ будете по ночамъ являться! Что за удовольствіе.

— Такъ позвольте же вамъ сказать, что вы подлецъ! Милостивый государь, вы подлецъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? А вѣдь знаете ли что? Я могъ бы позвать прислугу и велѣть васъ связать. Если вы думаете, что я подлецъ, какъ это вамъ не пришло въ голову?

— Милостивый государь, я ожидаю отъ васъ всего!

— Нѣтъ, да вы не бойтесь; это не въ моихъ правилахъ.

Хладнокровіе Ганского еще болѣе приводило князя въ бѣшенство.

— Я всегда смотрѣлъ на васъ, началъ онъ, задыхаясь отъ презрѣнія: — какъ на ничтожнѣйшее существо, но вижу, что я все-таки еще не зналъ васъ! Я узналъ васъ только теперь.

— Это правда, что вы меня не знали, и я очень радъ, что мы наконецъ познакомились.

— Но на такихъ людей, какъ вы, къ счастію, есть другія средства! Я и мой отецъ имѣемъ еще въ Петербургѣ достаточное вліяніе, чтобы раздавить какую - нибудь гадину!

— Ваше сіятельство, у меня въ передней есть нѣсколько человѣкъ лакеевъ, которые, положимъ, ни на что не годны, но если я велю имъ вывести васъ, то это они съумѣютъ сдѣлать.

— Я ухожу теперь, сказалъ князь съ негодованіемъ: — но не думайте, что вы разсчитались со мной! Я повторю свой вызовъ формально, при другихъ, и если вы тогда посмѣете отказаться, я пошлю на васъ своихъ дворовыхъ съ нагайками.

— Сколько человѣкъ? спросилъ невозмутимо Ганской. — Если ужъ это необходимо, то я вышлю своихъ.

Но князь ужь насвистывалъ за дверью изъ Barbiere. У него былъ прекрасный баритонъ, но когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ свисталъ. Причину отказа Ганского отъ дуэли я угадывалъ. Не знаю, чтó онъ думалъ о ней, какъ свѣтскій человѣкъ, но какъ мистикъ, какъ человѣкъ глубоко-религіозный, отчасти даже какъ сторонникъ квакеровъ, онъ смотрѣлъ на нее какъ на простое убійство. Война казалась ему безуміемъ, поединокъ тоже.

Замѣчательно, что по привычкѣ Ганского никогда ни съ кѣмъ не говорить о своихъ чувствахъ и вѣрованіяхъ, и потому еще, что онъ, какъ приверженецъ весьма распространенной тогда идеи о внутренней церкви, искалъ истины, не придерживаясь никакихъ внѣшнихъ обрядовъ, его многіе считали безбожникомъ. Я самъ сначала былъ такого же мнѣнія.

VIII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ни въ университетѣ, ни въ городѣ не случилось ничего особеннаго. Пріѣзжалъ музыкантъ, игравшій одной рукой на арфѣ, а дру-

гой на фортепіано. Арестованные офицеры устроили на гауптвахтѣ пиръ съ иллюминаціей и жидовскими цимбалами, а на другой день гуляли по платформѣ въ ермолкахъ и халатахъ, но это, по добродушію дивизіоннаго генерала, случалось не первый разъ, и потому не могло составить эпохи въ жизни губернскаго города.

Въ университетскомъ совѣтѣ поднялся однажды споръ о томъ, правильно ли будетъ сказать по-русски: *ѣхалъ на кораблѣ,* и не будетъ ли это выраженіе вульгарное. Одинъ профессоръ по этому случаю подержалъ съ Швейковскимъ пари на 1000 р. противъ 2 коп. Принесли словари, стали справляться, но ни къ какому заключенію по разногласію своему не пришли. По буйности же характера. профессоръ Швейковскій настаивалъ на томъ, что онъ выигралъ пари, и требовалъ отъ совѣта, дабы онъ заставилъ проспорившаго профессора уплатить ему 1000 р. Дѣло это дошло до попечителя и заняло первыя три недѣли послѣ вакацій. Потомъ все вошло опять въ обычную колею, и хотя борьба страстей въ ученомъ мірѣ продолжалась, но такъ скрытно, что нѣкоторое время ничѣмъ не проявляла себя.

Къ попечителю университетъ приглядѣлся, и замѣтивши, что онъ мало мѣшается въ его дѣла, сталъ самъ понемногу забывать о немъ. Грозная бумага, предписывавшая ректору крайнюю бдительность и сначала-было такъ всѣхъ перепугавшая, канула въ Лету: никто о ней и не упоминалъ. Ректоръ, по прежнему, въ поварскомъ колпакѣ и фартукѣ, стоялъ на кухнѣ около плиты, или

задумчиво игралъ на гусляхъ, или же еще задумчивѣе выслушивалъ студентовъ, являвшихся къ нему съ просьбами; по прежнему, былъ онъ кротокъ и ласковъ, обѣщая всѣмъ свое содѣйствіе и никогда своихъ обѣщаній не исполняя. Строгое statu quo сохранялось такимъ образомъ въ университетѣ. Захаръ Иванычъ испугался-было новаго попечителя и хотѣлъ уже готовиться къ лекціямъ, но увидавши, что его никто не трогаетъ, сталъ опять разсказывать студентамъ анекдоты. Швейковскій шумѣлъ въ совѣтѣ больше прежняго и даже позволялъ себѣ произносить странныя угрозы, которыми давалъ понять, что хотя часъ его еще и не пробилъ, но скоро пробьетъ! Въ сентябрѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Давыдовъ позабылъ всѣ опасенія и продолжалъ читать свои лекціи очень свободно. По программѣ, онъ долженъ былъ слѣдовать принятому тогда въ университетѣ руководству Кайданова, но онъ все почти читалъ по собственнымъ запискамъ, прибавляя многое отъ себя и всякой новой вольностью своею возбуждая восторгъ студентовъ. Послѣ одной лекціи они устроили ему торжественные проводы до самаго дома. Это было замѣчено полиціей, но принято снисходительно, какъ одна изъ тѣхъ выходокъ, которыя случались и прежде, когда студенты шли по улицѣ толпою, со свѣчами, провожая въ насмѣшку одного старичка-профессора, выживавшаго изъ ума и принимавшаго эту манифестацію какъ дань уваженія къ своимъ лѣтамъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы Ганского не было въ городѣ: онъ

объѣзжалъ учебный округъ. Съ наступленіемъ осени онъ вернулся. По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не былъ съ нимъ во время его объѣзда. При первомъ же нашемъ свиданіи, онъ показалъ мнѣ донесеніе, поданное ему Швейковскимъ.

Въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ говорилось въ немъ о томъ, что составившееся между студентами общество «свѣтильниковъ», хотя и разрѣшено начальствомъ, потому что прикрывается цѣлями чисто литературными, но въ сущности занимается вовсе не литературой, а есть ни болѣе, ни менѣе, какъ вертепъ разврата и якобинства. Указывалось, весьма, впрочемъ, осторожно, и на то, что члены этого общества имѣютъ какія-то политическія цѣли. Въ концѣ, какъ неизбѣжный финалъ, какъ «аминь» въ молитвѣ, стояло имя Давыдова. Онъ упоминался какъ зачинщикъ.

— Донесеніе подано оффиціально, замѣтилъ Ганской: — и оставить его безъ послѣдствій я не могу.

Онъ долго задумчиво ходилъ по комнатѣ, спросилъ моего мнѣнія, но самъ, по обыкновенію, ничего не сказалъ. Что̀ онъ намѣренъ предпринять? — это мнѣ оставалось неизвѣстно.

Однажды Любовь Федоровна, встревоженная, отвела меня въ сторону.

— Знаете ли, сказала она: — у Давыдова хотятъ опечатать всѣ бумаги.

Меня это удивило. Я спросилъ ее, откуда она это знаетъ.

— Ганской вчера сказалъ объ этомъ отцу, по секретно. Что же это такое? Объясните мнѣ, ради Бога.

— Не знаю, Любовь Федоровна. Я рѣшительно ничего не слыхалъ объ этомъ.

Она подняла на меня умоляющій взоръ, какъ-бы упрашивая не скрывать отъ нея ничего. Положеніе ея послѣднее время было довольно странно. Съ Ганскимъ она видѣлась рѣдко, и только при постороннихъ; тайныхъ свиданій она не добивалась, а онъ не настаивалъ: изъ деликатности или изъ какихъ-нибудь другихъ видовъ — не знаю.

У нея оставалось еще одно средство — переписка, но она неохотно и писала къ нему. Онъ аккуратно отвѣчалъ на каждое ея письмо, но самъ собою не написалъ ей двухъ строчекъ. Такъ какъ почталіономъ былъ я, то эта странность не могла ускользнуть отъ меня. Что за причина такой сдержанности? Не начиналъ ли онъ уже догадываться о ея нерасположеніи къ нему? Но онъ всегда былъ такой, а она не сдѣлала ничего, что̀ бы могло внушить ему подозрѣніе. Напротивъ, она послѣднее время стала даже отстраняться отъ Давыдова. И тотъ, и другой были теперь отъ нея одинаково далеко. Съ однимъ она не хотѣла сблизиться, другого боялась. Въ разговорахъ со мною она избѣгала даже упоминать имя Давыдова. Но когда опасность, угрожавшая ему, стала ей извѣстна, она забыла все. По тому тону, съ какимъ она говорила объ немъ — я понялъ все. Она его любила.

Мнѣ стало жаль ее. Я сказалъ ей то, что мнѣ было извѣстно о доносѣ.

— Какая низость! замѣтила она вспыльчиво. — И Ганской не разорвалъ этой бумаги! Онъ повѣрилъ ей!

— Разорвать ее онъ не могъ. Онъ отвѣтилъ бы за это.

— Да; но чѣмъ бы онъ отвѣтилъ? Ему сдѣлали бы какой-нибудь выговоръ, пустяки какія-нибудь!... А тутъ... тутъ человѣка, ни въ чемъ невиноватаго, начинаютъ преслѣдовать! Да, онъ правъ! Онъ тысячу разъ правъ, что нѐ вѣритъ въ людей. Онъ ихъ презираетъ, и хорошо дѣлаетъ! Они сто́ятъ презрѣнія.

— За что? спросилъ я.

Глаза ея блеснули.

— За все! Не спрашивайте меня. Я не стану отвѣчать вамъ. Я не хочу называть лицъ. Но по-моему.... по-моему, низко не помочь человѣку, когда ему можно помочь!

— Поможемте! сказалъ я простодушно.

— Что̀ мы съ вами можемъ сдѣлать! Это долженъ былъ сдѣлать тотъ, кто имѣлъ на это всѣ средства! Кому, можетъ быть, стоило только пальцемъ пошевельнуть! Топить людей гадко! Отвратительно! Я не понимаю, какъ можно послѣ этого глядѣть другимъ въ глаза. Меня бы, по крайней мѣрѣ, совѣсть мучила. Но есть люди, которымъ все ничего! Имъ хорошо, и прекрасно! А что до другихъ! Другіе выпутывайся сами, какъ знаютъ.

— Система очень хорошая, замѣтилъ я. — Есть даже и пословица: всякій за себя, а Богъ за всѣхъ.

— Вы шутите, а мнѣ право не до шутокъ! Неужели, вы думаете, пріятно узнать ближе человѣка, о которомъ, положимъ, никогда не былъ очень высокаго мнѣнія, но о которомъ все-таки думалъ лучше! И узнать, что этотъ человѣкъ.... что онъ ниже всего!

— Не знаю, Любовь Федоревна, гдѣ вы нашли высокихъ людей, которые любятъ будто-бы помогать своимъ ближнимъ. Великихъ людей очень мало, Любовь Федоровна.

— Что вы говорите! Я совсѣмъ не ищу великихъ людей. Дай Богъ встрѣтить человѣка, который бы не способенъ былъ ни на какую пакость.

— На кого вы сердитесь?

— На всѣхъ! На васъ первыхъ. Мнѣ досадно, что люди могутъ быть такъ несправедливы!

— Напишите къ Ганскому, предложилъ я ей. — Это дѣло зависитъ больше всего отъ него.

— Написать къ нему? Никогда! Послѣ всего, что я сейчасъ говорила... Вы должны были понять меня. Не притворяйтесь! Вы-то ужъ отлично видите, какого я теперь мнѣнія объ его превосходительствѣ! Если онъ вдобавокъ ко всему будетъ еще преслѣдовать людей, которые виноваты только тѣмъ, что умнѣе другихъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что моя страстная любовь къ нему будетъ еще сильнѣе. Какже! я буду боготворить его. Онъ дѣлаетъ мнѣ честь, что покупаетъ меня...

Она вдругъ отвернулась и не договорила.

— А все-таки, повторилъ я: — вы однѣ можете

объясниться съ Ганскимъ. Другимъ онъ откажетъ, вамъ — нѣтъ.

— Не буду я объясняться съ нимъ! сказала она стремительно. — Вы не знаете, какого труда стóитъ мнѣ написать ему двѣ строчки!

Она долго молчала, что-то соображая. Синія жилки напряглись у нея на вискахъ: видно было, что кровь сильно стучала въ нихъ.

— Если бы можно было какъ-нибудь это устроить... начала она неувѣренно.

— Чтó же мы можемъ сдѣлать?

— Вотъ видите ли... Хотя, конечно, мнѣ это сообщили какъ тайну, но все же я думаю... Я думаю, что мы вправѣ предупредить его? (Она опять не называла имени). Что, если бы вы сказали ему какъ-нибудь... Если бы вы передали ему то, чтó я вамъ говорила...

— Если вы этого желаете...

Она покраснѣла.

— Нѣтъ; но вотъ видите ли, мнѣ было бы ужасно досадно... Я знаю, что Платонъ Николаичъ очень неостороженъ... и потомъ, онъ совсѣмъ не умѣетъ владѣть собою. Онъ надѣлаетъ еще какихъ-нибудь глупостей, и тогда все ужь будетъ испорчено. Тогда нельзя ужь будетъ поправить, а теперь, если мы предупредимъ его... Только вы дадите мнѣ слово, что не скажете ничего про меня... Не говорите ему, что я васъ объ этомъ просила. Сдѣлайте это отъ себя.

Она выговорила все это, не переводя духа, не подни-

мая глазъ, и замѣтно сконфуженная. Въ ней боролось чувство страха за любимаго человѣка и за себя, за то, что она выдасть свою тайну! — тайну, въ которой она не хотѣла еще, можетъ быть, признаваться и себѣ.

Исполняя порученіе ея, я зашелъ къ Давыдову въ тотъ же день, и передалъ ему объ угрожавшей опасности. Онъ измѣнился въ лицѣ, но поспѣшилъ овладѣть собою и холодно отвѣтилъ:

— Это будетъ насиліе, а противъ насилія я ничего не могу сдѣлать. Если начальству угодно будетъ заковать меня въ кандалы и подъ прикрытіемъ роты солдатъ отправить въ тюремный зѝмокъ, то согласитесь, что противиться этому было бы смѣшно. Передъ такой силой я всегда преклоняюсь.

Въ тотъ же вечеръ, однако, онъ съ большой связкой бумагъ ушелъ къ студенту Чарковскому, единственному изъ всѣхъ студентовъ, на котораго было указано въ доносѣ.

Студентъ этотъ, какъ разсказывала мнѣ послѣ его квартирная хозяйка, вздумалъ на ночь топить печку и самъ стряпалъ себѣ яичницу, хотя она и предлагала ему сдѣлать ее въ кухнѣ, на таганѣ. Яичница эта, какъ я подозрѣваю, была составлена изъ бумагъ адъюнкта Давыдова.

Только недѣли черезъ двѣ явилась полиція и бумаги его опечатала. Разумѣется, ничего не нашли. Но огласка была сдѣлана, и въ университетѣ скоро заговорили

о томъ, что этимъ дѣло не кончится, а въ городѣ — о томъ, что студенты затѣваютъ бунтъ.

Наконецъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ дней Ганской потребовалъ, чтобы собрался университетскій совѣтъ, облекся въ парадную форму и въ мундирѣ со звѣздой, въ александровской лентѣ и въ орденахъ явился передъ изумленнымъ собраніемъ, которое его никогда еще въ такомъ блескѣ не видывало. Прочитавши тутъ во всеуслышаніе донесеніе Швейковскаго, онъ прочиталъ вслѣдъ за тѣмъ краткое распоряженіе свое, въ которомъ поручалось профессору Мальшу изслѣдовать это дѣло и произвести дознаніе о томъ, нѣтъ ли дѣйствительно между студентами какихъ-нибудь недозволенныхъ обществъ. Вслѣдъ затѣмъ попечитель вышелъ въ актовую залу къ собраннымъ тамъ, по его приказанію, студентамъ и сказалъ имъ рѣчь, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ имъ, что они должны представить на разсмотрѣніе начальства всѣ свои тетради, что отъ нихъ будутъ отбираться устныя показанія и что, въ случаѣ надобности, они будутъ спрошены подъ присягой.

Сухá и непріязненна вышла рѣчь его, и когда онъ, сверкая орденами, проходилъ мимо студентовъ, они молча разступались передъ нимъ. У главнаго подъѣзда дожидался Ганского его экипажъ, но онъ махнулъ кучеру рукой, приказывая ѣхать назадъ, и подошелъ къ студентамъ, разговаривавшимъ на лѣстницѣ.

Что онъ имъ сказалъ — я не слыхалъ, потому что меня въ это время осаждалъ своими распросами Вагнеръ; но

я видѣлъ только, что студенты съ жаромъ объясняли что-то Ганскому; тотъ слушалъ ихъ нахмурившись, потомъ засмѣялся и пошелъ къ воротамъ. Трое или четверо изъ группы отдѣлились и пошли за нимъ.

Прошатавшись цѣлый день по добрымъ людямъ, я домой попалъ только къ вечеру и засталъ Ганского не одного: у него были студенты, чуть ли не тѣ самые, съ которыми онъ разговаривалъ на лѣстницѣ. Отъ камердинера я узналъ, что гости эти изволили тутъ кушать, и вотъ ужъ никакъ часа три сидятъ. Я пошелъ слушать, о чемъ они разговариваютъ. Говорили о всякой всячинѣ и между прочимъ о театрѣ, куда студентамъ строго было запрещено ходить. Одинъ съ наивностью признавался, что смотритъ изъ суфлёрской будки или изъ оркестра, куда ходитъ какъ въ маскарадъ, въ разныхъ костюмахъ, оставляя студенческую форму у себя на дому.

Ганской усмѣхнулся.

— А если васъ ректоръ поймаетъ?

— Я и то съ нимъ разъ встрѣтился. Думалъ: ну, пропалъ! А онъ на меня эдакъ посмотрѣлъ... Посмотрѣлъ, и прошелъ мимо. Я поскорѣй внизъ, въ сѣни, да такъ ужь въ тотъ день и не былъ на представленіи.

— А, вѣдь, если вы мнѣ попадетесь, замѣтилъ Ганской: — я васъ въ карцеръ посажу.

— Что-жь, Сергѣй Леонтьичъ, отвѣтилъ добродушно студентъ: — я сяду.

Одинъ изъ студентовъ началъ разсказывать про какого-то профессора, что онъ начитываетъ имъ въ годъ

листовъ по 50-ти всякаго вздору, и что хотя онъ называетъ свою науку *публичнымъ правомъ*, но тамъ есть и объ устрицахъ, и о Петрѣ Великомъ, и о добыванiи жемчуга.

— Ужасно трудно готовиться изъ этой науки! подхватилъ другой. — Просто никакъ, знаете, не сообразишь. Ляжешь на диванъ, приколешь листы къ дивану булавкой, читаешь, читаешь, да и заснешь! Еще ничего не выучилъ, а ужь, глядишь, кто-нибудь изъ домашнихъ приходитъ, будитъ: вставай! говоритъ.

— Да, а на экзаменѣ-то у него зато хорошо: и онъ спитъ, и ассистенты спятъ. Говори, что хочешь, только не останавливайся; а какъ остановишься, — сейчасъ проснутся. И если имъ покажется, что мало говорилъ, — поставятъ двойку. А если много, — то ужь навѣрное пятерка. У насъ даже какъ дѣлаютъ: кто хочетъ на пятерку отвѣтить, тотъ и проситъ сосѣда: сосчитай, братъ, до тысячи! Тотъ какъ до тысячи сочтетъ, и толкнетъ подъ локоть: довольно, значитъ.

И все это разсказывалось кому же? подумалъ я. Попечителю, который утромъ только нагрянулъ на университетъ грозою, въ звѣздахъ и орденскихъ лентахъ, нагрянулъ какъ строгiй начальникъ, поразившiй университетъ унынiемъ, поднявшiй тревожный шопотъ между профессорами, обѣщавшiй строгое слѣдствiе студентамъ.

Вопросъ объ этомъ слѣдствiи поднялся и теперь.

Ганской, до сихъ поръ говорившiй мало и сидѣвшiй, подсмѣиваясь, около камина, вдругъ всталъ и началъ угрюмо ходить по комнатѣ.

— Знаете ли что, господа, сказалъ онъ: — давича я говорилъ съ вами какъ попечитель; теперь скажу вамъ просто: не знаю, что́ вы тамъ такое затѣяли, но если никакихъ письменныхъ документовъ не найдется, я васъ преслѣдовать не буду.... Что́ тамъ было — это дѣло ваше. Но что́ будетъ впередъ, это ужь дѣло мое. Если что-нибудь дѣйствительно откроется, вы меня заставите выдти въ отставку. Я думалъ имѣть дѣло съ университетомъ... Я шелъ служить по ученой части, а не по полицейской. Вамъ нужна полиція — пусть вамъ полицію и присылаютъ!

Студенты были замѣтно поражены этими словами и въ недоумѣніи смотрѣли на него.

— Скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, продолжалъ Ганской:—что они могутъ выбирать: я плохой начальникъ, — я это знаю, а потому, если имъ нужно начальство хорошее, строгое, то имъ дадутъ и хорошее начальство... Мнѣ тогда оставаться тутъ нечего. Я могу оставаться только тогда, когда въ университетѣ все спокойно. Будутъ тутъ заниматься наукой — хорошо. А будутъ политикой заниматься, мнѣ тогда дѣлать тутъ нечего. Скажите это вашимъ товарищамъ, повторилъ онъ сурово.

Студентамъ становилось неловко. Одинъ изъ нихъ, красивый, но страшно близорукій, уморительно прищуриваясь, старался услѣдить за Ганскимъ во время его быстрой прогулки по комнатѣ. Наконецъ, онъ уловилъ предметъ своего изслѣдованія.

— Сергѣй Леонтьичъ, поспѣшилъ онъ воскликнуть: — если вы насъ оставите, то, ей-богу, намъ лучше васъ никого не найти! Вы, Сергѣй Леонтьичъ, отличный человѣкъ, — вы меня извините, но что-жь, я не одинъ это скажу.

Ганской посмотрѣлъ на него, какъ-бы нѣсколько изумленный этой смѣлостью. Но близорукій студентъ Робушъ былъ извѣстенъ всему университету своей разсѣянностью и невоздержностью своего языка. При всемъ томъ, онъ былъ, что называется, добрый малый: отдавалъ товарищу послѣднюю копѣйку, игралъ самоучкою на фортепіано, писалъ стихи, мечталъ о томъ, что хорошо было бы погибнуть смертью мученика и умереть на кострѣ, напримѣръ. Онъ ничего не боялся. «Что-жь такое?» говорилъ онъ. «Что со мной могутъ сдѣлать? Убить меня? Но я смѣюсь надъ этимъ!»

Ганской часто звалъ его къ себѣ, часто оставлялъ его обѣдать, и даже на улицѣ видали его гуляющаго съ Робушемъ.

Возгласъ Робуша заставилъ Ганского остановиться и пристально посмотрѣть на него.

— Жаль мнѣ, сказалъ онъ: — а вы попадетесь первый. Помните, Робушъ: меня тогда не будетъ!

— Когда васъ не будетъ, Сергѣй Леонтьичъ, я попадусь; это правда. Да мнѣ все равно! Надо же когда-нибудь попадаться!

Ганской молча ходилъ по комнатѣ. Взглядъ его былъ не веселъ. Что-то тяжелое и безпокойное свѣтилось въ

его глазахъ. Всѣмъ стало не по себѣ, всѣ тоже молчали. Наконецъ, онъ вернулся на прежнее мѣсто, около камина, и остановился.

— Господа, началъ онъ: — вы думаете, конечно, что я, по привычкѣ всѣхъ начальниковъ, читаю вамъ наставленія. Но я опять повторяю: я плохой начальникъ. Когда я искалъ этого мѣста, я думалъ, что это единственное, можетъ быть, мѣсто, гдѣ каждый можетъ заниматься своимъ дѣломъ и другихъ не трогать. Вижу, что я ошибался. Я думалъ, что каждый человѣкъ долженъ управлять самъ собой, безъ опекуновъ. И опять вижу, что я ошибался. Если людямъ давать свободу и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла, то они назовутъ васъ глупцомъ и будутъ надъ вами смѣяться.

Робушъ вскочилъ со стула.

— Мы васъ уважаемъ, Сергѣй Леонтьичъ! Я это не потому говорю, что вы начальство. Мнѣ начальство... Что-жь такое начальство? А потому, что вы всегда для насъ были... отличны!

Ганской насмѣшливо взглянулъ на него.

— Неужели? Я былъ отличенъ тѣмъ, что не мѣшалъ вамъ? не трогалъ васъ? Въ благодарность за это вы затѣяли какую-то скверную исторію, которой не было бы, если бы я поставилъ на всѣхъ перекресткахъ шпіоновъ.

— Какая же исторія? перебилъ пылко студентъ.

— Какая бы она тамъ ни была! Дѣло не въ этомъ! Вы заставляете меня пустить въ ходъ полицію, поли-

цейскіе розыски, дознаніе. Но я полицейскимъ сыщикомъ быть не желаю. Съ какой стати! Я вамъ опять повторяю: я хотѣлъ имѣть дѣло со студентами, а не съ заговорщиками! Вы заговоры составляете. Хорошо! Стало быть, университета нѣтъ! Стало быть, я не нуженъ.

— Ваше превосходительство, замѣтилъ одинъ изъ студентовъ (непривычный, суровый тонъ попечителя испугалъ его): — мы заговоровъ не составляемъ.

Ганской, не отвѣчая ему, обратился къ Робушу.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, остановивши на немъ свой пристальный, серьозный взглядъ: — скажите мнѣ, что между вами нѣтъ никакихъ недозволенныхъ обществъ, — я вамъ повѣрю.

Робушъ опустилъ глаза и промолчалъ. Ганской отвернулся отъ него и сталъ глядѣть въ огонь.

— Мнѣ пріятно, сказалъ онъ съ печальной усмѣшкой: — что меня не обманываютъ. Передайте же вашимъ товарищамъ то, чтó я вамъ говорилъ. Я попробую еще, чтó я могу сдѣлать; но если увижу, что ничего не могу, — мы съ вами простимся.

— Сергѣй Леонтьичъ, воскликнулъ съ жаромъ Робушъ: — зачѣмъ вы это говорите!

— Что дѣлать, господа, надо мной есть тоже начальство! Если я буду на все смотрѣть сквозь пальцы, то на меня тамъ такъ смотрѣть не будутъ. Вы, можетъ быть, думаете, что я всемогущъ, но моя власть очень ограничена.

Студенты ушли печальные, и Робушъ замѣтно взвол-

нованный. Простая, искренняя рѣчь Ганского ни на кого такъ не дѣйствовала, какъ на него.

Студенты вообще любили Ганского, но послѣдняя исторія съ Давыдовымъ многихъ охладила къ нему. Попечитель былъ ко всѣмъ снисходителенъ, доступенъ, рѣдко въ чемъ-нибудь отказывалъ, но онъ былъ все-таки попечитель, начальство... Подъ видомъ начальства студенты представляли себѣ всякіе ужасы. Когда онъ осмѣлился поднять руку на Давыдова, когда стала извѣстна исторія опечатанныхъ бумагъ, — участь его была рѣшена. Давыдовъ былъ жертва, Ганской — палачъ.

IX.

Профессоръ Мальшъ, которому поручено было произвести дознаніе по доносу Швейковскаго, не имѣлъ понятія о томъ, какъ ведутся слѣдственныя дѣла. Онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, сердился, что его отвлекаютъ отъ занятій, и, наконецъ, взялъ себѣ въ помощники рѣшительно весь университетъ.

Только лѣнивый не вмѣшивался въ это слѣдствіе. Всякій, кто былъ почему-нибудь золъ на Давыдова, шелъ къ Мальшу и давалъ ему различныя показанія, всѣ клонившіяся къ тому, что Давыдовъ есть злой духъ, принявшій только для виду образъ адъюнкта исторіи.

— Мое мнѣніе, говорилъ одинъ профессоръ, нетерпѣвшій Давыдова за то, что онъ не хотѣлъ жениться

на его племянницѣ: — мое мнѣніе: отдать бы его въ солдаты!

Два профессора, которымъ Давыдовъ никогда не кланялся, стояли на томъ, что его надо выслать въ дальнія губерніи.

Еще два профессора, узнавши стороною, что Давыдовъ называетъ ихъ штыкъ-юнкерами, каковое названіе дано имъ въ насмѣшку и поруганіе, предлагали показать подъ присягой, что онъ есть карбонаръ.

Вся партія Швейковскаго поднялась на ноги; слѣдствіе, наряженное попечителемъ, она приняла за сигналъ, и цѣлый градъ мелкихъ непріятностей посыпался на Давыдова. Библіотекарь не давалъ ему требуемыхъ книгъ, то не сказываясь дома, то ссылаясь на то, что съ нимъ нѣтъ ключей. Провизоръ не пускалъ его въ аптеку, гдѣ читались для студентовъ фармацевтическія лекціи. Пасторъ, которому разрѣшено было давать для проповѣдей одну изъ свободныхъ аудиторій, всегда какъ-то получалъ аудиторію Давыдова, и всегда почти въ непоказанные часы, т. е. тогда, когда должна уже начинаться лекція. Выгнать изъ аудиторіи нѣмцевъ, слушавшихъ тамъ своего проповѣдника, оказывалось не легко, и приходилось искать другой залы.

Давыдовъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, тщетно стараясь увѣрить себя и другихъ, что эти мелочныя интриги не заслуживаютъ ничего, кромѣ презрѣнія. Бояться ему, дѣйствительно, было нечего: показанія противной партіи, хотя и дышали злобой, но были бо́льшею частію голо-

словны. Все ограничивалось мелкими дрязгами и даже сплетнями, которыя только возмущали серьезнаго, несообщительнаго Мальша. Показанія же студентовъ всѣ клонились въ пользу Давыдова.

Ганской, какъ-бы устраняя себя отъ всякаго участія въ слѣдствіи, уѣхалъ въ Петербургъ.

Разъ какъ-то я пришелъ къ ректору въ сумерки, въ такое время, когда всѣ почивали, плотно покушавши и собираясь съ силами для вечерняго чая. Не спали только молоденькія дѣвицы, но и тѣ ушли къ себѣ на верхъ, на антресоли. Престарѣлый Никита лежалъ въ передней на ларѣ, положивши подъ голову баринову шинель, и тяжело вздыхалъ. Егорка, привязавши къ вѣшалкѣ комнатную собачонку Амишку, манилъ ее кускомъ солонины, который держалъ между пальцами. Собака рвалась къ солонинѣ, но вѣшалка ее не пускала.

— Амишка, на! пиль! говорилъ онъ шопотомъ, чтобы не разбудить спящаго Никиту.

При видѣ меня, онъ поспѣшилъ стать такъ, чтобы загородить спиной собаку.

— Въ горницахъ никого нѣту-съ. Господа почиваютъ.

— Хорошо, я подожду.

Я снялъ шинель и пошелъ въ комнаты. Вездѣ было, дѣйствительно, пусто. Точно непріятель прошелъ по всему дому и истребилъ всѣхъ жителей поголовно; только на столахъ валялось еще неприбранное шитье, бумага, изъ которой барышни дѣлали цвѣты, и колода тетушкиныхъ

картъ, такая заслуженная колода, что передъ ней три игры клубныхъ картъ показались бы тощею пачкою. На раскрытомъ фортепіано лежалъ разорванный пополамъ отъ излишняго употребленія романсъ: «Очи чорныя!»

Я пошелъ прямо въ ту комнату, которая называлась библіотекой, потому что тамъ стоялъ шкафъ со старыми книгами, этажерка съ фарфоровыми чашками и большой турецкій диванъ, на которомъ хозяинъ отдыхалъ иногда послѣ обѣда. Я пошелъ туда, разсчитывая встрѣтить тамъ Любовь Федоровну. Она любила эту комнату и часто сиживала тамъ одна, съ книгой, или просто такъ, съ работой.

Я дернулъ дверь, но она была заперта изнутри. Я дернулъ еще разъ.

— Кто тамъ? окликнулъ меня женскій голосъ.

Я отозвался. Немного погодя, дверь отворила мнѣ Любовь Федоровна. Она молча пропустила меня и опять стукнула задвижкой. Я вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Подождите немного.

Она указала мнѣ на стулъ въ сторонѣ, сама же подошла къ столу, на которомъ стояло распятіе, и около него лежала развернутая книга, напечатанная крупнымъ шрифтомъ съ красными виньетками, насколько я могъ судить, священнаго содержанія. Любовь Федоровна опустилась на колѣни и, положивши свои руки на эту книгу, а на нихъ свою голову, оставалась нѣсколько времени въ этомъ положеніи. Надѣтая на ней бѣлая коленкоровая блуза грубыми складками ложилась на полъ. Въ таліи

она была перепоясана какимъ-то шнуромъ, а на шеѣ надѣта чорная лента съ крестомъ, сердоликовымъ сердечкомъ и мистическими, непонятными для меня знаками. Волосы были гладко начесаны на лобъ, такъ, какъ она никогда не чесалась. Въ такомъ костюмѣ я видѣлъ ее только разъ въ Петербургѣ, въ первую нашу встрѣчу.

Ея тонкая фигура, остававшаяся стройною даже въ этомъ балахонѣ (изобрѣтенія, вѣроятно, самой княгини), ея маленькія руки, державшіяся за книгу, прозрачная кожа на ея вискахъ и золотыя пряди, спускавшіяся ей на шею, — все это дѣлало изъ нея отличный оригиналъ для изображенія кающейся Магдалины.

Но съ какимъ бы удовольствіемъ я сорвалъ съ ея шеи эту ленту съ надѣтыми на нее мистическими эмблемами. Эта лента напоминала мнѣ о томъ, какой страшный фанатизмъ горитъ въ этой женщинѣ, какая тьма суевѣрія, галлюцинацій, фантасмагоріи тяготѣетъ надъ этой чудной красотой.

Тяжелое, горькое чувство шевельнулось во мнѣ, когда она подошла ко мнѣ послѣ молитвы и остановила на мнѣ свои темные глаза. Они были спокойны, но это было то страшное спокойствіе, которое дается человѣку, когда онъ разомъ отрекается отъ всего своего прошлаго. Спокойствіе это дается только молитвой, но молитвой пламенной, почти безумной, когда человѣкъ не проситъ, а требуетъ отъ Бога, чтобы онъ помогъ ему пережить страшныя минуты.

Любовь Федоровна сѣла со мной на диванъ.

— Поздравьте меня, сказала она тихимъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ. — Скоро моя свадьба.

— Съ кѣмъ? спросилъ я неосторожно.

Глаза ея блеснули удивленно, почти строго.

— Съ кѣмъ! Съ Сергѣй Леонтьичемъ, конечно. Развѣ за меня еще кто-нибудь сватался?

Я промолчалъ, но образъ Давыдова стоялъ передо мной. Мнѣ представлялись его горячіе, воспаленные взгляды, его злая улыбка и тѣ язвительныя, сухія рѣчи, которыми онъ встрѣтитъ, конечно, извѣстіе о замужествѣ Любови Федоровны. Думала ли она теперь о немъ? Едва ли. Въ минуту своего восторженнаго настроенія она бывала совсѣмъ другая женщина. Если бы Давыдовъ самъ, своимъ лицомъ, явился теперь передъ ней, она встрѣтила бы его спокойно. Въ ней являлась какая-то непонятная для меня сила: она безстрашно смотрѣла на свое будущее.

Она показала мнѣ письмо княгини, увѣдомлявшее ее о томъ, что дѣло о разводѣ кончено: Ганской получилъ его. Письмо было полно благословеніями, воззваніями, заклинаніями, и только въ припискѣ стояла коротенькая фраза: «свадьба должна быть черезъ двѣ недѣли».

— Любовь Федоровна, спросилъ я: — отчего вы ее не отложите?

— Зачѣмъ же это? Развѣ не все равно!

— Но для чего же вамъ такъ торопиться?

— Вы видѣли, что́ пишетъ княгиня? Какое безуміе выгадывать дни! На что́ мнѣ это?

— Но, можетъ быть, и онъ еще къ тому времени не пріѣдетъ?

— Княгиня видѣла его и говорила съ нимъ. Тутъ никакихъ препятствій не можетъ быть. Да я и не желаю ихъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она говорила это равнодушно, и только печально опущенные глаза позволяли угадывать, какія чувства волновали ее.

— Простите мнѣ одинъ вопросъ, Любовь Федоровна: знаетъ ли Ганской о вашихъ чувствахъ къ нему?

Она отвѣтила мнѣ не сразу; на лицѣ ея показалось даже нѣкоторое смущеніе, но она скоро переломила себя.

— Онъ говорилъ со мной объ этомъ только одинъ разъ, и тогда я... Я ничего особеннаго ему не сказала. Ему говорила за меня больше княгиня. Да мы мало и видались съ нимъ.

Я пристально посмотрѣлъ на нее.

— Отчего бы вамъ не предупредить Ганского, что вы его не любите? что вы любите другаго?

Она поблѣднѣла и встала съ мѣста.

— Я никого не люблю; ни его, ни другого, ни третьяго!

И съ этими словами отошла къ столу, какъ-бы отыскивая тамъ защиты противъ меня.

— Но вы можете полюбить кого-нибудь.

— Нѣтъ! отвѣтила она рѣшительно.

— Вы знаете, продолжалъ я настойчиво: — что для васъ Ганской отказался отъ дочери?

— Знаю.

— Вы отняли у него эту единственную, можетъ быть, въ его жизни привязанность. Чтó вы ему дадите взамѣнъ? Свое равнодушіе, можетъ быть, ненависть.

Она покачала головой.

— Онъ никогда не узнáетъ, что я не любила его.

— Можете ли вы за себя отвѣчать?

— Могу.

Я удивился, что сказалъ такъ много лишняго. Моя система была — никогда ни во что не вмѣшиваться. Зачѣмъ я такъ жестоко нарушилъ ее? Я далъ себѣ слово оставаться только зрителемъ.

Дня два спустя, узнавши, что Любовь Федоровна собирается вечеромъ къ Сухотинымъ, я самъ отправился туда же.

Я засталъ въ гостиной обѣихъ пріятельницъ, самого хозяина и еще одного молодого генерала, недавно пріѣхавшаго изъ Петербурга. Съ генераломъ былъ, разумѣется, цѣлый багажъ политическихъ новостей. Разобравши его на досугѣ съ хозяиномъ и опасаясь, вѣроятно, наскучить дамамъ, генералъ перемѣнилъ тему разговора. Онъ замѣтно ухаживалъ за Любовью Федоровной и старался поддѣлаться подъ тѣ интересы, которые могли ее волновать. Она слушала его съ той свѣт-

ской улыбкой, которая ничего не обозначаетъ. Глаза ея смотрѣли разсѣянно.

— Ахъ, monsieur Германъ, обратилась ко мнѣ хозяйка: — въ вашемъ университетѣ теперь всѣ рѣшительно новости нашего города. Безъ васъ мы умирали бы со скуки. Никто не женится, не умираетъ... Всѣ новости идутъ отъ васъ. Исторія съ monsieur Давыдовымъ такъ всѣхъ заняла...

— Чтó это за исторія? спросилъ задумчиво генералъ.

— Ахъ, вы не знаете? въ самомъ дѣлѣ? Это преинтересно. У насъ есть одинъ молодой человѣкъ... одинъ профессоръ... Прелесть, какъ читаетъ! Быть у него на лекціи — просто наслажденіе! Представьте себѣ, даже дамы всѣ ѣздили. И представьте себѣ, вдругъ къ нему является полиція, опечатываетъ его бумаги!... Ужасно!

Генералъ, повидимому, понялъ не много изъ этого разсказа. Его умные глаза смотрѣли нѣсколько тупо.

— Да, это странно, замѣтилъ онъ въ недоумѣніи.

— Дѣло въ томъ, вмѣшался Сухотинъ докторальнымъ тономъ, устремивши взглядъ не на собесѣдника, а въ пространство: — дѣло въ томъ, что это молодой человѣкъ, дѣйствительно, талантливый. Умъ его не глубокій, но блестящій. Такіе умы, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, скорѣй всего дѣйствуютъ на толпу. Поэтому, молодёжь имъ увлеклась. Онъ, можетъ быть, сказалъ ей что-нибудь лишнее, т. е. просто сказалъ какую-нибудь горькую правду. Бюрократы наши подняли тревогу, и вотъ одинъ изъ нихъ, попечитель нашего учеб-

наго округа, петербургскій чиновникъ съ головы до ногъ, который въ провинціи даже не удостоиваетъ никого своимъ знакомствомъ, этотъ господинъ, говорю я, и прибѣгъ къ содѣйствію полиціи.

Генералъ вдругъ оживился.

— Какъ фамилія вашего попечителя? Не Ганской ли?

— Mais oui, c'est lui même, подхватила m-me Сухотина.

— Имѣю удовольствіе знать его. Господинъ весьма странный.

— У него жена, говорятъ, очень умна.

— Была! произнесъ генералъ съ удареніемъ.

— Какъ была? Развѣ она умерла?

— Она жива. Но дѣло въ томъ, что она ему уже болѣе не жена.

M-me Сухотина слабо вскрикнула.

— Est-ce possible?

— Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга ни о чемъ столько не говорили, какъ о его разводѣ.

— Да какъ же мы-то ничего не знали! воскликнула хозяйка съ отчаяніемъ.

— Этимъ разводомъ, продолжалъ генералъ: — онъ весьма повредилъ себѣ. Его кредитъ сильно падаетъ.

Будущая m-me Ганская мелькомъ взглянула на своего сосѣда.

— Его жена имѣетъ большія связи, замѣтила она.

— Огромныя! И притомъ, эта женщина очень често-

любивая. Онъ же, самъ по себѣ, безъ ея помощи никогда бы ничего не могъ добиться. Она его рѣшительно во всемъ руководила. Она ему добывала и мѣста, и чины. Доказательство, закончилъ генералъ съ улыбкой: — какъ много можетъ сдѣлать умная женщина!

— Но вѣдь у него у самого большое состояніе, замѣтила опять Любовь Федоровна.

— Vous avez raison, mademoiselle. Il est fort riche. Въ этомъ отношеніи перевѣсъ на его сторонѣ. Но чтó же мы видимъ изъ этого?—что женѣ нужны деньги мужа, а мужу умъ его жены!

— Но какъ это могло случиться, что я ничего не знала? волновалась хозяйка. — Ни я, ни Любочка, мы даже и не подозрѣвали.

Любовь Федоровна улыбнулась.

— Я это давно знала.

— Ты знала! Tu savais, ma chère, et tu ne m'as pas dit!

Генералъ, между тѣмъ, обратился къ Сухотину.

— Вы сейчасъ говорили мнѣ о преслѣдованіи этого профессора... Давыдова, кажется? Но это очень понятно, знаете ли. Кредитъ Ганского падаетъ. Онъ это видитъ. Чтó ему остается дѣлать? Оказать правительству какую-нибудь услугу: открыть заговоръ, напримѣръ, а если заговора не найдется, то хоть напугать, по крайней мѣрѣ... Ганской поступаетъ очень умно; это даже гораздо умнѣе, чѣмъ я отъ него ожидалъ. Онъ говоритъ себѣ: я скоро буду ненуженъ; но нельзя ли сдѣлать

такъ, чтобы я сдѣлался необходимъ? И вотъ онъ хватается за этого Давыдова. Магницкій поступаетъ именно такимъ образомъ, и этимъ вошелъ въ силу. Всякій разъ, какъ онъ видитъ, что кредитъ его падаетъ, онъ приноситъ какую-нибудь новую жертву, и все идетъ хорошо. Ганской копируетъ Магницкаго. Конечно, разница будетъ въ томъ, что онъ не поведетъ этого дѣла такъ умно. Его хитрость будетъ, вѣроятно, замѣчена.

— Чиновникъ! повторилъ съ презрѣніемъ Сухотинъ. — Какой-нибудь орденокъ, крестикъ... для крестика они съ удовольствіемъ продаютъ себя... Для крестика у насъ человѣкъ *себя* готовъ обличить въ чемъ угодно!

— Именно себя! поддержалъ генералъ. — Вы, я вижу, тоже не любите чиновничества.

— Я его ненавижу. Это язва нашего времени! Всѣхъ бы этихъ бюрократовъ я обратилъ въ землепашцевъ! За сохой они принесутъ странѣ гораздо больше пользы, чѣмъ за своими департаментскими столами.

M-me Сухотина, испуганная тѣмъ, что разговоръ принимаетъ слишкомъ отвлеченный оборотъ, поспѣшила опять направить его на путь интересныхъ новостей и маленькихъ сплетенъ.

— Меня удивляетъ, начала она: — что monsieur Ганской здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ. (Ганской, дѣйствительно, бывалъ только въ двухъ домахъ: у пастора и у архитектора. Но съ пасторомъ русскіе не знались, а архитектора въ порядочномъ обществѣ не принимали.

Кромѣ этихъ двухъ домовъ, Ганской бывалъ еще у ректора и изрѣдка заходилъ къ кому-нибудь изъ профессоровъ). Согласитесь, продолжала m-me Сухотина:— что человѣкъ не можетъ жить безъ общества. Мой мужъ очень серьозный человѣкъ, но и онъ любитъ отдыхъ... любитъ общество. Когда я вижу, что кто-нибудь избѣгаетъ знакомства, я всегда говорю себѣ: тутъ что-нибудь да не такъ! Dites moi, je vous en prie, зачѣмъ бы я стала бѣгать отъ людей?

— Нѣтъ, душа моя, поправилъ ее мужъ:—ты этого не понимаешь; когда вельможа пріѣзжаетъ изъ Петербурга въ провинцію, ему нужно же чѣмъ-нибудь дать себя знать! Хоть напр. полнѣйшимъ пренебреженіемъ своимъ къ провинціальному обществу.

Между тѣмъ собралось еще нѣсколько человѣкъ гостей, больше изъ военныхъ, потому что Сухотинъ служилъ въ полку. Были и помѣщики. Сухотины вообще жили открыто, хотя и скупенько. Пріѣхалъ Вороновъ съ анекдотами всѣхъ сортовъ: для дамъ особенно и для мужчинъ особенно. Пріѣхала богатая помѣщица, выстроившая у себя въ имѣньи великолѣпный храмъ и помѣстившая свой гербъ на иконостасѣ подъ образомъ Спасителя. Барыня эта ходила въ горностаяхъ, глядѣла на всѣхъ въ лорнетку и, когда ей кто-нибудь не нравился, выставляла впередъ нижнюю губу. Явился наконецъ и Давыдовъ, глядѣвшій рѣшительно джентльменомъ. Даже барыня въ горностаяхъ не устрашила его, и онъ равнодушно сѣлъ подлѣ нея.

Ни о чемъ, конечно, иномъ не говорили съ такимъ интересомъ, какъ о разводѣ Ганского.

— Кто могъ этого ожидать! не переставала восклицать хозяйка.

— Но скажите, ради Бога, почему? Какая причина?

— Мало ли! вмѣшался Вороновъ. У меня вонъ была одна знакомая... превосходная дама!—такъ та требовала развода съ мужемъ потому, что онъ лишенъ, говоритъ, того небеснаго огня, который дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ.

— Ну и что жь? спрашивали съ тревогой барыни.

— Ну, и развелась.

— Глупа! сказала басомъ дама въ горностаяхъ.

— Причина развода очень ясна, разсказывалъ снисходительно генералъ, когда къ нему обратились съ распросами. — Онъ женится на одной прелестной особѣ. (Всѣ притихли). Кто она — я вамъ сказать не умѣю, потому что это держится до сихъ поръ въ величайшей тайнѣ. Говорятъ, что это дочь какого-то жида-шинкаря.

— Очень можетъ быть! воскликнули на это.—Жидовки всѣ красавицы.

— Другіе же, напротивъ, утверждаютъ, продолжалъ невозмутимо генералъ: — что это одна изъ нашихъ аристократокъ; что Ганской влюбился въ нее, еще будучи въ Парижѣ, 7 лѣтъ тому назадъ.

— Конечно, подхватили дамы: — конечно, это вѣрнѣе! Сталъ бы онъ для жидовки разводиться! Жидовку бы онъ просто увезъ.

И мужчины, и дамы стали говорить о томъ, что это романъ.

— Просто Радклифъ! сказала опять басомъ дама въ горностаяхъ.

— Интересно бы посмотрѣть на эту красавицу!

— Надѣюсь, что онъ ее къ намъ привезетъ!

— Вѣроятно, привезетъ!

— Конечно, привезетъ!

— Вотъ отчего онъ ни съ кѣмъ и не знакомился. Что же, согласитесь, ни то, ни се! ни холостой, ни женатый.

Случилось какъ-то такъ, что я, Давыдовъ и Любовь Федоровна сидѣли въ сторонѣ.

— Вотъ, началъ Давыдовъ: — что значитъ 500 тысячъ годоваго дохода! Смотрите, какую тревогу поднялъ вопросъ: кто будетъ счастливой избранницей его превосх-ва. А вѣдь славно въ самомъ дѣлѣ быть этой избранницей! А! какъ вы думаете, Любовь Федоровна?

Она улыбнулась, но на щекахъ у нея показались два маленькія розовыя пятнышка.

— Отлично! мужъ дуракъ, но генералъ. Затѣмъ кареты, брилліанты...

— Вы думаете стало быть, что если у человѣка 500 тысячъ годоваго дохода, такъ его ужь женщина любить не можетъ?

— Нѣтъ, я думаю совершенно наоборотъ: я думаю, что не будь у него 500 тысячъ, женщина бы его лю-

бить не могла, а теперь будетъ любить... помилуйте! съ удовольствіемъ.

— Не всѣ ищутъ денегъ, Платонъ Николаичъ.

— Это вздоръ, Любовь Федоровна, извините меня за откровенность... Это фантазія Смольнаго института. Кому деньги не нужны! Да возьмемъ хоть васъ: скажите мнѣ откровенно, положа руку на сердце, если бы Ганской сдѣлалъ вамъ предложеніе, пошли бы вы за него?

Она засмѣялась.

— Почемъ вы знаете, что я пошла бы для каретъ? Развѣ я не могла бы полюбить его?

— Сомнѣваюсь, сказалъ онъ съ усмѣшкой.

— Отчего же?

— Да оттого, что онъ усыпителенъ.

Я васъ не понимаю.

— Видите ли, на мой взглядъ онъ просто недалекій вельможа, которому нужны умные секретари. (Давыдовъ взглянулъ въ мою сторону). Безъ умныхъ секретарей онъ погибъ. Ну-съ, женщина, положимъ, этого не замѣтитъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы умная женщина могла этого не замѣтить. Но женщина, положимъ, сидитъ съ нимъ вдвоемъ. Что же она видитъ? Она видитъ, что для этого человѣка величайшій, почти головоломный, трудъ — поддержать связный разговоръ. Онъ сидитъ и размышляетъ... Ему не достаетъ только трубки, чтобы походить на нѣмца. Русскія женщины нѣмцевъ не любятъ, Любовь Федоровна!

— Не знаю, сказала она съ досадой. Мнѣ Ганской нравится.

— Неужели? (Въ голосѣ его слышалась насмѣшка). Какіе у насъ съ вами разные вкусы! Мнѣ онъ вовсе не нравится. Впрочемъ, я, можетъ быть, пристрастенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его превосх-во вздумалъ натравить на меня полицію и эту ученую туфлю, профессора Мальша, я окончательно потерялъ къ нему всякое уваженіе. Если онъ дѣлаетъ это по наивности, потому что вмѣстѣ съ прочими видитъ во мнѣ злого духа, то онъ просто глупъ; такими умниками у насъ всѣ канцеляріи набиты. Если же онъ преслѣдуетъ меня изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ, потому что ему за это, можетъ быть, крестикъ дадутъ, такъ позвольте васъ спросить, какъ вы это назовете?

— Но на васъ сдѣлалъ доносъ Швейковскій! Онъ не могъ оставить безъ вниманія.

— Вотъ и видно, что вы женщина, и говорите, какъ женщина! У хорошаго попечителя не смѣли бы дѣлать доносовъ! А у этого доносъ есть средство выслужиться. Вотъ посмотрите, если Швейковскаго не сдѣлаютъ директоромъ, или инспекторомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Когда послѣ чаю стали переходить въ другую комнату, то Любовь Федоровна, на правахъ короткой знакомой, осталась еще на нѣсколько времени за чайнымъ столомъ. Давыдовъ сдѣлалъ два тура по комнатѣ и остановился за ея стуломъ.

Она какъ-будто не замѣчала его. Мнѣ показалось, что она желаетъ остаться съ нимъ наединѣ. Я пошелъ было къ дверямъ, но она вдругъ стремительно назвала меня по имени. Я обернулся. Она была блѣдна; рука ея, лежавшая на скатерти, замѣтно дрожала.

— Останьтесь! выговорила она съ усиліемъ. — Посидите съ нами.

Я видѣлъ, какъ стиснулась рука, которую положилъ Давыдовъ на спинку стула. Всѣ жилы напряглись и явственно обрисовались.

— Останьтесь! повторилъ онъ насмѣшливо. — Неужели вы не знаете, что гдѣ есть двое, тамъ третій никогда не лишній.

Онъ былъ очень красивъ въ эту минуту. Гнѣвъ и обманутое ожиданіе освѣтили его лицо какимъ-то злымъ огнемъ. Но она не видала его. Она не поднимала головы... А когда подняла ее, то для того только, чтобы встать и выдти въ гостиную.

X.

Черезъ недѣлю весь городъ зналъ, что Ганской женится на дочери ректора. И что всего удивительнѣе, въ семействѣ самого ректора узнали объ этомъ не ранѣе другихъ. Любовь Федоровна, увѣренная въ согласіи своихъ родныхъ, не говорила имъ ничего до послѣдней минуты.

Я пришелъ туда нарочно, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Ректорша, нечесаная, неодѣтая, заплаканная, вышла ко мнѣ, чтобы все-таки не отказать себѣ въ удовольствіи разсказать мнѣ обо всемъ первой.

— Вотъ вамъ и Любочка! говорила она плачевно.— Любочка да Любочка, а, глядишь, она ужъ m-me Ганская! наша начальница! Просто я и подумать не могу. Точно я ее на чужую сторону отдаю. Такъ мнѣ грустно, такъ грустно!.. (Платка съ нею не случилось, и она вытерла слезы концомъ своей шелковой кофты). Конечно, я знаю, что она такую партію дѣлаетъ, что другая и умретъ, а не дождется, а все вотъ что-то... Или ужь это оттого, что она у меня одна дочь... Кажется, никогда бы я ее ни за кого не отдала!

«Вотъ тебѣ разъ!» подумалъ я. «И тутъ этой свадьбѣ не радуются.»

— Приданое, продолжала она нѣсколько успокоеннымъ голосомъ: — приданое онъ проситъ не дѣлать. Все, говоритъ, будетъ прислано изъ Петербурга. Вы, говоритъ, пожалуйста не безпокойтесь. Ну, ужь, конечно, лучше, когда мать сама своими глазами посмотритъ... Это прямое дѣло матери... Ну, да ужь на нѣтъ и суда нѣтъ. Свадьбу торопятъ... Такъ торопятъ, что я и понять не могу. Одно только, что постъ на дворѣ... Я ужь и молчу. Что-жь, коли ей хочется, я противъ ея счастія никогда не пойду... (Конецъ кофты снова сдѣлалъ путешествіе къ глазамъ). А какъ вы думаете, чтó

ей женихъ подарилъ? Колечко чугунное! ей-богу. Спросите мужа. что не вру. Такъ простое чугунное колечко, и на немъ адамова голова нарисована. Такъ мнѣ это не понравилось! Отдай ему, говорю, Любочка, назадъ! Что за подарокъ такой. Ни за что! Мнѣ, говоритъ, больше ничего и не нужно. Ну, скажите пожалуйста! Хоть бы брилліантовая вещь какая-нибудь или золотая!.. А то вдругъ чугунное кольцо! Да что онъ массонъ что ли какой? Ужъ хоть бы не носила она этого кольца! Все бы легче было. Съ руки не снимаетъ!

Чугунное кольцо пугало не на шутку бѣдную ректоршу.

Но за то если мать глядѣла убитою, то отецъ смотрѣлъ рѣшительно генераломъ. Онъ выросъ на пол-аршина и не называлъ свою дочь иначе, какъ ваше превосх-во! Онъ готовился съѣсть на ея свадьбѣ такой обѣдъ, какой только способны приготовить шесть лучшихъ поваровъ, въ числѣ которыхъ будетъ и клубный, и губернаторскій.

Кузинъ и тетушекъ я не видалъ: онѣ летали по городу съ новостями. Самыя почетныя уѣхали въ ректорскихъ саняхъ; остальныя или просили лошадки у знакомыхъ, или ушли пѣшкомъ. Я увѣренъ, что въ эти дни, по крайней мѣрѣ, до 12 лошадей въ городѣ было въ разгонѣ собственно для развезенія новостей о свадьбѣ Ганского.

Оставалось посмотрѣть на то, какъ эта новость принята Давыдовымъ. Я пришелъ къ нему съ самымъ не-

виннымъ видомъ попросить 5-й томъ Карамзина. Онъ всталъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, повидимому, углубленный въ работу.

— Что вамъ такое нужно? спросилъ онъ торопливо, начиная шарить. — Пятый томъ? Нѣтъ его у меня. Не знаю, гдѣ онъ.

Когда онъ обернулся ко мнѣ, я замѣтилъ въ лицѣ его только одну перемѣну: подъ глазами точно кистью кто провелъ синіе круги, и потому казалось, что это не его глаза, а какіе-то другіе, тусклые.

— На что это вамъ Карамзинъ понадобился? спросилъ онъ отрывисто.

— Мало ли на что! Читать.

— Вотъ какъ! Вы находите время читать. Въ свадебныхъ приготовленіяхъ, стало быть, не участвуете?

— Да мнѣ то что-жъ! Я приданаго не шью.

— Послушайте, спросилъ вдругъ Давыдовъ: — что Любовь Федоровна съ ума что ли сошла?

Въ голосѣ его было что-то до того странное, что я внимательно посмотрѣлъ на него. По выраженію своихъ глазъ онъ глядѣлъ рѣшительно больнымъ человѣкомъ.

— Вы эту свадьбу понимаете? Это мистификація какая-то! Это чортъ знаетъ что! Я этого даже объяснить себѣ не могу... (Зрачки его стали расширяться). Я всегда думалъ, что она не въ нормальномъ состояніи. Я всегда говорилъ, что ее надо лечить отъ душевныхъ болѣзней. Помилуйте! Да она и замужъ-то выходитъ въ

какомъ-то припадкѣ. Этотъ припадокъ пройдетъ, и тогда... что она тогда съ собой сдѣлаетъ? Какъ на это никто вниманія не обратитъ?.. Какъ допускаютъ эту свадьбу! Чего же родные наконецъ смотрятъ.

— Какія вы имѣете основанія думать, что дѣвушка, которая идетъ за человѣка по своей доброй волѣ, дѣлаетъ это въ припадкѣ?

— Какія основанія! Да вы подумали ли хоть разъ о томъ, чтó это за человѣкъ, за котораго она идетъ будто бы по своей доброй волѣ? Когда дѣвушка въ тысячу разъ умнѣе своего жениха, и красивѣе, и моложе его, вы имѣете наивность утверждать, что она идетъ за него по любви! Полноте, пожалуйста, она идетъ за его милліоны! И если эта дѣвушка создана только для бархатовъ, шелковъ и каретъ, то она поступаетъ прекрасно! разсчетливо, умно и благоразумно!— я противъ этого ничего и не говорю. Но если это женщина, которая способна думать еще о чемъ-нибудь, кромѣ каретъ, — ее надо спасти отъ этого брака! Вотъ гдѣ святая обязанность матери! Она должна разстроить эту свадьбу. Пусть даже со скандаломъ, съ огласкою!

— Скандаловъ у насъ всѣ боятся, Платонъ Николаичъ.

— А, да... Ну, въ такомъ случаѣ передайте будущей m-me Ганской мое сердечное поздравленіе. Душевно сожалѣю, что не могу быть у нея на свадьбѣ.

— Она хочетъ просить васъ быть у нея шаферомъ.

— Что-съ? (Онъ захохоталъ). Нѣтъ, ужь шаферомъ

я у нея не буду. Этой пошлости я не сдѣлаю. Пусть ужь она поищетъ для этой роли кого-нибудь другого... Какого-нибудь хорошаго гвардейца!

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто, облокотился обѣими руками на столъ и, отвернувшись отъ меня, оставался такъ нѣсколько времени молча. Вдругъ онъ всталъ и обернулся въ мою сторону. Слезы быстро, одна за другой, катились по его лицу.

— Да, сказалъ онъ, все равно, вы это знаете... Да, я любилъ эту женщину... Но если только эта свадьба состоится, я ее возненавижу! Она худо дѣлаетъ, что рѣшается на это! Я ей этого не прощу, и когда-нибудь мы расквитаемся. Скажите ей это. Я сдержу свое слово.

Какъ ни искренно было его отчаяніе, но въ угрозѣ его прозвучало что-то злое.

Послѣ этой вспышки онъ ушелъ въ другую комнату и оставался тамъ довольно долго. Когда онъ вернулся, глаза его были сухи и лицо гораздо спокойнѣе.

— Не можете ли вы, обратился онъ ко мнѣ: — передать отъ меня Любовь Федоровнѣ маленькую записку, всего нѣсколько строчекъ? Самъ я едва ли увижу ее теперь.

«Видно», подумалъ я, «я и родился почталіономъ.»

— Давайте, передамъ пожалуй.

Давыдовъ опять ушелъ въ другую комнату, и когда пришелъ оттуда, то уже не съ запиской, а съ цѣлымъ письмомъ, тщательно запечатаннымъ. Я видѣлъ, что

ему, послѣ его неожиданной откровенности, неловко было долѣе оставаться со мной. Поэтому, я взялъ письмо и простился. Въ тотъ же вечеръ я передалъ его Любовь Федоровнѣ. Она при мнѣ разорвала конвертъ, но, взглянувши на подпись, вздрогнула. Было мгновеніе, когда она хотѣла вернуть мнѣ это письмо, но потомъ вдругъ, какъ-бы раздумавши, быстро стала пробѣгать его глазами. Кровь отхлынула отъ лица и потомъ нахлынула опять: изъ мертвенно-блѣднаго оно сдѣлалось пылающимъ. По движенію ея глазъ я видѣлъ, что она прочла его не одинъ разъ. Наконецъ кровь пошла ровнѣе и нѣжнымъ румянцемъ разлилась подъ кожей.

Она улыбнулась, — то была слабая, искуственная улыбка, — и придерживая листокъ кончиками пальцевъ, протянула его ко мнѣ.

— Прочтите! Надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ другой разъ не будете передавать мнѣ такихъ писемъ.

«Я люблю васъ, писалъ Давыдовъ: — но я знаю, что и вы меня любите. Этого для меня достаточно. Я не стану вздыхать о вашей свадьбѣ, потому что если я несчастенъ, то и вы не совсѣмъ счастливы. Если бы вы любили вашего мужа, я бы возненавидѣлъ васъ, но вы его не любите, — и этого для меня достаточно. Помните одно, что я хотя и не слыхалъ еще вашего признанія, но когда-нибудь услышу его. Знайте заранѣе: я буду преслѣдовать васъ! не такъ, какъ преслѣдуютъ безнадежные влюбленные, но какъ человѣкъ, который имѣетъ право на вашу любовь.»

XI.

Когда все кругомъ волновалось, одинъ Ганской казался мнѣ спокойнымъ. Онъ принималъ просителей, отправлялъ почту, все, какъ и по обыкновенію.

Однажды вечеромъ, когда я, покончивши свои занятія въ его кабинетѣ, хотѣлъ уйти къ себѣ, онъ остановилъ меня. Тутъ только онъ показался мнѣ нѣсколько разстроеннымъ.

— Что-жь вы не спросите меня, сказалъ онъ шутливо: — чѣмъ окончилась моя поѣздка въ Петербургъ?

Я думалъ, что онъ намекаетъ на свою свадьбу, и отвѣтилъ въ этомъ родѣ.

— Нѣтъ, не то. Это касается только до меня одного, но есть вещи, которыя касаются до многихъ. Вотъ, напримѣръ, вы не знаете, что у васъ будетъ новый ректоръ.

— Я знаю, что скоро будутъ выборы.

— Опять не то. Ректора вы больше выбирать не будете. Его назначитъ вамъ правительство.

«Сюрпризъ!» подумалъ я, но спросилъ только:

— Кого же?

— Швейковскаго.

Назвавши фамилію, Ганской пристально посмотрѣлъ на меня. «Другой сюрпризъ!» подумалъ я.

— Что же, это назначеніе будетъ сдѣлано немедленно, или подождутъ до срока?

— То-есть до января, хотите вы сказать? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Прежнему ректору надо будетъ прочесть приказъ объ увольненіи. Его именно удаляютъ за бездѣятельность. Коммисія эта, которую я назначилъ безъ себя, тоже, оказалось, ничего не сдѣлала и ничего не открыла.

— Вы, кажется, Сергѣй Леонтьичъ, этого именно и желали.

Онъ едва замѣтно покраснѣлъ.

— Я тутъ ничего не значу. Тутъ рѣчь совсѣмъ не обо мнѣ, а о томъ, что́ думаютъ въ Петербургѣ. Я ничего не желаю, кромѣ того, чтобы насъ не трогали; но тамъ думаютъ иначе. Смѣшно, право! Здѣсь, кажется, воображаютъ, что я богъ, и дѣлаю все, что захочу. Если бы эти господа знали, что я самъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, такъ они, можетъ быть, смотрѣли бы на меня не такъ. Теперь тутъ будутъ кричать, что я посадилъ университету на шею Швейковскаго, а скажу вамъ откровенно: Швейковскаго посадили на шею не университету, а мнѣ. Его просто назначаютъ сюда шпіономъ ко мнѣ. И я же буду имѣть около себя тайнаго шпіона, и меня же будутъ обвинять въ томъ, что я ему покровительствую! Вотъ удовольствіе моего положенія! Вы скажете мнѣ, что я могу подать въ отставку. Правда. Да я этимъ, вѣроятно, и кончу; но теперь оставить университетъ я не могу, потому что если я его оставлю, такъ въ ту же секунду налетятъ разные хищники, — Магницкихъ у насъ много, — и посмотрите, что́ тогда

тутъ будетъ... Нѣтъ ужь, я далъ себѣ слово держаться, пока меня столкнутъ. Столкнутъ — тогда дѣлать нечего.

— Отчего вы не предложили кого-нибудь другого, вмѣсто Швейковскаго? полюбопытствовалъ я.

— «Вы!» Странный вы человѣкъ, вы все толкуете обо мнѣ. Меня тутъ давно ужь нѣтъ. Развѣ-жь вы не знаете, что здѣшнимъ округомъ управлялъ не я, а моя жена. Какъ это вы, ей-богу, не хотите понять! (Онъ съ притворной досадой покачалъ головой). Помните вы, я еще весною ѣздилъ въ Петербургъ? Что меня заставило тогда поѣхать? Если вы не забыли, я получилъ тогда бумаги... и въ этихъ-то бумагахъ тогда уже была высказана мысль назначить вамъ ректора, такъ сказать, отъ казны. Были намеки и объ Швейковскомъ. Я увидалъ — дѣло плохо; поѣхалъ. Ну, тогда еще звѣзда моя блистала ярче — и мнѣ удалось получить отсрочку. Только отсрочкой этой вы, господа, воспользовались дурно. Пеняйте на себя. Вашъ Давыдовъ дѣлалъ и, кажется, до сихъ поръ дѣлаетъ все, чтобы втянуть васъ въ исторію... Не будь Давыдова, не было бы и резоновъ особенно налегать на васъ... И Швейковскій былъ бы тише...

— Начальство настаиваетъ на томъ, прибавилъ онъ, помолчавъ: — чтобы я Давыдова удалилъ. Мнѣ его жаль: онъ хорошій профессоръ. Я хорошихъ профессоровъ со свѣчками ищу; какъ мы ихъ выгонять-то примемся, такъ, пожалуй, и университета не нужно. Я пока сослался на то, что предлоговъ къ удаленію нѣтъ; но, вѣдь, это

вздоръ... предлоговъ тысячу можно найти. Надо это чѣмъ-нибудь покончить.

— Поговорите съ нимъ, предложилъ я.

— Пригласите его какъ-нибудь сюда, хоть завтра, что ли. Я его оскорблять не намѣренъ, — съ какой стати я буду человѣка оскорблять, — но вѣдь и молчать я тоже, согласитесь, не могу. Теперь я самъ подъ опекой, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Когда я на другой день объявилъ Давыдову, что попечитель желаетъ съ нимъ объясниться, онъ сухо отвѣтилъ, что придетъ, когда будетъ свободное время. Но я видѣлъ по его тону, что свободное время найдется у него не скоро. Дѣйствительно, какъ бы на зло, онъ явился къ Ганскому уже наканунѣ его свадьбы. Тотъ не замѣтилъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этой странности.

— Вы желали, ваше превосходительство, видѣть меня? началъ Давыдовъ, вооружившись той ледяной холодностью, которая заставляла многихъ съ уваженіемъ сторониться отъ него.

— Да, вы мнѣ много хлопотъ надѣлали, сказалъ прямо Ганской. — Надо это какъ-нибудь устроить.

На лицѣ Давыдова показалась усмѣшка.

— Ваше превосходительство, я всегда старался держать себя такъ, чтобы никого не стѣснять собою.

— Да, это прекрасно. Я противъ этого ничего и не говорю. А вы намъ все-таки хлопотъ надѣлали много.

— Весьма жалѣю...

— Если вы хотите говорить со мной оффиціально, то и я оффиціально скажу вамъ: г. Давыдовъ, потрудитесь мнѣ представить программу, по которой вы намѣрены читать ваши лекціи. Изъ этой программы я вычеркну все, что мнѣ не понравится, и попрошу васъ не отступать отъ нея ни на шагъ. За малѣйшее отступленіе буду съ васъ взискивать по долгу службы. Вотъ видите ли: это для васъ было бы непріятно, да и для меня, смѣю увѣрить, тоже не особенно весело. Я теперь васъ совсѣмъ не за этимъ пригласилъ. Хотите вы говорить со мной откровенно — хорошо! Не хотите — какъ знаете!

— Извините, ваше превосходительство, являясь къ вамъ, я думалъ, дѣйствительно, что являюсь только по долгу службы.

Ганской посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

— Мнѣ бы самому нужно было зайти къ вамъ, а я васъ сюда пригласилъ; правда. Ну, да ужь не считайтесь визитами. Я эти дни не очень былъ свободенъ. Другой разъ приду къ вамъ сюда. Вы, должно быть, преобидчивый человѣкъ.

Давыдовъ вспыхнулъ.

— Не смѣю отнимать у васъ драгоцѣннаго времени; но я, дѣйствительно, дѣлаю маленькую разницу между моими визитами къ начальнику и визитами къ знакомымъ. Я готовъ, впрочемъ, отвѣчать на всѣ вопросы вашего превосходительства.

Ганской засмѣялся.

— Вы, можетъ быть, хотите письменно отвѣчать на нихъ?

— Даже и письменно, если вамъ угодно.

— Странный вы человѣкъ; я-жь вамъ говорю, что мнѣ это совсѣмъ не нужно. Скажите мнѣ по совѣсти, что у васъ за отношенія съ студентомъ Чарковскимъ?

Давыдовъ всталъ.

— Ваше превосходительство, если это допросъ, то я имѣлъ удовольствіе недавно выслушать его у профессора Мальша. У него до сихъ поръ хранятся мои письменныя показанія. Ваше превосходительство можете прочитать ихъ. Новаго я ничего не прибавлю.

Ганской досталъ изъ ящика тетрадь.

— Вотъ ваши показанія. Они у меня лежатъ тутъ больше недѣли. Если бы мнѣ нужно было только это, я не сталъ бы васъ и безпокоить.

— Новаго я ничего не прибавлю, повторилъ Давыдовъ.

Ганской тоже всталъ.

— Послушайте. Я вамъ вовсе не врагъ и гибели вашей не желаю, и преслѣдовать васъ не хочу. Но съ будущаго мѣсяца будетъ ректоромъ тутъ Швейковскій. Онъ на это посмотритъ иначе. Вы знаете, что такое Швейковскій?

Давыдовъ поблѣднѣлъ.

— Конечно, ваше превосходительство, замѣтилъ онъ: — вамъ лучше имѣть такого исполнительнаго слугу, чѣмъ вмѣшиваться во все самимъ.

Ганской махнулъ рукой.

— Ну, какъ знаете. Больше я васъ и задерживать не стану. А визитъ я вамъ отдамъ.

Давыдовъ церемонно поклонился.

— Если что-нибудь случится, приходите ужъ лучше ко мнѣ, потому что если вы будете дѣйствовать помимо меня, то мнѣ вѣдь ужъ, дѣлать нечего, придется принять свои мѣры.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за откровенность, съ которою вы меня предупредили, но я давно уже готовъ ко всему.

Когда Давыдовъ ушелъ, Ганской посмотрѣлъ на меня.

— Удивительный человѣкъ! Пришелъ ко мнѣ, какъ къ своему величайшему врагу. Что, скажите, я ему сдѣлалъ? точно я его ограбить собираюсь или счастія лишить! Да мнѣ пусть его себѣ будетъ счастливъ, какъ ему угодно.

XII.

Къ величайшему ужасу всѣхъ любопытныхъ людей, наканунѣ самой свадьбы узнали, что она будетъ не въ городѣ, а въ имѣньи графини Боргъ, которое Ганской, по слухамъ, собирался купить для себя. Новая квартира для молодыхъ не была еще отдѣлана, и рѣшено было, что первыя двѣ недѣли послѣ свадьбы они проведутъ въ этомъ имѣньи.

Многіе ждали пышнаго бала, какого-нибудь Валтасорова пира, и вдругъ оказалось, что приглашенныхъ почти никого нѣтъ. Одна m-me Сухотина, на правахъ близкаго друга невѣсты, и я, какъ домашній человѣкъ у жениха, должны были присутствовать при вѣнчаніи. Изъ всего безчисленнаго воинства, составлявшаго семейство ректора, приглашены были только отецъ съ матерью.

Съиграть свадьбу украдкой считалось въ то время чуть не грѣхомъ. Человѣкъ обязанъ былъ накормить и напоить своихъ знакомыхъ до отвалу: иначе онъ не могъ быть законнымъ мужемъ своей жены. Одна статская совѣтница ѣздила толковать объ этомъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, даже къ Юліанѣ, которую она въ другое время называла презрѣнной тварью. Юліана, проводившая теперь дни и ночи у ректора, еще болѣе раздразнила гостью тѣмъ, что она видѣла подвѣнечное платье, которое привезено изъ-за границы, все изъ однихъ кружевъ, и стòитъ 10 тысячъ. Не видѣть такого платья — это было для нашихъ дамъ болѣе, чѣмъ лишеніемъ; это было ударомъ. Я слышалъ, впрочемъ. какъ одна изъ нихъ говорила, что это:

— Не кружева! пари держу, что не кружева, а просто какой-нибудь тюль на шелковой подкладкѣ! Ужь еслибъ были кружева, да еще настоящія, какъ увѣряетъ эта врунья Юліана, то ужь не стали бы вѣнчаться въ деревнѣ! Нарочно бы въ соборѣ обвѣнчались, чтобы весь городъ видѣлъ.

У насъ почему-то распространено мнѣніе, что пере-

судами занимаются только однѣ дамы. Воспользовавшись свадьбой Ганского, я сталъ наблюдать, и что же увидалъ? Что фраки и сюртуки весьма тоже не прочь отъ этого занятія, но только они, отдавая на растерзаніе своимъ женамъ приданое невѣсты, задаются вопросами болѣе глубокими, напримѣръ: съ какими разсчетами идетъ невѣста? Сколько женихъ положилъ на ея имя въ ломбардъ? Какія будутъ его отношенія къ тестю и каково будетъ теперь положеніе ректора въ университетѣ? Жены приносили съ политической биржи всѣ новѣйшія извѣстія, — мужья обсуждали ихъ съ вышеупомянутой глубиной и ясностью. И тѣ, и другіе заключали строгимъ порицаніемъ Ганскому за желаніе съиграть свадьбу потихоньку отъ людей.

Я долженъ отдать справедливость Давыдову, что изо всего нашего университета онъ одинъ не участвовалъ ни въ какихъ сплетняхъ и пересудахъ. Онъ даже ни съ кѣмъ не видался въ эти дни, а писалъ свои историческіе конспекты, или по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, что́ желающіе могли видѣть со двора, въ окошко.

Насталъ наконецъ и день свадьбы. Ганской былъ очень серьозенъ, почти грустенъ. Онъ отказался отъ поданнаго ему завтрака и развернулъ какую-то книгу мистическаго содержанія. Такихъ книгъ у него, также какъ и у Любови Федоровны, я видалъ довольно.

На столѣ у него, рядомъ съ зрительной трубой, микроскопомъ, съ габлеровыми таблицами и бумагами,

присланными изъ правленія, я всегда почти находилъ одинъ или два томика, сильно зачитанные и исписанные на поляхъ его замѣчаніями. Какъ замѣчанія, изложенныя бо́льшею частію на французскомъ языкѣ, такъ и самый текстъ книги были для меня одинаково темны.

Когда, такимъ образомъ, Ганской занялся своей книгой, я занялся завтракомъ, потому что я въ этотъ день жениться не собирался и аппетитъ у меня былъ прекрасный. Но только-что я расположился съ ножомъ и съ вилкой въ рукахъ, и распорядился какъ слѣдуетъ салфеткой, какъ услыхалъ, что въ корридорѣ поднимается страшная суматоха. Въ ту же минуту въ дверь высунулась бритая голова хохла.

— Преосвященный пріѣхалъ, сказалъ онъ какимъ-то удивленнымъ голосомъ.

Дѣйствительно. архіереи къ барину его никогда не ѣздили.

— Ступай, скажи Сергѣю Леонтьичу, посовѣтовалъ я ему, и самъ продолжалъ свой завтракъ, въ той надеждѣ, что столовая комната не проходная и я архіерея этимъ не обезпокою. За стѣной послышался мнѣ скоро шопотъ, поспѣшное шлепанье чьихъ-то ногъ, потомъ опять шопотъ и какая-то беззвучная суматоха. Наконецъ я различилъ пріятный, но томный и какъ-бы умирающій голосъ нашего владыки. Владыка нашъ былъ человѣкъ свѣтскій: въ молодости красавецъ, онъ долго еще сохранялъ пріятную наружность, прыскался духами

и свободно говорилъ по-французски. По примѣру покойнаго митрополита Платона, онъ учился искусству декламаціи, и за одну изъ своихъ проповѣдей, сказанную въ присутствіи вдовствующей императрицы, получилъ отъ нея алмазный крестъ; кромѣ того, имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго. Со всѣми властями онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, имѣлъ связи въ Петербургѣ, и только въ нашей губерніи одинъ взбалмошный старикъ, вельможа екатерининскихъ временъ, затѣялъ съ нимъ бранную переписку, по тому случаю, что владыка не позволялъ ему выгнать изъ села попа за грубости.

Бесѣда преосвященнаго съ Ганскимъ продолжалась довольно долго. Когда, наконецъ, вторичная суматоха за стѣною возвѣстила мнѣ объ удаленіи гостя, я счелъ себя свободнымъ отъ заточенія, и пошелъ въ свою комнату. На порогѣ мы столкнулись съ Ганскимъ. Онъ только-что проводилъ своего высокаго посѣтителя. На лицѣ его было замѣтно недоумѣніе. Но когда онъ заговорилъ со мною, на губахъ его блеснула усмѣшка.

— Вотъ, сказалъ онъ, даже и жениться-то человѣку не дадутъ спокойно! Кажется, что это ни до кого ужъ кромѣ меня и моей невѣсты не касается, а вотъ подите...

Послѣ этого я счелъ себя вправѣ спросить о причинѣ этого визита.

— Причины никакой нѣтъ. Просто ему показалось, что я жениться не долженъ. Онъ пріѣхалъ и сказалъ

мнѣ: вы жениться не должны! Вотъ и все. Его прислали мои друзья. Ему, видите ли, изъ Петербурга написали: помѣшать этой свадьбѣ, если можно; ну, вотъ онъ и хотѣлъ помѣшать. Что-жь, онъ свое дѣло добросовѣстно исполнилъ.

— Какимъ же образомъ онъ могъ ей помѣшать?

— А такъ, вотъ пріѣхалъ и говорилъ. Дурно, говоритъ, поступаешь! Твоя, говоритъ, первая супруга была женщина добродѣтельная, Богу угодная, всѣмъ своимъ ближнимъ истинная сестра... Мнѣ, говорю, это, ваше преосвященство, лучше знать. — Ничего, говоритъ, ты не знаешь; коснѣешь въ грѣхахъ. — Ну, я сидѣлъ, слушалъ. А простились мы съ нимъ очень любезно и по-французски. Извините, говоритъ, ваше превосходительство, если я сказалъ вамъ что-нибудь непріятное. Я, говоритъ, по долгу пастыря, долженъ былъ это сдѣлать.

— Вѣдь вотъ, продолжалъ Ганской, уже совершенно серьозно: — я его не виню; помилуйте, за что-жь я его буду винить! онъ еще очень деликатно со мной поступилъ. Но я часто себя спрашиваю: что до меня этимъ людямъ? Что я имъ сдѣлалъ? Или они думаютъ, что моя жизнь усѣяна цвѣтами? Деньги имъ мои нужны? Я имъ тысячу разъ говорилъ: берите мои деньги!

Первый разъ я замѣтилъ въ его голосѣ что-то похожее на отчаяніе. Онъ взялъ-было опять книгу, но читать ее не могъ, и положивши ее, сталъ безцѣльно смотрѣть

на уголъ печки. Въ шестомъ часу нужно было ѣхать, потому что вѣнчаніе назначено было въ семь. Когда Ганской вышелъ самъ въ переднюю, чтобы распорядиться чѣмъ-то насчетъ экипажей, одинъ изъ лакеевъ довольно грубо отвѣтилъ, что тутъ и безъ него дѣло знаютъ. Ганской равнодушно посмотрѣлъ на него и вернулся назадъ. Его собственная прислуга весьма мало уважала его, и онъ, повидимому, этимъ нисколько не интересовался. Всякіе выговоры и взысканія были ему непріятны, и онъ ихъ избѣгалъ. Я не видалъ человѣка, который былъ бы менѣе его способенъ сдѣлать другому непріятность. По мягкости ли характера, или просто по врожденному отвращенію отъ всякихъ сильныхъ сценъ, или, наконецъ, по своимъ мистически-религіознымъ убѣжденіямъ, но онъ былъ ко всему крайне снисходителенъ.

Въ 7 часовъ мы были въ церкви. Это была простая деревенская церковь, съ темной живописью и неизбѣжной картиной страшнаго суда около входныхъ дверей. Холодный придѣлъ былъ запертъ, и освѣщенъ только теплый. Подъ низкими сводами его пахло ладаномъ, на стѣнахъ лупилась краска, зеленая или голубая — опредѣлить было трудно: мѣдныя ризы на иконахъ были разукрашены вербными цвѣтами, по всему иконостасу тянулись холщевыя крестьянскія полотенца и мѣстами красныя ситцевыя полотнища. Полъ, вытертый мужицкими лаптями, гдѣ на каждой плитѣ лежали сотни мужицкихъ поклоновъ, пошатнувшійся клиросъ, съ котораго пономарь принималъ бабьи просвиры, стоявшій у задней стѣны

столъ съ грязными чашками и плошками для кутьи — все напоминало о той гнетущей нищетѣ, которая молилась здѣсь по воскреснымъ днямъ.

И среди этой-то вопіющей бѣдности, облитой трудовыми слезами, стояла теперь красавица-невѣста, вся залитая тысячными кружевами. Когда я взглянулъ на блѣдное, грустно-спокойное лицо ея, мнѣ жаль стало этихъ кружевъ, сотканныхъ для того, чтобы украсить самый печальный часъ ея жизни. Глаза ея были ясны, видно было, что она не плакала въ этотъ день, но какая печальная покорность судьбѣ свѣтилась въ нихъ!.... Невеселая свадьба! подумалъ я. Онъ, тоже какъ-бы угадывая, что̀ его ожидаетъ въ будущемъ, стоялъ задумчивый, и пламя свѣчки замѣтно колыхалось въ его рукѣ.

Если бы этотъ человѣкъ зналъ, какую жертву приносила ему стоявшая съ нимъ рядомъ женщина, онъ съ ужасомъ отшатнулся бы отъ нея! Но онъ не зналъ этого. Онъ, обманувшійся въ своемъ первомъ бракѣ, былъ обманутъ теперь во второй разъ!

Когда молодые сѣли въ карету, и она, сверкая своими фонарями, покатилась среди снѣжной тьмы, я почувствовалъ такое скверное ощущеніе, какъ-будто я самъ только-что женился на мало знакомой мнѣ дѣвушкѣ, отбивши, положимъ, невѣсту у Вагнера.....

Возвращаясь позднимъ вечеромъ въ городъ, я напрасно пытался прогнать печальныя мысли, осаждавшія меня вмѣстѣ съ хлопьями снѣга, въ изобиліи сыпавшагося съ

небесъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я какъ теперь помню тѣ опасенія, которыя явились у меня насчетъ будущности какъ нашего университета, такъ и его попечителя; опасенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро сбылись.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Передъ Рождествомъ, Ганской уѣхалъ съ женой въ Петербургъ, а Швейковскій вступилъ въ отправленіе своей новой должности.

Прежній ректоръ былъ удаленъ за нерадѣніе.

Съ назначеніемъ Швейковскаго, въ университетѣ повѣяло новымъ духомъ. Университетская молодёжь, довольно уже распущенная и давно уже отвыкшая отъ всякой строгой дисциплины, вдругъ почувствовала, что на нее наложили сверху гнётъ. Прежде всѣхъ, это стало чувствительно для казенныхъ студентовъ. День за днемъ отнимались у нихъ ихъ прежнія вольности, и ясно стало, что если дѣло пойдетъ такъ, то жизнь ихъ можетъ приблизиться къ тому идеалу, который давно уже былъ

составленъ въ Казани, а казанскій идеалъ былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ. Военная дисциплина, іерархія, подобной которой нѣтъ въ самыхъ благоустроенныхъ войскахъ: ректоръ, инспекторъ, дежурный помощникъ инспектора, дежурные адъюнкты, дежурные студенты, молитва по командѣ, чтеніе псалмовъ, пѣніе псалмовъ,— все то, что̀ было такъ ярко создано творческою силою Магницкаго, грозило теперь и нашему университету.

Чтобы понять всю важность этого переворота, надо вспомнить, чѣмъ тогда были университеты: не учебнымъ и не образовательнымъ только заведеніемъ, но административнымъ центромъ, откуда шли всѣ распоряженія по округу. Университетъ управлялъ всѣмъ округомъ: онъ назначалъ и увольнялъ учителей, онъ издавалъ программы и учебники, онъ контролировалъ учебныя заведенія, посылая туда визитаторовъ, въ лицѣ своихъ профессоровъ. Въ университетѣ повѣяло новымъ духомъ,— и волна за волной время гонитъ его по всѣмъ губернскимъ гимназіямъ. Явился Швейковскій, — и начальство пробудилось. Образъ прежняго соннаго инспектора, этой мишени для шутокъ и для упражненій гимназическаго юмора, все далѣе и далѣе уходилъ въ туманъ. Новый инспекторъ уже не дремалъ. Онъ ввелъ у себя строгіе полицейскіе распорядки: за обѣдомъ и ужиномъ дѣтей размѣщалъ по благонравію; комнаты раздѣлилъ на отличную, благонравную и полу-благонравную; велѣлъ подавать себѣ ежемѣсячныя табели объ успѣхахъ и самъ слѣдилъ за пересадкою учениковъ. Онъ же первый пред-

ставилъ въ университетскій совѣтъ о необходимости отмѣнить обычай раздавать на актѣ, вмѣстѣ съ книгами, ноты и рапиры, какъ предметы, «кои могутъ возбудить въ юношѣ суетность и отвратить его умъ отъ истинно полезнаго».

Швейковскій подбиралъ возжи все сильнѣе и ни мало уже не скрывалъ своего желанія обратить университетъ въ казармы. Цѣлый день только и слышалось, что звонки, рапорты, приказы; дежурный студентъ рапортовалъ дежурному адъюнкту, дежурный адъюнктъ инспектору, инспекторъ ректору. Вмѣсто двухъ надзирателей назначили пять. Каждый день подавались ректору рапорты объ отсутствующихъ и о происшествіяхъ.

Кромѣ этихъ мѣръ наружнаго благочинія, приняты были мѣры для огражденія нравственности учащихся. Такъ, напримѣръ, впредь до пересмотра ученической библіотеки, не выдавалось оттуда ни одной книги, а желающіе могли приходить на домъ къ ректору и получать отъ него сочиненія назидательнаго содержанія: «Разговоръ друзей о возрожденіи» или «Жизнь Ульфреда, одного датскаго несчастнаго вельможи». Студенты, желавшіе выслужиться у ректора, шли къ нему за этими книжками, прочіе доставали себѣ гдѣ-нибудь на сторонѣ «Удольфскія таинства», «Матильду или Крестовые походы», или совсѣмъ ничего не читали. Послѣ я узналъ, что между ними были въ сильномъ ходу сочиненія запрещенныя, разные рукописные стихи, памфлеты и брошюры. Съ каждымъ новымъ распоряженіемъ Швейков-

скаго замѣтно усиливалось негодованіе. Каждый почти день бывали стычки. Нынче профессоръ сдѣлалъ въ совѣтѣ непріятность Давыдову, на завтра студенты устроивали этому профессору скандалъ, а на послѣ-завтра профессоръ жаловался, что студенты умышляютъ на его жизнь, и требовалъ для охраненія себя пикетъ.

Студентъ Робушъ аккуратно два раза въ недѣлю приходилъ ко мнѣ, пилъ у меня чай и говорилъ о деспотахъ и тиранахъ. Отъ него я узналъ, что студенты теперь часто собираются у кого-нибудь на квартирѣ и обсуждаютъ свое положеніе. Отъ него узналъ я также, что всѣ почему-то возлагаютъ свою надежду на Ганского. Вообще составилось мнѣніе, что съ пріѣздомъ Ганского дѣла пойдутъ иначе.

— Онъ ему обрѣжетъ крылья! говорили обыкновенно, намекая на Швейковскаго.

И тайная надежда уже закрадывалась въ сердца, и казенные студенты, болѣе всѣхъ потерпѣвшіе при новыхъ порядкахъ, молча покорялись имъ. Кажется, даже самъ Давыдовъ расчитывалъ на то, что Ганской, какъ онъ ни пропитанъ насквозь чиновничествомъ и тупымъ непониманіемъ новыхъ идей, все же побоится броситься въ такую явную реакцію, и попридержитъ рвеніе новаго ректора. Въ домѣ Сухотиныхъ были того мнѣнія, что при Ганскомъ реакція будетъ продолжаться, но подпольными путями, а для виду даны будутъ нѣкоторыя вольности.

Нигдѣ такъ не кричали о негодности Ганского, какъ

у Сухотиныхъ. Любовь Федоровна послѣ свадьбы ни разу не была у нихъ, больше, кажется, потому, что не хотѣла тамъ встрѣчаться съ Давыдовымъ. Они страшно этимъ оскорбились и приписали это интригамъ Ганского, который, по ихъ мнѣнію, запретилъ женѣ бывать у нихъ. Съ этихъ поръ, всякое извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ распоряженіи попечителя сильно критиковалось у нихъ. Управленіе округомъ было, по ихъ мнѣнію, изъ рукъ вонъ плохо съ тѣхъ поръ, какъ его поручили Ганскому. Давыдовъ, какъ первая жертва Ганского, принимался въ ихъ домѣ съ восторгомъ.

II.

Ганскіе пріѣхали на масляницѣ.

Въ учебномъ мірѣ пронесся томительный вопросъ: какія будутъ перемѣны? Но меня занималъ тогда еще одинъ вопросъ: какія будутъ отношенія между мужемъ и женой? Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ часто, каждый день, я былъ въ ихъ домѣ также близокъ, какъ и прежде,— но я ровно ничего не понималъ. Одно время мнѣ приходила мысль, что они объяснились: что онъ знаетъ все и платитъ ей теперь вѣжливой холодностью. По крайней мѣрѣ, съ первыхъ же дней я не видалъ въ нихъ той неизбѣжной почти мягкости и нѣжности, которая замѣчается въ людяхъ, женившихся по любви. Она смотрѣла печально, даже строго; ни одной улыбки, ни одного

радостнаго луча въ глазахъ! Она болѣе походила на женщину, которая пошла въ монастырь, нежели на счастливую жену. Онъ былъ по обыкновенію ровенъ: ни женихомъ, ни мужемъ онъ не показывалъ ей страстныхъ порывовъ; въ обращеніи его съ нею сквозила какъ-будто и ласка, но вѣдь эта мягкость свѣтилась у него сквозь угрюмую оболочку для всякаго, кто захотѣлъ бы взглянуть на него поближе.

Съ Любовью Федоровной мы оставилась по прежнему друзьями. Она все также слѣпо вѣрила, что ея судьба тѣсно связана со мною. Въ этомъ еще болѣе убѣдило ее то, что она видѣла однажды моего двойника, который вошелъ вечеромъ въ ея комнату, пошелъ прямо къ туалету, завѣсилъ зеркало простыней и, погрозивши ей пальцемъ, молча удалился. Когда я спросилъ ее, почему она узнала, что это мой двойникъ, а не я самъ, она сказала, что, во-первыхъ, двойника всегда можно отличить отъ живого человѣка, а во-вторыхъ, онъ явился ей въ Петербургѣ, когда я былъ въ N. Противъ такой очевидности я возражать не смѣлъ.

Вернувшись изъ Петербурга, Любовь Федоровна не успѣла еще снять своего дорожнаго капота, какъ уже прислала мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть. Она сидѣла одна въ своемъ кабинетѣ и вынимала какія-то вещи изъ маленькой кожаной сумки. Она была блѣдна, и это отсутствіе красокъ въ лицѣ особенно выдѣлялось при ярко-синемъ цвѣтѣ ея бархатнаго платья. Волосы ея были нѣсколько спутаны, въ глазахъ сказывались без-

сонныя ночи, но при всемъ томъ она была почти такъ же хороша, какъ и всегда.

Когда я вошелъ, она бросила сумку и ласково протянула мнѣ руку. Въ глазахъ ея блеснула радость. Я понялъ ее: это была радость, что между ею и мужемъ будетъ третье лицо. Не будетъ болѣе этихъ невыносимо-длинныхъ обѣдовъ съ глазу на глазъ и этихъ безконечныхъ вечеровъ, когда нельзя безъ особенной причины разойтись по разнымъ комнатамъ.

— Разсказывайте, что тутъ безъ меня случилось? Вагнеръ не женился?

Она улыбалась и старалась казаться спокойной, но я зналъ, о комъ она думала въ эту минуту. Отвѣчая на вопросъ ея, я описалъ ей положеніе дѣлъ.

— Вагнеръ не женился, Швейковскій не сталъ смирнѣе, никто не умеръ, многіе родились, но кто именно — мнѣ неизвѣстно.

Она смотрѣла на меня тѣмъ глубокимъ, открытымъ взглядомъ, который ловилъ каждое движеніе губъ моихъ. Она ждала знакомаго ей имени...

— Давыдовъ, продолжалъ я: — перезнакомился со всѣмъ городомъ; въ городѣ у него теперь много друзей, но у насъ въ университетѣ съ нимъ всѣ въ ссорѣ.

Я продолжалъ свой отчетъ, но она уже не ловила болѣе моихъ словъ. Она узнала, что̀ ей было нужно.

— Теперь, Любовь Федоровна, закончилъ я: — разскажите, что дѣлается въ Петербургѣ.

— Не знаю. Я почти ни гдѣ не бывала. Сергѣя

Леонтьича приняли тамъ очень холодно, а я ни къ кому даже и знакомиться не поѣхала.

— Вы видѣлись съ княгиней?

— Почти каждый день. Это святая женщина! Я ей одной только во всемъ свѣтѣ и вѣрю, ее одну люблю...

— Только?

— Конечно. Другіе ничего не сдѣлали, чтобы я могла полюбить ихъ. Она дала мнѣ самое драгоцѣнное въ жизни сокровище, она дала мнѣ надежду.. Если бы не она, я не помирилась бы съ этой жизнью. Теперь я все перенесу. Во мнѣ есть терпѣніе... И все это мнѣ дала она. А что мнѣ другіе! Отъ другихъ я, кромѣ непріятностей, ничего не видала.

Я замѣтилъ, что когда замужняя женщина говоритъ такимъ тономъ о «другихъ», то она всегда подразумѣваетъ подъ этимъ своего мужа. Но какія же непріятности могъ сдѣлать ей Ганской? Онъ, который никогда не возвышалъ голоса передъ своимъ камердинеромъ, неужели онъ позволилъ бы себѣ оскорбить свою жену? Въ чемъ могла она обвинять его? Я не знаю, что у нихъ было въ Петербургѣ, но когда я увидалъ ихъ опять вмѣстѣ, я понялъ только одно, что отношенія ихъ не измѣнились. Каковы бы они ни были, но они остались тѣ же. Никто не сказалъ бы, что это люди страстно влюбленные, но ясно было, однакожь, что никакой размолвки между ними не было.

Я замѣтилъ только одну странность: и онъ, и она говорили другъ другу *вы*. Я замѣтилъ еще, что онъ

говорилъ съ ней просто, такъ, какъ и со мной, и со всякимъ другимъ. Она же всегда какъ-будто преодолѣвала какое-то тайное нежеланіе обращаться къ нему. Неужели, думалъ я, онъ этого не видитъ?

Въ первые же дни по возвращеніи Любови Федоровны изъ Петербурга около нея образовался цѣлый штатъ. Сбѣжались опять всѣ тетушки и кузины: однѣ, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ ея превосходительство, и разсказывать объ этомъ по всему городу, другія, чтобы выпрашивать себѣ подачки, третьи просто потому, что не любили сидѣть дома. Въ гостяхъ ихъ угощали, а если не угощали, то тѣмъ хуже для хозяевъ!.. По ихъ понятіямъ, гость — существо священное, и притомъ такое существо, которое постоянно должно что-нибудь жевать, будетъ ли то варенье или каленые орѣхи. — Явилась мамаша ея превосходительства, заходилъ иногда и папаша, явилась тьма просителей, которые любятъ забѣгать съ задняго крыльца и начинаютъ съ бабушекъ и съ дѣдушекъ, прежде чѣмъ обратиться къ тому, кто имъ нуженъ. Приходили разные жидки-факторы предлагать «хорошую матерію, прямо парижскую, что только у контрабанды и можно купить, или жемчужную нитку, что стоитъ 25 тысячъ, а они ей всего за 700 рублей достанутъ.»

Не проходило дня, чтобы нѣсколько человѣкъ не добивалось у нея аудіенціи. То бѣдная невѣста приходила просить на приданое, то жена какого-нибудь учителя умоляла, чтобы мужа ея не прогоняли за пьянство, а лучше ужь она дома съ нимъ раздѣлается, какъ

слѣдуетъ; то чиновникъ гражданской палаты приходилъ жаловаться, что сына его незаконно выгнали изъ гимназіи, «яко бы за буйство». Зная сердечную доброту ея превосходительства, они обращались къ ея милосердію. Любовь Федоровна не разъ жаловалась мнѣ на этихъ просителей.

— Да не велите ихъ принимать.

Она задумчиво опускала глаза.

— Нѣтъ, я этого не могу.

— Отчего?

— Нѣтъ! Я не могу этого сдѣлать.

Я хорошо видѣлъ одно: что люди, которые добиваются чего-нибудь черезъ женщинъ, знаютъ, что̀ они дѣлаютъ. Попросите женщину сдѣлать для васъ то или это — можетъ быть, она и откажетъ. Но попросите ее, чтобы она просила за васъ у другихъ — она никогда не откажетъ. Въ женщинѣ, даже въ самой благоразумной, непремѣнно есть частичка страсти вмѣшиваться въ чужія дѣла. Принимать просьбы и потомъ надоѣдать съ этими просьбами мужьямъ, родственникамъ, знакомымъ — это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ женскихъ слабостей.

Такимъ образомъ m-me Ганская каждое утро принимала у себя просителей. Только когда дѣло доходило до того, чтобы идти съ ходатайствомъ къ мужу, она нѣсколько затруднялась. Всякое объясненіе съ мужемъ было ей непріятно. Тогда она призывала меня и просила, чтобы я передалъ Сергѣю Леонтьичу то и то.

Часто дѣло шло о томъ, чтобы прибавить жало-

ванья какому-нибудь письмоводителю въ канцеляріи. Въ такихъ случаяхъ я сообщалъ объ этомъ Ганскому отъ себя, съ своимъ заключеніемъ, — и все устраивалось къ общему удовольствію. Но иногда случалось, что Любовь Федоровна вдругъ и спроситъ:

— Нельзя ли принять руководствомъ диссертацію Соколова?

— Развѣ она вамъ такъ нравится?

— Нѣтъ; но онъ меня объ этомъ просилъ.

— Вы, конечно, сказали ему, что это до васъ не касается?

— Напротивъ, я ничего такого не сказала ему. Я не вижу, почему бы не исполнить его просьбу! Кажется, отъ этого никто ничего не потеряетъ.

— Я не могу указать вамъ пальцемъ на того, кто отъ этого потеряетъ, но думаю, что лицо потерпѣвшее будетъ весь университетъ, т. е. всѣ студенты, которые...

Любовь Федоровна разсердилась.

— Я васъ не понимаю!

— Которые, продолжалъ я, будутъ учиться по скверному учебнику, ибо другого профессоръ Соколовъ составить не способенъ.

— Но вѣдь вы его не читали?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы можете судить?

— Я знаю профессора Соколова.

— И я его тоже знаю. Онъ очень порядочный человѣкъ. Ну, однимъ словомъ, я обѣщала, что буду объ

немъ просить. Надѣюсь, вы не желаете, чтобъ я осталась въ дурахъ?

— Прикажете просить объ этомъ Сергѣя Леонтьича?

Она смягчилась.

— Да, пожалуйста. Только не называйте моего имени; просите отъ себя.

Въ тотъ же день я передалъ Ганскому просьбу профессора Соколова, заранѣе, впрочемъ, увѣренный, что она успѣха имѣть не будетъ. Ганской нахмурился.

— Что-жь, я насильно что ли буду его диссертацію навязывать. Смѣшно, право! Пускай подастъ сначала на разсмотрѣніе совѣта.

— Совѣтъ ее навѣрное забракуетъ.

— Вотъ видите ли! Ученые признаютъ, что диссертація плоха, а я, чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, велю имъ признать, что она хороша! Вотъ люди!

Онъ замолчалъ и началъ-было ужь что-то писать, потомъ вдругъ обернулся.

— Что этому Соколову деньги что ли нужны?

— Вѣроятно.

— Я такъ и думалъ. Вѣдь вотъ, я знаю, что онъ не профессоръ, а сапожникъ, — а что прикажете дѣлать? Гдѣ я ученыхъ возьму? Въ Петербургѣ вонъ толкуютъ, что у насъ университеты чортъ знаетъ кѣмъ наполнены, что одинъ, два порядочныхъ, а то все бездарности! Дали бы они мнѣ ученыхъ, я бы имъ очень благодаренъ былъ! Они думаютъ, что Америку мнѣ

открыли. Я самъ знаю, что у меня по гимназіямъ изъ десяти педагоговъ шесть тянутъ горькую. Что-жь мнѣ теперь дѣлать? Прогнать ихъ? А кого я на ихъ мѣста́ посажу? Попробовали бы эти господа управлять округомъ, да и увидали бы, какъ охотно къ намъ на службу порядочные люди идутъ. Говорятъ: изъ-за границы выписывайте! Да кто же оттуда поѣдетъ сюда учителемъ на 400 р. жалованья? Вѣдь это тамъ хорошо въ министерствахъ разсуждать! Профессоръ поѣдетъ, да и то какія ему условія предложить! Вы видѣли, какую я съ ними переписку веду! Ужь я ли не даю дохода почтовому вѣдомству!..

Въ словахъ его слышалось нѣкоторое недоумѣніе. Люди дѣйствительно удивляли его своими взглядами на вещи. Онъ не понималъ ихъ такъ же, какъ они не понимали его.

— У насъ, продолжалъ онъ, дѣлаютъ все, чтобы отучить порядочныхъ людей служить съ нами, да потомъ и удивляются, отчего нѣтъ у насъ порядочныхъ людей. Очень просто. Спросите теперь любого иностранца: отчего онъ къ намъ не охотно ѣдетъ? «Да вотъ, скажетъ: — тамъ у васъ какіе-то странные порядки... Герръ Магницкій...» Я ихъ понимаю. Помилуйте, какъ я теперь поѣду въ Казань, когда я знаю, что тамъ не профессоръ нуженъ, а хорошій фельдфебель!

Когда къ нему пришелъ профессоръ Соколовъ, онъ встрѣтилъ его приблизительно такими словами:

— Диссертаціи я вашей не могу принять, а вотъ не хотите ли 100 рублей?

Соколовъ взялъ 100 р. и ушелъ. Послѣ этотъ же Соколовъ разсказывалъ по секрету, что попечитель должно быть дуракъ, а коли не дуракъ, то ужь навѣрное сумасшедшій.

— Скажите, спрашивали меня потомъ: — что такое Ганской сдѣлалъ съ Соколовымъ?

— Да ничего не сдѣлалъ.

— Да нѣтъ, онъ что-то сдѣлалъ!

— Не слыхалъ.

— Да вы скрываете! онъ ему что-то сказалъ.

— Не слыхалъ.

Тогда мнѣ стали разсказывать, что будто бы Соколовъ пришелъ разъ къ Ганскому и сказалъ ему, что онъ знаетъ про него одну вещь, а Ганской испугался и сказалъ ему: ради Бога, молчите! — и далъ ему 200 р.

— Правда это? спрашивали меня.

— Не знаю, не слыхалъ.

Меня обвинили въ скрытности, а исторія съ варіантами ходила по городу.

III.

Томленіе университета, ожидавшаго чудесъ отъ Ганского, скоро обратилось въ самое горькое разочарованіе. Попечитель пріѣхалъ, а ректоръ неистовствовалъ

по прежнему. Ясно стало наконецъ то, чего давно боялись: наступила реакція.

Не болѣе недѣли понадобилось, чтобы эта вѣсть облетѣла по всѣмъ уголкамъ. Подавленный взрывъ негодованія противъ Ганского, обманутыя надежды, досада, ненависть къ тому, кто не оправдалъ общихъ ожиданій, — все это закипѣло въ юныхъ сердцахъ. И не только между студентами, но даже въ городѣ начали носиться слухи, неблагопріятные для Ганского. О Швейковскомъ стали говорить съ презрѣніемъ, какъ только объ жалкомъ орудіи; Ганского называли поборникомъ мрака, деспотомъ, гасильникомъ свѣтлыхъ идей... Окончательный ударъ репутаціи его нанесло одно въ высшей степени непопулярное распоряженіе. Распоряженіе это было принято сигналомъ къ тайному заговору противъ законныхъ властей. О немъ стали кричать, какъ о тираніи, какъ объ уродливомъ явленіи, какъ о вторженіи государства въ частную жизнь. Оно возмутило всѣхъ, кромѣ только крайнихъ консерваторовъ, кромѣ партіи Швейковскаго.

О настоящемъ же происхожденіи его знали очень немногіе.

Случилось это такимъ образомъ.

Разъ какъ-то я вошелъ въ кабинетъ Ганского и засталъ тамъ Швейковскаго. Замѣтно было, что онъ имѣлъ очень жаркій разговоръ съ попечителемъ, потому что на лицѣ у него выступилъ густой румянецъ и глаза какъ-то особенно ярко блистали изъ-подъ очковъ. Въ

рукѣ онъ держалъ свертокъ, которымъ безпрестанно и яростно потиралъ свою выскобленную голову. Обыкновенно онъ прихрамывалъ на одну ногу, но тутъ и хромота пропала: онъ стоялъ твердо, какъ вылитый изъ мѣди колоссъ. Ганской сидѣлъ на подоконникѣ, откуда иногда вставалъ, бралъ что-нибудь со стола и опять возвращался на прежнее мѣсто, какъ-будто въ томъ была теперь и сила, чтобы сохранить эту позицію.

Я не засталъ начала ихъ бесѣды: когда я вошелъ, она близилась уже къ концу. Я сдѣлалъ видъ, что отыскиваю нужныя для меня справки, и такъ-какъ я былъ тутъ человѣкъ домашній, то на меня и не обратили вниманія.

— Ваше превосходительство, я не отвѣчаю ни за что! восклицалъ Швейковскій, у котораго голосъ начиналъ уже дѣлаться хриплымъ. — Ни за что не отвѣчаю! Я свою долю отвѣтственности слагаю въ этомъ случаѣ, ваше превосходительство, на васъ!

Ганской взмахнулъ на него глазами.

— Хорошо. Вы скажете, что я былъ противъ этого. Я во всякомъ случаѣ за все отвѣчаю.

— Но если вашему превосходительству не угодно согласиться со мной, я прошу уволить меня отъ моей должности.

— Вы знаете, что я этого не могу сдѣлать. Обратитесь къ высшему начальству.

— Я ни одного дня не могу долѣе оставаться въ

должности, когда знаю, что болѣе не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ!

— Гдѣ-жь это вы не свободны? Я что ли васъ стѣсняю?

— При всемъ моемъ уваженіи къ вашему превосходительству, я долженъ сознаться, что не имѣю нужной свободы. Я сейчасъ имѣлъ честь указывать вамъ на гибельныя идеи въ молодомъ поколѣніи. Такія же точно идеи послужили когда-то предвѣстниками революціи, о которой я даже говорить не могу безъ содраганія! (Пять лѣтъ тому назадъ, Швейковскій говорилъ, что французская революція была полезна, очистивши воздухъ отъ вредныхъ міазмовъ). Я имѣлъ честь указывать, что требуются мѣры наискорѣйшія и наирѣшительнѣйшія.

— Я это слышалъ, замѣтилъ угрюмо Ганской.

— Отъ меня требуютъ, продолжалъ Швейковскій, чтобы я пресѣкъ это гибельное направленіе въ самомъ корнѣ. Пусть же мнѣ дадутъ нужныя для этого средства! Ваше превосходительство желаете, чтобы у меня все было спокойно, а единственную, такъ сказать, мѣру, которую я считаю возможною для водворенія спокойствія, эту мѣру мнѣ и не разрѣшаютъ!

— Вы думаете, что она единственная, а я этого не думаю.

— Я, ваше превосходительство, служу тутъ не годъ и не два. Вы судите по вашей снисходительности, а я всѣ эти ухищренія постигъ на дѣлѣ. Тутъ не студенты,

а разбойники!.. Съ ними мѣры кротости ни къ чему не приведутъ! Я имѣлъ случай докладывать объ этомъ его сіятельству, г. министру, и его сіятельство меня вполнѣ одобрилъ.

— Князь не могъ васъ особенно одобрить; вы еще съ кѣмъ-нибудь говорили.

Швейковскій вспыхнулъ какъ зарево.

— Ежели я и позволилъ себѣ спросить мнѣніе сановника, который заслужилъ довѣріе Государя и всего Августѣйшаго дома, то я надѣюсь, что это мнѣ въ укоръ поставить нельзя.

— Помилуйте! съ какимъ хотите сановникомъ разговаривайте — мнѣ все равно. Но только мнѣ-то, нужно вамъ замѣтить, до этихъ сановниковъ никакого нѣтъ дѣла. Я буду слѣдовать мнѣнію одного только прямого начальника моего — князя.

На губахъ Швейковскаго показалась двусмысленная улыбка; дерзость и смиреніе въ ней страннымъ образомъ перемѣшивались. Впродолженіе всей этой сцены въ немъ постоянно сквозила какая-то двойственность: онъ былъ и рабъ, и господинъ въ одно и то же время. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ вельможа, передъ которымъ онъ смиренно стоялъ теперь, которому онъ говорилъ: ваше превосходительство, для котораго сдерживалъ необузданность своего языка и облекалъ каждую фразу въ почтительную, нѣсколько высокопарную форму, развѣ этотъ человѣкъ не былъ теперь у него въ рукахъ?

— Ваше превосходительство такъ высоко поставлены,

что могли бы, если бы захотѣли, дѣйствовать и помимо князя.

— Не имѣю надобности, сухо замѣтилъ Ганской.

Швейковскій помолчалъ и, прихрамывая, пошолъ къ столу, гдѣ сталъ аккуратно складывать вчетверо бывшую у него въ рукахъ бумагу.

— Съ разрѣшенія вашего превосходительства, сказалъ онъ, бросая изъ-подъ очковъ змѣиный взглядъ на попечителя: — я буду писать къ министру.

— Хорошо-съ.

— Я прошу извиненія, но я долженъ буду изложить дѣло такъ, какъ я его понимаю.

— Само собой разумѣется.

— Польза общественная для меня выше личной пріязни, и при всемъ моемъ личномъ уваженіи.....

— Вы пошлете, перебилъ его Ганской: — ваше заключеніе, — я пошлю свое. Мое мнѣніе — что эта мѣра безполезная.

Швейковскій поклонился. И бритая голова его, со всѣмъ, что при ней было, и съ хромою ногою въ томъ числѣ, почтительнѣйше удалилась изъ комнаты.

Нѣсколько дней послѣ этого, Ганской ходилъ задумчивый и разсѣянный. Я заставалъ его иногда стоявшимъ у окна и безцѣльно смотрѣвшимъ на улицу, что́ съ нимъ случалось рѣдко, или сидѣвшимъ у стола и сосредоточенно разсматривающимъ бородку гусинаго пера. Насколько я привыкъ къ этому странному человѣку, я могъ угадывать, что въ душѣ его происходила борьба.

Когда онъ заговорилъ со мной наконецъ о томъ, что̀ видимо занимало его послѣдніе дни, въ голосѣ его не было того раздраженнаго, порывистаго сарказма, которымъ разразился бы въ подобномъ случаѣ Давыдовъ. Можно было подумать одно: или онъ дѣйствительно не умѣлъ сердиться, или онъ мастерски владѣлъ собой. То, что я узналъ отъ него тогда, только еще болѣе освѣтило мнѣ отношенія, о которыхъ я начиналъ уже догадываться. Швейковскій былъ не только ректоромъ, но и шпіономъ, приставленнымъ къ попечителю. Всякій шагъ этого послѣдняго былъ отмѣченъ, записанъ и сообщенъ кому слѣдуетъ.

Одинъ изъ профессоровъ, человѣкъ крайне благонамѣренный, какъ-то проврался въ своихъ лекціяхъ. Проврасться было тѣмъ легче, что онъ читалъ естественное право, — науку, по тогдашнему времени весьма щекотливую; науку, которую въ казанскомъ университетѣ позволили преподавать только «въ обличительномъ смыслѣ». Помимо попечителя, лекціи эти дошли какъ-то до высшаго начальства, тамъ въ нихъ увидали что-то столь опасное, что профессору, впредь до разсмотрѣнія, запретили продолжать ихъ. Ганской долженъ былъ сдѣлать это распоряженіе отъ себя, но, какъ человѣкъ, ни мало ему несочувствующій, далъ знать подъ рукой профессору, что онъ можетъ продолжать свои лекціи на дому. Такъ-какъ люди на всякую запрещенную вещь очень падки, то и къ профессору на его частныя лекціи стало сбѣгаться гораздо больше слушателей, чѣмъ ихъ пошло бы въ универси-

тетъ. Каюсь, я первый, до тѣхъ поръ никогда естественнымъ правомъ неинтересовавшійся, пошелъ послушать, что̀ это за наука, которую слѣдуетъ преподавать только «въ обличительномъ смыслѣ». Пришелъ разъ и попечитель, и, по обыкновенію, стушевавшись въ заднихъ рядяхъ, просидѣлъ все время насупившись, молча глядѣлъ подъ столъ и постарался уйти незамѣченнымъ. Но его слишкомъ хорошо замѣтили: профессоръ поспѣшилъ догнать его на лѣстницѣ и разсыпался передъ нимъ въ выраженіяхъ благодарности. Черезъ мѣсяцъ объ этомъ знали въ Петербургѣ. Ганской получилъ отъ Голицына [1]) письмо, полное упреками; его обвиняли въ томъ, что онъ такимъ поведеніемъ своимъ даетъ поводъ партіи безпорядка и буйнаго духа высоко поднимать голову и мнить о себѣ, что она всемогуща. Письмо это было яснымъ указаніемъ Ганскому, что за нимъ слѣдятъ. Онъ понялъ, какая роль назначена при немъ Швейковскому.

Горячій разговоръ, который я засталъ у нихъ о предметѣ мнѣ неизвѣстномъ, объяснился. Швейковскій предлагалъ ввести новую мѣру, которая разрѣшала бы какъ ректору, такъ и всѣмъ педагогамъ, чтобы они, наблюдая за нравственностью учащихся, слѣдили за ними не только въ стѣнахъ училища, но и внѣ его; чтобы они имѣли право всегда явиться на домъ къ воспитаннику, будетъ ли то гимназистъ или студентъ, и смотрѣть за тѣмъ, кто̀ у него бываетъ, что̀ онъ читаетъ и пр.

[1]) Министра.

Все это начальство должно знать, «дабы устранить могущія быть непріятныя случайности». Такова была мѣра, предложенная Швейковскимъ. Ганской отказалъ.

Но прошло нѣсколько дней, и я увидалъ циркуляръ, гдѣ предписывалось ректору имѣть за учениками скорѣйшій и тщательнѣйшій надзоръ «посредствомъ частаго посѣщенія смотрителями и другими начальниками ученическихъ квартиръ, дабы воспитанники отличались приличнымъ и законнымъ повиновеніемъ, безпрерывно занимались науками и не имѣли никакихъ сношеній съ посторонними лицами».

Я прочиталъ текстъ, — онъ былъ написанъ рукою Швейковскаго, — и взглянулъ на подпись: это была подпись попечителя. Ганской самъ показалъ мнѣ эту бумагу и спросилъ, что я объ ней думаю.

— Откровенно говоря, я думаю, что это странное распоряженіе.

— Гдѣ же тутъ странное! помилуйте! Не странное, а скажите прямо: нелѣпое распоряженіе! Послѣ этого мнѣ остается одно только: прибавить жалованья всѣмъ педагогамъ, которые прежде служили по учебной части, а теперь будутъ служить и по полицейской.

— Славный циркуляръ! продолжалъ онъ съ усмѣшкой. Я думаю только одно: отчего бы не послать его прямо къ частнымъ приставамъ: это гораздо больше входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Вы думаете можетъ быть, что *я* писалъ этотъ циркуляръ къ ректору? Это онъ самъ себѣ его написалъ.

— Вы могли не дать вашей подписи. Вы, кажется, сначала и отказали ему...

— Отказалъ, дѣйствительно. Но дѣло вотъ въ чемъ: нынче я откажу, завтра онъ напишетъ къ Голицыну, — и меня заставятъ это сдѣлать. Лучше же я это сдѣлаю добровольно. Пусть ихъ думаютъ, что я имѣю хоть тѣнь власти, которой у меня давно ужъ нѣтъ.

Противъ такого довода я не сталъ возражать. Меня удивило только одно, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не подаетъ въ отставку.

— Я сначала хотѣлъ-было отказать, продолжалъ онъ, но потомъ подумалъ: что изъ этого выйдетъ? Если бы министерствомъ управлялъ дѣйствительно Голицынъ, я бы, можетъ быть, и вступилъ съ нимъ въ объясненія. Но Голицынъ тамъ такъ же мало значитъ, какъ я здѣсь. Государь его любитъ, но слушаетъ другихъ. Другіе на Голицына нашептываютъ, а Голицынъ ни на кого не нашептываетъ. Выходитъ изъ этого то, что другіе выигрываютъ, а онъ проигрываетъ. Онъ едва ли даже знаетъ хорошенько, кто у него враги и когда они его столкнутъ, а столкнутъ они его непремѣнно, и для него это будетъ, я думаю, совершенною неожиданностью. Все это я вамъ говорю къ тому, что если я теперь пошлю къ Голицыну записку, то она пройдетъ только черезъ его руки и попадетъ къ другимъ. А «другіе» ее непремѣнно забракуютъ. Скажите теперь, изъ-за чего я буду хлопотать?

— Что же вы сказали Швейковскому?

— Сказалъ, что, по зрѣломъ обсужденіи, нахожу

эту мѣру возможною... Пусть его думаетъ, что я здѣсь все еще начальникъ и дѣлаю по собственному желанію то, что онъ мнѣ приказываетъ сдѣлать. Да вѣдь онъ видитъ меня насквозь, также какъ и я его вижу. Мы съ нимъ играемъ, что называется, cartes sur table. Обманывать намъ другъ друга нечего. Вѣдь это другіе только воображаютъ, что я его начальникъ, а онъ мой подчиненный.

— Подумали ли вы о томъ, Сергѣй Леонтьичъ, что за это распоряженіе будутъ обвинять васъ больше всѣхъ?

Ганской сдѣлалъ движеніе.

— Что-жь мнѣ теперь дѣлать. Не могу же я выдти на улицу и кричать имъ: господа, это не я! это вотъ онъ. Понятное дѣло, что будутъ обвинять меня. Развѣ люди когда-нибудь разбираютъ, кого они судятъ и за что́ судятъ! Нѣтъ, они говорятъ: пуля виноватаго найдетъ! Указываютъ пальцемъ на меня, значитъ я и виноватъ. Что-жь тутъ разговаривать! Онъ усмѣхнулся и замолчалъ, но видно было, что мысль эта сильно занимала его.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ: — обязаны они что ли разбирать, въ какія я поставленъ отношенія! что такое Швейковскій для меня и что я для него! Я здѣсь начальникъ; я главное лицо — я во всемъ и виноватъ. Мнѣ это, знаете ли, и ничуть не странно. Это ужь такъ люди устроены. Возьмите любой примѣръ, гдѣ хотите: въ арміи ли, въ министерствѣ ли, — кого больше всѣхъ ругаютъ? Того, кто на виду! А кто за

нимъ прячется, въ какія обстоятельства этотъ человѣкъ поставленъ?—этого никто и знать не хочетъ. И нельзя имъ этого въ укоръ поставить. Вотъ хоть бы здѣшніе студенты... Развѣ я ихъ могу винить? Нисколько! Я бы самъ, можетъ быть, на ихъ мѣстѣ то же сказалъ. «А ты, голубчикъ, тамъ сидишь въ попечителяхъ! Тебѣ хорошо! Ты объ насъ и не думаешь!» Очень понятно. Я вамъ говорю, что я самъ бы то же самое сказалъ.

Но дѣйствительно ли онъ такъ легко прощалъ эту несправедливость? Не знаю, на сколько искренны были его слова, но знаю только одно: его день и ночь преслѣдовала теперь мысль о томъ, что люди, для которыхъ онъ дѣлалъ все, что могъ, для которыхъ онъ работалъ цѣлые дни, что эти люди были его врагами. (Что служба его была совершенно безкорыстная — въ этомъ нельзя было сомнѣваться: жалованья тогда попечителямъ не полагалось, да оно и не нужно ему было; — ни карьеры, ни положенія въ обществѣ званіе это ему не дало; напротивъ, оно запутывало его въ цѣлую сѣть зависимыхъ отношеній). Для кого же убиты его старанія? и для чего? могъ бы онъ спросить себя; потому что всѣ его попытки придать университету другой видъ грозила уничтожить реакція. Если бы хотя не добрую память о себѣ, не друзей, но хотя бы память о своихъ учрежденіяхъ могъ онъ оставить университету! Нѣтъ! Онъ видѣлъ, что все будетъ стерто до основанія.

Трудно судить о человѣкѣ, не заглянувши въ его

душу, но мнѣ кажется, что я понималъ его тогда. Въ немъ начиналась та отчаянная, упорная борьба съ обстоятельствами, которая на зло всему хочетъ поставить на своемъ. Онъ хватался за послѣднюю надежду, за невозможность; онъ хотѣлъ остановить за колёса раскатившійся экипажъ. Уступая необходимости, онъ подчинялся реакціи, но онъ мечталъ еще побѣдить ее, мечталъ оставить по себѣ добрую память. Забрызганный грязью, закиданный насмѣшками и проклятіями тѣхъ, на кого онъ надѣялся, онъ долго еще не уступалъ и продолжалъ борьбу; борьбу безнадежную, почти невозможную.

IV.

Разъ Любовь Федоровна прислала мнѣ сказать, черезъ свою горничную, что ей очень нужно меня видѣть. Утромъ я бывалъ обыкновенно занятъ и не ходилъ къ ея превосходительству; но на такое спѣшное приглашеніе я не рѣшился отвѣчать отказомъ, и прошелъ черезъ длинный корридоръ, отдѣлявшій ея половину отъ нашей пріемной и канцеляріи.

Отворяя дверь въ кабинетъ ея, я чуть-было не расшибъ голову какому-то жиду, который со страхомъ отскочилъ въ сторону. За этимъ жидомъ стоялъ другой и при моемъ появленіи весь какъ-то съежился, точно просилъ у меня прощенія за то, что попался мнѣ на глаза. Одинъ, тотъ самый, которому я едва-было не

разбилъ лобную кость, поспѣшно заморгалъ: глаза у него быстро забѣгали по прямому направленію отъ меня къ круглому столику, стоявшему у окна. Я взглянулъ туда. Тамъ изъ раскрытой шкатулки струей падали на узорную инкрустацію стола жемчужныя нитки; изъ раскрытыхъ футляровъ сверкали брилліантовыя серьги, медальоны, аграфы, браслеты; на самомъ виду развернуто было ослѣпительное фамильное ожерелье Ганскихъ, принадлежавшее еще его бабушкѣ и стоившее 200 тысячъ на тогдашнія деньги, т. е. втрое больше на наши. Одинъ изъ жидковъ стоялъ лицомъ къ свѣту и жадно разсматривалъ какія-то двѣ вещи, повертывая ихъ во всѣ стороны своими грязными пальцами. То былъ лорнетъ, великолѣпный лорнетъ изъ бѣлой черепахи и золота съ брилліантами, и гребень, тоже брилліантовый и обсыпанный жемчугомъ. Любовь Федоровна сидѣла, облокотившись на свой письменный столъ, и, увидавши меня, быстро встала. Она видимо съ нетерпѣніемъ ждала меня.

— Вы имѣете объ этомъ понятіе? Знаете вы цѣну этимъ вещамъ? (Она показала мнѣ на шкатулку).

Я зналъ цѣну фамильному ожерелью, потому что слышалъ объ немъ прежде, но о прочихъ вещахъ могъ бы судить не какъ ювелиръ, а скорѣй какъ сапожникъ. Но замѣтивши ястребиные взгляды жидковъ, старавшихся угадать во мнѣ знатока, я отвѣтилъ очень спокойно, что цѣну брилліантовъ знаю. Любовь Федоровна обрадовалась.

— Покажите мнѣ, что я могла бы продать на де-

сять тысячъ. Мнѣ нужно непремѣнно десять тысячъ. Вотъ это и это (она стала перебирать жемчугъ) я не желала бы продавать; объ этомъ колье и говорить нечего; оно мнѣ не принадлежитъ. Но эта мелочь, браслеты, серьги... это я могла бы отдать. Я думаю, что тутъ будетъ вещей даже болѣе, чѣмъ на десять тысячъ.

— Ай, теперь деньги дорогія, и гдѣ такія деньги доставать! затараторилъ жидъ. — Во всемъ городѣ теперь такія деньги не можно доставать.

— Хорошо, предложилъ я: — ступай вонъ. Я эти деньги достану.

Жидъ съежился. Если и прежде его можно было помѣстить въ небольшую коробку, то теперь онъ весь ушелъ бы въ наперстокъ.

— Ай, вы такой хорошій панъ, и такое нехорошее говорите.....

— Ну, ступай, ступай! Когда нужно, тебя позовутъ.

Я взялъ у жида вещи и обоихъ выпроводилъ за дверь.

— Что онъ вамъ давалъ за этотъ лорнетъ? спросилъ я изъ любопытства.

— Тридцать рублей.

— Хорошая цѣна. Въ магазинѣ онъ стоитъ по крайней мѣрѣ пятьсотъ.

— Я знаю, что они хотѣли меня обобрать, оттого я и послала за вами. Пожалуйста, отберите мнѣ, что можно продать за десять тысячъ. Вы вѣдь знаете толкъ въ бриллiантахъ.

— Ни малѣйшаго.

Она широко раскрыла глаза.

— Но я могу найти знатока, который вамъ эти вещи оцѣнитъ.

— Пожалуйста! Вы этимъ окажете мнѣ большую услугу. Только знаете ли что: мнѣ деньги нужны очень скоро.

— Скоро такія вещи нельзя продать.

— Какъ хотите. Отдайте ихъ за полцѣны.

— Т. е. отдать жиду лорнетъ за тридцать рублей?

— Но вы понимаете, что я не могу ждать ни одного дня! Мнѣ деньги нужны сейчасъ, сію минуту!

Я посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Можно подумать, что васъ хотятъ завтра посадить въ тюрьму за долги.

— Да, это правда, я уплачиваю долгъ; только это долгъ чести.

— Карточный, вѣроятно?

— Нѣтъ, не карточный, но вотъ какой, если ужь вы хотите непремѣнно знать: вчера сюда пріѣхалъ нѣкто князь Несвицкій, съ письмомъ отъ княгини. Завтра онъ ѣдетъ въ Вѣну и долженъ отвезти туда десять тысячъ. Тамъ есть посланные отъ нашей общины, и эти десять тысячъ нужны имъ. Княгиня пишетъ мнѣ, чтобы я отослала ихъ съ княземъ.

— Княгиня прекрасная женщина, но она мало смыслитъ въ денежныхъ дѣлахъ, если думаетъ, что такую сумму всегда можно достать въ одинъ день.

— Но *я должна* ее достать.

Любовь Федоровна думала, что дѣлаетъ это для Бога, и поэтому я увидалъ, что спорить съ нею было бы безполезно.

— Хорошо; если хотите, я поговорю нынче съ Сергѣй Леонтьичемъ.

Она вдругъ схватила меня за руку.

— Нѣтъ, вы этого не дѣлайте! (Движеніе это было такъ стремительно, что я никакъ не ожидалъ его. На щекахъ ея показалась краска). Я не хочу, продолжала она, и краска стала опять сбѣгать: — я не хочу ничего просить у него. Вещи эти мои, онъ мнѣ ихъ отдалъ, но объясняться съ нимъ... нѣтъ! Я обойдусь какъ-нибудь и безъ этого.

— Но, Любовь Федоровна, тогда вамъ придется продать ваши брилліанты за безцѣнокъ.

— Это ужь все равно. Пускай лучше за безцѣнокъ! Все равно, они мнѣ не нужны; я никогда и не надѣваю ихъ. И право, мнѣ ужь прошло время рядиться. Для кого и для чего? Нѣтъ, ужь вы сдѣлайте такъ, какъ я васъ просила.

— Позвольте только одинъ вопросъ: это первыя деньги, которыя требуетъ отъ васъ княгиня?

— Не знаю; право, ничего не знаю. Въ Петербургѣ она объяснялась съ моимъ мужемъ сама, и кажется, что онъ тогда далъ какую-то сумму. Но съ тѣхъ поръ вотъ это первый разъ... и я не могу... я не могу себя за-

ставить говорить съ нимъ! Я лучше ужь отдамъ все, что у меня есть.

Она остановилась и стиснула губы. На лицѣ ея отразилась ненависть и тоска: ненависть къ мужу и тоска за свою будущность, за свое настоящее.

— Нѣтъ, продолжала она съ внезапно вспыхнувшимъ огнемъ въ глазахъ: — я теперь только поняла, что я поступила безумно. Я напрасно выходила замужъ! (И голосъ ея вдругъ упалъ). Я не должна была выходить за него. Я никому не принесла этимъ пользы: ни ему, ни себѣ, ни другимъ! никому рѣшительно! Я хотѣла быть имъ полезной... Но, Боже мой, виновала ли я, что я не могу этого сдѣлать! Меня какая-то невидимая сила отталкиваетъ отъ этого человѣка! Я и рада была бы, я и желала бы быть ему доброй женой, но что же, когда я не могу... Мнѣ послали это испытаніе, и я чувствую, что не вынесу его. Я все сдѣлала... Я молилась, я давала обѣщанія... Но я теперь и молиться-то разучилась. Послѣдній разъ мнѣ стало такъ грустно... Такія ужасныя мысли приходили мнѣ въ голову! И вдругъ, когда я подумала *объ одномъ*... я не могу сказать вамъ объ чемъ, но я подумала *объ этомъ*. И вдругъ въ ту самую минуту распятіе сорвалось со стѣны и упало на полъ. Тутъ только я поняла все... Это было мнѣ указаніе свыше.

Я замѣтилъ ей на это, что можетъ быть просто выскочилъ гвоздь или оборвался шнурокъ, и отъ этого распятіе упало.

— Отчего же оно упало именно въ эту минуту? Столько мѣсяцевъ оно висѣло у меня надъ кроватью и не падало, а тутъ вдругъ упало! Нѣтъ, тутъ сомнѣваться нечего... А между тѣмъ я не могу его любить. Обманывать его — у меня языкъ не повернется. Я никогда не была ему нѣжной женой. Нѣтъ, пусть одинъ Богъ разсудитъ насъ, — я не могу притворяться.

«Невозможно,» подумалъ я, «чтобы онъ не догадывался до сихъ поръ о ея чувствахъ къ нему.»

Любовь Федоровна подавила въ себѣ внезапный взрывъ тоски и, какъ-бы устыдившись этой невольной слабости, стала съ серьознымъ видомъ укладывать въ шкатулку бриллiанты, которые я посовѣтовалъ ей спрятать, отобравши тѣ, которые можно было продать. Горничная выглянула въ дверь и доложила, что:

— Пришли какiе-то съ просьбами.

Любовь Федоровна велѣла ихъ принять. Я, между тѣмъ, сѣлъ писать реестръ отобраннымъ мною вещамъ и спросилъ коробку, чтобы уложить ихъ.

Пришли какiя-то двѣ старушки — и что онѣ говорили, я хорошенько не слыхалъ. Пришелъ молодой человѣкъ, очень красивой наружности, просить рекомендательнаго письма у ея превосходительства. Онъ ѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Любовь Федоровна дала ему самое очаровательное обѣщанiе сдѣлать что можетъ, и очень обрадовалась, когда онъ ушелъ; ей нужно было еще написать письмо къ княгинѣ; день былъ почтовый. Но только-что успѣла она сбросить съ плечъ свою

длинную пелерину и подвинуть кресло къ столу, какъ опять зашевелилась ручка двернаго замка.

— Боже мой! еще кто-то!

Она съ отчаяніемъ взглянула на меня. Я всталъ, чтобы отказать новому посѣтителю, но было уже поздно: онъ вошелъ въ комнату. Это былъ Давыдовъ.

Любовь Федоровна, захваченная врасплохъ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, съ открытой шеей, съ выраженіемъ явной досады на то, что ей не даютъ заняться, какъ-то замерла на мѣстѣ и, раскрывши широко свои темные глаза, не нашлась, что сказать.

Давыдовъ скоро вывелъ ее изъ этого затрудненія.

— Я пришелъ къ вамъ, сказалъ онъ: — какъ проситель; но я пришелъ просить не за себя.

Его дерзкій, умный взглядъ смѣрялъ ее съ ногъ до головы и, скользнувши по мнѣ, остановился опять на этой красивой, изумленной, задыхавшейся отъ волненія, тайной радости и тоски, этой когда-то милой ему женщины!

Она вдругъ овладѣла собой и пригласила его садиться.

— Я слышалъ, вы такъ добры, что никому ни въ чемъ не отказываете. Этотъ красивый молодой человѣкъ, будущій чиновникъ особыхъ порученій, который вышелъ отъ васъ сейчасъ, вышелъ сіяющій, стало быть вы помогаете не только вдовамъ и сиротамъ, но и... всѣмъ вообще, просящимъ вашего покровительства. .

— Какое длинное предисловіе!

— Какъ вы стали строги! Было время, когда вы не сердились за длинныя предисловія. Позвольте же изложить вамъ мою просьбу. Я обращаюсь къ вамъ отъ лица не своего только, но всѣхъ студентовъ, и даже не студентовъ, а всѣхъ учащихся вообще.

— Объ чемъ могутъ они просить меня? Вамъ лучше бы обратиться къ моему мужу.

— Нѣтъ, именно къ вамъ. Вашъ мужъ меня, можетъ быть, и слушать не станетъ, да я, наконецъ, и не хочу вовсе имѣть съ нимъ дѣла. Я не хочу обманывать васъ и говорить, что я его люблю и уважаю. Я его не люблю и не уважаю.

— Я этого вовсе не желаю знать.

— Все равно; это пришлось къ слову, и я сказалъ. Съ вами я желаю быть откровеннымъ. Вашъ мужъ сдѣлалъ недавно одно довольно... скажемъ, странное распоряженіе. Распоряженіемъ этимъ онъ заставилъ очень дурно говорить о себѣ. Говорятъ, что онъ наложилъ этимъ пятно не только на себя, но и на званіе попечителя вообще...

— Monsieur Давыдовъ, я не желаю знать, что говорятъ о моемъ мужѣ.

— Напротивъ, васъ это должно интересовать. Если вы можете положить конецъ неблагопріятнымъ слухамъ, отчего же этого не сдѣлать.

— Но какимъ образомъ я могу это сдѣлать?

— Я вамъ сейчасъ скажу. Вы знаете, конечно, о какомъ распоряженіи идетъ теперь рѣчь?

— Я ничего рѣшительно не знаю.

— Вы не читали послѣдняго циркуляра къ ректору?

— Я никогда никакихъ циркуляровъ не читаю.

— Странно! Я думалъ почему-то, что вы за всѣмъ слѣдите. Мнѣ всегда казалось, что жена, которая любитъ своего мужа, непремѣнно интересуется всѣмъ, что касается до его службы. (Взглядъ его засверкалъ при этихъ словахъ: онъ зналъ, какъ они прямо попадутъ въ цѣль).

— Я не читаю никакихъ бумагъ.

— Очень жаль. Вы узнали бы тогда много такого, чего теперь вы, по всей вѣроятности, не знаете. Вы узнали бы, что нашу молодёжь преслѣдуютъ теперь, что надо быть подлецомъ, чтобы получить отъ начальства аттестатъ въ благонравіи! Вы узнали бы, какъ люди гибнутъ подъ этимъ гнётомъ, и на чью голову падутъ ихъ проклятія!

Онъ вдругъ всталъ, и въ глазахъ его вспыхнулъ злой огонь.

— Знаете ли вы, на кого они падутъ? На вашего мужа! (Любовь Федоровна сдѣлала движеніе, но онъ не далъ ей ничего сказать). Не говорите мнѣ, что я дерзокъ, что я не имѣлъ права говорить вамъ этого. Нѣтъ, я имѣю на это право. Когда по капризу одного человѣка гибнутъ, можетъ быть, сотни молодыхъ силъ — я не могу щадить этого человѣка! я не хочу щадить его. Не я одинъ, но весь почти городъ, всѣ возмущены противъ вашего мужа! Печальную память онъ оставитъ по себѣ.

Онъ очиститъ университетъ отъ науки и наполнитъ его солдатами. Я дерзокъ. Можетъ быть; но вы должны быть мнѣ благодарны за эту дерзость, потому что въ основѣ лежитъ уваженіе къ вамъ, печаль за васъ, за то, что человѣкъ этотъ, который заслужилъ общее презрѣніе — вашъ мужъ!

Любовь Федоровна, блѣдная, неподвижно глядѣла на него. Видно было, что ей захватывало духъ. Она дала ему кончить, и отодвинувшись назадъ, какъ-бы измѣряя разстояніе, которое отдѣляло ихъ, окинула его гнѣвнымъ взглядомъ.

— Вы съ ума сошли, что говорите мнѣ такія вещи! Вы знаете, что я женщина, что я не могу отвѣтить вамъ на оскорбленіе... Что вамъ нужно отъ меня? Кто вамъ далъ право говорить мнѣ такъ о моемъ мужѣ? Или вы думали, что я позволю вамъ все...

— Любовь Федоровна... (Голосъ его задрожалъ).

— Да, вы это думали! Иначе вы не смѣли бы написать мнѣ такого письма, какое вы написали мнѣ передъ свадьбой. Я показывала его (она не прибавила только: кому)... и вы обязаны только деликатности тѣхъ людей, которые до сихъ поръ молчали и ничего не говорили вамъ... Вы должны были понять, что оскорбивши такъ разъ женщину, къ ней не показываются больше на глаза!

Онъ всталъ и взялся за шляпу. Первый разъ я увидалъ его нѣсколько растеряннымъ.

— Прошу у васъ извиненія, если я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ. Я шелъ сюда не за этимъ; вы меня не

поняли. Я шелъ предупредить васъ... Я одинъ имѣлъ смѣлость сказать вамъ прямо въ лицо то, что давно уже говорится у васъ за спиною. Я сдѣлалъ это съ добрыми намѣреніями...

— Я не просила вашей откровенности.

— Да. Я долженъ былъ это предвидѣть. Женщины не любятъ правды. Я не сказалъ вамъ ничего, кромѣ правды, но я сказалъ ее рѣзко. Я и теперь повторяю, — сердитесь на меня какъ хотите, — если вашъ мужъ не возьметъ назадъ своего распоряженія, дѣло можетъ кончиться худо! Кто знаетъ, что люди, доведенные до крайности, не рѣшатся сами на крайность. Вы — женщина! Ваша святая обязанность — предупреждать раздоры, погасить ихъ, пока еще можно, пока не поздно. Забудьте, что я былъ дерзокъ съ вами. Простите мнѣ это ради того, что я желаю вамъ добра. Я могъ сказать что-нибудь лишнее, я могъ забыться... Вы поймете причину. Будьте же тѣмъ, чѣмъ вы были всегда: снисходительной.

Она отвернулась. Этотъ голосъ проникалъ ей прямо въ душу; этихъ взглядовъ она не могла выносить. Нѣсколько времени она не отвѣчала ничего, чтобы слова не измѣнили ей.

— Хорошо, сказала она наконецъ. — Я васъ слушаю.

Онъ не заставилъ повторить приглашенія. Онъ разсказалъ ей, какъ въ домашнюю жизнь семьи стали врываться, по приказанію ея мужа, шпіоны; какъ даже онъ, Давыдовъ, не огражденъ отъ этихъ вторженій; онъ разсказалъ о новыхъ порядкахъ, введенныхъ въ универси-

тетѣ, объ общемъ ропотѣ и негодованіи. Такой огонь слышался въ его словахъ, что я даже, близко знакомый съ дѣломъ, готовъ былъ растрогаться.

— Чего же вы хотите отъ меня? спросила Любовь Федоровна, когда онъ кончилъ.

Но онъ отъ нея ничего не хотѣлъ. Мнимая просьба студентовъ о томъ, чтобы она заступилась за нихъ, была только предлогомъ. Ему нужно было, чтобы она выслушала его; онъ давно добивался этого, и добился наконецъ.

— Мы просимъ васъ, закончилъ онъ: — чтобы вы дали намъ хотя какую-нибудь надежду. Мы ждемъ, что начальство смягчитъ свою строгость. Даже въ тюрьмѣ даютъ людямъ нѣкоторую свободу. Здѣсь не тюрьма, а университетъ.

Любовь Федоровна, не поднимая головы, замѣтила на это, что она ничего обѣщать не можетъ.

— Скажите только, что вы не откажетесь сдѣлать для насъ что-нибудь... употребить свое вліяніе... поговорить съ мужемъ... Хотя бы только это. Это немного.

Она молчала. Дать это обѣщаніе — значило взять на себя обязательства, которыхъ она, можетъ быть, не въ силахъ будетъ исполнить. Отказать? Но какія основанія, послѣ того, какъ она уже позволила себѣ выслушать его!

— Хорошо, сказала она съ усиліемъ. — Я сдѣлаю, что могу.

Онъ поклонился. Она обернулась — и встрѣтила его взглядъ; взглядъ, въ которомъ должна была прочесть многое, понятное для нея. Когда дверь затворилась за

нимъ, она встала и, ни слова не говоря, не взглянувши даже на меня, вышла въ другую комнату.

V.

Вращаясь постоянно въ высшихъ сферахъ учебнаго міра, я отсталъ отъ того, что́ дѣлалось въ студенческихъ кружкахъ. Слухи о составившемся тамъ, будто бы, тайномъ обществѣ все чаще и чаще стали доходить до меня. Любопытно было, наконецъ, посмотрѣть, что̀ это за общество. Но какъ это сдѣлать? Хотя доступъ туда, какъ я слышалъ, былъ открытъ для многихъ, но мнѣ, какъ лицу приближенному къ попечителю, двери были закрыты. Случай, однакоже, скоро предста́вился, — и совершенно неожиданный.

Я былъ большой пріятель съ квартирной хозяйкой студента Чарковскаго. Въ тѣ времена, когда я не жилъ еще у Ганского, она солила мнѣ грибы, мочила бруснику, доставала мнѣ сливочное масло, какого не было во всемъ городѣ, и все это ради удовольствія прибѣжать ко мнѣ шесть разъ въ недѣлю и разсказать свои семейныя исторіи. Дома ей никогда не давали наговориться до-сыта, и она поправляла эту бѣду у меня. Я же рѣшилъ, что за каждый фунтъ сливочнаго масла позволю ей говорить сколько угодно, тѣмъ болѣе, что меня это не особенно и безпокоило. Я дѣлалъ въ это время свои вычисленія или же просто читалъ. Чтобы ободрить ее, достаточно было изрѣдка спросить:

— А когда это, Юлія Осиповна, было?

Или:

— А кто это, Юлія Осиповна, умеръ-то?

Иногда я уходилъ въ другую комнату — она все говоритъ; приду назадъ — говоритъ, говоритъ! Сяду за обѣдъ — говоритъ. Ходила она круглый годъ все въ одномъ и томъ же кисейномъ платьѣ съ оборками, всегда густо напомаженная и въ козловыхъ башмакахъ, густо намазанныхъ масломъ. Вообще она любила, чтобы все на ней сіяло. Даже и кожа на лицѣ ея свѣтилась такъ, что въ ней свободно могли отражаться внѣшніе предметы.

Когда я переселился къ Ганскому, она по старой памяти все еще забѣгала ко мнѣ: то поздравить меня съ именинами, которыхъ я никогда не праздновалъ, то напомнить мнѣ, что она сама на будущей недѣлѣ именинница.

Разъ она поймала меня на улицѣ и въ пространныхъ словахъ, которыя заняли бы десять страницъ мелкой печати, разсказала, что пошла она разъ съ работницей на чердакъ, посмотрѣть, отчего труба дымитъ, не лопнуло ли тамъ чего, Боже сохрани, и нашла она тамъ старый матрасъ и подумала:

«Чей это такой матрасъ? Чтой-то я не знаю, чей это матрасъ!» И, «точно ее бѣсъ толкнулъ», стала она съ работницей этотъ матрасъ глядѣть, и показалось ей, что въ немъ что-то жесткое зашито. Подпорола она одинъ краешекъ — и посыпались оттуда мочалки, а

поглядѣли — въ мочалкахъ бумаги зашиты. Такъ она и ахнула.

— Какія такія бумаги!

Кончила она тѣмъ, что просила меня посмотрѣть ихъ, и сказалъ бы я ей, нѣтъ ли тамъ чего такого... Она жильцу своему не довѣряетъ и потому опасается, не онъ ли это, жидъ, чего подсунулъ. На это приглашеніе я отправился вмѣстѣ съ нею, и получилъ отъ нея цѣлую кипу бумагъ. При первомъ же взглядѣ я убѣдился, что это были документы, которыхъ давно и тщетно отыскивалъ Швейковскій. Хозяйкѣ я сказалъ, что это должны быть лекціи, что я возьму ихъ на домъ и пересмотрю.

На досугѣ я развернулъ бумаги и сталъ ихъ читать. Это были протоколы тайнаго общества «Ревнителей Свободы», сочиненія въ прозѣ и стихахъ, читанныя членами на засѣданіяхъ; рѣчи, проекты, воззванія... Первое, я помню, начиналось такъ:

«Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій! Предвѣчный Богъ, коего могущество безконечно, низвергъ своею десницею» и т. д. Кинжаловъ и крови въ этихъ сочиненіяхъ было сколько угодно. Былъ тутъ и унылый звонъ колоколовъ, и алчность крокодила, и всепожирающій огонь роздора... Въ одной фразѣ вспыхивало зарево пожара, въ другой стремились съ неизмѣримыхъ высотъ бурные потоки, въ третьей блистала на горизонтѣ благодатная звѣзда свободы. Стихи были еще цвѣтистѣе. Въ каждой строчкѣ видна была и страсть,

и огонь, и желаніе быть грандіознымъ, и неумѣлость шестнадцатилѣтняго юноши.

Я отложилъ въ сторону сочиненія, — они всѣ были въ одномъ духѣ, начиная съ «Рѣчи о возрожденіи» и до «Печали Сармата надъ гробомъ Іосифа», — и принялся за протоколы.

Страница за страницей, передо мной развертывалась картина того общества, которое собирался разгромить Швейковскій. Само общество мнило о себѣ, что оно ужасно. Съ членовъ брались странныя клятвы, требовалось строгое сохраненіе тайны, говорилось о страшной и великой обязанности, которую они на себя принимаютъ. Созданъ былъ особый фондъ, особая дисциплина и цѣлая іерархія, столь же необъятная, какъ и та, которую изобрѣталъ Швейковскій для казенныхъ студентовъ. Предсѣдатель общества былъ всемогущъ. При входѣ его «Ревнители Свободы» встаютъ съ мѣста, при встрѣчѣ съ нимъ прикладываютъ два пальца лѣвой руки къ воротнику, т. е. отдаютъ ему честь, какъ солдаты генералу; за ослушаніе ему исключаются изъ общества. Каждый членъ — его подданный; каждый въ своемъ прошеніи къ нему могъ бы подписаться: «подлый рабъ твой, такой-то».

Таковъ былъ глава въ этой юной республикѣ «Ревнителей Свободы», гдѣ на всякомъ свободномъ клочкѣ бумаги спѣшили написать: смерть тиранамъ! Люди эти, собиравшіеся ратовать за вольность и равность, первымъ дѣломъ ввели у себя строгое дѣленіе по чинамъ. Во-

первыхъ, поспѣшили создать двѣ палаты: совѣщательную и палату сенаторовъ, а тамъ и пошли: секретари, совѣтники, сенаторы, депутаты, члены 1-й степени, члены 2-й степени...

«Чистые нѣмцы», подумалъ я: — «у которыхъ помощникъ карантиннаго смотрителя называется не просто помощникомъ, а *«Кейзерлихъ-кёниглихъ-апостолишеръ-аусеръордентлихеръ Петсъ-Контумацъ Ауфзееръ-Субститутъ»*.

Послѣ того я сталъ на студентовъ смотрѣть съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Вотъ, думалъ я, идетъ сенаторъ Козловскій или депутатъ Соболевскій.

Протоколы меня очень заняли. Я ихъ читалъ дня четыре, и всякій разъ съ удовольствіемъ. Хозяйкѣ Чарковскаго я сказалъ, что это простыя лекціи, незаслуживающія вниманія. Но скоро она пришла ко мнѣ испуганная и объявила, что постоялецъ спрашиваетъ съ нея своихъ бумагъ, что онъ кричитъ:

— Гдѣ мой матрасъ? Какъ ты смѣла его трогать! Я тебя въ острогъ посажу!

Оказалось, что добрая женщина стащила матрасъ къ себѣ и употребила его еще крѣпкую покрышку на починку своей перины. Студентъ грозилъ предать ее за эту суду и обѣщалъ простить только въ такомъ случаѣ, если она вернетъ ему заключавшіяся въ матрасѣ бумаги.

— Что же вы ему сказали?

— А я ему сказала, что запропастились, не знаю

куда. Обѣщалась поискать. Не введите меня, панъ, въ бѣду, отдайте назадъ.

— Скажите ему, что отдали бумаги мнѣ.

— Онъ меня убьетъ!

— Нѣтъ не убьетъ.

— Убьетъ, ей-богу!

— Даю вамъ слово, что нѣтъ. Скажите только, что бумаги у меня, и что онъ можетъ придти за ними.

— Хорошо ли это будетъ? Боюсь я, какъ онъ меня бить станетъ.

Я хотѣлъ-было объяснить ей, что жилецъ ея, предсѣдатель «Общества Ревнителей», глава новой республики, и потому драться не станетъ, — но раздумалъ, и сказалъ только, что за цѣлость ея особы отвѣчаю своей головой. Послѣдствія оправдали меня: она осталась совершенно цѣла.

На другой день, возвращаясь изъ университета, я услыхалъ, что сзади меня называетъ кто-то по фамиліи. Я обернулся. Это былъ студентъ Чарковскій.

По отзывамъ, ходившимъ о немъ въ обществѣ, онъ извѣстенъ былъ какъ фанатикъ, какъ человѣкъ, готовившій себя къ какому-то подвигу. Никому никогда не говорилъ онъ о своихъ сокровеннѣйшихъ мысляхъ. Даже люди, удостоенные его дружбы, провалились, пытаясь проникнуть въ глубину его замысловъ. О немъ говорили съ изумленіемъ, какъ о существѣ, недоступномъ для пониманія простыхъ смертныхъ. Въ «Обществѣ Ревнителей», какъ это можно было замѣтить изъ протоколовъ, ему

повиновались безпрекословно. Слово его было закономъ. Что онъ рѣшалъ, того не могли, будто-бы, перерѣшить никакія силы на свѣтѣ.

А между тѣмъ не было человѣка на видъ болѣе обыкновеннаго, чѣмъ Леонардъ Чарковскій. Ни въ наружности его, ни въ манерѣ держать себя не было ничего обращающаго на себя вниманія. Въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ не видно было ни геніальнаго ума, ни мрачной рѣшимости, ни даже какой-нибудь нахальной дерзости: онъ смотрѣлъ такъ, какъ смотрятъ всѣ порядочные люди. Волосы онъ стригъ подъ гребенку, ходилъ всегда по формѣ, т. е. въ студенческомъ мундирѣ и въ треуголкѣ, что строго требовалось начальствомъ. Говорилъ онъ ровно, вѣжливо, безъ чертовщины; не унижался передъ начальствомъ, но и не былъ никогда дерзокъ. Швейковскій ненавидѣлъ его болѣе, чѣмъ кого-нибудь, и не находилъ предлога, чтобы придраться къ нему. Столкнувшись съ нимъ на улицѣ, я угадывалъ, какой оборотъ приметъ наше объясненіе, и съ любопытствомъ ожидалъ его.

— У васъ мои бумаги, сказалъ онъ мнѣ коротко, не въ видѣ даже вопроса, а утвердительно.

— У меня.

— Я пришелъ просить, чтобы вы мнѣ возвратили ихъ.

— Я еще не всѣ ихъ прочиталъ.

— Вы ихъ читаете?

— Съ большимъ интересомъ.

— Т. е. вы пишете на насъ доносъ?

— Я читаю ихъ, но ничего не пишу.

— Вы, конечно, показывали ихъ попечителю?

— Нѣтъ, попечителю я ихъ не показывалъ.

— На что-жь они вамъ нужны?

— Я читаю ихъ.

— Можно разсчитывать, что вы отдадите ихъ назадъ?

— Пожалуй, отдамъ.

— Если вы честный человѣкъ, вы должны дать намъ клятву, что сохраните все втайнѣ.

— Никогда никакихъ клятвъ не даю.

Чарковскій пытливо посмотрѣлъ на меня. Клятвы были у нихъ въ такомъ же ходу, какъ у насъ мелкая монета; мой отвѣтъ показалъ ему, что окровавленные кинжалы, грозящіе смертью измѣннику, меня не испугаютъ. Я поспѣшилъ однако успокоить его: доносить на нихъ я не намѣренъ, но требую взамѣнъ одного: чтобы они мнѣ дали доступъ на свои засѣданія.

Чарковскій молча выслушалъ меня и задумался.

— Какая у васъ цѣль? спросилъ онъ уклончиво.

— Цѣль очень простая: любопытство. Мнѣ хочется посмотрѣть, какъ засѣдаютъ ваши двѣ палаты; послушать, какъ говорятъ ваши сенаторы.

Чарковскій сдвинулъ брови; ясно — онъ не вѣрилъ, чтобы я могъ говорить чистосердечно.

— Вы просто хотите потомъ донести на насъ.

— Я имѣю на это сказать вамъ двѣ вещи. Первая та, что если бы я хотѣлъ донести на васъ, то могъ бы

давно это сдѣлать. Мнѣ не для чего было бы и безпокоить себя, и ходить на ваши засѣданія. Вы были такъ неосторожны, что сохранили даже списокъ членовъ. Это разъ; а второе то, что съ какой стати я стану доносить на васъ! Вы же мнѣ доставили удовольствіе, да я же на васъ донесу! Какой тутъ смыслъ? Я ваши протоколы съ большимъ интересомъ читалъ. Тамъ есть много занимательныхъ мыслей. Напримѣръ, когда предсѣдатель входитъ — всѣ встаютъ. Мнѣ эта мысль нравится. А главное то, что вѣдь вы Россіи не погубите; поэтому я доносить на васъ не стану.

Чарковскій попросилъ меня свернуть въ менѣе людную улицу, и мы пошли тише.

— Я слышалъ объ васъ, сказалъ онъ: — отъ профессора Давыдова. Поэтому, когда я узналъ, что бумаги у васъ, я понялъ, что не все еще потеряно. Но я васъ теперь не совсѣмъ понимаю; вы говорите такъ, что какъ-будто смѣетесь надо мною.

— Я не имѣю никакого права смѣяться надъ вами, а надъ вашими палатами смѣюсь дѣйствительно. Да что вамъ за дѣло, какъ я смотрю на ваши палаты! Для васъ важно, чтобы я не донесъ — я не донесу.

Долго я не могъ втолковать изумленному предсѣдателю о своемъ безпристрастіи. Онъ разстался со мной въ нѣкоторомъ недоумѣніи и сказалъ, что будетъ говорить обо всемъ съ Давыдовымъ. Бумагъ я рѣшилъ имъ не отдавать, пока не присмотрюсь, чтó это за удивительное общество.

Какъ я ожидалъ, Давыдовъ пришелъ ко мнѣ въ тотъ же день.

— Надѣюсь, сказалъ онъ рѣзко: — что вы поступите честно и возвратите всѣ документы тому, кому они принадлежатъ.

— Со временемъ возвращу.

— Мнѣ кажется, что это нужно бы сдѣлать теперь же.

— Теперь не могу; я ихъ читаю.

— Полноте! тутъ шутки неумѣстны.

— Я, напротивъ, думаю, что это все шутки. Неужели же я какія-то двѣ палаты ревнителей буду принимать серьозно! Или тамъ какихъ-то депутатовъ первой степени...

Слово за слово, мы разговорились о тайномъ обществѣ. Мнѣ хотѣлось выяснить себѣ, какую роль игралъ въ немъ Давыдовъ.

— Вы не сенаторъ ли? спросилъ я его.

— Вы смѣетесь надъ обстановкой? Обстановка дѣйствительно, можетъ быть, смѣшна, но нуженъ же какой-нибудь протестъ противъ грубой силы. Если бы въ людяхъ не было протеста, исторія человѣчества не могла бы существовать. Вы имѣете духъ смѣяться надъ тѣмъ, что люди не умѣютъ иногда защищать свою свободу, что они защищаютъ ее смѣшно. Сознаюсь, я никогда не позволилъ бы себѣ смѣяться надъ этимъ. Свобода сама по себѣ такъ хороша, что какими бы средствами ее ни защищали, важно то, что человѣкъ не позволитъ отнять ее у себя! Онъ не уступитъ ее безъ борьбы!

Такимъ людямъ нельзя не помочь; въ нихъ есть еще святой огонь, и не тушить его, а разжигать должны мы!

— Зачѣмъ же это ваши ревнители отдаютъ генеральскую честь своему шефу?

— Тѣмъ болѣе для нихъ чести, если они ради общей пользы согласились подчиниться человѣку, равному имъ. Это подчиненіе добровольное! Подчиненіе разуму, а не палкѣ. Этимъ самымъ они показываютъ вамъ, что не добиваются какой-нибудь идеальной, невозможной равности. Нѣтъ, начальство необходимо, но начальство разумное, а не Швейковскій, не фельдфебель, не гасильникъ какой-нибудь, въ родѣ вашего Ганского.

Давыдовъ часто ратовалъ за свободу; но онъ никогда не былъ изъ тѣхъ отчаянныхъ поборниковъ ея, которые хотятъ вольности во что бы то ни стало, вольности безусловной, неограниченной, ни кого и ни чего непризнающей. Въ душѣ Давыдовъ былъ самымъ умѣреннымъ либераломъ, и если сдѣлался крайнимъ, то только по ненависти своей къ Швейковскому, потому что его толкнули на это обстоятельства. Въ немъ слишкомъ сильно было желаніе властвовать и повелѣвать, чтобы отвергать власти. Онъ отвергалъ ихъ настолько, насколько они были неудобны для него самого. Онъ прямо нападалъ на то или другое лицо, но не на самый принципъ власти. Когда студенты, еще въ первое время его появленія въ университетѣ, вздумали разъ поднять шумъ у него въ аудиторіи, онъ прибѣгъ къ содѣйствію ректора. Въ душѣ онъ самъ былъ деспотъ, и я увѣренъ, что если

бы его на завтра сдѣлали ректоромъ, онъ первый принялъ бы мѣры, чтобы подавить всякій протестъ.

VI.

Любовь Федоровна стала замѣтно задумываться. Обѣщаніе, данное ею, тяготило ее. Она не разъ заговаривала со мною о томъ, что хорошо было бы, если бы мужъ ея отмѣнилъ нѣкоторыя свои распоряженія, но объясниться съ нимъ самой у нея не хватало духу. Она дѣлала попытки — и все безуспѣшно. То она за обѣдомъ начинала съ видимымъ усиліемъ разсказывать что-нибудь своему мужу, чего съ ней прежде не случалось; то разными, ничего незначущими разговорами старалась удержать его у себя въ гостиной, куда обыкновенно подавался кофе; или вдругъ вечеромъ приходила въ кабинетъ къ нему, садилась тамъ, дѣлала какіе-нибудь вопросы, иногда пробовала шутить и заглянуть въ дѣловую бумагу. Но страшный призракъ объясненія всегда пугалъ ее. Она уходила съ стѣсненнымъ сердцемъ и все съ тѣмъ же сознаніемъ, что не подвинулась ни на шагъ впередъ.

— Что я ему скажу? спрашивала она съ досадой и недоумѣніемъ.—Что я могу ему сказать?

— Все, что хотите, предложилъ я ей.

— Вы всегда такъ хорошо умѣете давать совѣты! Устройте такъ, чтобы я нынче непремѣнно съ нимъ объяснилась.

— Извольте.

— Кромѣ шутокъ? Вы мнѣ поможете?

— Пойдемте сейчасъ въ залу. Сергѣй Леонтьичъ теперь тамъ.

— Нельзя ли оставить это лучше до вечера?

— Всякое объясненіе при дневномъ свѣтѣ выигрываетъ десять процентовъ.

— Хорошо; но дайте мнѣ только полчаса. Черезъ полчаса я приду.

Она нерѣшительно взглянула на меня и, встрѣтивши мою улыбку, мгновенно переломила себя. Улыбка иногда странно раздражаетъ женщинъ.

— Можно подумать, сказала она съ досадой: — что вамъ именно хочется этого объясненія.

Она не ошиблась: мнѣ хотѣлось этого объясненія. Мнѣ тяжело было видѣть, что люди столь близкіе не понимали другъ друга. У меня была слабая надежда на то, что онъ съумѣетъ разъяснить ей, въ какія обстоятельства онъ поставленъ, какъ тяжело и фальшиво его положеніе. Не полюбить его, но быть справедливѣе къ нему — вотъ чего могъ онъ требовать отъ своей жены.

Когда мы вошли въ залу, его уже тамъ не было. Намъ сказали, что онъ ушелъ къ себѣ въ канцелярію.

— Велите подать въ гостиную кофе. Черезъ десять минутъ мы придемъ къ вамъ туда.

Ровно черезъ десять минутъ мы съ Ганскимъ пришли дѣйствительно въ гостиную. Она дрожащею рукою подала мнѣ мою чашку; онъ самъ взялъ свою. По лицу

ея я видѣлъ, что она не рѣшится начать первая; надо было ей отрѣзать всѣ пути къ отступленію. Я такъ и сдѣлалъ.

— Сейчасъ мы говорили съ Любовью Федоровной о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о новыхъ порядкахъ. Любовь Федоровна ихъ не одобряетъ.

Ганской мелькомъ посмотрѣлъ на меня и на жену. На лицѣ у него показалась краска.

— Новыхъ порядковъ никто не хвалитъ. Я это давно знаю; знаю, впрочемъ, отъ другихъ.

— Я давно хотѣла поговорить объ этомъ, начала нетвердо Любовь Федоровна: — но боялась вмѣшаться не въ свое дѣло.

— Странная причина! замѣтилъ угрюмо Ганской. — Объ этомъ давно ужь говорятъ посторонніе, а мы живемъ въ одномъ домѣ и не знаемъ, что дѣлаетъ другой.

— Иногда лучше не знать всего. Я бы желала не знать, но слухи невольно доходятъ до ушей.

— Какіе же это слухи?

— Разные; ихъ много.

— Про меня ходятъ слухи, что я одного учителя высѣкъ у себя на конюшнѣ.

Любовь Федоровна пожала плечами.

— Я знаю, что вы этого не сдѣлали.

— Да нѣтъ, почему-жь такая увѣренность! Можетъ быть, я его и въ самомъ дѣлѣ высѣкъ. Я теперь ужь самъ въ себѣ начинаю сомнѣваться. Мнѣ кажется, что если бы мнѣ теперь кто-нибудь хорошенько протвер-

дилъ, что я дѣйствительно учителя высѣкъ — я бы повѣрилъ.

— Есть слухи, Сергѣй Леонтьичъ, которые имѣютъ болѣе основанія.

— Къ сожалѣнію, есть.

— Что же мнѣ думать объ нихъ?

— Да не думать ничего. Вотъ это самое простое.

— Вы шутите. Мы, кажется, съ вами не посторонніе другъ другу.

Онъ поставилъ чашку на столъ и пристально посмотрѣлъ на нее. Она не выдержала этого взгляда и отвернулась.

— Нѣтъ, мы не посторонніе. Насъ кругомъ налоя обвели. Чего же еще!

— Я не знаю, чего же вы еще хотите.

Онъ сильно покраснѣлъ, но промолчалъ. Можетъ быть, я стѣснялъ его, и онъ не хотѣлъ сказать при постороннемъ то, что сказалъ бы наединѣ. Самое его молчаніе раздражало ее. Она угадывала, что́ могло таиться подъ этой сдержанностью; она понимала, сколько горькихъ истинъ могъ ей высказать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ. Его краска и тотъ взглядъ, который заставилъ ее отвернуться, достаточно говорили за него. Если онъ молчалъ, то это не значило, чтобы онъ былъ ко всему равнодушенъ. Она не разъ признавалась мнѣ, что ей невыносимо это молчаніе, эта скрытность, какъ называла она ее.

— Мнѣ тысячу разъ было бы пріятнѣе, говорила

она: — чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ сцену, наговорилъ мнѣ дерзостей... Но это притворство... Чего онъ хочетъ добиться этимъ?

И теперь, когда ея вызовъ остался безъ отвѣта, она вся вспыхнула и сказала, что боится быть откровенной, потому что ея желаніе будетъ, можетъ быть, истолковано какъ-нибудь иначе.

Я увидалъ на угóльномъ столѣ листъ газеты и укрылся за нимъ, какъ за самымъ надежнымъ укрѣпленіемъ. Помощь моя пока не требовалась, и Любовь Федоровна храбро, повидимому, приготовилась встрѣтить опасность.

— Сергѣй Леонтьичъ, начала она съ горечью: — я до сихъ поръ ничего не слыхала отъ васъ, какъ идетъ ваша служба, въ какихъ вы отношеніяхъ къ здѣшнему обществу?

— Съ обществомъ я съ тѣхъ поръ, какъ родился, всегда былъ въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Общество всегда почему-то думаетъ, что я передъ нимъ кругомъ виноватъ.

— Можетъ быть, вы виноваты дѣйствительно.

— Можетъ быть. По крайней мѣрѣ, я этого не сознаю.

— Конечно, ни одинъ человѣкъ не захочетъ сознаться въ этомъ.

Замѣчаніе ея было уклончивое. Онъ вдругъ сдѣлался серьознѣе.

— Вы меня обвиняете въ чемъ-нибудь?

— Не я лично. Мнѣ не въ чемъ винить васъ, но

мнѣ кажется... Другіе, кажется, думаютъ объ этомъ не такъ.

— «Другіе!» Другихъ такъ много, что я давно уже пересталъ разбирать, кто чего хочетъ отъ меня. Кто говоритъ, что я слишкомъ строгъ, кто — слабъ! Одни говорятъ, что я дуракъ, другіе — что уменъ не въ мѣру, т. е. что у меня, по-просту, умъ за разумъ зашелъ. Скажите мнѣ, ради самого Бога, кого я долженъ слушать?

— Это отговорки, Сергѣй Леонтьичъ. Вы знаете хорошо, *кто* вами недоволенъ. Мнѣ, вашей женѣ, не стѣсняются говорить иногда, что ваше управленіе никуда не годится! Отъ васъ всѣ ожидали лучшаго.

— Кто же это приходилъ жаловаться на мое управленіе?

— Все равно, не въ именахъ дѣло.

— Я спросилъ это потому, что ко мнѣ тоже приходятъ жаловаться на меня самого, т. е. на мои собственныя распоряженія.

Онъ могъ бы прибавить, что жалобы эти всегда разбиралъ добросовѣстно. Отдавая оффиціально разныя приказанія, онъ бралъ на себя потомъ трудную обязанность: обуздывать рвеніе тѣхъ, кто эти приказанія исполнялъ. Всѣ его распоряженія встрѣчались съ азартомъ. Велѣно было напр. смотрѣть за тѣмъ, чтобы студенты не ходили безъ мундировъ. Начальство готово было послѣ этого исключать всякаго студента, одѣтаго не по формѣ, и если бы не самъ Ганской, то многіе серьозно поплатились бы за свою неосторожность. Ганской самъ

лично ходатайствовалъ передъ ректоромъ о томъ, чтобы не портили аттестатъ студентамъ, ходившимъ по улицамъ наряженными въ жидовскую шляпу и какую-то епанчу. Маскарадъ этотъ устроенъ былъ съ цѣлью осмѣять послѣднее распоряженіе попечителя. Университетское начальство увидѣло въ этомъ бунтъ; Ганской объяснилъ, что это была шалость, и приказалъ дѣло потушить.

— Я не знаю, продолжала Любовь Федоровна: — приходятъ ли жаловаться къ вамъ, но мнѣ говорили много такого, что было мнѣ несовсѣмъ пріятно. Говорятъ, что теперь какіе-то смотрители ходятъ по домамъ и высматриваютъ, чтó ученики дѣлаютъ дома. Если это дѣйствительно ваше распоряженіе...

— Нѣтъ, не мое; это распоряженіе Швейковскаго.

Она подняла на него свои изумленные глаза.

— Швейковскаго! Да что же такое Швейковскій? Развѣ *онъ* здѣсь начальникъ?

— Да, онъ мой начальникъ.

— Вы шутите?

— Шучу я? Вы всѣ, кажется, думаете, что мнѣ превесело. Удивительное веселье! Посадили мнѣ на шею моего подчиненнаго и велѣли мнѣ разыгрывать роль начальника.

— Швейковскій! Его посадили вамъ на шею?!

— Ходятъ слухи, что я учителя высѣкъ. А вотъ объ этомъ слухи не ходятъ! Этого никто не знаетъ.

Любовь Федоровна скрестила свои пальцы съ выраженіемъ досады.

— Какую же роль вы здѣсь играете?

— Я же вѣдь сказалъ: роль начальника, который вѣчно сидитъ въ дуракахъ.

— Но какая же необходимость могла заставить васъ...

— А что́ же мнѣ теперь дѣлать?

— Подать въ отставку; мнѣ кажется, это ясно.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Но, Боже мой, я даже не понимаю этого вопроса! Неужели же надо позволять себя дурачить.

— Что́ я отъ этого потеряю?

— Сергѣй Леонтьичъ, мы, наконецъ, перестаемъ понимать другъ друга. Изъ васъ дѣлаютъ, говорите вы, какого-то... какое-то подставное лицо, и вы спрашиваете: что́ вы отъ этого теряете?

— Если бы былъ выходъ, я бы охотно принялъ его.

— Онъ есть: подавайте въ отставку!

— Отъ этого никому лучше не будетъ.

— Но разница въ томъ, что вы не будете тогда въ такомъ двусмысленномъ положеніи!

— А! Самолюбіе мое не будетъ страдать, потому что обо мнѣ будутъ говорить немножно хуже, чѣмъ говорятъ обыкновенно, такъ я отъ этого долженъ выйти въ отставку. Все бросить!.. По-вашему, это называется: выйти изъ затрудненія съ честью! Я этихъ вопросовъ чести не понимаю. Мнѣ, впрочемъ, и прежде говорили, что я подлецъ.

Любовь Федоровна горько улыбнулась.

— И вы послѣ этого будете служить тутъ?

— Буду служить. Я хуже отъ этого не стану.

— Помните, что вы за все отвѣчаете передъ обществомъ; за всякое нелѣпое распоряженіе будутъ винить васъ...

— Это-то я очень хорошо помню.

— Зачѣмъ же вы берете на себя такую отвѣтственность? Устраните Швейковскаго.

— Да вѣдь это же смѣшно, наконецъ! Я не могу его устранить.

— Стало быть, все останется по-прежнему? И вы будете исполнять его приказанія?

Ганской, молча, всталъ и отошелъ къ окну. Тамъ онъ простоялъ минутъ десять, не оборачиваясь и внимательно разсматривая мостовую или прохожихъ — не знаю; потомъ вернулся опять къ столу и взялъ оставленный на немъ портсигаръ.

— Ну, однако, до свиданья. Меня еще ждутъ въ канцеляріи.

Любовь Федоровна не подняла даже глазъ. Выраженіе ея лица ясно говорило: чѣмъ скорѣе вы отсюда уйдете, тѣмъ будетъ лучше для насъ обоихъ. Объясненіе не только не примирило ее съ мужемъ, но видно было, что оно раздражило ее еще болѣе. Она окончательно убѣдилась въ томъ, что этотъ человѣкъ, который въ ея глазахъ всегда былъ такъ ничтоженъ, не болѣе, какъ орудіе въ чужихъ рукахъ; что онъ не имѣетъ своей воли. Она скорѣе простила бы ему деспотизмъ; но теперь,

когда онъ самъ признался ей, что имъ управляетъ Швейковскій, развѣ не имѣла она права презирать его?

Я пробовалъ иногда защищать его — напрасно. Когда женщина возненавидитъ человѣка, она все ему ставитъ въ вину, даже самыя его заслуги.

Ганской не вышелъ еще изъ залы, когда ему доложили, что пріѣхалъ какой-то Маріанини. Онъ никогда не слыхалъ прежде этой фамиліи, и остановился въ недоумѣніи. Любовь Федоровна хотѣла-было оставить гостиную, но спутанные, грязно-бѣлокурые волосы гостя и его глаза, красные отъ постоянныхъ кутежей, показались въ дверяхъ тотчасъ же почти вслѣдъ за докладомъ.

— Честь имѣю рекомендоваться: здѣшній помѣщикъ, такой-то! (Онъ упорно продолжалъ называть себя фамиліей итальянской пѣвицы, хотя всѣ знали, что его настоящая фамилія Вороновъ).

Ганской, не подымая почти глазъ, съ своей обыкновенной угрюмой манерой, которую онъ не измѣнилъ бы и для самого генералъ-губернатора, пригласилъ его садиться.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, ваше превосходительство, разразился онъ вдругъ своимъ хриплымъ, потеряннымъ на попойкахъ голосомъ: — я пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ честному человѣку, спросить: отдавали вы приказанія какимъ-то канальямъ ходить по домамъ благородныхъ людей и разузнавать, что̀ у нихъ дѣлается?

— А къ вамъ кто-нибудь приходилъ?

— Приходилъ ли?! Да ко мнѣ не далѣе, какъ вче-

рашняго дня явился какой-то каналья. Положимъ, я велѣлъ его прогнать, да онъ мнѣ, какъ бы вы думали, что осмѣлился сказать? — что онъ ко мнѣ и вдругорядь придетъ, ибо, говоритъ, я на это имѣю разрѣшеніе отъ попечителя. Слышите! Онъ яко бы отъ васъ на это полномочіе имѣетъ!

Ганской пожалъ плечами.

— Вы частное лицо. Намъ никакого нѣтъ дѣла до частныхъ лицъ.

— Я зналъ, что это подлость какая-нибудь. Съ вашего позволенія, я отошлю другой разъ этого каналью на гауптвахту. (Вороновъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ гауптвахтѣ; на глаза его, это было лучшее лекарство противъ всякихъ подлостей. Лакей ли ему нагрубіянилъ — онъ просилъ генерала по дружбѣ выдержать его недѣлю на гауптвахтѣ. Поваръ ли у него запьянствовалъ — опять посылалъ его къ генералу, а тотъ его, по дружбѣ, на гауптвахту).

Ганской сталъ глядѣть подъ столъ.

— Кто же это такой къ вамъ приходилъ?

— Говоритъ, какой-то смотритель, профессоръ, инспекторъ... чортъ его знаетъ.

— Зачѣмъ же къ вамъ инспекторъ пойдетъ?

— Онъ яко бы не ко мнѣ пришелъ, а яко бы къ моему шурину, къ брату моей жены, который воспитывается въ здѣшнемъ университетѣ и живетъ у меня.

Ганской сдвинулъ брови.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Къ студенту университета инспекторъ могъ придти. За студентами они обязаны смотрѣть.

— Какъ, смотрѣть? У меня-то въ домѣ! Да я его съ лѣстницы спущу!

— Тогда вашего родственника выключатъ изъ университета.

— Какъ! Чтобы я въ свой домъ пустилъ какого-нибудь каналью высматривать, что́ я дѣлаю!

— Не каналью, — зачѣмъ вы такъ выражаетесь, — а профессора университета.

— Да я знать не хочу, что онъ профессоръ. Я только изъ уваженія къ вашей супругѣ не скажу, что я объ немъ думаю, объ этомъ профессорѣ!

Любовь Федоровна встала.

— Я не буду васъ болѣе стѣснять.

И оскорбленная улыбка освѣтила ея лицо такимъ глубокимъ презрѣніемъ къ гостю и вообще къ этой сценѣ, что всѣмъ стало неловко. Вороновъ вскочилъ.

— Прошу тысячу разъ извиненія! Я, можетъ быть, погорячился... Тысячу разъ прошу вашего прощенія!

— Нѣтъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Она поспѣшно отвернулась отъ него и ушла изъ комнаты. Но въ глазахъ моихъ все еще носился образъ этой женщины съ ея то вспыхивавшими, то потухавшими взглядами, съ чорнымъ кружевомъ наколки, лежавшимъ на золотистыхъ прядяхъ волосъ; я видѣлъ еще, какъ на ея губахъ то складывалась неудававшаяся

улыбка, то крѣпко сжимались онѣ, чтобы подавить, можетъ быть, закипавшій въ нихъ гнѣвъ; я помнилъ даже, какъ лежала ея бѣлая, тонкая рука на малиновомъ бархатѣ подушки и съ какой силой ея пальцы нажимали на этотъ бархатъ, какъ-будто вся ея досада ушла въ кончики этихъ пальцевъ.

Послѣ ухода хозяйки, Вороновъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ разразился цѣлымъ громомъ проклятій противъ тѣхъ, кто осмѣлился бы еще разъ такъ дерзко переступать порогъ его дома. Его шуринъ, говорилъ онъ, живетъ у него въ домѣ и этимъ самымъ уже огражденъ отъ всякихъ вторженій университетскаго начальства.

Ганской слушалъ его невозмутимо, продолжая глядѣть подъ столъ.

— Какъ фамилія вашего родственника?

— Трембинскій, Эдмундъ Трембинскій. Моя жена урожденная Трембинская. Я не позволю, чтобы родного брата моей жены третировали, какъ какого-нибудь арестанта!

— Разъ, что онъ въ университетѣ, онъ долженъ подчиняться его правиламъ.

— Вы, ваше превосходительство, примите мѣры, чтобы такихъ правилъ не было. Я вамъ говорю прямо: я такихъ правилъ знать не хочу!

— Это ваше дѣло. Мы вашей свободной воли не стѣсняемъ.

— Въ противномъ случаѣ, не унимался Вороновъ:— я буду жаловаться генералъ-губернатору.

— Генералъ-губернаторъ вамъ скажетъ, что это не его дѣло.

— Мой шуринъ лучше въ гарнизонъ пойдетъ служить, чѣмъ вашимъ нелѣпымъ законамъ подчиняться.

— Что-жь вы мнѣ-то это говорите? Какое мнѣ до этого дѣло!

— Я, милостивый государь, вамъ же желая добра это говорю. Здѣсь на васъ неоднократно всѣ жалуются. Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ благородному человѣку...

— Мы эдакъ съ вами никогда другъ друга не поймемъ. Студентъ Трембинскій извѣстенъ у насъ, какъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ студентовъ. На дому у него бываютъ сборища, которыя начальствомъ запрещены.

— Что такое сборища! Развѣ онъ воръ какой-нибудь? Развѣ онъ на большихъ дорогахъ грабитъ? Кто ему можетъ запретить собирать у себя товарищей!

— Начальство будетъ слѣдить за тѣмъ, кто у него собирается.

— Не позволю я въ своемъ домѣ слѣдить! ни за кѣмъ и ни за чѣмъ! Меня вся губернія знаетъ! Вы можете обо мнѣ кого угодно спросить. Я тридцать-восемь лѣтъ живу на свѣтѣ, — не слыхивалъ, чтобы къ благородному человѣку въ домъ присылали какихъ-то, чортъ ихъ знаетъ...

VII.

Вороновъ уѣхалъ оскорбленный и разсказывалъ потомъ всѣмъ, что къ благородному человѣку, къ дворянину, попечитель подсылаетъ какихъ-то, чортъ ихъ знаетъ, разузнавать, что́ дѣлается въ домѣ. Всѣ въ одинъ голосъ закричали:

— Какая подлость!

И по городу ударили въ набатъ.

Вороновъ былъ человѣкъ вліятельный, имѣвшій большія связи въ губерніи и даже въ Петербургѣ. Швейковскій струсилъ. Подосланный по его приказанію помощникъ инспектора не осмѣлился повторить своего визита. Трембинскій, подъ защитой своего родственника, могъ безнаказанно собирать у себя, по-прежнему, студентовъ. Агенты Швейковскаго рыскали по всему городу, отыскивая вездѣ бунты и разгоняя все мало-мальски похожее на сборище, и только двухъ-этажный каменный домъ Воронова съ бельведеромъ и исполинскими каріатидами, державшими на плечахъ своихъ всю тяжесть балкона, являлся имъ какъ предѣлъ, «его же не прейдеши». Ректоръ часто со злобою смотрѣлъ на этотъ домъ, какъ на ящикъ Пандоры, откуда разлетается и расползается всякое зло по лицу земли, но напасть на него открыто не смѣлъ. Онъ не вычислилъ еще, какъ велика сила Воронова въ Петербургѣ и въ какомъ колѣнѣ приходятся ему роднею лица, близкія ко двору.

Трембинскій былъ мнѣ скоро представленъ, какъ сенаторъ и вице-президентъ въ тайномъ «Обществѣ Ревнителей». Я увидалъ молодого человѣка лѣтъ двадцати-двухъ, съ желтовато-зеленымъ лицомъ, съ глубокими, провалившимися глазами и съ тѣмъ очеркомъ губъ, по которому я привыкъ узнавать людей чувственныхъ и мстительныхъ. До́ма онъ ходилъ въ высокихъ сапогахъ, въ цвѣтныхъ панталонахъ въ обтяжку и въ какомъ-то польскомъ жупанѣ, растегнутомъ на груди и открывавшемъ желтую, канаусовую рубаху съ косымъ воротомъ. Наружностью своею онъ былъ очень занятъ и его видимая небрежность служила скорѣе признакомъ утонченнаго кокетства. Въ его циническихъ отзывахъ о женщинахъ сквозила увѣренность, что ни одна женщина противъ него устоять не можетъ. До́ма онъ занимался тѣмъ, что писалъ для общества рѣчи и проекты, игралъ на кларнетѣ, стрѣлялъ въ комнатахъ изъ пистолета и кормилъ у себя за столомъ андалузскаго жеребца. Затѣмъ, все свободное время наполняли любовныя похожденія и кутежи. Это связало его неразрывной дружбой съ Вороновымъ. Для него Вороновъ отказался даже на время отъ своей любимой мысли: провести водопроводъ изъ города въ свое имѣнье, водопроводъ по образцу древне-римскихъ, который, по грандіозности, ни въ чемъ не уступалъ бы имъ.

Свиданіе Воронова съ Ганскимъ подняло бурю между сенаторами, депутатами и совѣтниками. Давыдовъ поймалъ меня въ университетскихъ корридорахъ.

— Я думаю, началъ онъ: — что не далеко та минута, когда эти люди раскаются въ томъ, что они сдѣлали (подъ «этими» людьми подразумѣвался Ганской и Швейковскій). Вы знаете, я врагъ насилія, но если къ Воронову осмѣлится придти шпіонъ и онъ его спуститъ съ лѣстницы — я буду ему аплодировать. Я вполнѣ понимаю его, потому что самъ на его мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же.

Когда Давыдовъ бывалъ чѣмъ-нибудь разозленъ, онъ уходилъ обыкновенно къ Сухотинымъ, гдѣ его всегда поддерживали. На этотъ разъ мы пошли туда же. Хозяинъ принялъ насъ очень любезно, хотя, по обыкновенію, нѣсколько глубокомысленно.

— Это единственный человѣкъ, говорилъ про него Давыдовъ: — въ которомъ я нахожу тонкое пониманіе жизни. Онъ тяжелъ иногда; онъ иногда просто скученъ, но за то въ немъ нѣтъ нашей русской распущенности, нашего нахальства... Онъ не полѣзетъ къ вамъ съ объятіями, но и никогда ужь не позволитъ себѣ оскорбить васъ.

Извѣстіе о томъ, какъ подло поступилъ Ганской, отказавши Воронову въ его просьбѣ, было принято у Сухотиныхъ очень горячо.

— Вотъ! вотъ наши вельможи! восклицала хозяйка, отодвигая отъ себя съ досадой свою рабочую корзинку.— Je vous demande un peu. На что намъ такіе люди? Развѣ мало есть благородныхъ честныхъ людей, которые могли бы занимать это мѣсто и занимали бы его ужь, ко-

нечно, съ достоинствомъ? (Она подразумѣвала своего мужа). А то посмотрите: у насъ честныхъ людей тѣснятъ, а вотъ такимъ, какъ Ганской, даютъ ходъ!

— Ганской, вступился мужъ: — важенъ не какъ Ганской, а какъ представитель того сословія, которое нами управляетъ. Въ самомъ дѣлѣ! Кто пишетъ намъ законы, кто... qui gouverne la Russie? Кто эти умники, которымъ должны мы повиноваться? Вотъ вамъ, смотрите! Вотъ вельможа, присланный изъ Петербурга, поставленный во главѣ учебнаго вѣдомства нѣсколькихъ губерній! Вѣдь это, по пространству, цѣлое королевство, цѣлая Франція!

— Но вѣдь Ганскому нельзя отказать въ умѣ, замѣтилъ я, больше изъ любопытства.

Сухотинъ смѣрялъ меня взглядомъ съ ногъ до головы.

— Знаете ли, что если-бъ это сказали не вы, я, быть можетъ, и не обратилъ бы на это вниманія, но вы... *вы* ли это говорите?

— Я не считаю его глупѣе себя, а вы знаете, что человѣкъ за мѣрило ума беретъ всегда себя.

— Перестаньте! Спросите кого хотите въ Петербургѣ, всякій вамъ скажетъ, что это человѣкъ весьма, весьма недалекій. Оно, можетъ быть, не такъ замѣтно, потому что приближенные его прикрываютъ, сглаживаютъ, такъ сказать, недостатокъ его ума.

— Признайтесь, вступилась хозяйка: — что вы пишете за него всѣ его бумаги. Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь! вѣдь это ужь всѣмъ извѣстно.

Я не сталъ болѣе возражать.

— И вездѣ, продолжалъ Сухотинъ: — вездѣ это тупоуміе нашей аристократіи! Чѣмъ очевиднѣе бездарность, тѣмъ выше она стоитъ по рангу. Въ нашемъ вѣдомствѣ, напримѣръ. Отъ какого-нибудь дивизіоннаго генерала и до самаго военнаго министра — все это дряхло, гнило; все это нужно обновить... вездѣ поставить молодыя, свѣжія силы... Такъ думаю не я одинъ. — Обратите теперь вниманіе: что̀ мы видимъ? въ арміи ропотъ! среди учащейся молодежи — ропотъ! Если когда-нибудь всѣ недовольные протянутъ другъ другу руку...

Сухотинъ покосился на меня; въ Давыдовѣ онъ былъ слишкомъ увѣренъ, онъ былъ человѣкъ ихъ партіи, но я... что я думалъ о ихъ планахъ?

— Monsieur Германъ, вмѣшалась хозяйка: — можетъ быть несогласенъ съ тобой. Онъ находитъ, можетъ быть, что ты неправъ.

Она не понимала хорошенько значенія словъ мужа. Недовольство его она объясняла тѣмъ, что люди несправедливы къ нему, что онъ желаетъ себѣ только другого, лучшаго мѣста. Это недовольство она вполнѣ раздѣляла, но видѣть въ его словахъ какой-нибудь политическій оттѣнокъ — этого ей и въ голову не приходило.

Отъ Сухотиныхъ Давыдовъ пошелъ ко мнѣ и дорогою сталъ просить меня, чтобы я доставилъ ему какъ-нибудь случай видѣть Любовь Федоровну.

— Что же я могу сдѣлать, Платонъ Николаичъ?

— Если я приду къ ней самъ, она меня не приметъ, — я знаю. Она нарочно теперь нигдѣ не бываетъ, чтобы не встрѣтить меня. Скажите, къ чему это? Что за предосторожности? Неужели она думаетъ, что я ей въ самомъ дѣлѣ скандалъ какой-нибудь сдѣлаю? Что за пошлость!

— Какая вамъ цѣль продолжать съ ней знакомство?

— Какая цѣль? Знаете, есть вещи, о которыхъ какъ-то неловко говорить. Я вамъ скажу только одно: я не люблю уступать того, что когда-нибудь считалъ своимъ.

— Имѣли ли вы на это право, Платонъ Николаичъ?

— Да, я думаю, что имѣлъ. Другіе могутъ думать объ этомъ иначе, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Къ тому же, позвольте вамъ замѣтить, что иногда слово *право,* такъ, какъ у насъ его понимаютъ, не имѣетъ никакого смысла. Всякій его толкуетъ по-своему. По-вашему, напримѣръ, взять женщину и насильно обвѣнчать ее съ собой, воспользовавшись тѣмъ, что у нея закружилась голова отъ вашихъ брилліантовъ, по-вашему это законно и справедливо, а по-моему это возмутительно! По-моему, она просто куплена на звонкую монету, и цѣною ея униженія дѣлаютъ изъ нея тайную совѣтницу и возятъ ее въ каретахъ.

— Отчего же не покупать того, что продается. Вы себѣ покупаете домъ, я покупаю себѣ любовь. Дѣло вкуса!

— Отлично! Если это чувство покупается, значитъ его можно взять и силой.

— Вотъ это ужь будетъ незаконно.

— Я и не забочусь особенно о томъ, чтобы это было законно. Я возьму свое! Съ извѣстнаго рода людьми законность не у мѣста.

— Въ вашихъ лекціяхъ вы всегда проводили идею, что законъ выше всего. Законъ, говорили вы, есть царь міра.

— Я понималъ это не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете. Прежде надо согласиться въ томъ, что законно и что нѣтъ. Я наотрѣзъ отказался отъ такихъ тонкостей. Я съ младенчества чувствовалъ отвращеніе къ опредѣленіямъ: что есть честь? или что есть истина?

— Скажите мнѣ откровенно, продолжалъ Давыдовъ: — вы видите Любовь Федоровну каждый день, неужели вы думаете, что она любитъ своего мужа?

— Богъ ее знаетъ.

— Перестаньте. Самый этотъ уклончивый отвѣтъ показываетъ, что вы знаете все.

Мы шли нѣсколько времени молча.

— Да, сказалъ онъ внезапно: — можетъ быть, если бы я женился на ней, я и разочаровался бы въ ней; я пожалѣлъ бы, можетъ быть, что женился. Въ ней много суевѣрія, которое мнѣ положительно не нравится. Я увѣренъ даже, что я не былъ бы счастливъ съ нею... Но теперь, когда я знаю, что она жена другого, во мнѣ злость какая-то... Я не могу выносить этой мысли.

Если-бъ я могъ развѣнчать ихъ и хоть въ монастырь ее что ли отдать, право, я, кажется, былъ бы счастливъ. Знаете ли, что мнѣ иногда приходитъ въ голову? — что, можетъ быть, эта свадьба и къ лучшему. Это пробный камень: если любовь была — для нея это не препятствіе; если ея не было, тогда все равно! Вотъ вопросъ, который я долженъ рѣшить теперь. Какъ бы онъ ни рѣшился, онъ долженъ рѣшиться. Иначе я не могу жить. Для меня это состояніе невыносимо. Вы не знаете, что значитъ такое напряженное состояніе! У васъ всѣ нервы натянуты и каждую минуту вы чувствуете, что они у васъ лопнутъ. Это пытка какая-то.

Губы у него дрожали, но на лицѣ не выступило краски; оно стало какъ-то еще блѣднѣе, не смотря даже на то, что на дворѣ было свѣжо. Мы обогнули уголъ какого-то казеннаго зданія и совершенно машинально пошли переулкомъ, который выходилъ на пустыри и огороды.

— Что же вы думаете сдѣлать, Платонъ Николаичъ? Если-бъ она даже и любила васъ, вѣдь не захотите же вы, чтобъ она бросила мужа?

— Не захочу? Да я объ этомъ только и думаю! Я заставлю ее бросить мужа. Я докажу ей, какъ позорно жить съ человѣкомъ, къ которому она чувствуетъ презрѣніе. Я не обѣщаю ей блаженства со мною, она можетъ быть несчастлива, но въ этомъ несчастьи не будетъ позора для нея. Тамъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, притворства, вѣчной лжи!

— Васъ не останавливаетъ мысль, что она погибнетъ въ общественномъ мнѣніи?

— Нѣтъ, ни мало. Меня эта мысль не останавливаетъ. Ее не везли въ церковь съ связанными руками. Она была свободна выходить и не выходить за Ганского. Она сдѣлала опытъ. Она думала: можетъ быть, мнѣ и будетъ хорошо, попробую! Прекрасно. Это расплата.

— Общество забросаетъ ее грязью, и тѣмъ болѣе, что она когда-то занимала видное мѣсто въ этомъ обществѣ.

— Ей нѣтъ дѣла до общества! Она будетъ жить для себя и для меня. Если же ее испугаютъ тѣ толки, которые объ ней будутъ ходить, такъ она не стóитъ того, чтобъ я объ ней думалъ. Если я и обѣщалъ преслѣдовать ее, такъ только потому, что надѣюсь найти въ ней эту силу привязанности... Если я ошибся, тѣмъ хуже для меня! Я не буду тогда ее болѣе тревожить; во мнѣ, вмѣсто любви, останется одно презрѣніе. Не думайте, что это такъ только, обыкновенная уловка, что несчастные любовники платятъ презрѣніемъ. Нѣтъ, я чувствую, что это иначе быть не можетъ. Это будетъ! и будетъ помимо моей воли.

— Вѣрю, Платонъ Николаичъ, и совѣтую вамъ: начните съ этого! Она всегда будетъ для васъ посторонней!

Онъ сдѣлался очень блѣденъ.

— Какъ это можно знать! сказалъ онъ глухо.

— Я знаю ее. Вы сами говорите, что вамъ нужно только знать: да или нѣтъ? Я вамъ прямо скажу: нѣтъ!

— Какъ я ни глубоко уважаю васъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ искать отвѣта самому.

Въ словахъ его послышалась вдругъ какая-то странная злоба противъ меня.

— Какъ знаете; я, конечно, мѣшать вамъ не стану.

— Весьма вамъ благодаренъ.

Онъ угрюмо смотрѣлъ себѣ подъ ноги и молчалъ. Такъ прошли мы довольно далеко.

— Если когда-нибудь, началъ онъ съ какой-то злой радостью: — она скажетъ мнѣ, что любитъ меня, — я буду доволенъ! не потому, чтобы мнѣ нужна была теперь ея любовь, — мнѣ нужно или все, или ничего, а такой полу-любви я не хочу, — но потому, что я скажу ей тогда, чего она заслуживаетъ.

Видно было, что ему необходимо было высказать то, что онъ мнѣ сказалъ. Эти мысли преслѣдовали его; онѣ терзали его. Когда онъ высказалъ ихъ, ему стало легче. Иногда бываетъ, что человѣкъ самъ не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Но едва только заговоритъ онъ о своихъ чувствахъ, какъ эти чувства дѣлаются для него совершенно ясны. Ненависть и любовь такъ тѣсно слились въ душѣ Давыдова, что ему полезно было разобрать ихъ и каждой отвести должное мѣсто.

— Вы знаете меня, сказалъ онъ: — во мнѣ есть гордость, но если вы дадите мнѣ случай видѣться съ ней, я буду самый преданный вашъ слуга.

Мнѣ стало жаль его; но случая такого не предвидѣлось, и я ничего не могъ обѣщать ему. Глаза его вдругъ гнѣвно блеснули.

— Хорошо! мнѣ не нужна ваша помощь. На той недѣлѣ Ганскіе ѣдутъ въ деревню. Я буду ее преслѣдовать тамъ, и тамъ мы съ ней увидимся, даю себѣ въ этомъ слово! Вы можете даже сказать ей, что напрасно будетъ избѣгать меня. Пусть лучше она добровольно согласится на это свиданіе.

VIII.

Ганскіе дѣйствительно собирались въ концѣ мѣсяца въ деревню. У студентовъ наступала лѣтняя вакація, и Ганской рѣшилъ воспользоваться ею для жены, которая стала хворать. Любовь Федоровна, никогда не отличавшаяся здоровьемъ, измученная постоянными нравственными потрясеніями (вся ея замужняя жизнь была для нея непрерывной борьбой), то налагала на себя еще какіе-то особенные посты, то вдругъ двѣ ночи сряду, не смыкая глазъ, стояла на молитвѣ или читала, обливаясь слезами, посланія княгини. Мать ея и Юліана разсказывали, какъ онѣ бывали испуганы ночью, когда видѣли ее въ юбкѣ и въ ночной кофтѣ, а иногда и совсѣмъ нераздѣвавшуюся, на колѣняхъ передъ кроватью, надъ которой висѣло у нея распятіе, одно изъ всѣхъ распятій почему-то пользовавшееся ея особеннымъ суевѣрнымъ поклоненіемъ. Разъ ее нашли безъ чувствъ на полу и, опасаясь, что это былъ

припадокъ, подняли на ноги весь домъ, послали верхового за докторомъ. Тотъ нашелъ, что это простой обморокъ отъ сильнаго нервнаго напряженія и долгой безсонницы.

— Развлекать надо ея превосходительство, говорилъ онъ почтительно Ганскому. — Больше на чистомъ воздухѣ, больше движенія, и главное, ночи чтобы спала! главное, чтобы спала!

Ганской при мнѣ предложилъ женѣ, не хочетъ ли она ѣздить верхомъ и не желаетъ ли она, чтобы онъ отвезъ ее на нѣсколько недѣль въ деревню. Она согласилась на все, но такимъ тономъ, какимъ человѣкъ говоритъ:

— Дѣлайте, что хотите, только оставьте меня въ покоѣ!

Тотчасъ же начались приготовленія къ отъѣзду. Любовь Федоровна смотрѣла на все равнодушно. Въ новое помѣстье изъ имѣнья, находившагося въ другой губерніи, выписаны были садовники, берейторы и цѣлый полкъ домашней прислуги. Изъ конскаго завода Ганскихъ, верстъ за шестьсотъ, пригнали лошадей, изъ Петербурга прислана была мебель и экипажи. Дѣлалось это все больше по настоянію «мамаши», съ которою Ганской имѣлъ неосторожность посовѣтоваться и которая убѣдила его, что для спокойствія, а также и для здоровья ея дочери необходимо окружить ее всевозможною роскошью.

Любовь Федоровна увидала, что каждый шагъ ея окруженъ удобствами, что за каждымъ движеніемъ ея слѣдятъ съ нѣжной заботливостью, — и это стало ее раз-

дражать. Ей надоѣдали своей предупредительностью не мужъ, но мать и родня, дѣйствовавшія отъ имени мужа.

— Кажется, они думаютъ, говорила она съ досадою: — что я не могу иначе ходить, какъ по бархату; что если мнѣ подаютъ ѣсть, такъ надо ужь подать что-нибудь до того удивительное, что просто даже гадко! Всѣ эти ахи, вздохи... если я кашлянула — скакать за докторомъ, если я мало ѣмъ за обѣдомъ — дѣлать сцену повару, — все это для меня отвратительно. Я буду ѣсть, что попало, оставьте меня только въ покоѣ! Я никому ни на что не жалуюсь, зачѣмъ же эти постоянныя сожалѣнія, вмѣшательства? Я должна отдать справедливость Сергѣю Леонтьичу: онъ держитъ себя очень деликатно съ моей родней. Мамаша вмѣшивается рѣшительно во все: она позволяетъ себѣ просто дѣлать ему выговоры. Онъ всегда обращаетъ это въ шутку, но я знаю, что это ни для кого не можетъ быть пріятно. Представьте себѣ, она вчера при немъ дѣлаетъ сцену его камердинеру! Не помню, что онъ сказалъ Сергѣю Леонтьичу... «Какъ онъ смѣлъ это сказать!» «Вы хамы, халопы! вы забываетесь. Вы не имѣете къ господамъ никакого уваженія!» Ну, скажите, ради Бога, если Сергѣй Леонтьичъ молчитъ, какое ей до этого дѣло? Понятно, что хохолъ сказалъ ей дерзость. Онъ не привыкъ, чтобы съ нимъ такъ обращались.

— Что же Сергѣй Леонтьичъ?

— Вы его знаете. Слушалъ, молчалъ, улыбнулся и

ушелъ. Нельзя сказать, чтобы я была къ нему пристрастна, а между тѣмъ я прямо скажу: тутъ онъ правъ, совершенно правъ, тогда какъ другіе... Мнѣ стыдно иногда за моихъ родныхъ. Онъ имѣетъ полное право упрекнуть меня за нихъ. Рѣдкій день проходитъ, чтобы мамаша не сдѣлала кому-нибудь сцены.

Любовь Федоровна была права. Мамаша ея вела себя очень странно. То въ комнатѣ она видѣла безпорядокъ, то лошади не были поданы во́-время, то ей казалось, что лакей неучтиво поглядѣлъ на нее. Она волновалась, кричала на прислугу, и если не находила себѣ ни въ комъ сочувствія, то начинала плакать. Съ дочерью она была нѣжна по прежнему и только изрѣдка попрекала ее, но отношенія ея къ зятю были язвительно вѣжливыя. Она всегда говорила съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который кругомъ виноватъ передъ ней и котораго она прощаетъ только по своей безконечной снисходительности. Ганской этого, казалось, не замѣчалъ. Онъ слушалъ равнодушно и изрѣдка только, когда намекъ попадалъ на слишкомъ больное мѣсто его отношеній къ женѣ, сильно и быстро краснѣлъ, но также упорно молчалъ. Иногда же, что для «мамаши» было гораздо обиднѣе, отвѣчалъ ей шутками.

— Любочка, съ какой стати тебѣ держать Машку, когда отъ нея, кромѣ грубостей, ничего не слышишь? Прогони ее, душа моя. Вѣдь въ этомъ никакой заслуги нѣтъ, чтобы позволять своимъ хамамъ говорить себѣ грубости.

— Я не понимаю, мамаша, что она вамъ сдѣлала? Я отъ нея никогда ничего не слыхала.

— Ахъ, душа моя, ну да у васъ въ домѣ все позволяется... У васъ люди дѣлаютъ что хотятъ!

— Что тамъ, замѣтилъ Ганской: — вѣдь они насъ не бьютъ.

Мамаша сдѣлала отчаянный жестъ.

— Пожалуйста... Devant les gens!..

— Я считаю, что если меня не бьютъ, такъ мнѣ больше ничего и не нужно.

— Я васъ прошу... devant les gens... Мы можемъ послѣ этотъ разговоръ кончить.

Любовь Федоровна невольнымъ движеніемъ смахнула со стола блюдечко. — это было за чаемъ, — и, вся пунцовая, нагнулась, чтобы поднять его.

Въ такихъ случаяхъ Юліана, если она была тутъ, выручала всѣхъ своимъ враньемъ. Она одна умѣла нѣсколько оживлять тѣ натянутыя отношенія, которыхъ Ганской боялся больше всего. Когда мамаша готовилась сказать что-нибудь очень колкое, она вдругъ начинала разсказывать, какъ одинъ капитанъ увезъ потихоньку дѣвицу, которую никто не стерегъ. Если Любовь Федоровна сидѣла скучная и сердилась на все, чтó бы ей ни говорили, Юліана начинала представлять, какъ купцы пьютъ въ трактирѣ чай, или какъ судья, извѣстный обжора, ѣстъ осетрину. И все это она дѣлала не изъ желанія позабавить другихъ, а просто потому, что ей до смерти хотѣлось представить и купца, и судью. Она никому не

навязывала себя. «Хотите — слушайте, не хотите — какъ хотите!» Ганской любилъ ее за это, часто болталъ съ нею и смѣялся. Тётушки и кузины взглянули на это подозрительно. Скоро въ городѣ меня стали спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, правда это, что Ганской въ интригѣ съ женой Швейковскаго?

А черезъ двѣ недѣли мнѣ уже не въ видѣ вопроса, а въ видѣ свѣжей новости разсказывали:

— Представьте себѣ! ректорова-то Юліана — bien-aimée попечителя! Она у него и днюетъ, и ночуетъ, и они нисколько ужь этого не скрываютъ. Бѣдная жена! Я воображаю, каково ея положеніе.

— Да, оно было бы ужасно, но дѣло въ томъ, что это сказка.

— Что вы мнѣ разсказываете! Да объ этомъ теперь весь городъ знаетъ, это ясно какъ день. Вотъ вамъ ужь доказательство, что ректоръ вошелъ въ такую силу! Съ какой стати онъ сталъ бы приближать его къ себѣ? Эта нахальная полька цѣлый день у него въ домѣ, и жена ничего не можетъ сдѣлать. Несчастная женщина!

Скоро эта сплетня о нахальной полькѣ, которая въ интригѣ съ попечителемъ, и о страданіяхъ бѣдной m-me Ганской пріобрѣла достовѣрность исторіи, почерпнутой изъ государственныхъ архивовъ. M-me Сухотина стала теперь говорить о «бѣдной Любочкѣ» со вздохомъ:

— La pauvre femme! Combien elle doit souffrir!

И въ этомъ вылилась женская досада на то, что пріятельница сдѣлала блестящую партію.

За нѣсколько дней до отъѣзда въ деревню, мамаша подняла страшную суматоху. Хотя деревня была отъ города всего въ 12-ти верстахъ, но ѣхали, судя по приготовленіямъ, за тысячу верстъ. Ганской, нетерпѣвшій суматохи, или уходилъ изъ дому, или сидѣлъ въ канцеляріи, потому что даже и у себя въ кабинетѣ онъ былъ бы не совсѣмъ безопасенъ отъ набѣговъ. Туда приходилъ къ нему докторъ, за которымъ онъ посылалъ тайно отъ домашнихъ, и котораго сталъ угрюмо распрашивать о здоровьи жены.

— Ничего опаснаго, ваше превосходительство; не извольте безпокоиться. Правильная жизнь...

— Странный вы человѣкъ! Какъ вы ее заставите правильную жизнь вести! Послушайте, не поѣдете ли вы со мной въ деревню?

— Ваше превосходительство, моя практика...

— Во сколько вы цѣните вашу практику?

Докторъ замялся.

— Это опредѣлить довольно трудно...

Кончилось однако тѣмъ, что докторъ согласился ѣхать съ нами въ деревню. Любовь Федоровна узнала это и осталась очень недовольна.

— Напрасно Сергѣй Леонтьичъ хлопочетъ; я лечиться не стану. Онъ, вѣрно, находитъ, что у насъ мало народу въ домѣ. Если ему это не надоѣло, то *мнѣ* надоѣло.

Она съ каждымъ днемъ становилась все раздражительнѣе. Я ее не узнавалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мамаша

ставила около нея по ночамъ караулъ, она возненавидѣла всю свою родню и всѣхъ тѣхъ, кто ходилъ за ней по пятамъ, охраняя ея здоровье.

Въ день отъѣзда, у крыльца дожидалась четверомѣстная дорожная коляска, съ нѣсколько потертымъ сидѣньемъ и съ пятнами на свѣтлой матеріи, за что Ганской и получилъ недавно косвенный выговоръ, какъ за экипажъ, неприличный его сану. Въ каретѣ еще наканунѣ уѣхала въ деревню мамаша. Въ коляскѣ ѣхалъ Ганской съ женой, я и Юліана. Когда дамы сѣли, а Ганской взялся уже за дверцу, чтобы вскочить на подножку, Юліана вдругъ ахнула и закивала головой. Черезъ улицу переходилъ Давыдовъ и прямо направился къ нашему экипажу.

— Что вы, укололись что ли? спросилъ ее Ганской, не зная о причинѣ ея восклицанія.

— Смотрите, шептала Юліана: — красавецъ-то идетъ! брюнетъ! Ахъ ты, батюшки!

Любовь Федоровна слегка тронула ее за рукавъ.

— Перестаньте, пожалуйста!

Давыдовъ между тѣмъ подошелъ къ коляскѣ и, сухо поклонившись дамамъ, обратился къ Ганскому:

— Я слышалъ, ваше превосходительство, что вы ѣдете въ деревню, и рѣшился обезпокоить васъ своей просьбой.

Ганской посмотрѣлъ на него изподлобья.

— Позвольте мнѣ, продолжалъ Давыдовъ: — по-

просить у васъ разрѣшенія на право охоты въ вашихъ лѣсахъ.

— Да тамъ ничего нѣтъ, кажется.

— Я слышалъ, напротивъ, что тамъ много дичи. Если вы позволите мнѣ...

— Да сдѣлайте одолженіе.

Давыдовъ слегка приподнялъ фуражку и опять какъ-то вскользь, мимоходомъ, поклонился дамамъ, не взглянувши ни на одну изъ нихъ, потомъ отстранился отъ экипажа, какъ-бы желая сказать:

— Поѣзжайте, я васъ болѣе не задерживаю.

Кучеръ дѣйствительно, въ то же почти мгновеніе, тронулъ лошадей. Юліана стала опять ахать. Остановленный на мгновеніе, потокъ ея восторговъ полился безъ удержу.

— Господи, какой брюнетъ! Дали бы еще посмотрѣть немножко! Посмотрѣла бы, да и заговѣлась. Немного вѣдь такихъ брюнетовъ-то! а въ деревнѣ-то и совсѣмъ не найдешь.

— Ну что вамъ, замѣтилъ Ганской: — вѣдь и я почти брюнетъ. Смотрите на меня.

— Убирайтесь вы совсѣмъ! Ахъ, не могу его забыть! Ахъ, вѣдь вотъ есть же такія счастливыя, что на нихъ такіе женятся! Выцарапаю глаза той чертовкѣ, которая его на себѣ женитъ.

Любовь Федоровна чувствовала, что ей надо что-нибудь сказать. Поэтому, она замѣтила Юліанѣ, что ея

выраженія совсѣмъ не отборныя и въ гостиной высшаго круга не были бы приняты.

— Ахъ, плюю я на нихъ совсѣмъ! За этакимъ брюнетомъ, душа моя, всякая бы барыня ушла. Ну, что у насъ съ тобой мужья? мужья, какъ мужья, и глядѣть-то на нихъ не стоитъ. А вѣдь это красота!

Ганской поглядѣлъ на жену.

— Вы были съ нимъ, кажется, прежде знакомы?

— Была.

— Любочка его очень одно время занимала, сболтнула Юліана. — Онъ въ нее даже, кажется, былъ влюбленъ. Правда вѣдь? обернулась она ко мнѣ.

— Не знаю, я у него не спрашивалъ.

Ганской усмѣхнулся.

— Вотъ какъ! Чѣмъ же это ухаживанье кончилось?

— Да тѣмъ, что вотъ вы на ней женились, — онъ и повѣсилъ носъ. А какой брюнетъ-то! Не зналъ, за кѣмъ ухаживать. Ужь вотъ я бы ему ни за что не отказала.

Ганской посмотрѣлъ опять на жену. Она слушала, казалось, равнодушно.

— Вотъ какъ! повторилъ онъ: — я не зналъ этого. Давыдовъ былъ въ васъ влюбленъ?

Любовь Федоровна лѣниво подняла глаза.

— Можетъ быть, онъ говорилъ объ этомъ Юліанѣ. Мнѣ онъ никогда ничего не говорилъ.

— Слышите! Да это всѣ видѣли. Что тутъ говорить-то! Бывало, дня не проходитъ, чтобы онъ не пришелъ. Помнишь, еще мамаша все жаловалась. Я, гово-

ритъ, этого знакомства не желаю вовсе. Я съ ней какіе споры-то поднимала! Такой брюнетъ-то, говорю! Ты знаешь, ужь я твоей мамашѣ никогда не смолчу.

Любовь Федоровна казалась утомленной; Ганской молчалъ.

— Что ужь, дѣло прошлое, продолжала Юліана, по привычкѣ своей никогда не соображая, что̀ она говоритъ: — я одно время думала, что и ты къ нему неравнодушна. Грѣшный человѣкъ, думала, что ты разсердишься. Бывало, скажутъ, что Давыдовъ пришелъ, — ты такъ и вспыхнешь! Ужь признайся!

По странному стеченію обстоятельствъ Любовь Федоровна вспыхнула и теперь.

Какой пустой случайности достаточно иногда, чтобы заронить искру. Наступило странное, неловкое молчаніе. Каждый почувствовалъ вдругъ, что было сказано что-то лишнее. Юліана замѣтила смущеніе Любови Федоровны, но подумала вѣроятно: «что-жь такое? Какая бѣда!» Сама она измѣняла своему мужу каждую недѣлю, если называть измѣной желаніе бѣжать съ каждымъ красивымъ мужчиной. Она смотрѣла на это такъ легко, что и понять не могла, чѣмъ тутъ мужъ можетъ обижаться. Ея мужъ, не смотря на свой бѣшеный характеръ, не былъ ревнивъ. Она сама разсказывала, какъ одинъ гусаръ становился передъ ней на колѣни и умолялъ полюбить его.

Но что-то крайне тяжелое было въ этомъ минут-

номъ молчаніи, хотя Юліана и заговорила скоро о лошадяхъ и о разныхъ разностяхъ.

IX.

Скоро изъ города пріѣхалъ Давыдовъ съ двумя молодыми людьми и остановился на деревнѣ у одного мужика. Мамаша тотчасъ же выразила по этому случаю свое неудовольствіе.

— Что это за неприличіе! Что за нахальство такое! Этимъ онъ прямо на знакомство навязывается! Я бы на вашемъ мѣстѣ (она обратилась къ Ганскому) сказала бы ему, что тутъ совсѣмъ не мѣсто. Тутъ не трактиръ какой-нибудь!..

— Что вы безпокоитесь. Онъ къ вамъ сюда не придетъ.

— Ахъ, Боже мой! Какъ будто я про себя говорю. Я для васъ же... Что такое!.. Какое это для васъ знакомство! Вы его начальникъ. Эти люди какъ-разъ забудутся. Вотъ и Любочка: онъ прежде съ ней былъ знакомъ, а теперь что такое? — теперь она ему начальница, а не знакомая! помилуйте! Что такое за знакомые!

— Прошу васъ, мамаша, вмѣшалась Любовь Федоровна: — оставимте этотъ разговоръ.

— Ахъ, что-жь я такое сказала! Ну, если это что-нибудь обидное, я молчу; я готова цѣлый день молчать. Мнѣ все равно. Приведите этого Давыдова хоть сюда въ залу, хоть карету за нимъ посылайте, мнѣ-то какое

дѣло! Я если и говорила, то не для себя; конечно, ужь не для себя!

Ганской смотрѣлъ на собачонку, бѣгавшую по комнатѣ съ клубкомъ. Слова его тёщи звучали, казалось, совсѣмъ не для него. Онъ дожидался обѣда.

— Меня не хотятъ слушать, продолжала мамаша:— думаютъ, что это капризъ какой-нибудь; но пусть ужь лучше Богъ знаетъ, что думаютъ, а я все-таки скажу свое... Какъ это пускать всякаго въ свое имѣнье! Точно здѣсь дача. На моихъ рукахъ племянницы, молодыя дѣвушки; да я ихъ теперь за порогъ не пущу! Какъ я могу ихъ пустить! Тамъ пріѣхали Богъ знаетъ кто... какіе-то трое... будутъ здѣсь рыскать... Да я сама теперь никуда не пойду!

— Гдѣ-жь это Богъ знаетъ кто? замѣтилъ Ганской. — Вѣдь вы Давыдова принимали у себя въ домѣ.

— Ахъ, принимала, потому что не могла же я его прогнать. Вотъ это странно! Конечно, принимала. И всегда думала, что онъ гордецъ, безбожникъ, который объ себѣ Богъ знаетъ что думаетъ. Никто Ѳедѣ столько непріятностей по службѣ не сдѣлалъ, какъ онъ. А, конечно, если послѣ этого онъ смѣлъ все-таки придти къ намъ въ домъ, не могла же я его выгнать. Я приличія знаю, хотя можетъ быть нѣкоторые и думаютъ, что я ничего ужь не знаю, потому что я въ Петербургѣ не была. (Камень этотъ полетѣлъ въ мой огородъ. Мамаша съ тѣхъ поръ, какъ стала жить у дочери, почему-то не взлюбила меня и никогда ужь не встрѣчала такъ стре-

мительно любезно, какъ прежде. Стремительную любезность она хранила только для постороннихъ; какъ только человѣкъ мало-мальски становился у нея домашнимъ, она сбрасывала одну за одной всѣ свои оболочки и являлась той самой «мамашей», которую я узналъ только въ домѣ Ганского).

— Спросите у Любочки, продолжала она: — я всегда говорила, что этотъ Давыдовъ пренепріятный человѣкъ. Его и мать-то была такъ себѣ, какая-то потаскушка!.. А дядя-то его мнѣ ужь очень хорошо знакомъ: за растрату казенныхъ денегъ судился! и женатъ былъ на Дуняшкѣ, на дочери приказнаго.

— Скоро что ли мы обѣдать-то будемъ? спросилъ Ганской.

— Теперь это опять! говорила мамаша, не унывая: — какъ онъ за Любочкой ухаживалъ! Мнѣ это очень, очень не нравилось. Точно женихъ какой-нибудь! Что за вольность такая. Ну, хорошо, онъ на мою дочь напалъ: она въ Петербургѣ и не такихъ видала; а вѣдь другой бы неопытной дѣвушкѣ голову свертѣлъ! и погибла бы дѣвушка! Онъ вѣдь красивъ, какъ бѣсъ. Вотъ я и теперь говорю: что такое? Пріѣхали какіе-то трое... тутъ рыскать!

Ганской посмотрѣлъ на нее.

— Если вы позволяли ему за вашей дочерью ухаживать, такъ чего же вы теперь боитесь?

— Ахъ, Боже мой, вы мнѣ это не въ упрекъ ли говорите! Мнѣ 50 лѣтъ. Я знаю, что дѣлаю. Моя дочь

видѣла свѣтъ, слава Богу. Она не какая-нибудь неопытная дѣвчонка, чтобы всякому на шею вѣшаться.

Любовь Федоровна давно уже оставила работу и смотрѣла въ окно на садовника, который поливалъ клумбы. Послѣднія слова матери заставили ее обернуться.

— Я не знаю, сказала она рѣзко: — неужели этотъ разговоръ можетъ быть пріятенъ?

Мамаша обидѣлась, но Ганской велѣлъ давать обѣдать и тѣмъ положилъ конецъ этой сценѣ.

Послѣ обѣда я пошелъ на деревню къ Давыдову. Пріѣзжіе, какъ настоящіе авантюристы, остановились не въ избѣ, а въ овинѣ. Туда принесли имъ куль овса, изъ котораго сдѣланъ былъ диванъ, и чисто выскобленный деревенскій столъ, на которомъ я увидалъ ужь и стаканы, и пирожки, и ромъ, и табакъ. Давыдовъ, чистоплодный до брезгливости, видимо не былъ причиной этого хаоса, гдѣ пирожки такъ легко могли получить запахъ курительной трубки. Присутствіе Эдмунда Трембинскаго объяснило мнѣ все. Надо было приготовиться къ тому, что изъ одной миски съ нами будетъ ѣсть андалузскій жеребецъ, что въ овинѣ скоро начнется стрѣльба въ цѣль, а въ промежуткахъ будутъ играть на трубѣ.

— Самый лучшій пуншъ, говорилъ Эдмундъ такъ, что я слышалъ его еще на улицѣ: — лучшій пуншъ дѣлается изъ чаю, померанцевъ и ямайскаго рому. Кто хвалитъ другой, тотъ ничего не смыслитъ!

Бывшему съ нимъ камердинеру онъ приказалъ до-

стать изъ погребца щипчики для выжиманія сока изъ померанцевъ. Приборъ былъ серебряный, вызолоченый и вообще свидѣтельствовалъ объ аристократическихъ наклонностяхъ Эдмунда. Въ своей канаусовой рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ, съ откинутыми назадъ рукавами какого-то фантастическаго кунтуша, онъ принялся за работу своими бѣлыми, нѣжными, почти женскими руками, и, выкидывая на полъ выжатыя корки, каждымъ движеніемъ своимъ какъ-будто говорилъ:

— Мы хотя и на кулѣ овса сидимъ, хотя мы вотъ тутъ и стряпаемъ сами, а порода все видна. Порода великое дѣло!

Давыдовъ стоялъ у отворенныхъ воротъ овина и разсѣянно смотрѣлъ на сосѣднюю избу. Ни рѣчи, ни занятіе его товарища видимо не интересовали его. Опытный и безпристрастный наблюдатель могъ бы замѣтить, что онъ смотрѣлъ на Эдмунда съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Мнѣ сказали, что васъ трое. Гдѣ же третій? полюбопытствовалъ я.

— Ушелъ куда-то; кто его знаетъ. Вы откуда?

— Я изъ барскаго дома.

— Славный тутъ паркъ, замѣтилъ Эдмундъ. Я прежде тутъ бывалъ, у графини Боргъ. И домъ не дуренъ; въ особенности голубая гостиная. Что, она существуетъ теперь?

И не дожидаясь отвѣта, — Эдмундъ никогда не имѣлъ привычки ждать отвѣтовъ, — продолжалъ:

— Да, эта гостиная мнѣ памятна. Угловой диванчикъ, знаете около двери въ библіотеку, этотъ диванчикъ многое, многое мнѣ напоминаетъ. Хорошенькая была женщина графиня.. Я говорю про внучку, разумѣется, не про бабушку, которая жадна до невѣроятія и наняла разъ... ха-ха! наняла за цѣлковый какого-то семинариста, чтобы написать пасквиль на моего отца. Кстати, что̀ эта Ганская — порядочная женщина? Я разумѣю, хороша ли она?

— Графиня Боргъ, сказалъ Давыдовъ не оборачиваясь: — была бы передъ ней смазливой дѣвчонкой, не больше.

— Ну, знаете... Графиню надо было тоже видѣть...

— Я ее видалъ: такъ себѣ, недурненькая особа; Ганская — красавица.

Эдмундъ нѣсколько обидѣлся.

— Чортъ знаетъ, какъ трудно на людей угодить! Не вы ли прошлый годъ восторгались одной особой, которая ужь совсѣмъ не была хороша; этой, какъ ее... я всегда забываю ея фамилію.

— И не трудитесь припоминать.

Я увидѣлъ въ эту минуту, что по двору идетъ копна сѣна. Поровнявшись съ воротами, она круто повернула и вошла въ овинъ. Тутъ копна съ шумомъ разсыпалась по притоптанной, гладкой какъ полъ, землѣ, и изъ середины ея стало выдѣляться что-то похожее на человѣческое существо. По нѣкоторомъ разсмотрѣніи, я убѣдился, что это студентъ Робушъ. Его сюртукъ, весь

покрытый тимофѣевой травой, лисьими хвостами и прочими мало извѣстными мнѣ тра́вами, его волосы, въ которыхъ было теперь больше сѣна, чѣмъ волосъ, ясно указывали на родъ его занятій: онъ былъ на фуражировкѣ.

— А, здравствуйте! Усталъ, какъ собака. Вотъ этотъ (онъ указалъ на Эдмунда) не могъ мнѣ человѣка своего дать. Некому будетъ, видите ли, вещи изъ погребца вынимать. Баринъ! Любитъ пріѣхать на все на готовое.

Давыдовъ тоже ничего не дѣлалъ, но это для Робуша казалось вполнѣ естественнымъ. Давыдовъ былъ для студентовъ существомъ высшимъ, до котораго мелочи жизни не могли касаться.

— Давайте, что ли, шинель-то! сердито обратился онъ къ камердинеру. И, не дожидаясь отвѣта, самъ схватилъ плащъ, бросилъ его на сѣно и сѣлъ на него.

— Что, я скоро кипятку дождусь? спросилъ Эдмундъ. Чего эти скоты тамъ сидятъ!

Человѣкъ ушелъ.

— День-то какой! началъ вдругъ Робушъ, нѣсколько уже растроганный тѣмъ, что онъ отдыхалъ на сѣнѣ: — просто не день, а элексиръ какой-то!

Я начиналъ уже задавать себѣ вопросъ, зачѣмъ эти господа пріѣхали сюда. Цѣль Давыдова я зналъ; но какъ они сюда попали? Неужели онъ пригласилъ ихъ съ собой? Дѣло скоро разъяснилось: Давыдовъ оставался здѣсь на нѣсколько дней, они же ѣхали въ другую деревню,

гдѣ стоялъ съ ротою другъ и пріятель Эдмунда, какой-то Жарковскій.

— На совѣщаніе ѣдемъ! сообщалъ мнѣ Робушъ съ таинственнымъ видомъ.

— Не хотите ли? предложилъ Эдмундъ: — послѣ завтра тамъ первая палата собирается.

Я уже былъ на двухъ засѣданіяхъ и видѣлъ, что на меня сильно разсчитываютъ, какъ на человѣка, который могъ бы быть обществу полезенъ. Кромѣ того имъ важно было, чтобы я возвратилъ бумаги, которыя находились еще у меня.

— Что же у васъ тамъ будетъ?

— А то, что вамъ Жарковскаго надо въ члены записать. Мы думаемъ его въ седьмой союзъ.

— Къ чертямъ седьмой! крикнулъ Робушъ. — Не въ седьмой, а во второй!

— Нельзя во второй, мы тебѣ вчера говорили. Что ты толкуешь.

— А то я толкую, что въ седьмомъ секретаремъ Матвѣй, а Матвѣй съ Жарковскимъ никогда не уживутся! Вотъ вы увидите, что они другъ другу глаза выцарапаютъ! Вотъ вы увидите.

— Такъ и во второй нельзя; все равно, тамъ Ласковскій, а Ласковскій — это такая собака, которой кости кидать нельзя.

— Ну, такъ въ четвертый можно.

— А Куржанъ?

— Что-жь Куржанъ! Съ Куржаномъ скорѣе можно

ужиться, чѣмъ съ Матвѣемъ. Тотъ прямо на рогатки лѣзетъ.

— Я буду подавать голосъ за седьмой, диктаторскимъ тономъ замѣтилъ Эдмундъ.

— Къ чертямъ! Подавай за седьмой! а я за второй.

Давыдовъ не принималъ участія въ разговорѣ и слушалъ его все съ тѣмъ же видомъ тонкаго презрѣнія.

— Ты не читалъ моего проекта? спросилъ Эдмундъ, набивая себѣ трубку.

— Э, братъ, я самъ проектъ написалъ, да чортъ ли въ немъ! очередь не дойдетъ. Двѣнадцать проектовъ въ одинъ шестой союзъ представили.

— Ну, мой-то станутъ читать. Я Чарковскому говорилъ. Со мной-то они не поднимаютъ носъ; я имъ нуженъ.

— Вотъ кабы Платонъ Николаичъ намъ что-нибудь прочиталъ!

Давыдовъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слыхалъ. Эдмунду эта фраза тоже не нравилась.

— Въ моемъ проектѣ, продолжалъ онъ, тоже показывая, что онъ не обращаетъ на нее вниманія: — въ моемъ проектѣ я ставлю на первый планъ сліяніе съ арміей. Армія должна служить намъ опорой.

— Сколько вы тысячъ думаете привлечь? спросилъ я.

— Да вотъ, во-первыхъ, корпусъ генерала Р. Это, я думаю, будетъ не особенно трудно. Это мы устроимъ. Начальникъ штаба хорошъ съ Вязмитиновыми, а Вяз-

митиновыхъ вы знаете. Офицеровъ тамъ пропасть знакомыхъ: Панинъ, Морозовъ, Худаковъ... Вы, впрочемъ, знаете (я ровно ничего не зналъ). Затѣмъ дивизія князя. Мы будемъ глупы, если упустимъ ее изъ рукъ. Она сама дается намъ въ руки. Князь Григорій — это такое добрѣйшее, такое благороднѣйшее существо... Онъ самъ первый бросается въ наши объятія. Потомъ, не надо забывать, что у насъ есть фондъ, а съ фондомъ можно всегда создать армію. Дайте мнѣ денегъ — и я вамъ изъ этого стакана сдѣлаю превосходную армію!

— Браво, Эдмундъ! подхватилъ Робушъ. — Эту фразу мы запишемъ въ протоколъ. Я предлагаю, чтобы эту фразу взяли паролемъ. Отлично; изъ этого стакана я сдѣлаю вамъ армію!

— Но дайте денегъ, повторилъ Эдмундъ, улыбаясь.

— Такъ! Такъ ихъ и надо. Пусть знаютъ, что ихъ подлая скаредность всему причиной. Фондъ, кричатъ, фондъ! а въ фондѣ два франка и нѣсколько сантимовъ!

— Нѣтъ, у насъ фондъ есть, замѣтилъ съ неудовольствіемъ Эдмундъ.

— Два франка и нѣсколько сантимовъ! упорно повторялъ Робушъ. — Я имъ послѣ завтра покажу, какъ честные люди должны поступать. Послѣдніе 20 рублей отдамъ; часы мнѣ мать подарила — къ чертямъ и часы!

Эдмундъ, который отдавалъ въ «Общество» небольшую часть своихъ карманныхъ денегъ, и не пожертвовалъ бы ни однимъ изъ своихъ удобствъ, не только что состоя-

ніемъ, поспѣшилъ замять этотъ непріятный для него разговоръ.

— Изъ чего же это вы армію создадите? спросилъ вдругъ озлобленно Давыдовъ.

Я видѣлъ, что онъ былъ на что-то золъ вообще, а на Эдмунда въ особенности.

— Какъ изъ чего?

— Да-съ, такъ: изъ чего?

Эдмундъ нѣсколько смѣшался.

— Я это въ своемъ проектѣ объяснилъ, сказалъ онъ вдругъ съ апломбомъ.

Давыдовъ взглянулъ на него, не скрывая уже болѣе своего презрѣнія.

— Не прикажете ли понимать вашу армію въ буквальномъ смыслѣ, вотъ какѣ я ее вижу теперь: армія изъ стакановъ?

— Вы ныньче, Платонъ Николаичъ, или не выспались, или плохо пообѣдали.

Эдмундъ сказалъ это съ нѣкоторой усмѣшкой, но въ глазахъ его заискрилась злоба.

— Не хотите ли пройтись? предложилъ мнѣ Давыдовъ, не обращая болѣе на него вниманія.

И онъ вышелъ, не слушая Робуша, который кричалъ ему, что самоваръ скоро принесутъ.

— Негодяй первой руки! отозвался онъ объ Эдмундѣ, быстро удаляясь отъ овина, какъ-будто изъ опасенія, чтобы не было погони. — Пустозвонъ, который пишетъ безграмотные проекты, въ аудиторію ходитъ только для

того, чтобы рисовать на профессоровъ каррикатуры, обнимается съ каждой юбкой, такъ что ни одна порядочная женщина съ нимъ одна не останется, и думаетъ, что онъ созданъ быть диктаторомъ. Хочетъ, чтобы всѣ ему кланялись, всѣ слушали его проекты и восхищались егс умомъ, котораго едва ли, однакожь, хватитъ на то, чтобы хорошо играть на трубѣ. Его терпятъ потому только, что онъ богатъ, а онъ вообразилъ, что намъ нуженъ его геній. Такой нестерпимой заносчивости я еще ни въ комъ не видалъ. Ему одна барыня прямо сказала, прошлый годъ, что его нужно еще сѣчь. Чтó же вы думаете? Онъ ей за это потомъ сдѣлалъ скандалъ! И эдакому-то канальѣ покланяются, потому что у него вліятельный родственникъ!

Въ горячности своей Давыдовъ не замѣчалъ, что нашелъ въ Трембинскомъ частичку самого себя, т. е. свою гордость и самообожаніе, но безъ своего ума и такта, отчего все это еще болѣе бросалось въ глаза. Была между ними и еще одна глубокая разница: Давыдовъ былъ въ душѣ не злой человѣкъ, Трембинскій же, какъ я послѣ узналъ, доходилъ иногда до какой-то звѣрской жестокости.

X.

Къ сожалѣнію своему, я сталъ замѣчать, что отношенія между Ганскимъ и его женою становятся очень натянутыми. И что всего страннѣе, причиной этому

была не она, а самъ Ганской. Онъ все болѣе и болѣе удалялся отъ нея. Когда онъ уходилъ изъ дому, то шелъ или одинъ, или со мною, никогда ни однимъ словомъ не выражая желанія, чтобы жена сопровождала его. Когда онъ бывалъ дома, то рѣдко принималъ участіе въ разговорѣ, а больше молчалъ, или просто что-нибудь читалъ; все, что́ дѣлалось около него, казалось ему какъ-будто сномъ. Неумолкаемыя рѣчи мамаши, постоянно обсуждавшей какой-нибудь вопросъ, будетъ ли то вопросъ о приличіяхъ или о георгинахъ, посаженныхъ передъ балкономъ, болтовня кузинъ, вранье Юліаны,— все это такъ мало занимало его, что онъ имѣлъ видъ человѣка, попавшаго въ общество австралійскихъ дикарей и рѣшительно непонимавшаго, чего отъ него хотятъ.

Съ переѣздомъ въ деревню, въ немъ совершился какой-то странный переворотъ. Онъ все чаще и чаще сталъ пропадать изъ дому по цѣлымъ днямъ, какъ-будто цѣлью его было теперь уйти какъ можно дальше отъ своей семейной жизни.

Въ Любови Федоровнѣ тоже, по отношенію къ мужу, я замѣтилъ перемѣну: она стала къ нему снисходительнѣе. Этимъ она обязана была своимъ роднымъ. Она находила возмутительнымъ ихъ поведеніе, ихъ своеволіе, ихъ страсть во все вмѣшиваться и всѣмъ распоряжаться въ домѣ этого человѣка, который каждую минуту могъ ихъ всѣхъ выгнать изъ дому, и не только этого не дѣлалъ, но былъ съ ними крайне деликатенъ... У нея стала вкрадываться незамѣтными, микроскопическими долями

мысль о томъ, что, можетъ быть, она была не совсѣмъ справедлива къ нему. Не чувствуя къ нему любви, она стала чувствовать себя виноватой передъ нимъ. Всякая новая выходка ея мамаши или претензія папаши, который сталъ крайне взыскательнымъ, и сердился, когда ему подавали блюдо, приготовленное не по его вкусу, или человѣкъ не являлся, какъ молнія, по первому его зову, всякая, иногда даже смѣшная до наивности, претензія кузинъ вводили ее въ краску. Во всемъ этомъ она считала теперь виновной себя. Развѣ не для нея терпѣлъ онъ въ своемъ домѣ всю эту взыскательную, недовольную толпу? Она чувствовала, что обязана ему всѣмъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣла, какъ съ каждымъ днемъ онъ уходилъ отъ нея все дальше и дальше. Положеніе это становилось для нея невыносимымъ. Самое его молчаніе было для нея вѣчнымъ упрекомъ. То, чтó прежде раздражало ее, теперь начинало ее мучить. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она стала припоминать все, чтó могла бы поставить себѣ въ укоръ, и мысль о томъ, что она лишила этого человѣка дочери, и что взамѣнъ она не дала ему не только любви, но даже спокойствія, мысль эта неотступно стала преслѣдовать ее. Ей казалось, что онъ теперь имѣетъ право ненавидѣть ее, мало того — что онъ уже и ненавидитъ ее.

Когда ей случалось вдругъ оставаться съ нимъ наединѣ, она мѣнялась въ лицѣ; она сама признавалась мнѣ въ этомъ. Она начинала бояться его, бояться какой-то страшной кáры, которая должна была поразить

ее за ея обманъ, за ея безнравственное замужество. Когда стала пропадать увѣренность въ его слѣпой любви къ ней, на мѣсто ея явился страхъ. Это былъ какой-то суевѣрный страхъ. Она вдругъ сознала, что даже тѣхъ обязанностей, которыя налагала на нее община, ради которой она и рѣшилась на этотъ бракъ, что даже этихъ обязанностей къ своему мужу она не исполнила. Развѣ она обратила его? Развѣ она сдѣлала изъ него искренняго, пламеннаго приверженца своей секты? Онъ числился въ общинѣ, но такъ же, какъ и я, какъ и всякій другой членъ, думавшій больше о житейскихъ интересахъ. Развѣ для этого она выходила за него?

Этотъ переломъ, какъ и всегда почти въ такихъ страстныхъ натурахъ, какъ ея, совершился очень быстро. Она стала замѣтно тосковать и впадала иногда въ страшное отчаяніе. Я боялся, чтобы она не сошла съ ума. Мученія совѣсти, презрѣніе къ самой себѣ, страхъ за будущее, за ту кáру, которая ждетъ ее впереди — всѣ эти чувства страшно потрясали ее и отняли у нея даже тѣнь той силы, которая когда-то помогала ей выдти съ торжествомъ изо всякой борьбы. Теперь она увидала себя безъ цѣли, безъ опоры; увидала, что ее влечетъ куда-то, но куда — она не знала сама. Она не могла сказать, что̀ съ ней будетъ завтра.

Если бы мужъ теперь протянулъ ей руку, она, можетъ быть, безсознательно бросилась бы къ нему: это была для нея послѣдняя надежда. Но онъ теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ расположенъ сдѣлать это. Съ

каждымъ днемъ она чувствовала, что онъ былъ все дальше и дальше отъ нея. Полный разрывъ былъ близокъ, и онъ наступилъ; наступилъ совершенно неожиданно, безъ всякаго даже повода.

Я помню, что это случилось въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ іюльскихъ дней, о которыхъ съ такимъ восторгомъ отзывался Робушъ, лежа на копнѣ сѣна въ овинѣ.

Возвращаясь съ Ганскимъ изъ парка, гдѣ мы прогуливались послѣ обѣда, я не замѣтилъ по лицу его, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. Онъ поднялся на террасу, гдѣ всѣ сидѣли тогда за чаемъ, и Юліана съ обыкновенной любезностью своей налила ему чашку. Она знала его вкусъ: онъ пилъ чай чорный, какъ пиво, и безъ сахару. И въ то время, какъ эта женщина, совершенно ему посторонняя, съ такой заботливостью ухаживала за нимъ, его жена стояла молча, облокотившись на балюстраду, и даже ни разу не взглянула на него.

Онъ тоже не смотрѣлъ на нее, но, допивши чашку, поставилъ ее на столъ съ такой невнимательностью, что она упала бы, еслибъ ее не подхватила одна изъ кузинъ, и подошелъ къ женѣ.

— Не хотите ли пройтись по аллеѣ?

Она вздрогнула и обернулась. Я видѣлъ, какъ она поблѣднѣла, когда глаза ихъ встрѣтились.

— Пойдемте, могла она ему только отвѣтить.

И они вмѣстѣ, не подъ руку, но рядомъ пошли по дорожкѣ. Скоро мы всѣ, сидѣвшіе на террасѣ, потеряли ихъ изъ виду.

— Боже мой! воскликнула мамаша. — Юліана, скажите, милая, этимъ хамамъ, чтобъ они не смѣли подавать немытыхъ блюдечекъ. Васъ они скорѣй послушаютъ, чѣмъ меня. Меня здѣсь никто ни въ грошъ не ставитъ.

Папаша и докторъ сѣли играть въ пикетъ. Главная обязанность доктора теперь больше въ томъ и состояла, чтобы играть съ папашей въ пикетъ, потому что лечиться у него никто не хотѣлъ. Мамаша сама до страсти любила всѣхъ лечить. Изо всѣхъ присутствовавшихъ, можетъ быть, одинъ я догадывался, что объясненіе, которое произойдетъ на дорожкѣ, будетъ гораздо интереснѣе, чѣмъ о немъ вообще думаютъ.

Одинъ за однимъ всѣ стали расходиться съ балкона. Остались только упрямые игроки въ пикетъ, единственные люди во всемъ свѣтѣ, которымъ математика даетъ право считать послѣ 30 прямо 60. Подъ ихъ монотонный счетъ, подъ терцы, кварты, пять и пятнадцать я чуть было не заснулъ. Но черезъ каждыя 10 минутъ, когда ужь начинало что-то сниться, меня точно кто толкалъ въ спину, какъ-бы напоминая, что не часъ и не мѣсто для спанья. Въ одинъ изъ такихъ толчковъ я открылъ глаза и увидалъ на дорожкѣ Любовь Федоровну съ мужемъ. Они шли молча. Не доходя немного до балкона, она свернула въ боковую аллею, не желая, вѣроятно, проходить мимо насъ: она могла вернуться домой съ другого хода. Ганской прямо поднялся на террасу, но, не сказавши никому ни слова, прошелъ въ комнаты.

Я не разсчитывалъ увидать Любовь Федоровну въ этотъ вечеръ и рѣшилъ посвятить свободное время на то, чтобы понравиться мамашѣ, которая съ нѣкотораго времени стала меня ревновать къ своей дочери. Мамаша сидѣла съ своими племянницами и читала имъ «Крестовые походы». Несмотря на то, что это былъ романъ и еще очень трогательный, она читала его какъ проповѣдь. Каждая фраза звучала у нея строго и укоризненно. Казалось, что герои только и дѣлаютъ, что другъ друга въ чемъ-то укоряютъ. Когда дочли первый томъ, я вызвался принести второй, и пошелъ въ библіотеку. Отворяя туда дверь, я увидалъ около стола Ганского. Подлѣ него стояла чашка со снѣгомъ, откуда онъ бралъ его кусками и прикладывалъ на свою горячую голову. Быстро таявшій снѣгъ струился по волосамъ, которые прилипали на вискахъ.

— Что́ съ вами, Сергѣй Леонтьичъ?

Онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Я взялъ его за руку: она горѣла, какъ въ огнѣ. Кажется, мое движеніе привело его нѣсколько въ себя. Онъ посмотрѣлъ на меня.

— Оставьте меня!

Это были только два слова, единственныя два слова, которыя онъ мнѣ тогда сказалъ, но я никогда не забуду того, что́ я услыхалъ въ нихъ. Была ли то мольба человѣка, которому ненавистно теперь присутствіе всякаго посторонняго лица, былъ ли то невольно вырвавшійся вопль измученной души? — не знаю. Но такія слова говорятся только разъ, два раза въ жизни. Передъ та-

кимъ выраженіемъ глубокаго, неизмѣримаго отчаянія всякій невольно содрогнется. Всякому блеснетъ мысль: то же можетъ быть и со мной! Кто изъ насъ застрахованъ отъ этихъ страшныхъ минутъ, когда человѣкъ остается одинъ-на-одинъ съ своей истерзанной душой. Мы какъ-то теряемся передъ этимъ проявленіемъ чужого горя, которому помочь мы не можемъ.

Въ душѣ моей было мало любви, и я никогда не чувствовалъ нѣжности къ людямъ, но Ганской былъ мнѣ близокъ. Меня сблизило съ нимъ, можетъ быть, и то, что люди упорно отказывались видѣть въ немъ то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я не встрѣтилъ ни разу человѣка, который былъ бы къ нему справедливъ. Ни въ кого не кидали столько грязью, ни о комъ не ходило такихъ нелѣпыхъ исторій, какъ о немъ! Въ то время, когда входили въ моду натуры демоническія, когда всякій образованный человѣкъ зачитывался «Байрономъ», такіе люди, какъ Ганской, были ненужны, ихъ называли глупцами. Никто не зналъ Ганского, никто не зналъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя умѣютъ стоять выше мелочей, выше оскорбленій... Такихъ людей рѣдко кто понимаетъ.

Съ Любовью Федоровной я увидался на другой день. Чтобы узнать отъ нея все безъ утайки, мнѣ нужно было только сдѣлать то, что́ я и сдѣлалъ: сказать прямо, тономъ человѣка, которому уже все извѣстно и котораго обманывать было бы безполезно:

— У васъ было вчера съ мужемъ объясненіе.

Она подняла на меня свои испуганные глаза и тотчасъ же отпустила ихъ.

— Онъ вамъ говорилъ что-нибудь?

— Ничего ровно.

Она помолчала и потомъ дотронулась пальцами до моей руки, какъ-бы вызывая меня этимъ на откровенность.

— Послушайте... Вы ничего не говорили ему?

— Я многое говорилъ ему, но не то, на чтó вы, вѣроятно, намекаете.

— Ничего? (Она какъ-то подозрительно и неувѣренно повторила это слово).

— Ничего рѣшительно. Но вы объяснились съ нимъ, наконецъ?

— Да. (Голосъ измѣнилъ ей и оборвался. Она хотѣла говорить дальше, но не могла).

— Чтó же васъ такъ тревожитъ? Вы сами давно желали этого объясненія.

— Да, но я не знаю... я боялась его. Мнѣ, конечно, легче теперь... Онъ знаетъ все. Но развѣ это утѣшеніе? Теперь между нами все кончено. Неужели это было нужно? Ахъ, нѣтъ, я не знаю... это не можетъ такъ продолжаться.

— Вы сказали ему все?

— Я сказала ему все.

— Онъ самъ потребовалъ этого отъ васъ?

— Да. Я не понимаю, какая причина? Отчего ему

вздумалось вдругъ спросить меня объ этомъ. Вы помните, какъ онъ вчера подошелъ ко мнѣ на балконѣ? У меня такъ сердце и упало. Но я все-таки не думала... Первое, чтó онъ мнѣ сказалъ: «я знаю, что вы меня не любите и никогда не любили.» Вотъ его буквальныя слова! Меня какъ ударило чѣмъ-то! Вы повѣрите мнѣ, что я ему отвѣчать не могла... У меня языкъ не шевелился. Но онъ не далъ мнѣ опомниться. «Я не спрашиваю у васъ, любите ли вы меня? это я самъ знаю. Я у васъ спрашиваю только одно: зачѣмъ вы выходили за меня?» (Она остановилась. Видно было, что эта минута и теперь живо представлялась ей). Чтó я могла ему сказать? Я ему призналась во всемъ.

Чтó она называла *во всемъ?* Говорила ли она ему о любви своей къ Давыдову? Она сама разрѣшила мнѣ этотъ вопросъ.

— Я сказала ему даже то, чего я никакъ не думала, что скажу ему: что я любила другого.

— Вы не назвали кого?

— Нѣтъ, назвала... Развѣ не все равно! Я знаю, что онъ ему мстить не станетъ.

Она замолчала, и сухой, горячій взглядъ ея остановился на одномъ предметѣ, едва ли, впрочемъ, различая его. Я молчалъ тоже.

— Не знаю, сказала она вдругъ съ какимъ-то недоумѣніемъ: — не знаю, легче ли мнѣ теперь? Чтó изъ того, что я призналась ему? Когда я говорила это, я думала, что все ужь кончено. Я ждала, я желала, я

молила, чтобы онъ сказалъ мнѣ что-нибудь такое, чего бы я никогда не забыла! что́ упало бы на меня, какъ проклятіе! А онъ... Онъ не сказалъ мнѣ ничего. Но, Боже мой, или этотъ человѣкъ зналъ, что онъ этимъ убьетъ меня... Или... я не знаю, для чего онъ это сдѣлалъ! Была минута, когда я хотѣла просить его, чтобъ онъ простилъ меня... но я не могла! Я боялась его. Онъ самъ сказалъ, что желаетъ теперь одного: чтобы мы были совсѣмъ посторонніе, что это его давнишнее желаніе!

— Любовь Федоровна, и для васъ, и для него это будетъ лучше.

— Конечно. Да. Онъ сказалъ, что не можетъ достать формальнаго развода, что онъ не желаетъ огласки для себя, а еще болѣе для меня, но что я свободна отъ всякихъ обязательствъ. Не нужно, чтобъ объ этомъ знали другіе, потому что мы будемъ жить по прежнему въ одномъ домѣ. Онъ говоритъ мнѣ: «если бы вы объяснились со мною раньше, то и для васъ, и для меня это было бы лучше.» Какъ-будто я этого не знаю! Я это давно знала. Но еслибъ я могла все предвидѣть, я бы никогда и не была его женой. Я слишкомъ понадѣялась на себя.

Въ такое-то время пріѣхалъ Давыдовъ. Нужно сознаться, что минута была выбрана неудачно. Во всѣ шесть дней, которые онъ тутъ пробылъ, онъ ни разу не ви-

далъ Ганской, а между тѣмъ, она знала, что онъ тутъ, и онъ зналъ, что она это знаетъ. Положеніе его начинало становиться досаднымъ и смѣшнымъ. А этотъ человѣкъ ничего такъ не боялся, какъ смѣшного. Если бы еще цѣль его пріѣзда не была никому извѣстна! Но я былъ тутъ, я — живой свидѣтель его фальшиваго положенія! Женщина, которая заставила его впродолженіе цѣлой недѣли играть смѣшную роль, была уже жестоко виновата передъ нимъ. Но женщина, которая сдѣлала его дуракомъ въ глазахъ посторонняго лица, не стоила того, чтобы онъ объ ней думалъ.

Онъ ходилъ злой и угрюмый, и въ эти дни, я увѣренъ, въ душѣ его было больше раздраженія и досады, чѣмъ любви. Онъ продолжалъ жить въ деревнѣ и ходить по лѣсамъ съ незаряженымъ ружьемъ, не столько, кажется, потому, чтобы онъ умиралъ отъ любви, сколько изъ упрямства. Изъ его отрывистыхъ, гнѣвныхъ словъ я понялъ, что онъ никогда не проститъ Ганской ея поступка съ нимъ, поступка, который онъ въ глубинѣ души находилъ чудовищнымъ. Его, близкаго когда-то знакомаго, его, передъ которымъ она когда-то трепетала, у кого она ловила каждое слово, каждый взглядъ, теперь она, тайная совѣтница, начальница, не хотѣла допустить въ свои царственные чертоги; зная его въ двухъ шагахъ, въ крестьянской избѣ, гдѣ онъ провелъ шесть ночей, никто не пригласилъ его въ домъ.

— Эти люди не знаютъ приличій, сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ, желчнымъ тономъ. — Если ея превосхо-

дительство воображаетъ, что я намѣренъ похитить ее черезъ окно, по веревочной лѣстницѣ, то она гораздо менѣе умна, чѣмъ я объ ней думалъ. Если же она знаетъ меня такъ, какъ, я полагаю, она должна меня знать, она могла бы, кажется, допустить, чтобы ея знакомый или просто хоть служащій ея мужа не ночевалъ гдѣ-то въ курной избѣ, когда можно предложить ему помѣщеніе гдѣ-нибудь хоть во флигелѣ что ли, на антресоляхъ. За границей бы такъ и поступили, но наши русскіе баре все еще какъ-то не умѣютъ учителя или профессора отличить отъ своего лакея. Нашъ меценатъ окажетъ свое покровительство, дастъ милостивое позволеніе охотиться въ своихъ владѣніяхъ, но съ полнымъ правомъ валяться гдѣ вамъ угодно: на сѣновалѣ или въ конюшнѣ. Наши барыни никогда не имѣютъ на столько такта, чтобы научить своихъ мужей быть вѣжливыми.

Изъ этихъ словъ я увидалъ, что Давыдовъ втайнѣ разсчитывалъ быть приглашеннымъ къ Ганскимъ.

— Знаете ли что, продолжалъ онъ, разгорячаясь отъ звука своихъ собственныхъ словъ: — одно то, что профессоръ университета пріѣхалъ съ вѣдома попечителя въ его имѣніе и прожилъ цѣлую недѣлю въ избѣ у его крѣпостнаго мужика, одно ужь это достаточно рекомендуетъ нашу Россію вообще, и вашего Ганского въ особенности. И вы послѣ этого будете имѣть духъ говорить мнѣ о его деликатности!.. Если я ему прощаю, такъ потому только, что у него тутъ очень просторно! (Онъ щелкнулъ себя по лбу). У этого человѣка, какъ я

окончательно убѣдился, всѣ правила жизни сводятся къ одному, и правило это, единственное, можетъ быть, до котораго онъ дошелъ своимъ умомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Когда ваша жена покажется вамъ стара, прогоните ее и возьмите другую!» Вотъ! это его, такъ сказать, символъ вѣры! Тутъ онъ весь! Взыскивать съ такого человѣка было бы не резонно.

— Чего-жь вы сердитесь?

— Во-первыхъ, нужно вамъ замѣтить, что я не сержусь, а говорю хладнокровно. Сердиться тутъ нѣтъ смысла. А если кто тутъ и ведетъ себя непозволительно смѣшно, такъ это сама m-me Ганская! Что она хочетъ этимъ показать? Или то, что я величайшій нахалъ, котораго нельзя принимать у себя въ домѣ; или то, что я ей опасенъ, что она боится за свою супружескую вѣрность! Нахаломъ считать меня она не имѣетъ никакого основанія. А если она боится за себя, такъ этого ей, какъ умной женщинѣ, не слѣдовало показывать.

Давыдовъ не замѣчалъ, какъ оскорбительны были его слова для Любови Федоровны. Въ своей досадѣ онъ не разбиралъ ни друзей, ни враговъ.

Не знаю, къ какому средству прибѣгъ бы онъ, чтобы выдти изъ своего неловкаго положенія, еслибъ неожиданное какое-то извѣстіе не вызвало его въ городъ.

Все время, пока Давыдовъ былъ въ деревнѣ, Любовь Федоровна узнавала тайно черезъ меня, гдѣ онъ? и не уѣхалъ ли? Она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь во время прогулки, что́ было бы неизбѣжно,

еслибъ она не сидѣла всѣ эти дни дома. Дальше ближайшихъ аллей парка она нигдѣ не показывалась.

— Я знаю, что онъ пріѣхалъ для меня, говорила она мнѣ. — Этотъ человѣкъ измучаетъ меня. Чего онъ хочетъ отъ меня? Скажите ему, ради Бога, напомните ему, что у меня есть мужъ. Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, воспользоваться той свободой, которую мнѣ теперь дали. Не доставало только, чтобъ я бросилась искать приключеній! Я была бы тогда гадка самой себѣ. Я могу быть посторонней своему мужу, но неужели же это значитъ, что я могу броситься къ другому, къ третьему?.. Я не думаю, чтобъ и Сергѣй Леонтьичъ понималъ это такъ. Это было бы съ его стороны такое презрѣніе ко мнѣ!.. Неужели я его заслужила? Скажите, — онъ съ вами откровененъ, — неужели онъ это думаетъ?

— Любовь Федоровна, онъ говоритъ со мною обо всемъ, но только не объ васъ.

— А обо мнѣ? Вы никогда не говорили обо мнѣ?

— Никогда рѣшительно.

Она задумалась.

XI.

Въ концѣ августа, когда мы были уже въ городѣ, изъ Петербурга пріѣхалъ одинъ изъ членовъ нашей общины (говорю *нашей*, потому что я продолжалъ въ ней числиться). Ганской самъ ѣздилъ встрѣчать его на почтовую станцію и предложилъ ему остановиться у него

въ домѣ. Домашнихъ онъ, по обыкновенію, не предупредилъ и этимъ чуть было не надѣлалъ скандала: женщины, одержимыя злымъ духомъ любопытства, едва не подняли бунта. Онѣ сбили съ ногъ прислугу, заставляя ее бѣгать съ верху въ низъ и узнавать: кто такой? откуда? зачѣмъ? кто съ нимъ ѣдетъ?

Когда пріѣзжему отвели комнату, смежную съ библіотекой, въ домѣ вдругъ всѣ бросились читать. Выбирали, обыкновенно, сочиненіе въ нѣсколько томовъ, и въ одно мгновеніе первый томъ бывалъ прочитанъ; бѣжали за вторымъ, а еще черезъ четверть часа приносили ужь и третій. Кузины жили въ библіотекѣ.

Пріѣзжій выразилъ свое удивленіе, что въ сосѣдней комнатѣ онъ слышалъ постоянный шопотъ и шмыганье.

— Можетъ быть, въ домѣ есть больная? спросилъ онъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго почтительнаго состраданія.

Ганской смотрѣлъ подъ столъ и молчалъ. Но при первомъ же удобномъ случаѣ, когда всѣ женщины улеглись спать, онъ заперъ библіотеку на ключъ и положилъ его въ карманъ. На другой день всѣ кузины были обречены читать только одинъ первый томъ.

Но что же за особа былъ этотъ новый пріѣзжій? Это былъ чиновникъ министерства финансовъ (впослѣдствіи губернаторъ), человѣкъ лѣтъ 35-ти съ небольшимъ, но совершенно сѣдой. Говорили, что жизнь его прошла бурно, и что было въ ней одно событіе, которое заставило его посѣдѣть въ одну ночь. Въ чертахъ лица его и въ манерахъ было что-то изысканно-аристократиче-

ское, но въ свѣтлыхъ, блистающихъ глазахъ его горѣло много страсти. И странно какъ-то было послѣ сѣдыхъ волосъ взглянуть въ эти свѣтлые, яркіе, часто даже какъ-то непріятно ясные глаза. Всякаго, кто его видѣлъ, невольно какъ-то тянуло смотрѣть въ эти глаза, какъ они ни были непріятны.

Я былъ ему представленъ, какъ одинъ изъ братьевъ святой общины. Онъ горячо пожалъ мнѣ руку и слегка закрылъ глаза. Мы сидѣли въ маленькой гостиной, куда Любовь Федоровна, съ воскресшей въ ней прежней энергіей, рѣшительно не пустила никого изъ родныхъ.

На столѣ стояли четыре тяжелые подсвѣчника съ восковыми свѣчами и освѣщали ея тонкія черты, ея темныя рѣсницы, медленно опускавшіяся и полуоткрытыя губы, изъ которыхъ видно было, какъ вырывалось стѣсненное дыханіе. На ней было чорное платье и ничего цвѣтного. Въ то время этотъ цвѣтъ не принятъ былъ въ свѣтъ, и всякая женщина, надѣвшая чорное, считалась въ траурѣ. Любовь Федоровна въ чорномъ казалась слишкомъ блѣдна и прозрачна: красота ея получала тогда какой-то мрачный оттѣнокъ и съ ней не соединялось понятіе ни о чемъ земномъ. Это одно могло ей составить ту репутацію великой сподвижницы, которую она пріобрѣла себѣ въ своей петербургской общинѣ.

Разговоръ казался мнѣ какъ-то странно натянутымъ и пустымъ. Говорили объ Аннѣ Павловнѣ и о Катеринѣ Алексѣевнѣ, и о гвардейскомъ полковникѣ Булатовѣ и объ его женѣ, la petite Nadine!

Гость нѣсколько разъ взглядывалъ на дверь. Онъ видимо ждалъ кого-то. Любовь Федоровна поймала эти взгляды.

— Mon mari se fait attendre, замѣтила она съ улыбкой, какъ-бы прося извиненія за мужа.

Ея собесѣдникъ только привѣтливо улыбнулся: онъ не желалъ никого безпокоить.

И опять заговорили объ Аннѣ Павловнѣ и о Катеринѣ Алексѣевнѣ. Наконецъ, тяжелая дверь слегка подалась, потомъ плавно, неслышно отворилась, и въ гостиную вошелъ Ганской.

— Задержали меня тамъ! съ докладами! сказалъ онъ отрывисто. Вы меня что ли ждете?

Гость отвѣтилъ мягкимъ наклоненіемъ головы и всталъ; но хозяйка вдругъ остановила его стремительнымъ жестомъ.

— Одну минуточку! Я все приготовлю, и тогда... vous viendrez dans dix minutes!

Она ласково улыбнулась ему, усадила его этимъ движеніемъ опять на стулъ и вышла изъ гостиной.

— Madame votre épouse, началъ гость...

Ганской то очень разсѣянно смотрѣлъ на него, то очень внимательно на свои сапоги. Онъ лѣниво отвѣчалъ, когда это было необходимо, и наконецъ, когда, по его соображеніямъ, десять минутъ прошло, поднялся съ мѣста. Мы всѣ прошли черезъ другую гостиную въ комнату, которая никогда почти не отпиралась и куда никто, кромѣ Любови Федоровны, не ходилъ. Теперь

тамъ было поставлено что-то въ родѣ налоя, около котораго горѣло нѣсколько свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ. Надъ налоемъ висѣло распятіе, то самое, — я его узналъ, — къ которому Любовь Федоровна чувствовала какое-то суевѣрное благоговѣніе. Мебель въ комнатѣ была обыкновенная мягкая мебель, какая ставится въ гостиной. Видно было, что ею желали какъ-бы замаскировать значеніе комнаты и скрыть его отъ домашнихъ.

Тяжелыя драпри на окнахъ были спущены, зеркала и картины завѣшаны, кажется, рукою самой хозяйки. По крайней мѣрѣ, она при мнѣ покрыла чѣмъ-то бѣлымъ бюсты великихъ людей (я успѣлъ только замѣтить, что они всѣ были на одно лицо и всѣ съ греческимъ профилемъ) и часы, стоявшіе на каминѣ. Когда такимъ образомъ комната стала нѣсколько скромнѣе и не оскорбляла нашего торжественнаго настроенія, Любовь Федоровна подошла къ гостю и что-то тихо сказала ему. Онъ взялъ изъ рукъ ея большую книгу, переплетенную въ бѣлый атласъ, и положилъ ее передъ собою. Въ книгѣ этой заключались обычныя формулы молитвъ, читавшихся въ нашей общинѣ.

«Предвѣчный Духъ снисшелъ въ хаосъ бытія!»

Съ первой же фразы этой, какъ только она долетѣла до моего слуха, я понялъ, что передо мной стоялъ не тотъ, кого я видѣлъ сейчасъ въ гостиной. Звучность голоса, величіе, строгая торжественность и какъ-бы укоръ тому, кто помышлялъ въ эту минуту о земномъ — все

какъ-то сразу открыло мнѣ глаза. Куда же дѣвался этотъ человѣкъ, который разсказывалъ сейчасъ объ Аннѣ Павловнѣ, и о гвардейскомъ полковникѣ, и о женитьбѣ Булгакова? Гдѣ эта мягкость, это тонкое знаніе свѣтскихъ обычаевъ? Что-то грозное и вмѣстѣ спокойное слышалось въ этомъ первомъ призывѣ! Чтеніе много выигрывало оттого, что читавшій стоялъ лицомъ къ намъ, т. е. къ слушателямъ. Тутъ только я понялъ настоящее выраженіе этихъ свѣтлыхъ, странныхъ глазъ! И странно, какъ только кончилось чтеніе, я опять переставъ понимать его: оно опять ускользало отъ меня, оставляя въ умѣ сознаніе чего-то туманнаго, непріятнаго.

Любовь Федоровна стояла неподвижно, не позволяя себѣ даже прислониться къ чему-нибудь. Она опустила руки и какъ-то машинально держала въ нихъ свой носовой платокъ. Глаза ея слѣдили за движеніями губъ читавшаго.

Ганской сталъ такъ, чтъ взгляды его часто встрѣчались со взглядами жены. Всякій разъ, какъ они поднимали глаза, это было почти неизбѣжно.

Я выбралъ себѣ такое мѣсто, что могъ наблюдать за обоими. Изо всѣхъ присутствовавшихъ, я, конечно, менѣе всѣхъ занятъ былъ содержаніемъ того, что читалось, и спѣшилъ чѣмъ-нибудь вознаградить себя за это. Нашъ угрюмый проповѣдникъ закрылъ вдругъ атласную книгу и вынулъ изъ кармана свертокъ.

— Я буду читать вамъ, сказалъ онъ все тѣмъ же звучнымъ и строгимъ голосомъ, котораго я не слыхалъ

въ гостиной: — я буду читать сейчасъ проповѣдь англичанина Роберта. Преклоните ваши сердца, это ученіе великаго проповѣдника и великаго человѣка; черезъ него говоритъ вамъ самъ Богъ.

Любовь Федоровна долго смотрѣла не отрываясь въ глаза читавшему, но потомъ, какъ-будто туманъ застилалъ ей зрѣніе, она перестала его видѣть. Я это угадывалъ по неопредѣленному, вопросительному взгляду ея, устремленному вдаль. Вдругъ глаза ея встрѣтились съ глазами мужа: онъ давно уже смотрѣлъ на нее съ какою-то упорною, непривычною ему пытливостью. То, что читалось теперь, было такъ далеко отъ того, что произошло недавно между ними, что онъ, можетъ быть, видѣлъ въ ней не женщину, ему чуждую, никогда его не любившую, а что-то другое, близкое, прекрасное... Нечаянно встрѣтившійся ему взглядъ жены не смутилъ его, но только что-то печальное осталось на лицѣ у него. Не то было съ нею: я видѣлъ, какъ быстро, точно испуганная, она отвела отъ него глаза. И долго потомъ она не смѣла взглянуть въ ту сторону.

«Горе мнѣ!» читалъ строгій, укоризненный голосъ. — «Душа моя полна страшныхъ, ничѣмъ незаглаженныхъ воспоминаній. Сколько чорныхъ мыслей, притворства, обмана! Обманъ! Когда весь міръ построенъ на истинѣ, весь міръ есть истина, а я, ничтожнѣйшій изъ ничтожныхъ атомовъ, я весь обманъ!»

Любовь Федоровна вздрогнула, и невольно взглядъ ея искалъ того, кто съ прежнимъ выраженіемъ глубокаго

участія смотрѣлъ на нее теперь. Первый разъ, какъ призналась она потомъ, поняла она, что̀ выражалъ взглядъ этого человѣка, взглядъ этихъ темно-синихъ глазъ, въ которыхъ она прежде не умѣла читать, которыхъ она и не видала до сихъ поръ. Какая глубокая тоска, какая непонятная ей мягкость и печаль свѣтилась въ нихъ! печаль о томъ, что все обманъ и что она... она-то и есть этотъ обманъ, эта ложь, которой не было въ немъ.

Цѣлый рядъ свѣчей освѣщалъ намъ нашего проповѣдника съ его сѣдыми волосами на молодомъ еще лицѣ, съ чертами правильными, строгими и освѣщенными тѣмъ внутреннимъ свѣтомъ, который придавалъ ему какое-то подавляющее величіе. Самый голосъ его проникалъ въ душу при той торжественности, таинственности, при томъ полусвѣтѣ, который ложился ровною тѣнью на всѣ предметы въ противуположномъ концѣ гостиной.

«Кто спасетъ меня? Кто протянетъ мнѣ руку? Братья, не ради награды себѣ на томъ свѣтѣ, но ради любви къ человѣку, не проклинайте меня! Я проклиналъ васъ — и вотъ я погибаю!»

Любовь Федоровна вдругъ сдѣлалась бѣлѣе того платка, который лежалъ у ея ногъ. Она въ послѣдній разъ обернулась туда, откуда свѣтился для нея все тотъ же ласковый, но тоскующій взглядъ, схватилась за кресло и съ глухимъ рыданіемъ припала къ нему головой.

Ганской видѣлъ это и не шевелился. Какъ-будто подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для него очарованія, онъ глядѣлъ на эту женщину и не понималъ, что̀

съ ней дѣлается. Чтеніе ли заняло такъ его умъ, или гдѣ нибудь далеко были его мысли, но онъ не сразу понялъ, что̀ случилось. Я бросился къ Любови Федоровнѣ, но она овладѣла собой и слегка отстранила меня, какъ-бы умоляя не развлекать ее. Но разъ потерянная нить мыслей не скоро находится. Она сама послѣ разсказывала, что не слышала того, что тогда читали. Цѣлый рядъ видѣній осаждалъ ее; все путалось и съ страшной быстротой кружилось около нея; ей ясно слышалось только слово *ложъ*. Это слово ей кричали въ трубы надъ самымъ ея ухомъ. И изъ этого хаоса выдѣлялось для нея одно лицо того, къ кому она вдругъ почувствовала глубокую, до тѣхъ поръ невѣдомую нѣжность. Все затрепетало въ ней отъ этого ощущенія, охватывавшаго ее быстро, неотразимо, съ могучей, непонятной для нея силой. Со дна души поднимались какія-то новыя чувства, и среди этого потрясенія ей стало ясно одно: что ей близокъ человѣкъ, котораго она еще такъ недавно ненавидѣла. Святыя слова любви и примиренія, эти слова, которыя такъ сладко и такъ страшно было ей слышать, были ею поняты первый разъ въ жизни, со всѣмъ ихъ потрясающимъ величіемъ. Первый разъ она узнала, что̀ такое любовь къ ближнему, къ другу, къ врагу, ко всей вселенной и къ *нему*, къ тому, передъ кѣмъ она была болѣе всѣхъ виновата!

XII.

Нечаянно попавшія ко мнѣ бумаги «Общества Ревнителей» я показалъ Ганскому. Онъ прочолъ ихъ и возвратилъ мнѣ съ замѣчаніемъ, что если бы ему пришлось посылать въ Петербургъ донесеніе объ этомъ «Обществѣ», то онъ написалъ бы его въ такихъ словахъ: «Ихъ было шесть человѣкъ; они раздѣлились на четыре партіи и каждая получила своего особаго начальника.» Но сквозь эту насмѣшку я видѣлъ другую мысль его, мысль о томъ, что взрывъ неизбѣженъ, и что въ Петербургѣ его назовутъ бунтомъ.

Давленіе сверху все усиливалось. Швейковскій дошелъ до того, что однажды на лекціи Давыдова, услышавши выраженіе, показавшееся ему вольнодумнымъ, всталъ, перекрестился и съ негодованіемъ удалился изъ аудиторіи. Въ этомъ случаѣ, онъ безбожно копировалъ Магницкаго, который сдѣлалъ точно то же въ одномъ изъ засѣданій Минералогическаго общества въ Петербургѣ. Роль шпіона при попечителѣ онъ исполнялъ такъ же добросовѣстно, какъ и прежде, и при всей своей видимой почтительности, вездѣ, гдѣ можно, давалъ почувствовать свою власть.

Значеніе Ганского падало съ каждымъ мѣсяцемъ. Въ столицѣ не только къ нему не благоволили, но явно были противъ него раздражены. Холодный, недовольный Голицынъ былъ градусникомъ, по которому Ганской легко могъ судить о пониженіи своего кредита. Всякое распо-

ряженіе его строго критиковалось свыше, иныя было приказано отмѣнять. Его ставили въ неловкое положеніе передъ университетомъ и явно подчиняли ректору, которому помимо его присылались отъ министра особыя инструкціи. При всякомъ столкновеніи съ попечителемъ, Швейковскій показывалъ ихъ и тѣмъ заставлялъ Ганского играть двусмысленную роль какого-то подставного начальника. Ганской наконецъ потерялъ терпѣніе и при мнѣ разъ сказалъ Швейковскому, что пока онъ номинально пользуется властію, онъ не позволитъ никому вмѣшиваться въ свои дѣла и будетъ распоряжаться самъ.

— Инструкціи его сіятельства, г. министра...

— Я не знаю никакихъ инструкцій, если онѣ не были присланы мнѣ. Здѣсь прямой начальникъ я, и не угодно ли вамъ увѣдомить г. министра, что я не позволилъ вамъ здѣсь распоряжаться.

Швейковскій сразу увидалъ промахъ Ганского и почтительно улыбнулся.

— Какъ угодно будетъ вашему превосходительству.

— Вы знаете, — и я это знаю не хуже васъ, — что мнѣ здѣсь оставаться недолго. Но пока я здѣсь, не угодно ли вамъ подчиняться моимъ распоряженіямъ.

— Я не смѣю идти противъ вашего превосходительства, но я имѣлъ честь только показать вамъ свои инструкціи. Приказанія, данныя мнѣ его сіятельствомъ, г. министромъ...

— Его сіятельство, если желаетъ имѣть здѣсь начальникомъ васъ, пусть пришлетъ мнѣ сказать, чтобъ

я подавалъ въ отставку. До тѣхъ поръ я ничего не знаю.

Швейковскій еще улыбнулся, но уже менѣе почтительно.

— Ваше превосходительство очень скоро пожалѣете, что не послушались меня.

— Вы хотите сказать, что вы скоро меня выживете отсюда? Не безпокойтесь: объ этомъ хлопочутъ и безъ васъ.

— Я никакъ не смѣю думать объ этомъ. Я имѣлъ въ виду только, что въ университетѣ могутъ быть безпорядки.

— Вы сдѣлайте одолженіе не безпокойтесь, повторялъ Ганской. — Вы тутъ одни, а тамъ десять человѣкъ хлопочутъ, чтобы меня отсюда выгнали, такъ ужь меня выгонятъ непремѣнно, и очень скоро. Прощайте!

Этимъ объясненіе и кончилось. И это послужило сигналомъ къ окончательному паденію Ганского. Съ слѣдующей же почтой на него летѣлъ доносъ, въ которомъ описана была вся эта сцена.

Не лучше шли дѣла и съ университетомъ. Ганской былъ убѣжденъ, что главною причиною гоненія на университетъ былъ онъ. Его разводъ съ женою составилъ противъ него въ Петербургѣ цѣлую партію, которая ожесточенно преслѣдовала его. Для этой партіи всѣ средства были хороши: она наносила свои удары всюду, гдѣ думала косвеннымъ образомъ задѣть его. Эта мысль его преслѣдовала. Развѣ не на него падала теперь вся отвѣтственность за безпорядки, которые будутъ вызваны усиліями его враговъ? Развѣ не онъ первый долженъ былъ

протянуть руку реакціи со Швейковскимъ во главѣ? Развѣ не его именемъ дѣлались всѣ распоряженія, нелѣпость которыхъ онъ видѣлъ самъ и которыя поднимали ропотъ среди безпокойной молодёжи?

— Если, говорилъ онъ, дѣло дойдетъ до бунта, то меня надо судить какъ главнаго зачинщика.

Я между тѣмъ собралъ хранившіяся у меня бумаги «Общества» и сдѣлалъ имъ торжественное сожженіе въ присутствіи избранныхъ членовъ. При этомъ, я сказалъ имъ приличную рѣчь:

— Господа! я не чувствую въ себѣ достаточной храбрости, чтобы примкнуть къ вашему смѣлому предпріятію; поэтому вычеркните меня изъ списка. Когда вы наберете десять тысячъ войска, увѣдомьте меня объ этомъ. Тогда я весь вашъ! Это случится, по словамъ уважаемаго моего брата и сенатора Трембинскаго, очень скоро, и потому я буду имѣть ровно столько времени, сколько мнѣ необходимо, чтобы собраться съ мыслями.

Депутаты нѣсколько покосились на меня за то, что я отказался отъ чести быть членомъ, но за великодушный мой поступокъ съ ихъ документами мнѣ многое простилось, и я получилъ даже позволеніе быть еще на одномъ засѣданіи.

Дней пять спустя послѣ этого, Вагнеръ поймалъ меня въ университетскомъ корридорѣ и съ таинственнымъ видомъ отвелъ въ уголъ.

— Слышали, батюшка, что случилось-то?

— Гдѣ?

— Да въ гимназіи-то!

— Ничего не слыхалъ.

— Какъ же, вѣдь до губернатора уже дошло! Часовые ужь у гимназіи-то стоятъ!

— Да что такое?

— А тамъ въ четвертомъ классѣ на доскѣ кто-то написалъ: «Да здравствуетъ республика!» Да потомъ такія же точно надписи на стѣнѣ, знаете, съ улицы-то! Мы нарочно ходили смотрѣть: есть надписи! самъ видѣлъ. Не стираютъ, и часовые стоятъ.

Я только-что разинулъ ротъ, чтобы что-то сказать, но Вагнеръ зашикалъ, замахалъ руками и бросился отъ меня прочь. Я пошелъ-себѣ дальше, но на первомъ же поворотѣ меня опять остановили.

— Слышали?

— Слышалъ.

— Вотъ исторія-то!

И опять бѣжали дальше, а я опять оставался одинъ. На лѣстницѣ меня догнали уже четверо.

— Слышали? за ректоромъ уже присылали.

— Отъ кого?

— Отъ военнаго губернатора.

— Директоръ, говорятъ, голову потерялъ.

— Онъ больше всѣхъ виноватъ!

— Какже, собрали совѣтъ, а онъ съ задняго хода, черезъ инспекторскую квартиру, да и дра́ла!

— Что-жь это онъ?

— Да, думалъ, бунтовать будутъ!

— Часовыхъ вѣдь поставили! Слышали?

Обгоняемый со всѣхъ сторонъ разными таинственными лицами, я наконецъ вышелъ на улицу.

Что это могла быть за исторія въ гимназіи? Было ли тутъ замѣшано «Общество Ревнителей?» Очень вѣроятно, потому что между членами его были и гимназисты, и не юные только мальчики, какихъ мы представляемъ себѣ теперь. Въ то время 25-лѣтній, 28-лѣтній гимназистъ былъ явленіе очень обыкновенное, и съ своимъ лѣсомъ бакенбардъ внушалъ очень понятное уваженіе какому-нибудь смиренному учителю россійскаго языка.

Итакъ, сигналъ поданъ! То, чего боялся Ганской, наконецъ, случилось, и случилось какъ-разъ въ его отсутствіе. Онъ уѣхалъ въ другую губернію для свиданія съ какимъ-то нужнымъ ему лицомъ.

Я прошелъ мимо гимназіи, видѣлъ часовыхъ, видѣлъ надписи, и не зная, куда дѣваться, отправился къ Сухотинымъ. Тамъ я засталъ Давыдова и еще нѣсколько человѣкъ. Въ домѣ ихъ составилось что-то въ родѣ клуба, куда во всѣ слѣдующіе за тѣмъ дни сходились обсуждать всякую перемѣну на учебномъ горизонтѣ. Всякій забѣгалъ хоть на минутку. Кромѣ того, къ хозяину пріѣзжали какіе-то военные, съ которыми онъ запирался въ кабинетѣ, а о чемъ говорилъ — мнѣ осталось неизвѣстно.

Сама хорошенькая хозяйка перенесла свою резиденцію въ залу, какъ можно ближе къ дверямъ, чтобы первой перехватывать гостей и узнавать на лету всѣ новости. Глядя на ея измученный видъ, всякій бы подумалъ, что она близко замѣшана въ дѣлѣ и, не нынче, завтра, военный губернаторъ ее арестуетъ.

— Ужь это не она ли сдѣлала и надписи-то на гимназіи? спрашивалъ Вороновъ, толкнувъ меня подъ локоть и подмигнувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла хозяйка.

Вороновъ нигдѣ не служилъ, но со всѣми военными былъ другъ и пріятель, потому что вмѣстѣ кутили. Поэтому, и у Сухотиныхъ, гдѣ бывали постоянно полковые офицеры, полковые адъютанты и полковыя дамы, Воронова можно было встрѣтить во всякое время дня и ночи. Онъ пріѣзжалъ часто въ 2 часа по полуночи, поднималъ звонъ на весь домъ, спрашивалъ себѣ ужинать и ложился спать тутъ же въ гостиной на диванѣ. Мнѣ казалось, что съ хозяиномъ его связывали какія-то другія отношенія, помимо простого знакомства.

Исторію въ гимназіи онъ принялъ сначала очень равнодушно, но потомъ Эдмундъ направилъ его: онъ вдругъ началъ бѣсноваться и кричать, что поѣдетъ объясняться съ самимъ военнымъ губернаторомъ.

— Вотъ, вмѣшался Сухотинъ:—вотъ къ чему привела буржуазію полицейская система нашего попечителя! Вотъ плоды его мудрого управленія! Молодёжь давили, тѣснили, преслѣдовали, а теперь посмотрите: вы увидите, что эту шалость представятъ бунтомъ! Вы уви-

дите, что этихъ мальчиковъ будутъ судить военнымъ судомъ.

— Несчастныя матери! вздохнула хозяйка. — Сколько страданій ихъ ожидаетъ теперь!

— И сколько проклятій, подхватилъ кто-то: — на голову того, кто причиной всего этого!

Со всѣхъ сторонъ называли Ганского. Общественное мнѣніе въ минуты бѣдствій не спрашиваетъ: отчего и почему? Оно прямо спрашиваетъ: отъ кого? кто причиной? И вотъ, чье-нибудь имя начинаетъ съ азартомъ, съ ожесточеніемъ повторяться изъ конца въ конецъ. Все сыплется тогда на голову этого человѣка: ошибки его друзей, его враговъ, сказки, выдуманныя про него, слова, которыхъ онъ никогда не говорилъ... Трудно услѣдить, когда началась молва, ктó кинулъ первое обвиненіе. Но вотъ брошена одна фраза, другая,— и вдругъ явилась ихъ цѣлая сотня, и летятъ онѣ, какъ галки во время пожара!..

Исторія въ гимназіи надѣла въ городѣ шума. И съ перваго же дня сталъ носиться грозный вопросъ: кто? Кто причиной всего этого? И вотъ сигналъ подали у Сухотиныхъ: назвали Ганского; но въ первый вечеръ говорили неувѣренно: каждый какъ-будто добирался до него ощупью: слышалось неудовольствіе, но не слышалось ярости, ожесточенія. Когда же я пришелъ къ нимъ черезъ недѣлю, то не вѣрилъ своимъ ушамъ. Это былъ цѣлый дружный концертъ проклятій противъ попечителя. Между гостями была мать одного изъ тѣхъ

«несчастныхъ», которые сидѣли теперь подъ арестомъ. Она пріѣхала въ траурѣ «по своемъ бѣдномъ сынѣ!» Она говорила со слезами; всякая ея фраза была одинъ мучительный вопль; изъ груди ея вырывались бѣшеныя проклятія *тому,* кто лишилъ ее единственнаго сына. Она не сомнѣвалась болѣе, чье это дѣло. Она видѣла уже своего сына въ Сибири, потому что *этотъ человѣкъ* безжалостенъ! Онъ извергъ, онъ тиранъ! При немъ университетъ сдѣлался тюрьмою, при немъ томится молодёжь подъ оковами тяжкаго рабства! Нужно ли говорить, кто былъ этотъ человѣкъ! Удивительно, какъ присутствіе одной жертвы одушевляетъ общество. У Сухотиныхъ стоялъ стонъ отъ горячихъ споровъ, мнѣній, предложеній, отъ таинственныхъ разсказовъ и секретныхъ новостей.

Одинъ господинъ, незнавшій меня въ лицо, подошелъ мнѣ сказать, что Ганской прислалъ въ ночь курьера съ приказаніемъ арестовать ректора и профессора Германа.

— Къ вашимъ услугамъ это я и есть, т. е. профессоръ Германъ.

Господинъ нимало не смутился, а только прибавилъ:

— Будьте осторожны!

Многіе, при видѣ меня, значительно умолкали, можетъ быть изъ опасенія, чтобы я не передалъ чего-нибудь попечителю; другіе же напротивъ при мнѣ начинали громче бранить Ганского, какъ бы желая, чтобы я ему именно это и передалъ. Давыдовъ, всегда очень популярный, теперь поднялся на недосягаемую высоту;

къ нему обращались съ подобострастіемъ; всѣ его слова были на-расхватъ и передавались изъ устъ въ уста. Сухотины гордились теперь, что имѣли его въ своемъ домѣ. Всѣ несчастныя матери несчастныхъ жертвъ, сидѣвшихъ теперь подъ арестомъ, смотрѣли на него со слезами.

— Я такъ много наслышалась объ васъ отъ своего сына! говорила одна, та самая, которая пріѣхала въ трауръ. — Если бы вы знали, какъ онъ любитъ васъ, какъ онъ преданъ вамъ! Да, прибавила она со вздохомъ: — вашъ талантъ не можетъ не быть оцѣненъ! Я молюсь за васъ каждый де́нь...

Какъ только узнали о происшествіи въ гимназіи въ домѣ Ганского, тотчасъ же откомандированы были во всѣ концы города тетушки. Мамаша сама надѣла шляпку и ушла смотрѣть, точно ли на стѣнѣ есть надписи. Каждый часъ подавались бюллетени въ родѣ слѣдующихъ:

— Ректоръ проѣхалъ на дрожкахъ; должно быть къ губернатору.

— Назадъ проѣхалъ!

— Инспектора видѣли!

— Ректоръ опять проѣхалъ!

— Директоръ, говорятъ, изъ гимназіи убѣжалъ!

Юліана пришла прямо ко мнѣ въ канцелярію и сѣла на стулъ, сбросивши предварительно лежавшія на немъ бумаги.

— Ну! Я теперь дома десять ночей ночевать не буду. Мой-то взбѣсился совсѣмъ: не велитъ по комнатѣ ходить. Ты, говоритъ, топаешь! Слышите? топаю я! У меня, говоритъ, и безъ васъ голова трещитъ! Вы, говоритъ, мнѣ жизнь отравляете! Слышите? Это я по комнатѣ-то прошла, да и жизнь ему отравляю! Совсѣмъ съ ума сошелъ! Ругается со всѣми. Что у нихъ тамъ такое случилось? На доскѣ что-то написали. Велика важность! Высѣкли бы мальчишекъ, да и все тутъ...

За дверью послышался голосъ Швейковскаго, и Юліана, подобравши свои юбки, убѣжала другимъ выходомъ, чрезъ чорную лѣстницу.

Ректоръ вошелъ прихрамывая, сѣлъ на стулъ, который занимала передъ этимъ его жена, и сталъ вытирать свои очки.

— Пошлите къ его превосходительству-то, сказалъ онъ язвительно. Дайте ему знать!

— Я ужь распорядился.

— Пусть порадуется! Прочиталъ бы, какую мнѣ отъ военнаго губернатора бумагу прислали! Этотъ каналья директоръ меня ни словомъ не увѣдомилъ, а тамъ другой какой-то каналья донесъ обо всемъ губернатору, такъ что здѣсь въ университетѣ послѣ всѣхъ объ этомъ узнали.

— Вы знаете, въ чемъ было дѣло?

— Теперь знаю, да поздно немножко. Теперь помимо насъ и его превосходительства, вашего Ганского, дадутъ знать, кому слѣдуетъ. Теперь и Ганскому-то вашему

подадутъ карету, да и мнѣ, пожалуй, будутъ непріятности. Кабы меня прежде слушались, такъ не было бы этихъ исторій! У меня бы не написали на стѣнѣ революцію!

— Отчего васъ директоръ не предупредилъ?

— Да бунта, видите ли, испугался. Дуракъ! собрали совѣтъ, а мальчишки стали шумѣть; кто-то закричалъ еще, чтобъ и ихъ въ совѣтъ пустили. Онъ двери велѣлъ запереть, а самъ взялъ, да черезъ инспекторскую квартиру и ушелъ. Это вмѣсто того-то, чтобъ двухъ сторожей призвать, да черезъ девять десятаго выпороть! Директоръ! Какъ вы этого директора находите?! Да я бы его сейчасъ въ инвалидную команду отдалъ.

Ректоръ черезъ протертыя очки засверкалъ на меня глазами съ такой яростію, какъ-будто я самъ и былъ этотъ директоръ. Изъ канцеляріи я пошелъ къ дамамъ.

Любовь Федоровну я засталъ въ сильномъ безпокойствѣ. Она получила два письма: одно анонимное, въ которомъ ее увѣдомляли, что если мужъ ея не потушитъ немедленно исторію въ гимназіи и не освободитъ «заключенныхъ», то ему грозитъ месть какихъ-то жертвъ и даже самая жизнь его не будетъ въ безопасности. Другое письмо было изъ Петербурга, отъ ея родственницы Муравьевой. Она писала, что противъ Ганского ведутъ сильныя интриги, что Государь недоволенъ имъ, что его обвиняютъ въ потворствѣ *извѣстной партіи*, что его называютъ даже измѣнникомъ. «Если можно, другъ мой, сдерживай его; не давай ему увлекаться.

Убѣди его, ка́къ опасно играть такую роль. Онъ губитъ себя этимъ, а съ собою вмѣстѣ и тебя. Я знаю, какъ тебѣ это должно быть тяжело.»

Любовь Федоровна прочла мнѣ эти строчки вслухъ и отложила письмо.

— Я не думаю о себѣ, сказала она задумчиво. — Что я могу потерять? Но его положеніе дѣйствительно тяжело. Я боюсь за него.

— Да, его положеніе не очень пріятно, я не буду утѣшать васъ. Но вашъ мужъ не изъ такихъ людей, которые легко приходятъ въ отчаяніе.

— А это? (Она показала на анонимное письмо). Почемъ мы знаемъ, на что способны эти люди! Что, если ему въ самомъ дѣлѣ грозитъ какая-нибудь опасность?

— Это письмо вы бросьте подъ столъ. Оно изъ числа тѣхъ, которыми показываютъ шишъ изъ кармана.

— Вы думаете. А если нѣтъ? (Она отвернулась отъ меня). Нѣтъ, не утѣшайте меня! Я теперь вижу все. Я была такъ несправедлива къ этому человѣку....

Она не сказала больше ничего, и въ этотъ день мы больше не видались съ ней. Въ слѣдующіе затѣмъ дни, я видѣлъ ее разсѣянной и молчаливой, хотя она и прислушивалась внимательно къ тому, что̀ говорилось въ гостиной. Бюллетени о надписяхъ и несчастныхъ заключенныхъ съ прежней аккуратностью подавались утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Какъ-то разъ ночью мнѣ не поспалось. Я зажегъ

свѣчку и вздумалъ читать. Въ кабинетѣ Ганского на окнѣ я оставилъ наканунѣ свою книгу и пошелъ за нею. Отворяя дверь, я увидалъ Любовь Федоровну на креслѣ подлѣ камина, который всѣ эти дни даже не топился. На каминѣ горѣла одна свѣча, а въ рукахъ у нея я увидалъ какую-то вещь, которую она сначала хотѣла-было спрятать, но потомъ, сообразивши, что ея движеніе было бы замѣчено, положила на колѣни и обернулась ко мнѣ. Вещь эта была — портретъ Ганского. Онъ стоялъ обыкновенно на столѣ въ углу.

— Вы удивляетесь, что я здѣсь?

На щекахъ ея вспыхнулъ яркій румянецъ. Я никогда не видалъ ее въ такомъ смущеніи.

— Чего же мнѣ удивляться? Вѣдь я же самъ вотъ пришелъ сюда.

— Да, но я ужь давно тутъ сижу. Я не могу спать всѣ эти ночи, а тамъ меня всѣ стерегутъ. Я ушла потихоньку и, кажется, никто меня не видалъ. Я такъ рада. Если бы вы знали, какая мнѣ тоска! Я пробовала читать — и ничего не понимаю. Я сейчасъ смотрѣла на этотъ портретъ. Я нахожу, что онъ очень похожъ. Не правда ли?

Я взялъ его изъ рукъ у нея и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо. Румянецъ не сходилъ и сдѣлался еще гуще. Она растерялась и не смѣла взглянуть на меня.

— Да, портретъ очень удаченъ, сказалъ я.

— Не правда ли? Въ особенности глаза! Глаза такъ хорошо переданы!

Да, это былъ его взглядъ, тотъ взглядъ, котораго она прежде не замѣчала, и который она такъ недавно узнала! Взглядъ свѣтлый, спокойный, который обдавалъ чѣмъ-то теплымъ и поднималъ какое-то сомнѣніе въ душѣ, какую-то неувѣренность въ себѣ, смущеніе передъ этимъ свѣтлымъ, прямымъ взглядомъ. Такъ смотрѣть могъ только человѣкъ, въ которомъ не было обмана, который былъ честнѣе, смѣлѣе насъ...

И она, его жена... она только теперь узнала, какъ онъ близокъ ей. Она увидала, какъ рухнула вдругъ та стѣна, которая раздѣляла ихъ до сихъ поръ. Что то было между ними... что-то такое, что закрыло ей глаза и ея сердце къ нему! Кто бы этому повѣрилъ, — она, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ томилась въ его домѣ, какъ въ тюрьмѣ, теперь не спала ночи, потому что знала его далеко отъ себя.

Захваченная мною врасплохъ, съ портретомъ въ рукахъ, она не долго хитрила: она сама призналась мнѣ во всемъ.

— Какъ могу я спать теперь, когда я не знаю, что съ нимъ. Онъ такъ давно ужь уѣхалъ. Вамъ онъ, можетъ быть, пишетъ; скажите, гдѣ онъ?

— Я послалъ эстафету, Любовь Федоровна. Онъ скоро пріѣдетъ.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело теперь! Вотъ мнѣ расплата за мое прошлое... Что будетъ еще

впереди? Сегодня я опять получила анонимное письмо и опять тѣ же угрозы...

— Не вѣрьте вы этому вздору.

— Не могу я не вѣрить! Вы говорите такъ потому, что вамъ все равно, а я измучена. Чего бы я не отдала теперь, чтобы спасти его! Онъ самъ надѣваетъ на себя петлю. Если-бъ можно было бросить все это и уѣхать куда-нибудь!

— Вѣроятно такъ и будетъ; долго здѣсь оставаться Сергѣй Леонтьичъ не можетъ.

Она помолчала и чуть слышно спросила:

— А потомъ?....

Я сначала не понялъ ея. Но я видѣлъ, какъ по лицу ея покатились слезы. Она опустила голову и не отрывала глазъ отъ одной клѣтки на паркетѣ. Я всталъ и взялъ съ окна книгу.

— Ахъ, если-бъ я могла надѣяться, что въ немъ есть еще хоть немножко привязанности ко мнѣ!

Такое искреннее отчаяніе слышалось въ этихъ словахъ, что я обернулся. Но она спрятала свое лицо въ складкахъ матеріи, которою было обито кресло.

XIII.

Ганской пріѣхалъ въ самую критическую минуту. Изъ учителей гимназіи былъ составленъ комитетъ, которому поручили изслѣдовать дѣло о надписяхъ. Военный губернаторъ потребовалъ донесеніе комитета къ

себѣ и остался имъ недоволенъ. Велѣлъ дѣло переслѣдовать и поручить его на этотъ разъ уже профессорамъ университета. Виновныхъ между тѣмъ держали подъ строгимъ арестомъ: директоръ посадилъ-было ихъ въ карцеръ, но, по распоряженію Швейковскаго, ихъ развели по разнымъ комнатамъ, и у дверей поставлены были часовые. Дѣлалось это, конечно, не гласно, но весь городъ объ этомъ зналъ. Матери «несчастныхъ жертвъ» разъѣзжали по домамъ и со слезами разсказывали эту исторію. Кому неизвѣстно, что́ можетъ сдѣлать мать, у которой отняли дѣтей! Это самый страшный, самый неумолимый врагъ! Черезъ два дня весь городъ былъ въ негодованіи. Женщины въ особенности! Каждая, у которой были или могли быть дѣти, поднимала стонъ за ихъ судьбу. Воздухъ наполнился воплями.

Ганской какъ только пріѣхалъ, такъ, не переодѣваясь съ дороги, отправился въ гимназію. Онъ пробылъ тамъ долго, и только уже вечеромъ при огнѣ вернулся домой. Подали чай и обѣдъ, но онъ не успѣлъ съѣсть двухъ кусковъ, какъ ему доложили, что его желаютъ видѣть двѣ дамы. Онъ всталъ изъ-за стола и, такъ, какъ былъ, въ дорожной шинели, вышелъ къ нимъ въ пріемную. Изъ любопытства я заглянулъ въ дверь, которая осталась отворенною. Двѣ дамы въ чорномъ, обѣ уже не молодыя, стояли у окна и горячо разговаривали. При видѣ попечителя, одна изъ нихъ стремительно бросилась къ нему, другая осталась на своемъ мѣстѣ и приложила платокъ къ глазамъ.

— Вы видите мать одного изъ тѣхъ несчастныхъ, заговорила посѣтительница: — одного изъ тѣхъ, которые... (другая дама громко зарыдала) которые своею дѣтскою неосторожностью навлекли на себя такое ужасное несчастіе. Сердце матери... Вы поймете меня, у васъ у самихъ, можетъ быть, есть дѣти. Вы человѣкъ, наконецъ! Сжальтесь надъ этими несчастными! Не губите ихъ молодости!

Ганской стоялъ неподвижно и изподлобья смотрѣлъ на нее. Она все ближе наступала на него, но онъ не шевелился, твердо, повидимому, рѣшившись отстоять свое мѣсто.

— Вашъ сынъ въ гимназіи что ли? спросилъ онъ бѣгло.

— Да, да, Боже! Къ несчастію, онъ тамъ! Онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ ожидаетъ теперь... что? скажите, не томите меня! Скажите мнѣ, какъ матери, что его ожидаетъ?

— Не знаю. Этого теперь никто не знаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не щадите меня! Будьте безжалостны до конца: скажите мнѣ все!

— Да что-жь я вамъ скажу, когда я самъ ничего не знаю.

— Вы не освободите ихъ? нѣтъ? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ они томятся тамъ. У нихъ есть родные! Вспомните, что у нихъ есть матери... Вотъ она тоже мать! и она пришла просить васъ. Неужели въ васъ нѣтъ сердца? Неужели вы откажете намъ?

— Я теперь ничего сдѣлать не могу.

Другая дама вдругъ отняла платокъ и рѣшительными шагами подошла къ нему.

— Неправда! Вы лжете! вы одного сына моего выгнали изъ университета! Вы ему аттестатъ замарали, а этого... этого въ Сибирь хотите? Нѣтъ! я не позволю. Извергъ! Я васъ проклинаю. Освободите моего сына. Освободите!..

— Душа моя! (пріятельница схватила ее за руку, но та съ гнѣвомъ отдернула ее).

— Я не просить васъ пришла! я пришла сказать вамъ въ глаза, что́ вы такое! Выпустите нашихъ дѣтей! выпустите ихъ завтра же! сейчасъ же! Я не хочу ждать... Вы пожалѣете потомъ!

— Въ Сибирь вашего сына не сошлютъ, а выпустить я не могу.

— Это вашъ отвѣтъ? Больше вы ничего намъ не скажете? Вы не освободите этихъ несчастныхъ? Нѣтъ?

Ганской усмѣхнулся.

— Странно, ей-богу, вы разсуждате! Какъ я могу ихъ теперь выпустить!

— Но неужели слезы матери... начала опять первая дама.

Я увидалъ, что это будетъ продолжаться еще долго, и отошелъ отъ двери. Черезъ полчаса, Ганской пришелъ весь красный и сѣлъ за столъ, но отъ обѣда отказался.

— Грозитъ, замѣтилъ онъ съ усмѣшкой: — что если я всѣхъ завтра же не выпущу, то меня убьютъ. Изво-

лите видѣть, меня же и убьютъ. Они тамъ чортъ знаетъ чего напутали, а меня убьютъ! Нѣтъ, ей-богу, престранныя эти женщины!

— Къ вамъ ихъ завтра еще штукъ шесть пріѣдетъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Я знаю.

— Не велите ихъ принимать.

— Удивительный вы человѣкъ! какое я имѣю право ихъ не принять? Она ѣдетъ ко мнѣ по дѣлу! Она думаетъ, что это *я* ея сына засадилъ!

Всю ночь Ганской, не раздѣваясь и только выпивая чашку за чашкой самаго крѣпкаго чаю, читалъ донесеніе перваго комитета и что-то писалъ. На разсвѣтѣ ужь, когда ударили къ ранней обѣднѣ, онъ потушилъ свѣчи. Въ 9 часовъ пришли къ нему изъ университета съ бумагами и онъ уже вышелъ въ пріемную.

Нѣкоторые профессора получили отъ Ганского приглашеніе собраться у него въ тотъ же вечеръ. Когда всѣ были на лицо, Ганской объяснилъ имъ цѣль этого приглашенія.

— Господа, по желанію или, вѣрнѣе, по приказанію военнаго губернатора, я долженъ назначить комитетъ, для извѣстнаго уже вамъ дѣла о надписяхъ. Дѣло это уже было разъ разсмотрѣно, и донесеніе, которое губернаторъ нашелъ неудовлетворительнымъ, по моему мнѣнію, совершенно добросовѣстно. Вы можете, конечно, измѣнить его и придать ему тотъ видъ, котораго желаетъ начальство; но я увѣренъ, что вы этого не сдѣ-

лаете. По совѣсти, мы должны показать то же, что̀ показали учителя гимназіи.

Тутъ мною была прочитана копія съ донесенія перваго комитета, который объяснялъ все шалостью и дѣло все представлялъ въ такомъ свѣтѣ, что можно было наказать за него розгами, но дальнѣйшаго хода этой исторіи не давать.

Профессора молча прослушали бумагу. Когда я кончилъ, одинъ изъ нихъ всталъ.

— Тутъ говорятъ, что на доскѣ писались слова, которыхъ никто не понималъ. Можетъ быть! Можетъ статься, что тотъ, кто ихъ писалъ, и не понималъ ихъ. Но откуда эти слова взялись? Кто пустилъ ихъ въ ходъ? Нѣтъ ли гдѣ-нибудь за кулисами людей, которые понимали бы ихъ лучше, чѣмъ тѣ, которые теперь сидятъ подъ арестомъ. Отчего послѣднее время у насъ многіе, 14-лѣтніе даже мальчишки стали говорить о вольности и равности. Говорятъ, они не понимаютъ этого! Согласенъ. Да гдѣ они слышали эти слова? Вотъ что я желалъ бы, чтобы мнѣ разъяснили.

Профессоръ строго оглянулся на всѣхъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Тогда всталъ Ганской. Онъ мнѣ показался нѣсколько блѣденъ.

— Господа, мое положеніе теперь очень фальшивое. Какъ попечитель, я долженъ сказать вамъ: отыщите мнѣ виновныхъ во что бы то ни стало! прибѣгайте ко всѣмъ средствамъ, не жалѣйте себя, но разыщите мнѣ винов-

ныхъ! Какъ человѣкъ — я вамъ скажу: не ищите ничего! Оставьте это дѣло. Оно не стоитъ тѣхъ непріятностей, которыя мы изъ-за него поднимемъ. Каждый изъ васъ можетъ сказать мнѣ, что я не исполняю своихъ обязанностей: мое дѣло не прикрывать, а разъяснять все. Но я запутанъ тутъ болѣе всѣхъ. Я виноватъ во всемъ. Я виноватъ ужь въ томъ, что позволилъ своимъ именемъ дѣлать распоряженія, которымъ никогда не сочувствовалъ. Вы хотите начать слѣдствіе... слѣдствіе не нужно. Я давно знаю все. Я знаю больше, чѣмъ вы можете узнать. Между студентами есть тайное общество — и я назову вамъ по имени каждаго члена этого общества. Господа, если вы вѣрите моей искренности, не поднимайте этой исторіи. Не поднимайте ее, по крайней мѣрѣ, теперь, когда еще есть надежда кончить все иначе. Я прошу у васъ отсрочки на двѣ недѣли. Если я до тѣхъ поръ не пріищу средства, какъ это покончить, я самъ доставлю вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія... Но если можно не губить университета... Вы поймете меня... Тутъ замѣшана и ваша честь. Когда начнутъ слѣдствіе — университета не будетъ! (Тутъ голосъ его слегка задрожалъ и сдѣлался неровенъ). Я прошу у васъ одного: дайте мнѣ время еще что-нибудь попробовать.

Профессоръ, говорившій передъ этимъ, снова возвысилъ голосъ.

— Ваше превосходительство, мы не можемъ прикрывать этой исторіи; по совѣсти, мы не можемъ этого сдѣлать.

Ганской вспыхнулъ.

— Я не прошу васъ прикрывать; я прошу васъ подождать. Я не могу прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ, пока не испробую другихъ. Дайте мнѣ двѣ недѣли! На это время я отвѣчаю за все. Но если кто не согласенъ со мной, тотъ можетъ отказаться. Я никого не принуждаю; да и не имѣю права.

— Вы желаете, ваше превосходительство, чтобы наше донесеніе военному губернатору было составлено въ такомъ же духѣ, какъ и первое?

— Да; но вы можете, господа, не согласиться со мной. Я скажу только, что если теперь будутъ допросы, то все будетъ потеряно. Это мы успѣемъ сдѣлать, когда другого исхода не будетъ.

Одинъ изъ профессоровъ, до сихъ поръ молчавшій, угрюмо спросилъ:

— На какой же исходъ вы, ваше превосходительство, разсчитываете?

Ганской не сразу отвѣтилъ и сталъ смотрѣть по обыкновенію подъ столъ.

— На что именно я разсчитываю, этого я теперь сказать не могу. Я самъ еще не знаю, что̀ будетъ. Если вы вѣрите мнѣ — хорошо; а если не вѣрите, то вы свободны, господа! тѣмъ болѣе, что̀ я ужь почти и не попечитель здѣсь. Вы сами видѣли, что съ васъ требуетъ отчета другое начальство.

Совѣщаніе продолжалось не долго, и всѣ разошлись, ни на чемъ не порѣшивши. Одинъ профессоръ былъ

противъ желанія Ганского, другіе какъ-то смутно понимали, чего отъ нихъ требовали. Нѣкоторые подошли ко мнѣ.

— Что-жь! Прежнее что ли донесеніе оставить? Онъ проситъ, чтобы прежнее оставили.

— Оставляйте.

— А ничего намъ за это не влетитъ?

— Отъ кого?

— Да отъ военнаго губернатора?

— Думаю, что ничего.

— То-то, думаете! Какъ попадешь еще въ чужую бѣду...

Многіе однако рѣшили, что такъ, какъ предлагаетъ попечитель, было бы спокойнѣе. Охотниковъ начинать допросы не нашлось. Всѣ хорошо знали, какой вопль подняли уже маменьки въ городѣ. Каждый думалъ, что если копнуть поглубже, то найдется, пожалуй, много замѣшанныхъ, и тогда наживешь себѣ столько враговъ, что бѣда! Профессора были все люди пожилые, и спокойствіе свое цѣнили выше всего.

Одинъ Ганской руководился тутъ совсѣмъ иными мыслями. Какъ человѣкъ, который попадаетъ изъ ошибки въ ошибку, который не можетъ уже выбраться на настоящую дорогу, онъ ухватился вдругъ за самое несбыточное средство, за какую-то фантазію, за призракъ, который только ему могъ показаться спасеніемъ. Когда все уже было потеряно и оставалось только молча писать рапорты военному губернатору, онъ обдумывалъ свою послѣднюю попытку, свой coup d'état, который

долженъ былъ дать дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ никогда почти не падалъ духомъ. Весь городъ былъ противъ него, его винили въ жестокости, въ упрямствѣ, въ двуличности; въ Петербургѣ всѣ были его враги, начиная съ его бывшей жены и кончая министромъ; наконецъ, самая молодёжь, та молодёжь, которую онъ такъ упорно отстаивалъ, была сильно раздражена противъ него — и это не сломило его. Онъ мало ѣлъ, онъ не спалъ совсѣмъ, но силы его поддерживались какимъ-то неестественнымъ нервнымъ напряженіемъ. Онъ принималъ просителей (дамы въ особенности осаждали его въ эти дни) съ своей обычной невозмутимостью; что бы ему ни говорили теперь, онъ какъ-то особенно терпѣливо все выслушивалъ, какъ-бы чувствуя себя способнымъ выслушать въ десять разъ больше. Пріѣхалъ Вороновъ и дерзко сталъ требовать, чтобы заключенные были выпущены немедленно на поруки къ своимъ родственникамъ.

— Милостивый государь, кричалъ онъ такъ, что я слышалъ изъ другой комнаты: — я знаю, что́ такое честь! Я русскій дворянинъ, и знаю, что́ такое честь! Если я, русскій дворянинъ, требую, чтобы родственника моего опустили ко мнѣ на поруки, такъ *я* за него отвѣчаю! Я за него передъ самимъ государемъ отвѣчаю. Вы этимъ не ему оказываете недовѣріе, а мнѣ! Вы этимъ, милостивый государь, меня оскорбляете! Вы, позвольте вамъ, милостивый государь, поставить это на видъ, поступаете неблагородно.

Въ заключеніе всего, Вороновъ вызвалъ Ганского на дуэль.

— Я сказалъ ему на это, говорилъ мнѣ потомъ Ганской: — что жизнь моя больше мнѣ не принадлежитъ, потому что меня уже обѣщались убить, и что съ его стороны было бы неблагородно отнимать это право у тѣхъ, кто получилъ его раньше. Онъ съ этимъ вполнѣ согласился.

Любовь Федоровна два раза входила подъ какими-то пустыми предлогами въ нашу пріемную, не рѣшаясь, впрочемъ, войти въ кабинетъ. Ганской замѣтилъ ее и спросилъ, не нужно ли ей чего-нибудь. Она смѣшалась и сослалась на какой-то вздоръ.

Ее мучила, можетъ быть, мысль, что ея мѣсто теперь тамъ, около этого человѣка... Она думала, можетъ быть, о томъ, какъ тяжело ему одному, послѣ этихъ тревожныхъ дней, послѣ этихъ безсонныхъ ночей; какъ отрадно было бы ему теперь каждое слово, каждый взглядъ участія отъ близкой женщины. Но она не смѣла войти; она боялась встрѣтить холодный пріемъ. Но если бъ она могла надѣяться!.. Я самъ не зналъ теперь его чувствъ къ ней. Иначе, я свелъ бы ихъ.

XIV.

Но что же Давыдовъ?

Онъ былъ такъ окруженъ теперь, такъ недоступенъ, что я видалъ его только мелькомъ у Сухотиныхъ. Онъ вдругъ очутился въ положеніи человѣка, отъ котораго

всѣ чего-то ожидаютъ. Всѣ инстинктивно чувствовали, что въ дѣлѣ о надписяхъ будутъ замѣшаны не одни гимназисты. Катастрофа была еще впереди; все оставалось еще смутно, темно, и ключъ къ загадкѣ всѣ видѣли почему-то въ Давыдовѣ. Его считали душою заговора, тайнымъ руководителемъ недовольныхъ... Но мнѣ хорошо было извѣстно, ктó игралъ тутъ первую роль. Этотъ человѣкъ оставался въ тѣни, тогда какъ Давыдову дѣлали шумныя оваціи. Вороновъ далъ ему обѣдъ, на который съѣхалось полгорода. Я былъ тутъ въ числѣ прочихъ, хотя изъ нашихъ профессоровъ рискнули явиться очень немногіе, считая, что это была бы явная демонстрація противъ начальства. Обѣдъ этотъ остался памятенъ потому, что тутъ послѣдній разъ явились въ обществѣ люди, которые черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого сидѣли въ тюрьмѣ.

Леонардъ Чарковскій находился тутъ какъ самый скромный изъ гостей, и хотя были попытки сдѣлать ему овацію, онъ очень искусно уклонился отъ этого. Съ своими вѣжливыми, ровными манерами, онъ имѣлъ видъ человѣка посторонняго, которому совершенно чуждо это бѣснованье. Въ душѣ онъ не одобрялъ его: онъ былъ врагъ всякихъ шумныхъ демонстрацій.

Эдмундъ вскочилъ и съ бокаломъ въ рукахъ сталъ говорить намъ рѣчь. Онъ долго не могъ заставить слушать себя въ Союзѣ, гдѣ записывалось сразу по десяти, по двѣнадцати ораторовъ. и теперь, добравшись, наконецъ, до слушателей, говорилъ бѣгло и твердо, видимо,

выученное ужь наизусть. Въ словахъ его было много лести Давыдову, но лести, такъ сказать, оффиціальной, какъ виновнику торжества. Самъ по себѣ Эдмундъ не терпѣлъ Давыдова, который сидѣлъ теперь блѣдный отъ выпитаго имъ вина и молчаливый. Вино дѣйствовало на него страннымъ образомъ: оно не располагало его къ веселости, но дѣлало угрюмымъ и несообщительнымъ. Дамы съ восторгомъ протягивали къ нему свои бокалы. Первая красавица въ городѣ, жена уѣзднаго предводителя, графиня Юлія, сказала, что она поклоняется его таланту, какъ не поклонялась еще никому, кромѣ Бога. На эту громкую фразу отвѣтили громкими виватами. Самъ хозяинъ сдѣлалъ попытку обнять Давыдова, но тотъ уклонился отъ этого, какъ отъ оскорбительной для него фамильярности. Принужденный пить каждую минуту, онъ дѣлался все блѣднѣе и блѣднѣе. Глаза его горѣли уже тѣмъ злымъ огнемъ, который не предвѣщалъ ничего добраго. Трезвый, онъ теперь утопалъ бы въ блаженствѣ, но пять-шесть бокаловъ, выпитыхъ съ непривычки (онъ пилъ рѣдко и не любилъ вина), нагнали на него какую-то злую хандру.

Когда объявили тостъ за женщинъ, онъ всталъ и потребовалъ молчанія. Все утихло мгновенно; самые пьяные перестали кричать.

— Здоровье первой красавицы въ нашемъ городѣ!

Онъ сдѣлалъ паузу. Графиня Юлія скромно опустила глаза, чувствуя, что всѣ взгляды обратились на нее, и ожидая взрыва восторговъ.

— Здоровье Ганской! крикнулъ Давыдовъ какимъ-то зазвенѣвшимъ и неестественно-громкимъ голосомъ.

За столомъ вдругъ сдѣлалось еще тише; потомъ разомъ на всѣхъ почти пунктахъ послышался шумный, недовольный говоръ. Ни одинъ голосъ не поддержалъ этого тоста. Объявить фамилію, до того непопулярную, упомянуть жену общаго врага, и еще такъ оскорбительно, какъ первую красавицу въ городѣ, когда тутъ была графиня Юлія и много другихъ хорошенькихъ женщинъ — все это было со стороны Давыдова вызовомъ цѣлому обществу.

Среди общаго шума, вскочилъ Эдмундъ съ разгорѣвшимися глазами.

— Господа! если мы допускаемъ здѣсь упоминать имя Ганского и его жены, то мы забываемъ, зачѣмъ собрались сюда. Намъ лучше сейчасъ же разойтись. Г. Давыдовъ за честь, которую мы ему дѣлаемъ, платитъ насмѣшкой намъ и оскорбленіемъ нашимъ дамамъ.

Тутъ шумъ поднялся такой, что никто никого ужь не понималъ. Давыдова мгновенно окружили съ разгоряченными лицами подвыпившіе гости. Изъ среды ихъ я видѣлъ только размахивающія руки и слышалъ укоризненные и даже бранные возгласы.

— Какъ! кричали они: — мы ему сдѣлали честь, а онъ насъ смѣшалъ съ грязью!

Графиня Юлія немедленно уѣхала съ своимъ мужемъ. Давыдова спасло отъ скандала одно, повидимому, совершенно ничтожное обстоятельство. Между дамами была

одна, несовсѣмъ красивая, но умная какъ бѣсъ, и всѣми силами своей женской души ненавидѣвшая графиню Юлію. Униженіе соперницы до того восхитило ее, что она горячо приняла сторону Давыдова — и дѣло его было выиграно. Хотя онъ сильно уронилъ себя въ мнѣніи общества, но никто не покусился дать ему пощечины, что̀ въ тѣ времена, въ нашихъ шумныхъ собраніяхъ, принималось какъ дань вѣку, какъ вещь очень обыкновенная. Хотя потомъ и былъ кто-то прибитъ, но не Давыдовъ. Этимъ онъ обязанъ былъ вмѣшательству умной женщины и своей несокрушимой репутаціи. Черезъ полчаса, хозяинъ уже снова дѣлалъ попытки его обнять.

Подъ конецъ вечера дамы разъѣхались; Эдмундъ устроилъ попойку съ своими пріятелями, а Давыдовъ, нѣсколько протрезвившійся, хотя все еще хандрившій, вышелъ изъ дому вмѣстѣ со мной и съ Чарковскимъ. Послѣдній молчалъ, но по укоризненному выраженію его лица Давыдовъ понялъ, что онъ недоволенъ имъ.

— Вы тоже находите, что я неправъ былъ, когда упомянулъ жену Ганского?

— Я нахожу, что не время теперь пить здоровье красавицъ.

— Тѣмъ болѣе не стоило изъ-за этого поднимать шума.

Въ душѣ Давыдова, вмѣстѣ съ улетавшимъ хмѣлемъ, начали уже просыпаться опасенія за свою репутацію.

— Признаюсь, сказалъ Чарковскій: — можно было ожидать такой выходки отъ Эдмунда, но не отъ васъ.

Давыдовъ вспылилъ.

— Вы не можете придавать значенія словамъ, которыя сказаны были въ пьяной компаніи. Не хотѣли ли вы, чтобы я съ пьяными сталъ говорить о государственныхъ дѣлахъ? Люди собрались пьянствовать и думаютъ, что они въ какой-то законодательной палатѣ!

— Зачѣмъ же тогда было собираться? замѣтилъ сухо Чарковскій.

— Не знаю-съ. Вѣроятно затѣмъ, чтобы напиться! Другой цѣли я самъ не вижу. Я никогда не прощу себѣ, что позволилъ себѣ для этихъ скотовъ выпить нѣсколько лишнихъ рюмокъ.

— Можно было не пить.

— Это можно было вамъ, потому что васъ никто не трогалъ и не лѣзъ къ вамъ съ своими восторгами.

— Вы сами желали этихъ восторговъ.

— Послушайте, однако, это ужасно становится похожимъ на разговоръ двухъ пьяныхъ пріятелей, которые каждую минуту повторяютъ другъ другу: «Вѣдь я вамъ говорилъ, Михаилъ Иванычъ!» «Вѣдь я вамъ говорилъ, Иванъ Петровичъ!» Мы съ вами не пріятели, да и не совсѣмъ пьяны, поэтому оставимте этотъ разговоръ.

— Какъ знаете, замѣтилъ опять сухо Чарковскій.— Да мнѣ и не по дорогѣ съ вами. Прощайте!

Онъ свернулъ въ другую улицу, а мы пошли своимъ путемъ.

Я спросилъ Давыдова, что́ они думаютъ теперь дѣ-

лать. Онъ отвѣтилъ мнѣ на это вопросомъ: потушатъ исторію въ гимназіи или нѣтъ?

— Едва ли. Вамъ теперь придется имѣть дѣло не съ Ганскимъ, а съ военнымъ губернаторомъ.

— Кстати, что вашъ Ганской?

— Не знаю. Онъ пропалъ совсѣмъ изъ дому.

— Какъ пропалъ?

— А такъ, очень просто. Вотъ ужь два дня его никто не видалъ.

— Онъ не улизнулъ ли ужь? Вамъ не безъизвѣстно, можетъ быть, что его собирались поколотить палками. Я бы съ своей стороны не совѣтовалъ ему оставаться здѣсь.

— Если ему не безопасно, то вѣдь и вамъ, Платонъ Николаичъ, не думаю, чтобъ было тутъ особенно спокойно.

Онъ презрительно улыбнулся.

— Что, вы думаете, что меня арестуютъ что ли?

— Арестуютъ многихъ. Не знаю, будете ли вы въ числѣ ихъ.

— Вамъ это откуда извѣстно? (Онъ вдругъ строго посмотрѣлъ на меня).

— Слышалъ.

— Можетъ быть, вашъ Ганской поѣхалъ просить, чтобы ему дали отрядъ конныхъ казаковъ для усмиренія бунтовщиковъ?

— Ганской тутъ ни при чемъ.

— Откуда же вы это знаете?

— Если вы даете мнѣ слово, что все останется между нами, я вамъ скажу.

— Что же, вамъ клятва моя нужна?

— Мнѣ нужно, чтобы вы знали, что я желаю предупредить только васъ, но никакъ не вашихъ единомышленниковъ.

Давыдовъ помолчалъ, потомъ вдругъ горячо пожалъ мнѣ руку.

— Нужно ли говорить вамъ, что я для этихъ людей не стану обманывать васъ!

— Помните же, Платонъ Николаичъ, я не желаю, чтобы это было кому-нибудь извѣстно, кромѣ васъ. Изъ Петербурга присланъ *нѣкто* съ полномочіемъ пересмотрѣть все дѣло и устранить попечителя. Начнутъ съ гимназіи и потомъ дойдутъ до университета. Увѣрены ли вы, что не доберутся и до васъ?

Давыдовъ вдругъ ускорилъ шаги. Извѣстіе это замѣтно смутило его.

— Это правда, значитъ, что Ганской устраненъ?

— Совершенно, и это-то васъ погубитъ. Пока вы мечете громы противъ Ганского, бѣда придетъ оттуда, откуда вы ее совсѣмъ не ждете. Что слѣдствіе будетъ неумолимо строгое, доказательствомъ то, что оно начнется одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ изъ членовъ коммиссіи ѣдетъ на этой недѣлѣ въ С—скую гимназію.

— Послушайте, да это цѣлая травля!

И Давыдовъ, въ волненіи, простился со мною, под-

твердивши свое обѣщаніе, что все останется между нами.

Обѣщанія своего онъ не сдержалъ. Если бы я могъ знать, что моя откровенность послужитъ ему на гибель, я бы, конечно, ничего не сказалъ ему въ тотъ вечеръ.

Ганской, между тѣмъ, дѣйствительно пропалъ безъ вѣсти. Два дня никто изъ домашнихъ, и я въ томъ числѣ, не знали, гдѣ онъ. Любовь Федоровна долго молчала, не давая никому замѣтить, чтобы что-нибудь особенно безпокоило ее. Наконецъ, измученная душа ея не выдержала скрытыхъ терзаній. Она пришла ко мнѣ, хотѣла что-то спросить, но вдругъ зарыдала и сѣла на стулъ, стараясь заглушить платкомъ душившія ея слезы.

— Гдѣ онъ? скажите, гдѣ онъ теперь?

— Любовь Федоровна, вѣроятно онъ уѣхалъ куда-нибудь въ уѣздъ.

— Но куда же? Что вы мнѣ говорите! Вы, вѣрно, знаете... Скажите ужь лучше, что́ вы знаете?

— Клянусь честью, я не знаю ничего. Я увѣренъ только въ одномъ, что ныньче или завтра онъ вернется.

— Да! вернется! Вы слышали, какіе по городу ходятъ слухи? Нашли подметныя письма! Вы это понимаете? И вотъ ужь два дня, а его нѣтъ.

— Письма сочиняли тѣ же гимназисты, что́ доказываетъ и самый слогъ ихъ.

— Нѣтъ, какіе ужь гимназисты! Весь городъ въ тревогѣ: только и слышишь, что тамъ нашли подметное письмо, да тутъ другое...

— Чего же вы боитесь?

— Чего! (Она съ укоризной посмотрѣла на меня). Если бы вы хоть на минутку могли быть на моемъ мѣстѣ, вы бы поняли меня! Мнѣ кажется, если бы я его увидѣла теперь, — все равно, хочетъ онъ этого или нѣтъ, — я бы сказала ему все. Господи! какъ могла я молчать! Ну, если что-нибудь случится!...

Она опять крѣпко прижала платокъ къ своему горѣвшему лицу и ужь не говорила больше ничего. Изъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на меня Богомъ, я хуже всего исполняю обязанность утѣшителя. Кто въ этомъ положеніи не становится дуракомъ, того я отъ души поздравляю. Любовь Федоровна ушла отъ меня мало утѣшенная.

На другое утро мнѣ пришли сказать, что она проситъ меня къ себѣ. Я вошелъ — и не вѣрилъ себѣ: я засталъ у нея Давыдова. Онъ горячо говорилъ ей что-то, отодвигая рукою всѣ попадавшіяся ему на столѣ вещи (у него была эта привычка); она слушала его съ поникшей головой. По тому, какъ близко она сидѣла къ нему теперь, я понялъ, что объясненіе ихъ хотя было и жаркое, но не касалось ихъ прежнихъ отношеній.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ни онъ, ни она не могли бы сойтись такъ близко и такъ искренно говорить о чемъ-нибудь, кромѣ занимавшаго ихъ тогда

жгучаго вопроса ихъ общей любви... Теперь онъ пришелъ предупредить ее, что ея мужа хотятъ убить, и что оставаться ему долѣе въ городѣ рѣшительно не безопасно.

Когда я вошелъ, оба они встали. Любовь Федоровна съ тою храбростью отчаянія, которая является у женщинъ въ самыя рѣшительныя минуты, объявила, что она отыщетъ мужа во что бы то ни стало.

— Самое лучшее, сказалъ Давыдовъ: — вамъ ѣхать къ Сухотинымъ. Тамъ вамъ дадутъ самыя вѣрныя свѣдѣнія.

— Да. Ну, что-жь! Я поѣду къ ней. Да, не правда ли? (Она вопросительно посмотрѣла на меня, а между тѣмъ дрожащія руки ея уже завязывали ленты у шляпки). Въ другое время я не поѣхала бы, но теперь...

— Поѣзжайте, повторилъ угрюмо Давыдовъ.

Она вдругъ бросилась къ нему и взяла его за обѣ руки:

— Платонъ Николаичъ, то, что вы для меня сдѣлали теперь... (Въ голосѣ ея вдругъ задрожали слезы). Я никогда, никогда не забуду этого!

Первый разъ я замѣтилъ, что въ лицѣ его дрогнуло что-то не похожее ни на оскорбленное самолюбіе, ни на усмѣшку. Что-то теплое, доброе мелькнуло вдругъ лучомъ на этихъ красивыхъ чертахъ... Было мгновеніе, когда въ немъ исчезъ безъ слѣда злой, насмѣшливый, вѣчно терзающійся духъ его; такъ мѣняется человѣкъ, когда вдругъ охватитъ его чувство, до тѣхъ поръ еще

не испытанное; но мгновеніе это прошло, — она выпустила его руки и отошла отъ него, — и прежній Давыдовъ стоялъ передо мной. Въ глазахъ его опять вспыхнулъ гнѣвъ на то, что судьба отняла у него эту женщину; на то, что она можетъ еще такъ смѣло протягивать ему руку... Но и тутъ онъ скоро овладѣлъ собою.

— Постараемся, сказалъ онъ почти спокойно: — постараемся забыть прошлое.

Она слабо улыбнулась ему.

— Я вамъ такъ благодарна!...

— Мнѣ не нужно вашей благодарности. Я пришелъ предупредить васъ, потому что считалъ это своей обязанностью. Я никогда не любилъ вашего мужа, но менѣе, чѣмъ кто-нибудь, желаю его смерти.

Она едва ли даже и слышала его теперь; ея мысли были далеко отъ него.

— Ахъ, я васъ хочу просить, обернулась она вдругъ ко мнѣ: — сдѣлайте и вы это для меня... помогите мнѣ... узнайте, что можете!

Мы всѣ трое спускались по лѣстницѣ. Она опять взяла руку Давыдова и горячо сжала ее въ своихъ.

— Платонъ Николаичъ, если что-нибудь случится, вы мнѣ скажете все? Да?

— Случится, можетъ быть, то, что я завтра буду сидѣть съ двумя часовыми у дверей. Впрочемъ, будьте покойны: пока я свободенъ, я весь къ вашимъ услугамъ.

Любовь Федоровна сѣла въ экипажъ. Давыдовъ ве-

лѣлъ кучеру ѣхать, а самъ вмѣстѣ со мною пошелъ пѣшкомъ.

— Да, началъ онъ вдругъ: — многое на свѣтѣ, другъ Гораціо... Я однако чувствую, что начинаю становиться безтолковъ. Не просвѣтите ли вы меня своимъ яснымъ пониманіемъ жизни? Я рѣшительно ужь больше ничего не понимаю! Эти секретные ревизоры съ секретными инструкціями, эти нѣжныя жоны, эти благородные головорѣзы, этотъ шумъ, гвалтъ, подметныя письма, — что это такое? Объясните мнѣ, ради самого неба!

— Вы говорили, кажется, что Ганского хотятъ убить?

— Да. Вѣдь вы знаете, у насъ всегда была партія, которая думаетъ, что кулакомъ можно многое доказать. Если вы человѣкъ не моихъ убѣжденій, я перерѣжу вамъ горло — и конецъ!

— Но кто же?

— Я по сыскной полиціи не служу. Съ какой стати я вамъ буду доносы дѣлать.

— Если вы не хотите сказать кто, я самъ скажу.

— Не нужно. Не произносите именъ, чтобы они не оскверняли нашего слуха. Я имъ сказалъ вчера въ глаза, что не хочу имѣть дѣла съ разбойниками. У насъ была вчера довольно сильная сцена, и, право, нѣкоторые изъ нихъ оказались такими мерзавцами, что я съ удовольствіемъ донесъ бы на нихъ полиціи, если бы.....

— Вы, по крайней мѣрѣ, приняли ли всѣ предосторожности?

— Отдайте же мнѣ справедливость хоть въ чемъ-нибудь! Всѣ мои добродѣтели отрицательныя. Я не воръ, я не пьяница, не картежникъ, и допустите ужь это, — и не трусъ. Хотя я теперь и положительно убѣдился въ томъ, что наши ревнители свободы претятъ мнѣ, однако укрываться и прятаться я вовсе не намѣренъ. Теперь вы имѣете, конечно, полное право мнѣ и не вѣрить, но когда увидите, что меня поведутъ съ почетнымъ карауломъ, тогда вы въ меня увѣруете. Прощайте!

— Вы куда?

— Къ Сухотинымъ. А на васъ вѣдь возложено порученіе отыскивать пропавшаго супруга. Желаю вамъ всякаго благополучія!

Онъ приподнялъ слегка фуражку и съ своей обычной усмѣшкой пошелъ впередъ. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ. Больше я его не видалъ, по крайней мѣрѣ, на свободѣ. Какъ бы на зло мнѣ, невѣрующему въ предчувствіе, я видѣлъ потомъ, какъ его провели мимо меня, дѣйствительно, съ почетнымъ карауломъ: его провожали часовые со штыками.

Весь день я прошатался по городу, но Ганского нигдѣ найти не могъ. Хотя мамаша и утверждала, что человѣкъ не булавка и пропасть не можетъ, но тутъ я положительно убѣдился въ томъ, что пропадаютъ не однѣ булавки. Съ этой грустной мыслью я прошелъ къ

Сухотинымъ и тамъ узналъ, что обѣ барыни куда-то уѣхали. Самого Сухотина я не сталъ и тревожить: я зналъ, что онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и пишетъ конституцію. Печальный я вернулся къ себѣ домой и вдругъ узналъ отъ прислуги, что Ганской возвратился. Я нашелъ его дѣйствительно въ спальной, гдѣ человѣкъ подавалъ ему умываться.

— Сергѣй Леонтьичъ, чтó это вы?

— А что?

— Да гдѣ-жь это вы пропадали?

— Да я нигдѣ не пропадалъ. Былъ тутъ въ разныхъ мѣстахъ.

— Васъ тутъ всѣ искали.

— Кому это я понадобился? Сейчасъ вотъ опять надо ѣхать.

— Куда?

— Да тутъ въ одно мѣсто.

— Я долженъ предупредить васъ, что вы напрасно такъ рискуете.

Онъ усмѣхнулся.

— Что-жь, вы думаете, меня убьютъ что ли?

— Сергѣй Леонтьичъ, я вамъ кромѣ шутокъ это говорю. Есть люди, которые открыто объявили, что они васъ убьютъ.

— И прекрасно сдѣлаютъ. Что я отъ этого потеряю?

— Вы рѣшительно хотите обратить все въ шутку?

— Ну вотъ, скажите, пожалуйста! Да и не думаю

я шутить! Чего тутъ шутить. Что вы, въ самомъ дѣлѣ что ли думаете, что мнѣ моя жизнь очень нужна?

Послѣ такого заявленія я увидѣлъ, что мои совѣты были бы лишними. Ганской между тѣмъ велѣлъ закладывать лошадей.

— А вѣдь вотъ, сказалъ онъ вдругъ: — я узналъ, гдѣ они собираются.

— Вы говорите о студентахъ?

— Кажется, мы съ вами ошибались, Сергѣй Леонтьичъ, и дѣло серьознѣе, чѣмъ мы думали.

Онъ сталъ противъ меня и задумчиво смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Кто-нибудь ошибается, конечно. Надо узнать кто. Вотъ за этимъ я и ѣду.

— Куда?

— А туда, гдѣ они думаютъ начать свою революцію. Тамъ у нихъ собраны и военныя силы: три солдата и два офицера!

— Гдѣ же это?

— А тамъ, недалеко за моимъ имѣніемъ, въ деревнѣ, стоитъ рота какого-то Жарковскаго... Это ихъ главный штабъ, и Жарковскій у нихъ военный министръ.

— И вы туда ѣдете?

— И я туда ѣду.

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Вотъ, право, странно! Какъ можетъ человѣкъ заранѣе сказать, что будетъ дѣлать. Вы же сами гово-

рите, что меня, можетъ быть, убьютъ. Можетъ быть, я еще не доѣду, а меня убьютъ.

— Зачѣмъ же вы ѣдете?

— Ѣду, потому что..... Съ какой стати я тутъ буду сидѣть? Тутъ военный губернаторъ теперь распоряжается.

Я не имѣю привычки очень упорно приставать къ людямъ и навязываться имъ съ своими совѣтами. Хотя я видѣлъ, что намѣреніе его было въ высшей степени безразсудное, но отговаривать его болѣе не сталъ.

XV.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Хотя ночь была лунная, но узкія улицы наши, въ которыхъ дома громоздились другъ на друга, казались какими-то темными подвалами. На днѣ этого подвала шевелились какія-то существа и катились рѣдкіе экипажи. Я поджидалъ Любовь Федоровну и ходилъ по залѣ, изрѣдка заглядывая въ окно. Наконецъ, я узналъ ея карету съ двумя фонарями, вкатившуюся подъ каменный сводъ воротъ.

Всѣ домашніе съ нетерпѣніемъ подстерегали ее, чтобы разсказать ей, какъ пріѣзжалъ ея мужъ и какъ онъ опять уѣхалъ. Ее перехватили еще на порогѣ и разомъ высыпали передъ ней всю корзину новостей. Потомъ для нея освѣтили столовую, гдѣ ее ждалъ чай и растопленный каминъ, и вся родня съ любопытными

взглядами и съ вопросами на устахъ. Я одинъ ходилъ по темной залѣ на другой половинѣ и терпѣливо ждалъ ее. Она пришла скоро. По торопливой легкости шаговъ я узналъ ея походку. Она толкнула дверь и потомъ осторожно притворила ее за собой...

— Давно онъ уѣхалъ?

— Съ часъ, не болѣе.

— Куда?

Я сказалъ. Она въ раздумьи остановилась. Я ожидалъ видѣть ее гораздо болѣе встревоженной. Теперь, когда она стояла передо мной при лунномъ свѣтѣ, завернутая въ шаль, неподвижная, задумчивая, когда блѣдные лучи далекой планеты, падая на ея лицо, выдѣляли темные глаза, смотрѣвшіе теперь какъ изъ глубины, съ какимъ-то строгимъ недоумѣніемъ, она вся казалась мнѣ вылитой изъ стали, готовой на всякія испытанія. Приближались грозныя минуты; опасность тѣснила насъ со всѣхъ сторонъ, описывая съ каждымъ днемъ круги все тѣснѣе и тѣснѣе. Былъ предѣлъ, за которымъ всякая надежда на счастливый исходъ становилась невозможною. Но тутъ-то и дѣлается человѣкъ храбрымъ! Храбрымъ до отчаянія, часто до безумія... Женщины въ этомъ случаѣ удивляютъ какою-то особою упорною силою. Въ такія минуты кажется, что нѣтъ удара, который могъ бы сломить ихъ.

Любовь Федоровна сѣла къ окну съ видомъ спокойной рѣшимости.

— Я поѣду за нимъ, сказала она тихо.

— Что вы, Богъ съ вами! Вы не имѣете понятія, чтó за люди собираются тамъ.

— Я поѣду теперь же.

— Перестаньте, Любовь Федоровна; куда вы поѣдете ночью!

— Не отговаривайте меня, пожалуйста. Я не останусь теперь, хотя бы тутъ Богъ знаетъ что случилось! Что бы вы ни говорили, я все равно не останусь.

Я насилу убѣдилъ ее отложить поѣздку до слѣдующаго дня. Мнѣ нужно еще было остаться на нѣсколько часовъ въ городѣ.

Утромъ я чуть свѣтъ отправился къ Давыдову. На дорогѣ мнѣ попался Вагнеръ.

— Куда вы?

— Къ Давыдову.

— Онъ арестованъ.

— Давно ли?

— Вчера вечеромъ. Того и гляжу, что меня схватятъ! Прощайте, батюшка; некогда!

И мой вѣчно озабоченный и хлопотливый пріятель побѣжалъ своей дорогой. Я рѣшилъ пойти въ университетъ и поднялся въ квартиру бывшаго ректора, а теперь Швейковскаго. Какъ мнѣ знакома была эта старая гостиная съ деревянными ставнями и съ сердечками на этихъ ставняхъ! Какъ часто сиживала тутъ, бывало, Любовь Федоровна, тогда еще дѣвушка, и Давыдовъ,

тогда еще свободный, влюбленный, самоувѣренный!... Теперь все это рухнуло въ ту страшную бездну, которая называется прошедшимъ.

Ректоръ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ и съ недовольной миной посмотрѣлъ на меня. На лицѣ его я вдругъ увидалъ печать величія. Мнѣ не нужно было читать высочайшаго приказа, чтобы догадаться, что въ городъ пріѣхало новое начальство. Ганской былъ теперь не болѣе, какъ ничтожная единица въ великомъ хаосѣ бытія.

— Что вамъ? спросилъ ректоръ свысока.

— Правда, что Давыдовъ арестованъ?

— Вопросъ вашъ, милостивый государь, меня удивляетъ. По какому праву вы приходите сюда съ такими вопросами? Не думаете ли вы требовать отчета отъ высшаго начальства?

— Обращеніе ваше, милостивый государь, замѣтилъ я: — меня тоже весьма удивляетъ, а потому, чтобы покончить съ взаимными удивленіями — мое почтеніе!

Я вѣжливо надѣлъ шляпу и удалился.

Всѣ мои визиты въ тотъ день были такъ же неудачны, какъ и этотъ. Къ кому я ни приходилъ — либо арестованъ, либо выѣхалъ изъ города. Отъ хозяйки Чарковскаго я узналъ, что она имѣетъ приказаніе тайно увѣдомить полицію, какъ только жилецъ ея вернется къ ней на квартиру.

Въ городѣ вдругъ распространилась паника. Недавніе вопли и демонстраціи уступили мѣсто глубочайшему

унынію. Подметныя письма и пасквили сыпались съ прежнимъ изобиліемъ, но уже никто не подбиралъ ихъ какъ манну, падавшую съ небесъ. Слухи объ арестахъ, настоящихъ арестахъ, а не прежнихъ при гимназіи, куда несчастныя матери присылали заключеннымъ фрукты и пироги, слухи эти вдругъ налегли, какъ гнётъ, на расходившіеся умы. Никто еще не зналъ, что Ганской удаленъ, что прислано уже другое начальство, но всѣ какъ-то чутьемъ догадывались объ этомъ. Всѣ присмирѣли, какъ дѣти, которымъ показали розгу.

Что только было между молодежью буйнаго и непокорнаго — все удалилось въ знаменитую деревню, гдѣ стояла рота Жарковскаго. Туда поѣхалъ и Ганской съ несчастной мыслью остановить демонстрацію и тѣмъ отнять у полиціи поводъ вмѣшаться въ это дѣло.

Около пяти часовъ по полудни на дворѣ у Ганскихъ дожидалась дорожная коляска, а въ комнатахъ происходила раздирающая сцена. Любовь Федоровна стояла совсѣмъ одѣтая, чтобы ѣхать; около нея я съ пледомъ и съ дорожной сумкой, а около насъ мамаша и вся родня, заклинавшая насъ не ѣздить. Любовь Федоровна какъ-то равнодушно слушала ихъ заклинанія и, казалось, ждала только, когда они кончатся. Съ ея стороны не было даже попытокъ противорѣчить имъ. Но когда мамаша, обманутая этимъ, вздумала отдать при-

казъ, чтобы отложили лошадей, она холодно отстранила ее:

— Извините, мамаша, но лошадей откладывать я не позволю. Я сейчасъ ѣду.

Мамаша непритворно расплакалась. Всѣ прочія ахали, какъ только могутъ ахать двѣнадцать женщинъ, когда на нихъ некому крикнуть. Мы вздохнули свободно только тогда, когда выѣхали за ворота и покатили по узкимъ, мрачнымъ, подвальнымъ улицамъ съ напиравшими массами домовъ. Внизу было темно, и только сверху тянулось полосой блѣдное, осеннее небо и опять свѣтила намъ та далекая планета, которая наканунѣ озаряла нашу пустую залу. Холодный, пронизывающій вѣтеръ, чувствительный уже и въ городѣ, за заставой вдругъ обратился въ цѣлый вихрь, и сердито шипѣлъ, и гнулъ, и крутилъ деревья, и гналъ облака, стремительно бѣжавшія, то нагонявшія, то обгонявшія другъ друга, и каждыя десять минутъ закрывавшія отъ насъ ту далекую планету, которая ужь столько тысячелѣтій такъ равнодушно свѣтитъ бѣдному, страдающему человѣчеству.

Лошади то звенѣли копытами по твердому грунту, то неслышно уходили ногой въ песокъ и дружно катили нашу тяжелую коляску. Казалось, что мы неслись вмѣстѣ съ вихремъ въ какую-то золотую, холодную даль. Облака ли бѣжали отъ насъ, мы ли бѣжали за ними, но только все неслось и мчалось при свистѣ вѣтра и часто наперерѣзъ ему. Другой такой ночи я не помню

въ моей жизни. Въ ней не было ничего ни грознаго, ни величественнаго, но что-то зловѣщее...

Всѣ 12 верстъ отъ города до имѣнія Ганскихъ мы пролетѣли стрѣлой. Тутъ мы остановились, чтобы распросить о дорогѣ. Рота Жарковскаго стояла дѣйствительно верстахъ въ шести; но къ ужасу своему мы узнали, что проѣхать туда на лошадяхъ невозможно.

— Съ версту еще проѣдете, а тутъ будетъ рѣчка. Сердита она теперь! Позавчерась еще паромъ унесло, а вчера мужикъ утонулъ.

— Такъ паромъ унесло?

— Унесло. Да вотъ дядя Степанъ видѣлъ, какъ его и уносило-то. Дядя Степанъ, скажи господамъ-то, какъ паромъ-то унесло...

— На чемъ же мы переѣдемъ?

— Переѣдете-то? да на чемъ! На лодкѣ можно переѣхать.

— А лошадей?

— Лошадей, это пустое дѣло! Лошадей бросьте. Пѣшкомъ ступайте.

— Да сколько-жь это верстъ? Пять верстъ пѣшкомъ идти?

— Воля Божья! замѣтили, вздохнувши, мужики.

— Вы не обо мнѣ ли безпокоитесь? спросила вдругъ Любовь Федоровна. — Пожалуйста, вы обо мнѣ не думайте. Поѣзжай къ перевозу! сказала она торопливо кучеру.

На перевозѣ мы вышли изъ экипажа. Около кру-

того берега качалась одинокая лодка. Тутъ же, на откосѣ, чернѣлся какой-то шалашъ. Кучеръ нашъ тѣмъ здоровымъ, далеко хватающимъ голосомъ, какой бываетъ только у мужиковъ, окликнулъ какого-то Матвѣя. Черезъ пять минутъ мы качались уже въ лодкѣ, грязной, зыбкой и мокрой до того, что женщина не могла ступить въ нее, не зачерпнувши полонъ башмакъ воды. Мужикъ съ соннымъ видомъ взмахнулъ волосами, а по берегу застучали копыта нашихъ лошадей, уѣзжавшихъ назадъ въ усадьбу.

Жутко какъ-то становилось среди этой непривѣтливой, вѣтряной ночи, съ обманчивымъ свѣтомъ и съ безпрестанно набѣгавшими тѣнями. Волны глухо ударялись въ лодку, и хлестали кругомъ, и бѣжали отъ насъ и за нами. Всякій разъ, какъ на мѣсяцъ наползали тучи, вода принимала грязно-свинцовый цвѣтъ; мѣсяцъ выплывалъ, и опять вода свѣтилась и съ глухимъ плескомъ катила свои засеребрившіяся волны.

Любовь Федоровна дрожала какъ въ лихорадкѣ, и я тщетно закутывалъ ее въ свой пледъ. Въ ней вдругъ проснулось все ея суевѣріе, и она шопотомъ сказала мнѣ, что эта ночь не предвѣщаетъ ничего добраго.

— Въ такія ночи злой духъ близокъ къ намъ. Неужели вы не чувствуете близость его?

Я ровно ничего не чувствовалъ, кромѣ того, что мнѣ холодно. Она вдругъ слабо вскрикнула:

— Видите вы эти тѣни? видите вы ихъ? Кто-нибудь долженъ нынче погибнуть!

Глаза ея вдругъ неестественно засвѣтились, и она съ ужасомъ схватила меня за руку. Перевозчикъ посмотрѣлъ на насъ.

— Много я такъ-то вчера господъ перевозилъ! замѣтилъ онъ наставительно.

— Куда же они ѣхали?

— Да все туда-жь, куда и вы. Охота, говорятъ, большая будетъ. На медвѣдя выходятъ.

И мужикъ вплоть до самаго ужь берега молча махалъ веслами и что-то только усмѣхался про-себя. Выходя изъ лодки, мы спросили, куда идти. Онъ показалъ намъ на виднѣвшійся вдали шпицъ колокольни.

— Ступай прямо на церковь.

И вотъ, подъ свистъ вѣтра и подъ дальній плескъ воды, мы шли по незнакомой намъ мѣстности. Сначала дорога бѣжала ровной полосой, потомъ пошла по косогорамъ и оврагамъ. Молча подвигались мы впередъ, а за нами, какъ гиганты, бѣжали наши тѣни, и вдругъ гдѣ-нибудь на поворотѣ обгоняли насъ и, внезапно выростая на глазахъ у насъ, спускались въ оврагъ или врѣзывались прямо въ кустарники, гдѣ и пропадали между другими тѣнями, тѣнями сердитыхъ и мощныхъ деревьевъ. Желтая листва трепетала, срывалась съ вѣтокъ и часто цѣлымъ облакомъ неслась передъ нами. А въ просвѣтѣ опять выглядывала эта далекая, далекая и холодная планета. «Что мнѣ до васъ? говорила она. Вотъ ужь много вѣковъ, какъ на мнѣ все мертво. Я

знаю только смерть; жизнь незнакома мнѣ.» И мертвымъ чѣмъ-то вѣяло отъ ея блѣдныхъ лучей.

Вотъ наконецъ и деревня! Когда избы ясно зачернѣлись передъ нами, спутница моя вдругъ остановилась.

— Что я найду тамъ?

Холодомъ пахнуло на меня отъ этого вопроса. Въ ея глазахъ свѣтился какой-то суевѣрный ужасъ. Я насильно почти увлекъ ее, чтобы не дать ей времени предаваться этимъ мыслямъ.

Долго ходили мы изъ избы въ избу, распрашивая о Ганскомъ, но нигдѣ ничего не могли узнать о немъ. Между тѣмъ еще въ усадьбѣ намъ сказали, что онъ пріѣхалъ наканунѣ.

— Гдѣ ротный дворъ?

Мнѣ указали. Это было на другомъ концѣ села, около самаго погоста. Надо было какъ-нибудь отдѣлаться отъ Любови Федоровны. Вести ее въ эту толпу буйной молодёжи и разгульныхъ кутилъ было невозможно. Всѣми неправдами я убѣдилъ ее подождать меня какіе-нибудь полчаса. Она, не раздѣваясь, сѣла на лавку, скрестила на груди руки и, закрывши глаза съ выраженіемъ какого-то тупаго отчаянія, обѣщала сидѣть тутъ, пока я не вернусь.

Я пошелъ къ погосту. На улицѣ мнѣ стали попадаться солдаты, отъ которыхъ я узналъ, что у Жарковскаго собралась компанія. Около избы, гдѣ онъ квартировалъ, горѣло нѣсколько плошекъ и стояло двѣ осѣд-

ланныя лошади. У воротъ стоялъ деньщикъ и, вглядываясь въ темноту, кого-то окликалъ.

— Левонтій, ты что ли?

— Я!

— Что-жь ты одинъ?

— Одного мать родила.

— О, чортъ! иди, господа дожидаются.

— Какъ она захрапитъ, братецъ ты мой! разсказывалъ кто-то на дворѣ. — Ка-а-акъ она захрапитъ! А онъ ее наотмашъ! а онъ ее наотмашъ!

Подойти близко къ окошкамъ незамѣченный я не могъ, и потому смотрѣлъ издали. Нѣсколько фигуръ, какъ тѣни, мелькали въ стеклахъ. Шумные голоса неяснымъ гуломъ доносились до меня. Вотъ кто-то махнулъ рукой; вотъ другой вскочилъ и что-то жестикулируетъ; вотъ одинъ схватилъ бутылку, а двое со смѣхомъ указываютъ на него. Занятый тѣмъ, что̀ происходило въ освѣщенной избѣ, я не обратилъ вниманія на другую избу, стоявшую рядомъ, гдѣ горѣлъ въ окнѣ одинъ только сальный огарокъ.

Скоро вышли оттуда какія-то двѣ фигуры и направились прямо къ лошадямъ. Я отступилъ въ тѣнь. Люди эти вполголоса о чемъ-то совѣщались, потомъ одинъ вскочилъ на лошадь и, сразу поднявши ее въ галопъ, поскакалъ по деревнѣ. Другой пошелъ къ воротамъ, и, какъ только попалъ въ освѣщенную полосу, я сразу узналъ въ немъ Чарковскаго. На немъ была какая-то

жидовская шляпа и япанча. Онъ явно скрывался подъ этимъ костюмомъ отъ полиціи.

Я ждалъ, что онъ войдетъ въ ворота; но онъ только поговорилъ съ деньщикомъ, похвалилъ лошадь, спросилъ, сколько она съѣстъ овса въ день, и отошелъ въ сторону. Прошло минутъ десять, а онъ все прохаживался, какъ часовой. По близости былъ сарай съ дровами; я спрятался за дрова и продолжалъ свои наблюденія.

Изъ избы вышелъ еще кто-то и подошелъ къ Чарковскому. Пошептавшись немного, они стали уже прохаживаться вдвоемъ. Разглядѣть эту вторую особу я уже не могъ, потому что они держались теперь въ тѣни.

Такъ прождалъ я, не помню сколько, но помню, что время это показалось мнѣ вѣчностью. На улицу вышли еще двое, но эти ужь не скрывались и громко разговаривали между собою. Скоро я узналъ и голоса ихъ: это былъ голосъ Ганского и Робуша.

— Вѣдь это странно! говорилъ Ганской: — какая тутъ революція! Они просто пьяны. Ваша революція, господа, кончится въ острогѣ. Вотъ она, ваша революція!

— Нѣтъ, Сергѣй Леонтьичъ! Я первый не пьянъ. Я понимаю, чтó я дѣлаю! Я сознаю! Можетъ быть, я и гибну. Можетъ быть!

— Не можетъ быть, а навѣрное, замѣтилъ печально Ганской.

Чарковскій съ своимъ товарищемъ о чемъ-то опять пошептались и подошли къ разговаривавшимъ. Это мнѣ

показалось подозрительнымъ. Я ощупалъ спрятанный въ боковомъ карманѣ пистолетъ и осторожно вышелъ изъ-за дровъ. Я видѣлъ, какъ всѣ четверо пошли по улицѣ, и сталъ издали слѣдить за ними. Слышать ихъ разговора я уже не могъ. На половинѣ деревни одинъ изъ компаніи отдѣлился и вернулся назадъ. Кто бы это могъ быть?

— Къ чертямъ! послышался мнѣ веселый голосъ. Проходи! Я стою не тутъ, у Жарковскаго!

Слѣдовательно это былъ Робушъ. Странныя опасенія тѣснились у меня въ душѣ. Я уже не соблюдалъ прежней осторожности и рѣшился идти ближе къ разговаривавшимъ. Голоса ихъ все явственнѣе слышались мнѣ.

— Изъ чего я вамъ буду желать зла? говорилъ Ганской. — Съ какой стати? Я считаю, что если человѣкъ меня не ограбилъ и не прибилъ, такъ онъ мнѣ другъ.

— Да, это хорошая философія, замѣтилъ голосъ, который я тотчасъ же узналъ.

Но куда же это они идутъ? Вмѣсто того, чтобы идти улицей, они свернули въ переулокъ и пошли огородами. Вдругъ въ глазахъ у меня блеснулъ огонь, раздался выстрѣлъ, другой; все потемнѣло передо мной, завертѣлось и понеслось съ такой быстротой, какъ никогда не неслись обгонявшія насъ давича облака. Я не помнилъ себя и бросился впередъ. Я тоже выстрѣлилъ, но не помню куда и зачѣмъ. Я сталъ ясно сознавать себя только тогда, когда меня схватили чьи-то сильныя руки. Но я самъ былъ силенъ, и съ бѣшенствомъ об-

хватилъ своего противника. Послѣ двухъ оборотовъ я взглянулъ ему въ глаза: я стоялъ лицомъ къ лицу съ Эдмундомъ. Минутъ пять по крайней мѣрѣ продолжалась наша борьба. Мы боролись, какъ на призъ, и призъ этотъ былъ самый драгоцѣнный для человѣка: его жизнь. Что дѣлалось рядомъ — я не видалъ, хотя и слышалъ какой-то странный шумъ. Наконецъ, мнѣ удалось какъ-то повалить Эдмунда; одной рукой придавивши его, другой я схватилъ брошенный на землю пистолетъ и ударомъ приклада ошеломилъ его. Тутъ только я сталъ видѣть, что дѣлается вокругъ: на встрѣчу намъ двигались какіе-то фонари, а въ двухъ шагахъ отъ меня лежалъ человѣкъ, и другой добивалъ его, какъ мнѣ показалось, палкою. Я не успѣлъ еще опомниться, какъ Эдмундъ вскочилъ, и вѣроятно бросился бы на меня опять, но при видѣ фонарей, и онъ, и его товарищъ пустились бѣжать. Въ одно почти мгновеніе они исчезли, и я остался одинъ съ лежавшимъ у ногъ моихъ Ганскимъ.

Съ фонарями прибѣжали на выстрѣлы мужики и два солдата. Я какъ можно короче разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло. На землѣ нашли брошенную Чарковскимъ палку съ свинцовымъ набалдашникомъ и два пистолета. Ганского перенесли въ избу. Былъ ли онъ убитъ или только раненъ — я не зналъ, но при взглядѣ на его посинѣвшія, искаженныя черты, я вздрогнулъ, и образъ той женщины, которую я оставилъ тамъ одну, съ смутной надеждой въ сердцѣ, пронесся предо мной.

Когда мы стали осматривать Ганского, то раны ни-

какой не нашли. Ни одинъ выстрѣлъ его не задѣлъ: онъ видимо оглушенъ былъ сзади какимъ-то тупымъ орудіемъ; этимъ же орудіемъ его били потомъ куда попало и бросили замертво, когда показались фонари. Еще немного, и съ жизнью было бы покончено. Но эта тонкая нить, которая, оставшись непорванною, еще крѣпко привязываетъ человѣка къ землѣ. Иногда одинъ только неизмѣримо тонкій волосокъ, и упорный врагъ смерти — природа уцѣпится за него и держитъ его, и долго еще не выпускаетъ его, пока тлѣется хоть одна искра.

Ганской скоро пришелъ въ себя; онъ узналъ меня и пытался разговаривать со мной. Человѣку могутъ очень быстро возвратиться утраченныя силы, но часто это возвращеніе бываетъ обманчиво. Совершенно почти лишенный физической силы, Ганской всегда жилъ головой и выработалъ въ себѣ ту силу духа, которую не сломитъ никакое страданіе и которая даже при разрушеніи организма долго еще поддерживается сильнѣйшимъ нервнымъ напряженіемъ. Такіе люди, какъ-бы на зло всему, пытаются иногда доказать, что духъ не зависитъ отъ тѣла. Но они и бываютъ наказаны за это. На нѣсколько минутъ имъ это и удается: въ нихъ зажигается какой-то новый огонь, все обновляется и жизнь бьетъ ключомъ; но пройдутъ эти минуты, и за обманчивымъ возбужденіемъ слѣдуетъ полнѣйшій упадокъ силъ. То же было теперь и съ Ганскимъ. На глазахъ моихъ онъ съ изумительной быстротой поправлялся отъ недавняго потрясенія. Черезъ два часа онъ могъ уже сидѣть на

лавкѣ. Сгоряча, онъ вообразилъ себя здоровымъ. Этимъ онъ обманулъ себя и меня.

Подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ я оставилъ его и пошелъ туда, гдѣ ждала меня Любовь Федоровна. Отворивши дверь въ избу, я увидѣлъ, что она спитъ на лавкѣ. Природа взяла свое и свалила эту измученную, давно уже не спавшую ни одной ночи какъ слѣдуетъ, эту больную душой женщину. Въ головахъ у нея былъ чей-то тулупъ, и спутавшіеся волосы, эти чудные золотые волосы, разбившимися прядями лежали на овчинѣ. Она дышала ровно и легко и, казалось, только теперь отдыхала отъ недавнихъ, бурныхъ дней своей жизни.

Когда я назвалъ ее по имени, она сейчасъ же открыла глаза. Сонъ былъ чуткій, тотъ сонъ, который знаютъ только больные, да люди, измученные постоянной тревогой.

— Что такое? Вы нашли его?

— Пойдемте. Я нашелъ его.

Молнія только могла быть быстрѣе ея, когда она спрятала волосы подъ платокъ и, вскочивши на ноги, на ходу уже набросила на себя пальто. По улицѣ мы не шли, а летѣли; только уже поднимаясь на крыльцо, она остановилась и прижалась къ стѣнѣ. Ее вдругъ охватило какое-то оцѣпенѣніе. Было ли то отъ страха или отъ радости—я не знаю, но она не могла двинуться дальше, и я почти силою втолкнулъ ее въ дверь.

Но тутъ, когда она увидала на лавкѣ своего мужа,

блѣднаго, съ измученнымъ лицомъ и съ закрытыми какъ-бы отъ легкой дремоты глазами — она забыла все. Она назвала его по имени и бросилась къ нему. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Когда онъ увидалъ жену, ни малѣйшаго колебанія я не замѣтилъ на его лицѣ. Онъ какъ-то сразу понялъ все. Онъ всталъ и протянулъ ей руки. Она зарыдыла, обняла его, и въ этомъ жаркомъ объятіи было забыто все ихъ прошлое; съ этой минуты началась для нихъ новая жизнь.

Я вышелъ на крыльцо и оставилъ ихъ однихъ. Я долго ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, прислушиваясь къ мертвой тишинѣ и отыскивая для себя наслажденіе въ этой тишинѣ. И все та же безучастная планета освѣщала мой путь, гоняя за мной по пятамъ мою длинную тѣнь.

Когда я вернулся опять, я засталъ Ганского все еще сидѣвшаго, но уже съ видимымъ усиліемъ. Она сидѣла теперь рядомъ съ нимъ, близко наклонивши къ нему свою голову; онъ держалъ ея руки въ своихъ, и всякій разъ, какъ до него долетали ея тихія слова, радостный огонь вспыхивалъ въ его глазахъ; но даже этотъ огонь не могъ поддержать быстро упадавшія силы.

Ночью съ нимъ сдѣлался бредъ, и къ утру онъ лежалъ безъ памяти. Какъ только навели паромъ, за нимъ прислали экипажъ и отвезли его въ усадьбу. Въ тотъ же день явилась изъ города полиція и арестовала всѣхъ до единаго человѣка, захваченныхъ у Жарковскаго.

Ганской поправился, но жилъ послѣ этого годъ толь-

ко съ небольшимъ. Ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, не былъ посвященъ въ тайну этой ночи и никто не зналъ причины болѣзни, отъ которой онъ угасалъ, хотя медленно, но безвозвратно. Она подточила его силы и незамѣтно для него самого сводила его въ могилу. Если онъ и догадывался объ этомъ, то жена ничего не подозрѣвала, и не было женщины, которая провела бы этотъ годъ счастливѣе, чѣмъ она. Запутанный отчасти въ дѣло о тайныхъ обществахъ, я выпутался не раньше, какъ мѣсяцевъ черезъ пять, и въ первые же свободные дни поѣхалъ къ Ганскимъ въ Петербургъ.

Они жили уединенно, ни у кого не бывая и никого не принимая у себя. По дѣлу N—скаго университета Ганской находился, не гласно, впрочемъ, подъ слѣдствіемъ, и уже потому самому всѣ его чуждались. Но если и прежде этотъ человѣкъ былъ равнодушенъ къ тому, что объ немъ говорятъ въ гостиныхъ, то теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Любовь Федоровна дала ему то, чего онъ столько лѣтъ напрасно искалъ въ своей жизни: она дала ему семейное счастіе. Такой горячей, безумной привязанности, на которую была способна эта женщина, я потомъ никогда не встрѣчалъ.

Свою молодость, свою красоту — она все отдала своему мужу и похоронила себя для другихъ. Жена одного изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, она ни разу не искусилась блеснуть въ обществѣ своими бриллiантами или своей красотой. Она сдѣлала больше въ силу своей безконечной любви къ одному человѣку: она отказалась отъ

своей вѣры въ княгиню и ея божественную секту. Въ ней вдругъ со всей силой проснулась привязанность къ земному счастію: отвѣдавши его разъ, она не нашла въ себѣ силы отказаться отъ него.

Что же сталось съ другими лицами?

Давыдовъ судился военнымъ судомъ за то, что эстафетой предупредилъ одну гимназію о пріѣздѣ чиновника слѣдственной коммисіи — и былъ на два года посаженъ въ крѣпость. Я слышалъ, что его свалила сначала сильнѣйшая нервная горячка, но потомъ онъ оправился, высидѣлъ свои два года, и куда дѣвался впослѣдствіи— я не знаю. Я потерялъ его изъ виду.

Сухотинъ былъ замѣшанъ и окончилъ жизнь въ Сибири, куда за нимъ уѣхала и жена.

Вороновъ тоже былъ замѣшанъ въ этой исторіи, но за чистосердечное признаніе, и за то, что мало смыслилъ въ ней, какъ-то выпутался.

Чарковскій, Эдмундъ и многіе другіе сидѣли въ крѣпости и были потомъ разосланы во внутреннія губерніи. Чарковскій погибъ впослѣдствіи въ польскомъ возстаніи 30-хъ годовъ.

Швейковскій былъ сдѣланъ попечителемъ учебнаго округа, только не нашего, а другого; но въ слѣдующее царствованіе навлекъ на себя чѣмъ-то немилость и былъ удаленъ.

Какъ-то разъ я встрѣтился на почтовой станціи съ тѣмъ самымъ господиномъ, который читалъ намъ когда-то проповѣдь англичанина Роберта. Я узналъ бы его изъ тысячи по сѣдымъ волосамъ и свѣтлымъ, блистающимъ глазамъ.

— Слышали вы, сказалъ онъ мнѣ между разговоромъ: — Ганской умеръ. Замѣчательная красавица у него жена. Говорятъ, она въ такомъ отчаяніи, что опасаются за ея разсудокъ.

Я молчалъ. Неужели и только? думалъ я. Неужели другой памяти не оставитъ по себѣ этотъ человѣкъ, кромѣ того, что у него была красавица жена?

— Онъ странный былъ господинъ, продолжалъ мой собесѣдникъ. — Между нами, онъ, говорятъ, сильно замѣшанъ былъ *въ этой исторіи*... вы знаете... Но чего не сдѣлаютъ связи и богатство! Другіе пострадали, но его не тронули пальцемъ...

Таково было общее мнѣніе о Ганскомъ. Лѣтъ пять послѣ его смерти, пока помнили его имя, говорили, что онъ одинъ вывернулся изъ исторіи, въ которой всѣ прочіе пострадали и въ которой онъ былъ виноватъ больше всѣхъ. Онъ умеръ съ репутаціей гасильника въ глазахъ однихъ, съ репутаціей измѣнника, потворствовавшаго врагамъ Россіи, въ глазахъ другихъ. Одно только существо вспоминало о немъ, какъ о добромъ человѣкѣ — и это существо былъ его старый хохолъ-камердинеръ.

Любовь Федоровну я больше не видалъ. Про нее ходили разные слухи — одни говорили, что она сдѣлалась проповѣдницей гдѣ-то въ Швейцаріи, другіе — что она сошлась опять съ княгиней и уѣхала съ ней на Кавказъ открывать зарю какого-то новаго свѣта.

КОНЕЦЪ.